

ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ
ПРИЗРАК
ПОТЕРЯННОГО
ОЗЕРА

серия

ГАЛЕРЕЯ МИСТИКИ

Призрак потерянного озера

“ДЕКОМ”   Нижний Новгород

“ИМА — пресс”   Москва

1993

ББК 84.7
П75

Перевод с английского
Художник М. Широков

П75 Призрак потерянного озера: Дельфина К. Лайонс; Флоренс Херд; Хью Уолпол — романы, повесть: Пер. с англ. — 1993. — 352 с.

Пестрое семейство Мак-Ларенов и приехавшая на летнюю работу студентка колледжа Эмили Пэймелл в романе "Призрак потерянного озера". Неразрешенный вопрос наследства причудливым образом сталкивает разные характеры. Что скрывается за высокомерным отчуждением Эрика, какая тайна связана с местными индейцами? Если появление призрака предвещает смерть, кто будет следующей жертвой?

Угрюмые руины крепостных стен окружают главную героиню "Поместья Вэйдов". Старинная тайна, смерть, романтическая любовь - седые камни неохотно рассказывают о своем прошлом.

П 4703010100 — 6
Д 05 (03) — 93

Редактор Г. Аванесова
Технический редактор М. Ильясова

Подписано в печать 17.06.93. Формат 84х108/32. Бумага газетная, книжно—журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.

Печ.л. 11. Тираж 100000 экз. Заказ 4124

Издательство "ДЕКОМ". Н.Новгород, ул. М.Горького — 107
Издательство "ИМА—пресс". Москва, ул. Кожевническая — 13

Отпечатано с готовых диапозитивов
ГИПП "НИЖПОЛИГРАФ". Н.Новгород, ул. Варварская — 32

© Составление.
"ИМА—пресс, 1993
© Оформление.
"ДЕКОМ", 1993

ISBN 5—80050—013—4

Дельфина К. Лайонс

**Призрак
Потерянного Озера**

«Phantom at Lost Lake» by Delphine C Lyons

© 1970 by Lancer Books, Inc

Printed in the U S A

© Перевод с английского Р Громовой, 1993

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хотя по расписанию время прибытия значилось пять часов, потрепанный поезд, использовавшийся только для местных рейсов, дотащился до станции, когда давно минуло шесть. Снаружи уже настолько стемнело, что я не могла прочесть названия станции и проехала бы мимо, если бы проводник не заглянул в мое купе и не сказал, что мы на станции Потерянное Озеро. Вспоминая об этом в последующие дни, я не раз жалела, что все же не пропустила эту станцию.

— Похоже, здесь потеряно не только озеро, — заметила я, вглядываясь в мутное окно, пока проводник выносил из купе мои вещи. — Я что-то не вижу ничего похожего на город.

— Да по правде говоря, никакого города и нет. Так себе — деревушка, там дальше по дороге. — Руки проводника были заняты, и он мотнул головой, указывая направление. — У вас, я вижу, полно вещей с собой? Не собираетесь же вы оставаться здесь долго? — В его голосе слышалось недоумение.

— Я здесь только на лето, — объяснила я. Проводник помог мне сойти на платформу и поставил вещи рядом. — Я получила работу у семьи Калхаунов. Может быть, вы их знаете?

— Работу, говорите? — Он взглянул на меня, как бы что-то взвешивая. — У Калхаунов? — Теперь его голос выражал явное сомнение. Я и сама, если честно, была не то чтобы в восторге от миссис Джойс Калхаун, хотя и надеялась, что мистер Калхаун окажется приятнее. Что касается детей — увы, здесь я не ждала ничего хорошего.

Итак, я стояла на платформе в окружении багажа. Я огляделась, но не увидела ничего, кроме какого-то навеса, который, очевидно, и был станцией. Если где-то за зарослями деревьев, сливающихся в сплошную массу

по мере удаления от слабых станционных огней, и была деревня, я все равно не могла ее разглядеть.

Когда я уезжала, в Нью-Йорке стояла жара, и я предполагала, конечно, что здесь должно быть прохладнее. Но ведь не настолько же! Поеживаясь, я заметила:

— Забавно, но, если едешь так далеко на север, почему-то кажется, что дни должны становиться длиннее, а не короче...

Я явно коснулась предмета тайной гордости здешних жителей.

— Ну, это еще не совсем Крайний Север! — ухватился за тему проводник. — Между нами и Полярным кругом лежит целая Канада. Довольно далеко отсюда до Страны Полярной Ночи.

Я подарила ему свою лучшую улыбку.

— Я знаю, что Новая Англия — это еще не край Полярной Ночи. Я просто говорила о широте. То есть нет — о долготе? Я их вечно путаю.

Обветренное лицо проводника расплылось в улыбке.

— Обычно в это время года темнеет не раньше восьми или девяти, — подтвердил он, — но сейчас надвигается буря, — между прочим, температура упала так за последние несколько часов, — поэтому и небо такое черное.

— Буря! — почти прошептала я.

Он кивнул.

— Я надеюсь, вы успеете добраться, куда вам надо, пока это не началось; заваруха, похоже, будет серьезной.

В этот момент раздался гудок к отправке поезда, и проводник поспешно вскочил на подножку.

— Ну, желаю удачи! — прокричал он мне, когда поезд начал медленно двигаться вдоль платформы. — Надеюсь, вас ждет машина!

— Я тоже надеюсь! — крикнула я в ответ. Поезд набирал скорость. — Если нет, придется взять такси.

«Постараюсь послать кого-нибудь за вами, мисс Пэймелл, — говорила мне миссис Калхаун, — но вы ведь знаете, как это бывает: в доме постоянно не хватает рук, у меня больные нервы, я совершенно измотана... Может случиться так, что послать будет некого. Если вас никто не будет ждать, просто возьмите такси, мы оплатим». Все это звучало несколько надуманно, но я не особенно

волновалась. Такси представлялись мне естественной принадлежностью любой станции, так же как и газетчики или носильщики. Это все были части нормальной окружающей среды.

— Такси! — проводник кричал изо всех сил. — Да оно здесь одно-единственное на всю округу! — Он крикнул еще что-то, но его голос утонул в стуке колес.

Возле станции не было видно никаких машин. Даже если здесь и правда только один автомобиль, куда же он подевался? Обычно такси собираются к прибытию поезда, разве не так? А этот поезд был здесь тоже единственным.

Вообще-то был еще один поезд, раньше, — по субботам и воскресеньям бывало два поезда вместо одного по будним дням, — но, независимо от того, во сколько был тот, другой, поезд, он все равно приехал и уехал уже много часов назад. В то утро, как мне сказали, на линии произошел несчастный случай. Из-за него-то и опоздал наш поезд. Я узнала об этом от проводника, заверившего меня, что происшествие это никак не связано с самим поездом. «Какой-то дурехе пришлось в голову спрыгнуть с поезда, когда тот проезжал через мост. Если человеку приспичило убивать себя, почему непременно на нашей линии?» — проворчал он.

Должно быть, он смутился того, как это прозвучало, потому что тут же начал объяснять, что женщина та была не из этих мест, что прежде он ее не видел, но выделил ее в набитом пассажирами поезде еще до того, как она так трагически оказалась в центре всеобщего внимания, потому что «она была такой молоденькой и очень милой. Совсем как вы». Тут я решила, что пора почитать журнал. Эти типы, с их отеческим отношением, на деле хуже всего.

Однако теперь, провожая глазами огни уходящего поезда, я почувствовала, что мне его немного не хватает. Я осмотрела все вокруг, надеясь, что водитель просто заснул где-нибудь, пока ждал поезд. С одной стороны станции имелась широкая открытая площадка, очень удобная для подъезда и парковки, но она тем не менее была пуста. Ни одной машины и вообще никого. Даже автоматы для конфет были пусты.

Тревога маленькой мышкой засновала у меня в голове.

И тут я увидала освещенную телефонную будку с другой стороны платформы. Значит, связь с цивилизацией еще не окончательно потеряна. Ликуя, я рванулась к этой будке, но только затем, чтобы прочесть табличку «Неисправно». Мышка превратилась в здоровенную крысу: страх сковал меня.

В этот зловещий момент вспышка молнии пробежала по небу, за ней последовал удар грома. Я понеслась в укрытие к навесу. Но после всего этого дождь так и не начался, и я почувствовала себя одураченной. Порывы ветра были сокрушительны, навес трещал, как будто мог обрушиться на меня в любую минуту. Ветер был настолько силен, что мог бы просто сдуть меня.

Завывания ветра вдруг сложились в слова:

— Это вы приехали из Нью-Йорка?

Человек шагнул из тени в круг, освещенный слабым станционным фонарем, — как будто вышел из потайной двери. Театральность появления усиливалась всем его обликом: облегающие брюки, свитер с высоким воротом, длинные волосы — все было совершенно черного цвета. И таким же было выражение его лица. Ростом он был немного выше среднего и почти хрупкого сложения, но почему-то производил впечатление человека необычайно сильного. Он, несомненно, не очень располагал к себе своим видом, но в тот момент я была рада увидеть кого угодно, будь он хоть самым графом Дракулой.

— Господи, какое счастье, что вы здесь! — Я шагнула к нему, протягивая руку для пожатия. Но тут же мне пришлось остудить свой пыл: он не пожелал ответить на мою улыбку и не сделал ни малейшего движения навстречу мне. — Я думала, все забыли обо мне, — жалобно закончила я.

— Теперь вы этого не думаете? — спросил он.

Я начинала понимать, почему проводник не захотел говорить о Калхаунах. Но я бодро продолжала:

— Вы представьте, я не знала, пришлют ли за мной машину или нет, а здесь не видно ни одного такси.

— В такую погоду Джо обычно сидит дома. Джо — это единственный владелец такси здесь, и у него бывают приступы, так сказать, независимости. — Он помолчал, потом нехотя продолжил: — Сожалею, что опоздал, но мы ждали вас с утренним поездом, и я приезжаю сюда

уже во второй раз. Даже третий — я был здесь около пяти, но поезда еще не было, и у меня нашлись дела в деревне.

— Но я же послала утром телеграмму — сообщить, что приеду вечерним поездом!

Он пожал плечами.

— Здесь не очень-то заботятся о доставке телеграмм. Или, может быть, кто-то другой взял ее и забыл мне сказать...

Ничего себе семья, подумалось мне. И кто, интересно, те «другие», о которых он говорит? Есть ли там кто, кроме Калхаунов и их детей? А может, он имел в виду слуг?

— Мне жаль, что я причинила столько беспокойства.

— Мне тоже жаль, но больше было некому, все испарились... как водится под конец рабочего дня, — горько констатировал он.

— Не представляю, что бы я делала, если бы вы не появились. — Я никак не могла остановиться. — Я уже успела испугаться. Довольно глупо, не правда ли?

Он опять помолчал, потом сказал:

— Не знаю. Может быть, это своего рода предчувствие.

Так. Кажется, мои подозрения насчет калхауновских детишек имели основание.

— А что, все настолько плохо? — уныло спросила я.

— Плохо? — Хотя он и старался сдерживать улыбку, было видно, что мои слова показались ему чрезвычайно забавными. — Я же просто предложил одно из возможных объяснений, — сказал он. — Вот что, поехали скорее, пока не полил дождь. Это все ваши вещи? — Он тяжело вздохнул. — Похоже, вы собираетесь остаться надолго. Вы, однако, очень уверены в своих... силах, не так ли?

Я в изумлении уставилась на него.

— Я поняла так, что работа будет на все лето, если я справлюсь.

— Вот именно, *если* справитесь. — Он взял мои сумки, и мы пошли вниз по тропинке через заросли. — Это очень большое *если*.

Я старалась не отставать от него.

— Ну зачем так мрачно. Конечно, у меня не слишком много опыта, но уверяю вас, я много повидала в жизни.

— Похоже на то, — согласился он.

Заросли кончились, и мы оказались на широкой асфальтовой дороге, где на обочине стояла огромная светлая машина. Отсюда были видны далекие огни, и я решила, что это, должно быть, и есть деревня.

Он закинул мои вещи на заднее сиденье.

— Если вы еще не догадались, я — Эрик Мак-Ларен.

Итак, это не мистер Калхаун. Я и сама подумала, что он слишком молод, чтобы быть мужем Джойс. Почему-то меня это обрадовало. Но кто он такой, этот Эрик Мак-Ларен? И почему он думает, что мне знакомо его имя?

— Меня зовут... — начала я было.

Но он меня перебил:

— Я отлично знаю, как вас зовут.

Он открыл дверцу машины. Он явно предполагал, что я сяду рядом с ним. Значит, он не шофер. Хотя может быть, что и шофер. Просто считает, что для гувернантки он вполне подходящая компания. Это, следовательно, то положение, которое мне предстоит занимать. В мои обязанности входило «присматривать за детьми», и это значило, что получать я буду меньше, чем постоянная гувернантка, но есть, например, за одним столом со всей семьей. Может быть, это и вызвало раздражение у Эрика Мак-Ларена.

А может быть, я вовсе и не буду садиться за стол с Калхаунами? Я мельком взглянула на красивый профиль Эрика Мак-Ларена и подумала, что не имею ничего против того, чтобы разделять трапезы с ним, если только он не будет так мрачен.

Но для шофера он был одет слишком необычно. Возможно, это какой-то родственник Калхаунов или студент вроде меня, которого наняли «помогать» на лето. Он мог бы быть уже студентом аспирантской школы. Выглядел он по крайней мере лет на пять старше меня. Ему, должно быть, сейчас двадцать шесть или двадцать семь. Я и сама перешла уже в аспирантуру, но степень бакалавра я получила совсем недавно.

— Вы где-нибудь учитесь? — осторожно поинтересовалась я.

Он запрокинул голову и рассмеялся. Впервые за все время его угрюмое лицо прояснилось, и я по-новому

увидела его. Только теперь я заметила, что глаза у него голубые — точнее, синие, как летнее небо, и имя Эрик больше не казалось мне таким неподходящим.

— Вы мне льстите. Я закончил школу — или нет, скорее, школа закончила меня — не год и не два назад.

— Я просто имела в виду... — Мои слова заглушил удар грома, после которого тотчас же разразился долгожданный ливень. — Надеюсь, нам не слишком далеко ехать, — нервно сказала я.

— Обычно около получаса езды. Но сегодня это займет раза в два больше времени — из-за погоды.

— Как полчаса? Мне сказали, что до вас можно добраться от деревни пешком.

— Разумеется, можно. Если вы твердо решили дойти, это можно сделать. Я полагаю, это займет у вас целый день. Но все же, если нет крайней нужды, я не рекомендую вам этого делать.

Он замолчал на некоторое время, следя за дорогой. Я не могла понять, что он может там увидеть. Сама я не видела ничего, кроме плотной пелены дождя. Сверкнула молния; казалось, это где-то совсем рядом. Потом оглушительно прогремело. Я старалась вести себя спокойно, но мой спутник, должно быть, почувствовал, что меня бьет дрожь. Он повернулся ко мне, и белые зубы сверкнули на оливково-смуглом лице. Он первый раз улыбнулся, глядя прямо на меня, и это меня смутило.

— Это всего лишь гром, а вы так испугались. Что же будет, когда... — спросил он, многозначительно понижая голос.

— Я вовсе не боюсь, — ответила я. — По крайней мере каких-то молний. Просто я устала и хочу есть. И что вы имеете в виду, когда говорите «что будет, когда»? Когда *что*?

— А то вы не знаете? — вкрадчиво спросил он.

— Не имею ни тени представления.

Он издал странный звук, нечто среднее между вздохом и фырканьем.

— Пожалуй, вам доведется повстречаться именно что с тенью. Да будет вам известно, у Потерянного Озера тоже есть свой призрак.

Я была скорее заинтригована, чем всерьез встревожена его словами.

— Я и не знала, что у озера может быть призрак. Всегда думала, они есть только у людей и животных. А что с ним случилось, с этим озером? Оно что — высохло? Или ушло в землю? Или как там обычно исчезают озера?

— С ним ничего не случилось. И оно никуда не исчезало. Наш дом стоит на самом берегу, из окна можно увидеть отражение. А его название, Потерянное, связано с одним поселком, который однажды взял и исчез отсюда. Это случилось давным-давно. Так рассказывается в одной индейской легенде. В этих местах обо всем есть свои легенды. — Он улыбнулся каким-то своим мыслям.

Я попыталась поддержать разговор.

— Никогда не слышала, что у индейцев были поселки. Или вы хотите сказать, что в индейской легенде говорится о поселке белых? О переселенцах или о чем-то в этом роде?

— Это все покрыто тайной, — ответил он. — Спросите лучше об этом Гаррисона. Он ходячее собрание местных преданий. Он, знаете ли, сам по крови немного индеец.

— Кто это — Гаррисон?

— Дворецкий. Вас, я вижу, не слишком хорошо проинструктировали.

— Проинструктировали?! — не понимая, повторила я.

— Ладно, ладно, я ничего не говорил. Будем играть по вашим правилам.

Играть по моим правилам? Я не могла ничего понять, но спрашивать его было без толку. Он не мог или не хотел ничего мне объяснить.

Значит, у них есть дворецкий. Однако положение дома, куда я еду, явно выше, чем я предполагала. Может быть, я здорово дала маху, согласившись на мизерную плату, предложенную миссис Калхаун? Но, с другой стороны, почему люди, у которых хватает средств на дворецкого, не могут нанять настоящего воспитателя своим детям?

Машину круто занесло, и я вскрикнула от неожиданности.

— В чем дело? — спросил Эрик. — Вы увидели Призрака?

— Бога ради, перестаньте. Я не кричу оттого, что

вижу привидение. То есть, я хочу сказать, я не вижу никаких привидений. Когда машину так швыряет, мне кажется, что мы вот-вот перевернемся.

— Вы попали прямо в точку: дорога нас не держит. Практически никто этой дорогой теперь не пользуется, кроме нас.

— В такую погоду ездить опасно! — выдохнула я.

— Разумеется, опасно. Но никак иначе нам не добраться.

— Слушайте, может быть, лучше остановиться и переждать, пока буря пройдет?

Он снова улыбнулся, и на этот раз его улыбка понравилась мне еще меньше.

— Буря навряд ли пройдет до утра. Не подумайте, что мне не кажется заманчивой перспектива провести всю ночь запертым в машине наедине с тобой, любовь моя,— просто я хочу избежать излишних кривотолков. Кроме того, нас ждут дома, и, если мы не появимся там в самом скором времени, за нами вышлют спасательную экспедицию.

Я отодвинулась к самому краю сиденья и больше не говорила с ним. Как он смеет так говорить со мной! Кто бы он ни был, миссис Калхаун станет об этом известно. Я лично ей расскажу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда машина остановилась, дождь все еще продолжал лить и я только мельком увидела дом издалека. А когда мы подъехали ближе, нельзя было различить ничего, кроме сплошной темной громады. Для «летнего домика», каким описывала его миссис Калхаун, это было очень неплохо.

К главному входу вела вереница невысоких ступеней. Лестница была без портика, и ничто не защищало ее от дождя. По крайней мере, пришло мне в голову, меня пускают не с черного хода. Я уже готовилась к прорыву через дождевой фронт, когда половинка двойных дверей приоткрылась и навстречу нам двинулся зонт громадных размеров.

— Гаррисон позаботится о вас, — сказал Эрик, перегибаясь через меня, чтобы открыть дверь.

Я выбралась наружу. Зонт приподнялся, и я увидела невысокого пожилого человека с печальным лицом. Трудно было представить себе кого-либо, меньше походящего на индейца, чем он. Глаза у него были голубые — цвета чистой воды, светлые и прозрачные, не как у Эрика, — и кожа была гораздо светлее.

— Сюда, мисс, — предупредительно сказал он, и, поспешно поднявшись по ступеням, мы оказались в огромном холле. Этот холл был высотой в два этажа и доходил до самой крыши, откуда через круглое застекленное отверстие должен был падать дневной свет. В общем, обстановка напоминала дворец. Однако даже теперь, при слабом свете, было видно, что обветшание уже коснулось всего. Я вспомнила, как миссис Калхаун говорила, что в «домике» не жили несколько лет. Наверное, этим и объясняется некоторая запущенность.

Широкая лестница, покрытая потертым узорчатым ковром, поднималась сначала вдоль правой стены, потом

поворачивала налево и шла вдоль задней. Там, на площадке, у меня появилось неприятное чувство, что кто-то наблюдает за мной, скрываясь в тени. Вдоль всех стен зала в верхней его части были сделаны решетчатые оконца с разноцветными витражами, через которые не проникало, впрочем, никакого света. Наверное, они выходили в какой-нибудь внутренний коридор или в комнаты. Одно окошко было приотворено, и я точно знала, что кто-то рассматривает меня с этой выигрышной позиции. Вообще все вокруг казалось, как говорится, исполненным глаз. Неужели здесь царит настолько невероятная скука, что даже столь незначительное событие, как приезд гувернантки, вызывает такой горячий интерес?

— Не могли бы вы подождать здесь минутку, мисс, — я схожу за вашими вещами. — В голосе Гаррисона слышался легкий упрек. Его выговор несколько отличался от распространенного в Новой Англии. Но все-таки даже голос его не звучал, как у индейцев. По крайней мере, как я представляла, он должен у них звучать.

Хоть я и не думала, что Гаррисон задержится дольше, чем на обещанную минуту, я тут же почувствовала себя очень одинокой и абсолютно беззащитной, стоя на дне этого огромного колодца. Я просто физически чувствовала на себе множество пристальных глаз, следящих за мной, как мне уже казалось, отовсюду. Но не было слышно ни звука, ни шороха, вообще никакого движения, пока дверь снова не заскрипела, открываясь, и в нее не протиснулся Гаррисон, сгибаясь под тяжестью моего багажа.

— Как видите, у нас не хватает людей. Впрочем, это не важно. Сейчас, я полагаю, вы хотите пойти прямо в вашу комнату и немного отдохнуть перед тем, как начать одеваться к обеду.

Мне вообще-то казалось, что сначала следует переговорить с моими работодателями, но, разумеется, Гаррисон лучше знал здешние порядки. Его последние слова заставили меня задуматься. Одеваться к обеду! Он что, имел в виду, что я должна надеть вечернее платье? Если да, то это катастрофа, потому что я не взяла с собой ничего такого. Я нисколько не сомневалась, что во время редких вечеринок в кругу ближайших соседей, которые

могут, конечно, произойти, я буду сидеть где-нибудь в доме вместе с детьми. А что касается семейных обедов, мне и голову не приходило, что в наши дни кто-то наряжается для подобных случаев.

Возможно, Гаррисон только хотел сказать, что я могу переодеться и привести себя в порядок. Я и сама намеревалась это сделать. После пятичасовой езды — мне пришлось сделать несколько пересадок за отсутствием прямой линии — я чувствовала себя совершенно разбитой. Ладно, я просто надену самое нарядное платье из тех, что у меня с собой. Если оно покажется недостаточно хорошим, я спущусь в кухню и поем вместе с прислугой. Я сознавала, что, поступи я так, здешние слуги скорее всего вскочили бы из-за стола и ушли бы с кухни. Они-то знали свое место, даже если я и не знала об этом.

Гаррисон начал подниматься вверх по лестнице с моим багажом. Он буквально сгибался под его тяжестью, но, когда я предложила свою помощь, на лице у него отразилось такое негодование, что я не настаивала и смиренно последовала за ним.

— По выходным горничные уходят рано, — объяснил Гаррисон. — Когда все они сразу уйдут, это да. Вы даже не рассчитывайте на приличное обслуживание в такие дни.

Мы поднялись на самый верх и свернули в широкий коридор, скупо освещенный светом, проникавшим через витражи, замеченные мной снизу. Гаррисон распахнул дверь, и я вошла в спальню, размерами только самую малость поменьше Центрального вокзала и почти такую же уютную. Впрочем, она была довольно чистой, и хотя мне пришлось бы здесь плохо, будь сейчас зима, но летом в такой комнате не будешь мучиться от духоты.

Я подошла к одному из небольших окон с глубокими нишами в толще стены в надежде разглядеть озеро, но не увидела ничего, кроме сплошной пелены дождя и темноты. Здесь ветер был слышен гораздо сильнее, чем внизу, что-то — должно быть, ставня — колотилось о стену дома.

— Замечательный вид при солнечном свете, — строго сказал Гаррисон. — По крайней мере так считают приезжие. Меня самого никогда не интересовали озера, — я не

имею в виду это озеро. Нежное и голубое у поверхности и угольно-черное в самом сердце своем... — Он перешел на более прозаический тон: — Обед ровно в восемь, минута в минуту. Мистер Мак-Ларен очень пунктуален в этом отношении.

— Мак-Ларен! — как эхо повторила я, когда дверь за Гаррисоном захлопнулась. Очевидно, Эрик здесь не только не слуга, он каким-то образом стоит во главе всего этого — чрезвычайно странного, по правде сказать, — хозяйства. Если только нет какого-нибудь Мак-Ларена-старшего... Но куда же тогда девать Калхаунов?

Наверняка все разъяснится за обедом. Так я размышляла, распаковывая вещи и вешая их в большой старый дубовый гардероб. У меня в запасе было довольно много времени, и я вошла в восхитительно горячую ванну. Это открытие — отдельная ванная в моей комнате — не могло меня не обрадовать. К тому времени, когда я спустилась вниз и в сопровождении Гаррисона вошла в большую столовую, все уже собрались. Гаррисон ничего мне не сказал, но в его взгляде я опять прочитала упрек.

Сначала мне показалось, что в комнате очень много народу, целая толпа. Но после первого замешательства я поняла, что там всего семь человек. Четверо мужчин встали, когда я вошла. Все они были в смокингах, дамы в вечерних платьях. Хотя этот дом знавал лучшие времена, о людях, живущих здесь, нельзя было сказать, что на них отразилась его изношенность. И я, в своем очень коротком крепдешиновом платьице, почувствовала себя полной провинциалкой — нет, даже больше: неотесанной деревенщиной.

Мельком я отметила, что Эрику очень идет вечерний костюм. Рядом с ним стоял еще один молодой человек, настолько похожий на Эрика, что я заключила, что это, должно быть, его брат. Эрик как-то сразу померк для меня в блеске великолепия своего родственника, более высокого и широкого в плечах, чем Эрик. Этот второй был старше, глаза у него были такие же синие, как у Эрика. Волосы, хоть и темные, но скорее русые, чем

черные, отливали красным цветом. Я подумала, что это самый красивый человек из всех, кого мне приходилось встречать.

И по-своему так же красив был старый человек величественного вида, очень высокий с огромной шевелюрой и роскошными усами, которые казались необычайно белыми на фоне его смуглого лица. Он вышел из-за стола и приветствовал меня.

— Дорогая моя, — он взял меня за обе руки, и глаза его засветились из-за стекол очков в металлической оправе, — не могу выразить, как я рад вас видеть. Я знаю, с вами в этот дом придет свежее дыхание жизни.

Тепло этой встречи изумило меня тем более, что все остальные смотрели на меня с нескрываемой враждебностью. Что делало ситуацию еще более необъяснимой, так это то, что все эти люди, за исключением Эрика, были мне абсолютно незнакомы. Хотя нет, это не совсем верно. Там была еще молодая женщина, высокая и эффектно красивая, которую я явно где-то уже видела.

— Но где же миссис Калхаун? — осведомилась я.

Недовольство на лице похожего на Эрика молодого человека сменилось изумлением.

— Калхаун? Вы имеете в виду Джойс Калхаун? Которая прежде была Джойс Фишер?

— Я кивнула — по крайней мере на первую часть его вопросов.

— А почему, собственно говоря, вы рассчитывали найти ее здесь?

Эрик, который тоже казался изумленным, открыл было рот, собираясь что-то сказать, но ничего не сказал. Мне показалось, он заподозрил что-то неладное. Но я все еще ничего не понимала.

— Она ведь живет здесь, разве нет?

В тишине, которая за этим последовала, были слышны только завывания ветра и шум дождя, очень далекие, приглушенные тяжелыми бархатными шторами. Похожий на Эрика молодой человек расхохотался.

— Пожалуй, было время, когда она на это рассчитывала, но теперь эти мысли уже давно похоронены. — Он раскатисто расхохотался снова, запрокинув голову от удовольствия.

— Бертран. — Голос старого человека присек смех молодого — как ножом отрезал. — Перестань, довольно.

Старик повернулся ко мне.

— Дорогая, мне очень жаль, но кажется, произошла какая-то ошибка.

— Мне тоже так кажется, — ответила я, стараясь придать голосу надлежащее сожаление. Но если честно, я не была огорчена. Я была безумно рада.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Это целиком и полностью моя ошибка, я должен был бы спросить, как вас зовут и все прочее, — сказал Эрик сокрушенно после того, как удалось немного разобраться во всей этой путанице. — Мне просто не пришло в голову, что из Нью-Йорка может приехать еще какая-то юная леди. Вы же одна сошли с поезда, больше там никого не было. — Он неожиданно вспылил. — Наверное, я был так взбешен из-за того, что пришлось тащиться туда дважды, что просто ни о чем не думал!

В нем произошла разительная перемена. Из почти что Дракулы он превратился в обычного, может быть, даже привлекательного молодого человека. С остальными случилось то же самое, и теперь вместо враждебно настроенных незнакомцев передо мной были участливые, добродушные люди. Только одна женщина, с орлиным профилем и слишком выпирающими ключицами, продолжала коситься на меня подозрительно.

— Это так похоже на тебя, Эрик. — Она очень тщательно выговаривала слова с явно бостонским произношением. — Просто взять и решить, что гувернантка Джойс — это дедушкина секретарша, и... — она сделала слабое движение рукой, — обмануться с ней, как с прекрасной сабинянкой.

— Я не педантичен в этих вопросах, Маргарет, — повернул Эрик, — но мне кажется, это произошло не с сабинянками. Более того...

— На самом деле я не настоящая гувернантка, — перебила я, стараясь выглядеть скорее педантом, чем снобом. — Я учусь в колледже, в аспирантской школе. А с миссис Калхаун я договорилась о работе на лето.

— Что же, тем больше повезло миссис Калхаун и тем меньше повезло мне. — Любезность старого джентльмена была несколько тяжеловатой. — Но я надеюсь, что моя секретарша окажется не менее очаровательной, чем вы. Не так ли, Маргарет?

Маргарет пробормотала что-то, что можно было истолковать как неопределенное согласие, и Бертран с Эриком оба рассмеялись. Эрик вдруг снова стал серьезен.

— Но тогда где же мисс Хайс? — спросил он. — Та женщина из агентства сказала, что она придет сегодня. — Он посмотрел на Бертрана, тот кивнул в ответ. — На станции никого больше не было.

На мгновение воцарилась полная тишина. Где-то за тяжелыми коричневыми шторами, закрывавшими окна, послышался раскат грома — далеко-далеко, как будто из другого мира. Я почувствовала чудесный запах, поднимающийся от стола, где на белоснежной скатерти на равном расстоянии друг от друга стояли большие белые тарелки на серебряных подставках. Меня охватило чувство какого-то отчуждения от происходящего. Отчаянно хотелось уехать отсюда, но я была не в силах нарушить молчание и попросить, чтобы кто-нибудь отвез меня по назначению. Голос меня не слушался.

Наконец Маргарет предположила:

— Может быть, ее отговорили?

На это последовал взрыв протестующих выкриков, из которых выделялся голос старого джентльмена.

— Я не понимаю, Маргарет, ради всего святого, откуда ты это взяла? Мисс Хайс получит хорошую плату, удобное жилье... ее обязанности нельзя назвать обременительными. Ради чего ей давать себя отговаривать? — Он сделал паузу. — Или ты считаешь, что я могу дать ей чересчур сложную работу?

Вопрос не был риторическим. Он ждал ответа, и все тоже ждали, даже я. Хотя меня это и не касалось. Скоро, очень скоро я буду сидеть в машине и ехать прочь отсюда и скорее всего никогда больше не увижу никого из них. Но мое любопытство не было удовлетворено.

Маргарет казалась растерянной.

— Ах, дедушка, ты забываешь, что это очень уединенное место. Молодая девушка, особенно свободная и привлекательная, чувствовала бы себя здесь похороненной. Ей было бы просто нечем заняться здесь в свободное время...

— Нечем? — передразнил ее Бертран. — Это в обществе-то двух развеселых холостяков вроде нас с Эриком? Да никакая девушка не упустит такой возможности.

Эрик поморщился от этих слов, и хотя на лице его деда не так легко было прочесть его чувства, мне показалось, что он испытывает ту же неловкость. Другая женщина, та, которая показалась мне очень красивой, засмеялась и сказала:

— Вероятно, никто не представил ей работу в этом свете.

Я не переставала удивляться, почему, хотя никто из них никогда не видел мисс Хайс, Маргарет была так уверена, что она привлекательна, — если только это не входило в условия получения работы. И еще я удивлялась тому, зачем понадобилось Бертрану сделать так, чтобы мне стало известно, что он свободен.

Полная добродушная женщина заговорила впервые за все время.

— Я не понимаю, из-за чего все эти споры, — сказала она приятным голосом. Ее произношение, к моему удивлению, было не только нью-йоркским, но однозначно напоминало Бруклин. — Люди сплошь и рядом пропускают поезда. Она объявится завтра утром.

— Не сообщив дяде об изменении в своих планах, Элис? — ворчливо спросил лысоватый человек с вандейковской бородкой. — Это же выглядит совершенно... неприемлемо. — Он говорил без акцента, но с какой-то странной интонацией, происхождение которой я затруднялась определить. Испанец? Нет, больше похож на француза. Так оно и было. — Возможно, следует позвонить в агентство и отказаться от ее услуг.

Он повернулся к Бертрану, но прежде, чем он успел что-то сказать, мистер Мак-Ларен холодно заметил:

— Это уж я буду решать, Луи.

— Конечно ты, — подтвердила Элис. — К тому же я готова поклясться, что в этот самый момент телеграмма лежит на почте. Вы же знаете, что Кларенс не передает их по телефону, если у него есть возможность послать своего сынишку, чтобы получить чаевые. Вероятно, он только ждет, когда кончится буря, чтобы прислать телеграмму сюда. А теперь, пожалуйста, скажите Гаррисону, что пора обедать.

— Элис, Элис, ты всегда такая чувствительная, — заметил мистер Мак-Ларен. — Вы, разумеется, присоединитесь к нам, мисс. Я боюсь, что во всей этой суете мы так и не спросили вашего имени.

— Пэймелл, Эмили Пэймелл. С вашей стороны очень любезно пригласить меня к столу. Но, честно говоря, я не могу остаться. Я же должна еще добратся до Калхаунов, а это неблизко. Кроме того, — прибавила я, стараясь не смотреть на блестящее серебро, на китайский фаянс, на хрустальные бокалы, наполненные вином, — кроме того, не можете же вы сажать за стол всякого, кто забредет сюда ночью. Я не хочу обременять вас.

Мои слова рассмешили Бертрана.

— Если бы вы только знали, как мало народу забредает в эти места по ночам.

Однако на мистера Мак-Ларена мои слова подействовали по-другому.

— Обременять нас! Мисс Пэймелл, мы так виноваты перед вами, что будем только очень рады, если вы с нами пообедаете. Это хоть как-то смягчит нашу вину.

— Это было простое недоразумение. Со всяким может случиться.

— Не забывайте, что, когда вы доберетесь до Калхаунов, будет уже слишком поздно, чтобы обедать. Вы же не захотите, чтобы ради вас одной собирали на стол? Я уверен, нет.

— Да им это и в голову не придет. — Слова Бертрана совпали с моими мыслями. Он подошел и подвел меня к пустому стулу рядом с его собственным. — Теперь садитесь, и мы наконец сможем поесть.

Он заставил меня сесть и налил мне вина. Я уже собралась приступить к еде, нехотя, но в то же время как следует проголодавшись, перед тем как отправиться по назначению.

Но Эрик все испортил.

— Что вы издеваетесь над ней? — резко спросил он. — Все в конце концов не так уж и плохо. Мы же не законченные людоеды.

— Разве? — Брови Бертрана взлетели вверх, как темные крылья. — Берусь утверждать, что мы ей представляемся именно такими.

— Не будь идиотом, Берт. Мисс Пэймелл, вам придется смириться с тем, что сегодня вы уже никуда не поедете.

— Я, я ничего не понимаю,— промямлила я.

— Слушайте все! — Эрик вскочил и театральным жестом откинул тяжелую бархатную штору. Молния сверкнула как будто прямо в комнате. От удара грома задрожали тарелки на столе и заметались язычки свечей. Мне показалось, что такого громкого ветра и дождя я никогда прежде не слышала.

— Эрик, прекрати! — недовольно сказала Маргарет. — Ты же подожжешь дом. Мы и так знаем, что там буря, и нет никакой необходимости тащить ее в комнату.

Эрик опустил занавеску. Вошел Гаррисон, неся в руках серебряную супницу с чем-то очень аппетитным.

— Было очень непросто добраться сюда со станции. А сейчас стало только хуже. Было бы неразумно снова пускаться на машине в это месиво.

— Но я не могу остаться здесь на ночь!

— Поему нет! Что тут такого? Я отвезу вас утром. Здесь полно комнат. А если,— губы Эрика искривились в улыбке,— если вы просто заботитесь о приличиях, то здесь достаточно компаньонов для вас.

— Но я не могу! — почти крикнула я. — Я хочу сказать, миссис Калхаун будет обо мне беспокоиться, гадать, что со мной случилось,— прибавила я, понимая, что для девушки с хорошими манерами я веду себя слишком резко. — Она же может даже... может, скажем, позвонить в полицию.

На это Бертран с Эриком расхохотались, и даже Луи снизошел до улыбки.

Элис взялась за ложку.

— Мисс Пэймелл, вам не кажется, что вы слегка преувеличиваете? Зачем ей так поступать только из-за того, что ее служащая до сих пор не объявилась? Мы же не звоним в полицию из-за того, что не приехала мисс Хайс?

— Может быть, мисс Пэймелл считает, что мы должны были бы это сделать,— заметил мистер Мак-Ларен.

— Ой, дядя Дональд! — воскликнула Элис. — Не может же она быть *настолько* глупой!

— Не нужно так волноваться,— посоветовал Бер-

тран, вкладывая в мои пальцы ножку бокала с вином и поднимая его к моим губам. — Воспринимайте это как приключение, расслабьтесь и наслаждайтесь. Будет что рассказать подружкам, когда вернетесь в школу.

Как будто бы я все еще школьница!

— Я не могу этим наслаждаться. Я хочу сказать, что не знаю вас, а вы не знаете меня и что Калхауны меня ждут!

Смуглое лицо Эрика снова стало непроницаемым и враждебным, синие глаза смотрели на меня с ледяным презрением.

— Может быть, вы рассчитываете, что я поеду под дождем и ветром, чтобы — пусть хоть с риском для жизни — доставить вас к расстроенной Джойс Калхаун? Или, может, вы думаете, что мы одолжим вам — человеку совершенно чужому, как вы сами заметили, — одну из наших машин?

— Нет, конечно, — тихо ответила я, — но я просто хотела бы дать знать Калхаунам... об этом недоразумении, если можно так сказать.

— Вы что, собираетесь отправиться туда пешком? Я начинала злиться.

— Для этого, — сообщила я, — существует телефон.

— Я боялся, что вы вспомните об этом. — Он вздохнул. — Ну хорошо, я сейчас позвоню, и покончим с этим.

— Но почему вы? Это я должна позвонить ей. — Я сделала движение, чтобы встать, но сидевшая рядом красавица протянула руку, удерживая меня. Это был очень театральный жест. Все-таки, где же я видела ее?

— Нет, мисс Пэймелл, пусть уж он примет на себя шквал негодования Джойс, — сказала она чарующим голосом, в котором угадывались те же интонации, что и у бородача. Эрик вышел из комнаты, и она добавила: — Все произошло по его вине, и он вправе за это немного пострадать.

Мной завладели очень неприятные мысли, особенно когда я вспомнила свое первое впечатление о будущей хозяйке.

— Вы говорите так, словно миссис Калхаун...

— Настоящее чудовище, определение подходит. — Это слово красавица произнесла на французский манер.

Я погрузила ложку в тарелку с супом. На вкус суп был довольно приятный, но очень напоминал концентрат. Ладно, компания, которая повсюду их рекламирует, уверяет, что делает свои супы из натуральных продуктов. Будем надеяться, что это так.

— Когда мы были детьми, Фишеры обычно приезжали сюда на лето, — пояснила она. — Они в некотором смысле наши дальние родственники.

— Никакие они не родственники! — взорвался Бертран.

Я взглянула на мистера Мак-Ларена, ожидая, что он внесет ясность в этот вопрос, но он, казалось, был целиком поглощен своим супом.

— По-моему, дом Фишеров — это и есть тот, где теперь живет Джойс со своим мужем, — продолжала красавица. — И мы тоже всегда проводили лето здесь, ну и, естественно, часто виделись, хотя бы и ненамеренно. Здесь очень небольшой круг общения. — Она многозначительно сверкнула глазами на Бертрана. — С Бертраном она виделась, конечно, больше... и не только летом, как я понимаю.

— Да, я встречался с ней, ну и что с того, — отрезал Бертран. — Я со многими встречался. И надеюсь, это еще не конец.

— Конечно, Бертран, успокойся, — вмешался бородач. — Рене просто валяет дурака. — Бородач посмотрел на нее с осуждением. Это сбilo меня с толку, потому что я предполагала, что Элис — его жена.

— Все вы валяете дурака, — сказал старик, явно стараясь придать словам вид шутки. — Мисс Пэймелл, должно быть, находит очень забавным, что взрослые здесь ведут себя совсем как дети.

— Честно говоря, мне это кажется сомнительным, — усмехнулся Бертран. — Гаррисон убрал суп. Наверное, я сделала движение, чтобы остановить его, потому что, повернувшись ко мне, Бертран сказал:

— Не беспокойтесь за Эрика, он не ест суп. Если бы речь шла о Луи, тогда другое дело. Если его лишить супа, он этого просто не переживет.

— Какую чушь ты несешь, Бертран, — хмурясь, ответил Луи, — ты все время несешь страшную чушь.

Рене засмеялась.

— Бедняжка мисс Пэймелл, у вас такой растерянный вид! Вы ведь даже не знаете, кто из нас кто?

— Господи боже мой! — воскликнул старик. — Вы должны были подумать, что мы совершенно не умеем вести себя. Позвольте представить вам своих родственников, мисс Пэймелл. Это мой племянник, Луи Эспадон, он представитель канадской ветви нашей семьи.

Бородач привстал, поклонился и одарил меня ослепительной улыбкой.

— В данное время я живу в Нью-Йорке, — сообщил он, — в доме жены.

Все окончательно встало на свои места, когда мистер Мак-Ларен представил красавицу Рене как сестру Луи. Я могла бы догадаться по сходству произношения. Маргарет звалась миссис Дюрхам. Только Бертран и Эрик носили фамилию Мак-Ларен, и я уже чувствовала, что это давало им некоторые преимущества перед остальными, отношение старика к которым не было равным.

Эрик вернулся, когда Гаррисон внес новое блюдо, настолько напоминавшее готовый мороженный *boeuf à la bourguignon**, что не было никаких сомнений, что это и был он. Ясно, что задача миссис Гаррисон на кухне состоит скорее в том, чтобы разогревать, чем готовить.

Лицо Эрика было чрезвычайно мрачно.

— Боюсь, что дело плохо. Мы зря наговаривали на Кларенса. Телефон полетел. Сейчас лучше всего приготовить керосиновые лампы — на случай, если электричество тоже вырубится.

— Господи, опять! — воскликнула Маргарет. — Третий раз за последние две недели! Стоит только подуть какому-нибудь... ветерку, как все выходит из строя. А если Джорджу понадобится мне позвонить? Если, не дай бог, что-то случится с детьми?

— Надо было взять их с собой, — сказал ей дед. — Я же пригласил всех членов семьи. Даже Джорджа, — добавил он после паузы достаточно большой, чтобы пренебрежение стало ясно.

Маргарет предпочла не заметить этого.

---

* Бифштекс по-бургундски (фр.).

— Мисс Маркхам — вы знаете, это их няня, — уволилась бы, если бы я стала пытаться затащить ее сюда. Я просто завидую, что Джойс так повезло и она нашла вас, мисс Пэймелл. Я уверена, вы настоящее сокровище.

Элис посмотрела на нее с неудовольствием, но Эрик улыбнулся.

— Если когда-нибудь, мисс Пэймелл, вы пожалеете о том, что согласились работать у Джойс Калхаун, утешайте себя мыслью, что вам не пришлось работать у Маргарет.

Бертран поднял бокал и молча присоединился к этому тосту, Маргарет прошипела что-то сквозь зубы, потом повернулась к мистеру Мак-Ларену.

— Дедушка, я не понимаю, зачем ты предпочитаешь сидеть в этом богом забытом месте, когда можешь жить где только захочешь!

Снова зависла зловещая пауза, одна из тех, которые уже представлялись мне частью этого странного дома. Все перестали есть и не отрываясь смотрели на старика с надеждой и испугом.

— Твое замечание, Маргарет, не страдает излишней деликатностью, — сказал он наконец, — как, впрочем, и все, что ты говоришь. Наш род жил здесь всегда, и, если на то воля Господня, навсегда останется здесь.

Все возвратились на свои места. На лице Луи читалось легкое недовольство. Мистер Мак-Ларен улыбнулся мне.

— Наш род — один из старейших в Америке. — Было видно, что ему приятно об этом говорить. — Если проследить его до конца по материнской линии, может быть, даже самый старый.

А как же индейцы, подумала я. Пожалуй, их родословные все же древнее. Но вслух я этого, разумеется, не сказала. В конце концов, я была в гостях, хотя бы и не по своей воле, и надо было оставаться в рамках этой роли.

— На протяжении многих лет дом, конечно, перестраивали, — продолжал старик счастливым голосом, явно обрадованный присутствием свежего слушателя, — но первоначальное здание было старым еще до начала

войны за независимость. Тогда многие члены семьи, стоявшие за тори, эмигрировали в Канаду. Однако другие остались и сражались на стороне революционеров, и так нам удалось сохранить свой дом и большую часть земель в качестве вознаграждения.

— Так вы, пожалуй, решите, что Мак-Ларены прославились тем, что всегда делали ставку на обе стороны сразу, — вставил Бертран.

Смерив его ледяным взглядом, мистер Мак-Ларен продолжал:

— Многие из эмигрантов вернулись назад в начале девятнадцатого столетия и вновь поселились здесь. Но некоторые так и остались в Канаде и смешались с местными жителями. Эспадоны в меньшей степени француза, чем вы, наверное, подумали, поскольку Блэйды — это одна из ветвей рода Мак-Ларенов, некоторые даже считают, что это старшая ветвь, хотя, поскольку они первыми уехали в Канаду, это вопрос скорее теоретический.

В темной бороде Луи Эспадона сверкнула улыбка. Улыбаясь, он становился почти так же хорош, как его младшие красивые кузены.

— Я думаю, вы теперь удивляетесь, как это дядя Дональд представил нас с Рене как своих племянников, когда мы, наверное, гораздо более дальние родственники. Но это по отцовской линии. У нас случаются браки внутри рода. Наша мать приходилась дочерью сестры дяди Дональда, так что мы вдвойне его родственники.

— Но вы не Мак-Ларены, — заметила Маргарет. — Так что по большому счету это вам ничего не дает.

— Неужели ты наконец сдалась, Маргарет? — поинтересовался Бертран.

— Если вы оба все время здесь торчите, — ответила она, — значит, вы на пути к финишу.

Брови старика поползли вверх.

— К какому финишу, Маргарет? Что здесь, гонки? И какой же, по-твоему, должен быть приз? Ты все еще надеешься, что тебе удастся заполучить сокровища?

Маргарет ничего не ответила, уткнувшись в свою тарелку, в то время как Элис печально качала головой, словно в отчаянии от бестактности молодой женщины, которая и впрямь была беспредельной.

После этого продолжалась легкая беседа, а я раз-

мышляла о том, что, к моему полному изумлению, оба молодых человека живут здесь постоянно со своим дедом. Провести лето в этом безлюдном месте — и то представлялось мне трудным, но жить здесь круглый год — этой участи нельзя окупить никакими деньгами (именно так я поняла слова о «сокровищах»). Не похоже, чтобы эти ребята — в семье Бертрана и Эрика явно воспринимали как мальчишек — были склонны к уединению. Позже из разговора я поняла, что Бертран здесь скорее числится и большую часть времени проводит в своей квартире на Манхэттене, поскольку по роду занятий — он был музыкант — ему это было необходимо, и его деду было нечего на это возразить. Но Эрик действительно в основном жил и работал здесь, у озера. Он был живописцем, о чем и сообщил мне.

— Под «живописцем» он, конечно же, подразумевает художника, — язвительно прокомментировала Маргарет. — Маляром его действительно не назовешь. Да вы и сами видите, что ни один маляр не появлялся в этих местах со времен войны с индейцами.

— Маргарет, — обратился к ней дед, — если тебе здесь так не нравится, ты вольна уехать в любую минуту.

— Я не желаю, чтобы ущемлялись мои права! — огрызнулась она.

— Права! Нет у тебя никаких прав. Однако... (Маргарет снова открыла рот) не отложить ли нам обсуждение семейных проблем до более подходящего случая?

Тут все посмотрели на меня. Я почувствовала себя совершенно лишней. Если они не переменят тему, я не выдержу.

— Вы знаете, — обратилась я к Рене, — у меня такое чувство, что я вас где-то видела раньше.

На ее лице заиграла восторженная улыбка.

— Ну не чудесно ли это! Я, конечно, пользуюсь некоторой известностью в Канаде, но в Штатах я всего несколько раз появлялась на телеэкране. Вот уж не думала, что меня будут узнавать за пределами Канады!

— Не обольщайся, Рене, — вмешался Бертран. — Она только сказала, что ты ей кого-то напоминаешь. А если бы спросили об этом меня, я сказал бы, что гораздо вероятнее, она видела тебя...

— Бертран!!! — прямо взвизгнула Рене. — Предупреждаю, что если дело дойдет до всяких небылиц!..

Мистер Мак-Ларен сдвинул брови.

— Но где же, по-твоему, могла видеть ее мисс Пэймелл? — Никто не ответил. — Тайны, все тайны, — сокрушаясь, вздохнул он. Затем, поймав взгляд старшего внука, снова спросил: — Бертран, так что же ты собирался сказать, когда Рене тебя перебила?

Глаза Рене сверлили ее кузена с почти что звериной ненавистью. Бертран, казалось, впервые за все это время потерял уверенность в себе.

— Вы могли видеть ее на образовательном канале, в тех старых фильмах, которые Си-би-си крутила прошлым летом. Помните? — обратился он ко мне.

Я не припоминала, чтобы мне приходилось видеть хоть какие-нибудь программы этой канадской компании на тринадцатом канале, но ответила, что это вполне возможно. Все вздохнули с облегчением, за исключением мистера Мак-Ларена, который казался еще более удивленным. Он сказал, что не находит ничего страшного в том, чтобы быть увиденной на образовательном канале. Я тоже этого не находила. Но тогда о чем же хотел сперва сказать Бертран? Разве только, что Рене с ее идеальной внешностью манекенщицы могла выступать в каком-нибудь секс-шоу? Но чего ради он решил, что я хожу на подобные представления? Да, мистер Мак-Ларен прав. Здесь точно какая-то тайна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

После обеда мы перешли для кофе в другую комнату, увешанную картинами. Это была, что называется, «стильная» комната, хотя ее оформление и нельзя было отнести к какой-то определенной эпохе. Если бы кто-нибудь задался целью собрать все эти предметы в наши дни, это могло бы стоить ему целого состояния. Но здесь было очевидно, что вся эта массивная мебель, потертые персидские ковры, полотна, потемневшие от времени, скопились тут не оттого, что их очень ценят, а просто потому, что до них никому особенно нет дела.

Не то чтобы здесь чувствовалась заброшенность. Здесь было достаточно чисто. Но дому, если можно так выразиться, не хватало блеска. Цветы в хрустальных и фарфоровых вазах были тронуты увяданием, и их лепестки потемнели. Шторы были изношенными. Если бы это был только летний дом, понять такое отношение было бы можно. Но мистер Мак-Ларен ясно сказал, что это «семейное гнездо». Может, он скряга? Или он вовсе не богат, а только поддерживает внешнее впечатление?

Мы расселись, и я отказалась от предложенного Бертраном бренди. Мистер Мак-Ларен улыбнулся мне.

— Итак, мисс Эмили, вы теперь все о нас знаете. Теперь вы должны рассказать нам о себе. Вы говорили, что учитесь в аспирантской школе. Это похвально. Я искренне верю, что молодой женщине нужно иметь хорошее образование. Где вы учитесь и что изучаете?

— В университете Ван Кортландта, — я старалась не обращать внимания на его покровительственный тон. — Изучаю историю. Средневековую историю.

Мне никогда не нравилось рассказывать об этом, потому что звучало это как-то уж очень несовременно. И к тому же — как бы это сказать — претенциозно, словно я строила из себя глубокого ученого, хотя в действительности я даже не предполагала сначала, что буду

продолжать образование, и попала в университет практически случайно. Просто была возможность получить стипендию, и мама сказала, что будет обидно, если деньги пропадут. Если бы я не взяла эту стипендию, ее все равно никто другой бы не получил, потому что из всех Пэймеллов только я подходила по возрасту.

В прошлом веке предок Пэймеллов, бывший одним из основателей университета Ван Кортландта, учредил стипендию в аспирантской школе для одного из своих потомков в каждом поколении. Я не была прямым потомком, но по воле случая стипендия досталась мне. Никто из моих кузенов не пожелал постигать науки. Я выбрала средневековую историю, потому что в колледже история шла у меня лучше всего. Мне это представлялось довольно заманчивым: влюбленные рыцари и все такое... Но, как нарочно, все курсы тяготели к изнаночной стороне жизни Темных веков, представлявшихся мне и правда чрезвычайно темными. Стипендии, которая во времена Глеба Пэймелла представляла собой очень значительную сумму, теперь едва хватало на карманные расходы. Родители помогали, насколько могли, но доходы у них были очень средние. К тому же в семь подрастало еще двое детей, и надо было заранее позаботиться об их образовании. Поэтому весь год я искала работу, где только могла, — смотрела за детьми, временно устраивалась секретаршей, выполняла черную работу в самой школе. Хотя сидеть с детьми значилось в самом низу моей шкалы предпочтений, я была бы рада получить на лето эту работу. Мне не хотелось оставаться в городе. При моих доходах сотни две-три долларов мне бы весьмагодились. Это скрасило бы мой осенний семестр.

Как я уже сказала, известие о том, чем я занимаюсь, воспринималось всегда неверно. Хотя я надеюсь, что по крайней мере вид у меня не совсем средневековый. Но в этот раз реакция получилась просто ни на что не похожей. Мгновение — и снова на всех лицах написана ненависть (снова за исключением старика). Только теперь все было еще хуже. У них был такой вид, словно я сумела обвести их вокруг пальца.

— История средневековья! — повторил мистер Мак-Ларен. — Надо же, какое совпадение! Ведь я тоже этим занимаюсь, — он улыбнулся мне. Я была немного удивлена. По нему можно было скорее предположить, что он занимается ранней историей Америки. В то же самое время я начала понимать причину всеобщего недовольства и почувствовала облегчение, когда Маргарет заговорила об этом открыто.

— Мне бы хотелось выяснить многое. Например: что что, действительно совпадение? На мой взгляд, что-то уж слишком удачное.

Ее кузены впервые были полностью согласны с ней.

— Ну конечно же, это совпадение! — нетерпеливо возмущался мистер Мак-Ларен. — А что это может быть еще? Продуманный план? — Он рассмеялся, но никто его не поддержал. — Вы все просто помешаны, — он взглядел своих родственников. — Несомненное помешательство. Это от внутриродовых браков. Отец говорил, что рано или поздно это должно проявиться.

Я попыталась сменить тему и перейти к чему-нибудь более соответствующему послеобеденной болтовне.

— Вы преподавали историю? — спросила я старика. Он открыл рот, чтобы ответить, но общий смех перебил его.

— Представляю, как дядюшка преподает! — фыркнула Рене. — Про все что угодно!

— В конце концов, это очень уважаемая профессия, — заметил ее брат.

Обстановка, похоже, разрядилась. Пристально поглядев на меня, Элис сказала:

— Конечно, совпадение довольно странное, но на что мог рассчитывать человек со стороны, в распоряжении которого было бы так мало времени? И не строй мне гримас, Бертран. К тому же как она могла рассчитывать пробраться сюда без помощи Эрика?

Все глаза обратились к Эрику. Он пожал плечами.

— Я просто нашел ее на платформе и доставил сюда. Я припоминаю, мне показалось, что она не слишком представляет, куда едет. Так что, может быть, она и говорит правду. Сомнение толкуется в пользу обвиняемого.

Я больше не могла делать вид, что все в порядке,

как если бы все кому не лень не обсуждают меня прямо в моем присутствии.

— Вы что, принимаете меня за... за взломщика или вроде того? — не выдержала я. — А если да, то почему взломщик непременно должен быть знаком с историей средневековья?

— Не то чтобы непременно, — пробормотал Бертран, — но это бы ему весьма пригодилося.

— Ну все, хватит! — взорвался старик. Затем обернулся ко мне: — Не обращайтесь на них внимания, мисс Пэймелл. Я и сам впервые вижу их в таком состоянии. У меня есть целая теория на этот счет — во время грозы в воздухе скапливается электричество и, возможно, именно это заставляет их вести себя так неприлично.

Маргарет хихикнула.

— У дедушки полно разнообразных теорий обо всем, что только есть на свете. Вы должны непременно ознакомиться с ними — они бесподобны!

Мистер Мак-Ларен запнулся, но тут же продолжил, по-прежнему обращаясь ко мне:

— Что касается преподавательской деятельности, то профессия эта, как совершенно справедливо заметил Луи, очень почтенная. Только я подозреваю, что никогда не имел склонностей к тому, что называется педагогикой. В свое время, однако, я посвятил себя истории, именно этой ее области. Возможно, вам приходилось сталкиваться с некоторыми моими работами, скажем... — и он перешел к перечислению названий, ни одно из которых не было мне знакомо.

— Но вы ведь, по-видимому, занимались Скандинавией! — воскликнула я, радуясь такому простому выходу из неловкой ситуации. — А моя область — Англия.

— В таком случае вам хорошо бы отправиться изучать ее в Англию, — заметил Луи, и прозвучало это так, как будто он желал, чтобы я немедленно оказалась в Англии.

Я была бы не против.

— Моя стипендия не распространяется на это, — призналась я.

Мистер Мак-Ларен взглянул ободряюще.

— Итак, вы получаете стипендию? Должно быть, вы очень умная девушка.

Я вспыхнула, почувствовав неискренность его оценки. Бертран испытующе посмотрел на меня и налил себе еще бренди. Мне он уже не предлагал.

— Я прослежу, чтобы вы получили экземпляры всех моих книг, — заявил мистер Мак-Ларен, и я поблагодарила его.

— Скажите, вам приходилось иметь дело с пишущей машинкой, мисс Эмили? — неожиданно спросил он.

Я посмотрела на него, не понимая.

— Я превосходно печатаю, но...

— А можете ли вы вести корреспонденцию? Хотя, впрочем, разумеется, можете — как и всякий интеллигентный человек. — Он холодно оглядел членов своей семьи, и мне подумалось, что, быть может, он уже пытался — и безуспешно — использовать кого-нибудь из них в качестве секретаря. — Мне не нужно спрашивать и о том, знаете ли вы латынь, — как историк, вы, естественно, должны ее знать...

Надо было быть совершенной дурочкой, чтобы не понять, куда он клонит.

— Я не думаю... — начала было я.

Но он гнул свое.

— Как вы смотрите на то, чтобы стать моим секретарем? Оплата... — погодите, сколько мы собирались платить мисс Хайс? — сто пятьдесят долларов в неделю.

— Но я не могу! — воскликнула я так резко, как если бы опасалась, что он способен как-то заставить меня принять предложение. — Я обещала уже миссис Калхаун. И как же мисс Хайс?

— Мисс Хайс не получила еще эту работу окончательно. Естественно, я возьму ей потерю времени и все такое, *et cetera*. — Он подарил мне улыбку, от которой, наверное, лет тридцать — сорок назад таяло не одно женское сердце. — Слушайте, не хотите же вы сказать, что предпочитаете присматривать за оравой неуправляемых вырожденцев, чем быть моим секретарем?

Да еще за плату, в два раза больше той, которую будет платить мне миссис Калхаун! Но, несмотря на это, я не сдавалась. Однако я старалась, чтобы отказ прозвучал вежливо.

— Это невозможно, мистер Мак-Ларен. В любом случае я здесь только на лето, а вам, я думаю, нужна постоянная секретарша.

Он развел руками.

— Мисс Хайс должна была пройти испытательный срок, то есть в каком-то смысле она тоже не была постоянной. Если вы хотите ограничиться летом, пусть так оно и будет.

— Вот видишь, Элис, — вставил Бертран, — кое-чего человек со стороны может достичь и за такой короткий срок.

— Я понятия не имею, на что вы намекаете! — почти крикнула я. — Я прежде никогда даже не слышала ни о ком из вас! Я приехала сюда, чтобы работать у миссис Калхаун, и я намерена заниматься именно этим. А теперь, если вы не возражаете, я пойду к себе в комнату — я хочу сказать, в ту, что мне отвели сначала, — объяснила я, чтобы они не подумали, что я претендую на нее, — и пробуду там до утра. Но если хотите, я лягу в сарае, в гараже или где-нибудь еще снаружи, — лишь бы вы чувствовали себя в полной безопасности?

Мистер Мак-Ларен казался взволнованным.

— Дорогая, дорогая моя, вы не должны поддаваться на их выходки. Помните, это мой дом и вы мой гость.

— Мы вовсе не думаем, что мисс Пэймелл физически может причинить нам вред, — заметил Бертран. — Беспокоит другое...

— Пожалуйста, — прервала я, — я очень устала. Не мог бы кто-нибудь просто показать мне, как добраться до комнаты... — Я давно бы ушла, но не была уверена, что вспомню дорогу.

— Боюсь, мистер и миссис Гаррисон уже пошли спать, — извиняясь, сказал мистер Мак-Ларен. — Они уже стары — очень стары, почти как я, — а им приходится вставать ни свет ни заря.

Бертран поспешно вскочил:

— Буду рад показать вам дорогу, мисс Пэймелл.

— Будьте с ним осторожнее, чтобы он не показал вам еще чего-нибудь, — предупредила Маргарет, но сама не изъявила желания сопровождать меня, и обе ее родственницы уклонились от моего просящего взгляда. В от-

чаянии я даже повернулась к Эрику, и его взгляд успокоил меня.

Мистер Мак-Ларен, казалось, тоже не находил ничего страшного в том, что я пойду в сопровождении Бертрана, а он, похоже, заботился о приличиях. Я собралась с духом. А что мне было еще делать? Бертран церемонно распахнул передо мной дверь. Как только дверь за нами закрылась, за ней зазвучали голоса, в которых слышались истерические нотки.

— Вы поступили очень разумно, не приняв предложение,— заметил Бертран.

— Я поступила не разумно, и не неразумно, и никак вообще. Просто потому, что у меня уже есть работа. Почему мне никто не верит?

— Честно говоря, я хотел бы вам верить, Эмили,— он сжал мою руку. Я с негодованием ее отдернула. Здорово испугавшись, я бросилась вверх по лестнице, как это принято было делать во времена его дедушки.

— Я знаю, мы поступаем с вами не очень красиво,— признал Бертран, перешагивая через ступеньки, так что мы опять шли рядом.— Но если бы вы только знали, что здесь уже произошло и что, как мы опасаемся, может произойти, вы могли бы нас понять.— Он пристально посмотрел на меня.— Вы уверены, что не встречались прежде ни с кем из нас? Даже с Эриком? Я имею в виду, что нельзя обвинять его, если он даже и пытался...

— Говорю же, я не имела ни об одном из вас ни малейшего понятия!

Его лицо помрачнело, и он произнес довольно жестко:

— Да, поверить в это весьма трудно. Наша семья достаточно известна, и я сам неизвестен как композитор. В прошлом году Центр Линкольна, например...

— Должно быть, это все из-за моего невежества,— я нервно рассмеялась,— но клянусь вам...

— Все в порядке, я вам верю. Напомните, чтобы я послал вам парочку билетов на мой концерт. Я просто не могу понять, как это образованная женщина...— Он оборвал фразу.— Тема закрыта, все.

Мы достигли вершины лестницы, и он взял меня за руку, чтобы провести по коридору, освещенному теперь

стенными канделябрами, обильно увешанными хрустальными подвесками, но почти не дававшими света. Я выдернула руку, и он не возражал.

— На случай, если вы захотите... изменить ваше решение, я хотел бы прояснить ситуацию. Вы, я не сомневаюсь, заметили, что дедушка — нет, я не хочу сказать: *non compos mentis** — но немного не в себе.

— Я ничего такого не заметила. Мне он показался абсолютно нормальным. Чего никак не скажешь обо всех остальных.

Предположение о том, что он сумасшедший, произвело на Бертрана гораздо меньшее впечатление, чем сомнение в его известности.

— Это только показывает, как вы не подходите для этой работы. Понимаете, дедушка этого не знает, но на самом деле мисс Хайс — сиделка. Мы хотели представить ему все так, будто бы она — его секретарь, чтобы не ранить его самолюбие. Поэтому и плата сравнительно высока, хотя некоторые предшественницы мисс Хайс не находили ее достаточно высокой. Нелегко им приходилось, бедняжкам. — Он покачал головой.

— Не понимаю. Вы хотите сказать, что ваш дед никогда не был историком и что все эти книги, о которых он упоминал, — он это выдумал?

Бертран возмутился:

— Ничего подобного! Его всегда привлекала... ученость, если так можно сказать, и, после того как он отошел от семейных дел, он уже полностью посвятил себя ей: изучал латынь, греческий — все эти мертвые языки. И у него действительно есть несколько монографий. Он издавал их за свой счет. Но ни один серьезный ученый не станет принимать во внимание его теорий, которые порой, как справедливо, хоть и не слишком тактично заметила Маргарет, действительно «бесподобны».

— Все это ничего не объясняет. Если вы — все вы, я хочу сказать, — пригласили сюда мисс Хайс, почему вы так враждебно отнеслись ко мне сначала?

— Милая, вы выдумываете!

---

* не совсем нормален (лат.)

— Да будет вам. Вы прекрасно знаете, что сами были готовы горло мне перерезать. А Эрик, тогда, в машине... я хотела сказать, мистер Мак-Ларен...

— Называйте его лучше Эриком. В этом доме и так слишком много Мак-Ларенов. А меня, соответственно, Бертраном. Но не Берт. Так меня называет Эрик, если хочет вывести из себя.

— ...он был просто невозможен, — невпопад закончила я.

— Не сомневаюсь. Эрик просто не умеет вести себя с дамами. Это у нас в семье уже как пословица: «Эрик не умеет вести себя с дамами, — говорят все и печально качают головами, — тогда как Бертран...»

— Это же смешно! Вы вовсе не обязаны посвящать меня в ваши семейные тайны. Все, о чем я прошу, — чтобы меня ни во что не вмешивали.

Он хотел что-то сказать, но передумал и распахнул дверь.

— Ну, вот ваша комната. — Он колебался. — Сожалею, если мы показались вам странными, но поверьте, на то есть причины.

— Говорю вам, вы не должны мне ничего объяснять. Все это меня не касается, и о том, чтобы мне здесь остаться, и речи быть не может.

Темные глаза Бертрана оглядели меня, как будто ему только что пришло в голову, что я представляю собой не только потенциальную угрозу.

— Это все не значит, что я не был бы счастлив, окажись вы здесь при более благоприятных обстоятельствах... — Он запнулся и начал снова. — А в самом деле, почему бы нам не встретиться как-нибудь в ближайшие дни? Не может же Джойс заставить вас работать круглосуточно, а в деревне есть что-то вроде бара.

Я постаралась, чтобы мой голос прозвучал равнодушно:

— Возможно... Вы повезете меня завтра к Калхаунам?

— Я?! — У него был несколько ошарашенный вид. — Едва ли! Не думаю, что мне нужно снова встречаться с Джойс. Да и она навряд ли будет рада видеть меня. — Он улыбнулся сияющей улыбкой, словно радуясь удач-

ной шутке. — Нет, скорее всего вас повезет Эрик. С тех пор как Гаррисон совсем состарился, машину обычно водит он. Ну, Эмили, спокойной ночи.

Он наклонился, как будто хотел поцеловать меня, но я увернулась и проскользнула в комнату. В замке не было ключа, но Бертран не пытался войти, и я поняла, как глупо вообще было бояться, что он на это способен. Он даже не спросил адрес, куда ему послать билеты.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В эту ночь я никак не могла заснуть. Буря здесь, на втором этаже, была очень слышна, к тому же моя комната оказалась угловой. Но даже не это мешало мне спать, а страх. Я имею в виду не обычное, вполне понятное беспокойство, которое может охватить любого, окажись он в чужом доме среди чужих и странных людей, но безотчетный страх или, лучше сказать, животный ужас. Если бы у кровати был полог, мне бы, наверное, представилось, что ночью он задушит меня, как в той сказке. Наверное, все можно объяснить впечатлением, которое произвел на меня этот дом, где то, что видишь, казалось лишь маской, за которой скрыто что-то ужасное.

Наверняка Мак-Ларены не стали бы устраивать весь этот спектакль ради первого встречного, которого угораздило попасть в их сети... и кто бы они ни были, они, похоже, больше заботятся о том, чтобы выставить меня отсюда, чем заманить в какую-то ловушку. И не похоже на то, чтобы вся эта кутерьма происходила из-за простой секретарши... или сиделки — все равно, кем бы ни была эта таинственная мисс Хайс. В какой-то мере я была уверена, что они ведут каждый свою игру, преследуя свои цели, но не чтобы одурачить друг друга, а защищаясь. От чего, интересно?

То ли ветер и дождь стали стихать, то ли я постепенно к ним привыкла, но буря уже не казалась мне такой сокрушительной. Где-то в доме часы пробили одиннадцать раз. Почти тотчас же другие часы, звучавшие ниже и глубже, пробили двенадцать. Я поднесла к глазам наручные часы: на подсвеченном циферблате было одиннадцать тридцать. Мне подумалось, что время в этом доме определяют как среднее всех часов...

Потом я слышала, как пробило двенадцать тридцать... час тридцать... а потом я, должно быть, уснула. Пото-

му что, внезапно проснувшись, я поняла, что спала и что что-то меня разбудило. Но что? Все было тихо. Буря, очевидно, уже прошла. Тревожную тишину не нарушали постукивания и поскрипывания, обычные в старом доме.

Я опять посмотрела на часы. Четверть четвертого. Я уже решила было лечь поудобнее и снова заснуть, но тут послышался звук шагов где-то в холле: клац-шлеп, клац-шлеп, как будто у того, кто там был — или *что* там было, — были не пальцы на ногах, а когти.

Шаги раздавались где-то очень далеко, и я постаралась убедить себя, что это же просто смешно — пугаться каких-то шагов. Может быть, здешние обитатели шлепают и клацают по дому все ночи напролет. Они вольны ходить здесь когда и как им заблагорассудится. Может быть, к тому же я не видела всех, кто здесь живет. Может быть, кому-то из них не разрешают выходить, когда в доме посторонние...

Я дала волю своему воображению. Несомненно, существует какое-то разумное объяснение этим странным шагам. Но они постепенно приближались, все ближе и ближе к моей двери. И когда они замерли за дверью, сердце мое тоже замерло на мгновение.

Когда дверь начала открываться, я пронзительно вскрикнула — так громко, что мне даже показалось, что от этого крика задрожали оконные стекла и зазвенели подвески канделябров в коридоре.

— Господи, — послышался раздраженный голос, — вы что, хотите разбудить весь дом?

Между прочим, именно этого я и хотела. Теперь, когда я увидела, что моим посетителем в этот глухой час была всего лишь Маргарет, я чувствовала себя несколько глупо. За чем бы она ни явилась сюда, я была уверена, что справлюсь с ней без посторонней помощи.

— Вы не постучали, миссис Дюрхам, — сказала я, влезая в рубашку, — и поэтому, когда дверь начала открываться, я, естественно, подумала...

— Что это один из мальчиков. Но если вы не хотели, чтобы они — или кто другой — тревожили вас, почему вы не заперли дверь?

— Здесь же нет ключа! — Я начинала злиться. — А кроме того, обычно гость не запирает дверей, находясь в чужом доме.

— Гость — да. — В ее голосе звучало подозрение. — Забавно, но в каждой двери здесь должен быть ключ. — Она включила лампу, стоявшую рядом с дверью. В слабом свете я смогла разглядеть, откуда происходило это «кляц-шлеп». На ней были бледно-голубые шлепанцы с нелепо высокими каблуками, украшенные пышной кожаной бахромой. Остальной ее наряд представлял собой что-то вроде бурнуса из какой-то дорогой восточной ткани. Венчал все ночной чепец, похожий на огромный кочан капусты. Сквозь кружево были видны ряды бигуди. Если бы я сразу разглядела ее, когда она открывала дверь, я, наверное, испугалась бы не меньше.

Она заглянула в замочную скважину. Потом наклонилась и осмотрела ковер у двери.

— Вы правы, — она выпрямилась, — ключа нет. Кто-то вытащил его отсюда.

— Я знаю, что ключа нет. Но это меня не беспокоило, потому что я решила, что, если кто-то захочет меня видеть, может и постучать.

— Придержите свой сарказм! — отрезала Маргарет. — Я думала о том, чтобы никого не потревожить. Но вы именно это и сделали. Наверное, все сейчас будут здесь.

Некоторое время мы молчали, прислушиваясь, но не услышали ничего похожего на спешащие шаги или встревоженные голоса — ничего такого, что можно ожидать услышать в доме, разбуженном среди ночи пронзительным криком. Никто меня не слышал, или никому здесь нет дела? Или все так напуганы, что не решаются выйти и выяснить все?

На лице Маргарет было написано то же удивление.

— Дом, конечно, построен основательно, — пробормотала она, — но вашего крика хватило бы, чтобы разбудить даже мертвого. В этом крыле, насколько я знаю, больше никто не живет, но все же... Но, может быть, они решили, что это ветер. Хотя какое это имеет значение. Это совершенно все равно. — Она подошла ко мне. — Мисс Пэймелл, я хотела поговорить с вами наедине.

— Хорошо, говорите.

Мгновение она стояла в нерешительности.

— Послушайте, — сказала она наконец, — может

быть, вы и говорите правду — ну, что вы попали сюда случайно. Но то, как вы улизили после обеда вместе с Бертраном...

— Как я улизила! Я просила кого-нибудь показать мне комнату. И, честно говоря, я рассчитывала, что это сделаете вы, или миссис Эспадон, или мисс Эспадон. А Бертран просто оказался единственным, кто любезно... — я задохнулась от возмущения.

— Хорошо, хорошо. Я уже сказала, что могу ошибаться в том, что между вами что-то есть. Но я должна защищать свои интересы. Ставки слишком велики, и я не хочу ничего упустить.

Локон упал ей на глаза, и она гневным жестом зачихнула его обратно под чепец.

— Если дедушка хочет оставить все Бертрану и Эрику — что же, пускай. Заметьте, я не говорю, что это превосходно, но я с этим соглашаюсь. Но я не потерплю никаких подвохов. Это ясно?

— Как день. — Я не смогла удержаться, чтобы не спросить: — А что такое это «все», что собирается оставить ваш дедушка?

— Я сама хотела бы знать. — Ее взгляд стал жестче. — Так вас это интересует?

— Оставьте, миссис Дюрхам. Любой заинтересовался бы после того, как вы все об этом... высказывались. Мне послышалось, или кто-то произнес слово «сокровища»? Клад, очевидно, — я рассмеялась.

Маргарет не засмеялась.

— Я хочу сказать вам только следующее. Завтра вы отсюда уедете и будете держаться от этого дома подальше. Вы поняли меня? Иначе вас ждут неприятности — может быть, даже очень серьезные. Здесь происходят порой очень забавные вещи, и не думаю, чтобы хоть кто-нибудь чувствовал себя здесь в безопасности.

— Бертран меня уже предупредил. Не знаю, зачем вам понадобилось пугать меня. Я и так очень рада, что утром уеду из этого мрачного дома. И видеть его еще когда-нибудь мне совершенно не хочется.

К моему изумлению, она улыbnулась. Не то чтобы приятной улыбкой, но все-таки.

— Это все, что я хотела знать. Спокойной ночи — раз так. — В дверях она задержалась. — Если вы действи-

тельно не хотите, чтобы вам мешали спать, вам лучше поставить у двери стул или что-нибудь в этом роде. Никогда не знаешь, кому придет в голову побродить ночью.

— Привидениям, например?

— Если вы имеете в виду Призрака, то его дверями не удержишь.

Как только она вышла, я бросилась к своим вещам, к большому чемодану. Где-то, может быть на самом дне, подо всем содержимым лежал дверной зажим, которые существуют именно для того, чтобы пугливые путешественники могли надежнее запира́ть двери в мотелях и все такое. Мама дала мне его с собой как прощальный подарок. «Не хочу пугать тебя, милая, но молодая девушка в чужом доме должна быть готова к самому худшему».

Тогда я только рассмеялась, но, чтобы не задевать ее чувства, положила зажим в чемодан вместе с массой других, в общем-то ненужных вещей, которыми она меня снабдила. Теперь, вытаскивая зажим, я радовалась, что тогда послушалась ее.

«Устанавливается за считанные секунды», — говорилось в инструкции. В конце концов, вся наша жизнь состоит из мгновений, так что с некоторым допущением это была правда. И все же мне потребовалось больше четверти часа. Даже если бы мои руки не дрожали, я не смогла бы установить эту штуку быстрее, чем за десять минут. После этого я залезла в кровать и натянула одеяло на голову, отлично понимая, что этой ночью мне уже не удастся заснуть.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Раздался треск. Я проснулась. И с удивлением увидела смуглую коренастую женщину, одетую в чистенькое платье горничной. На ковре светились солнечные пятна, и среди них валялся мой несчастный зажим.

Женщина держала поднос с чем-то похожим на еду.

— Я стучала, но вы не ответили, вот я и вошла. Я же не знала, что у вас тут в дверях эта хреновина. Вы, наверное, очень впечатлительны.

— Просто ночью приходила миссис Дюрхам — поговорить со мной, — пролепетала я. — Она посоветовала мне запереть дверь. Иначе я бы никогда.

— Почёму же вы тогда не воспользовались ключом? — Она поставила поднос на столик рядом с кроватью и пошла назад к двери.

— Ключа не было, — начала было объяснять я, но она, ворча, нагнулась и подняла ключ.

— Они постоянно выпадают. То ли дырки слишком большие, то ли ключи слишком маленькие.

Но ведь Маргарет искала на полу... или только делала вид, чтобы потихоньку положить на место ключ, который вынула еще вечером, чтобы войти ко мне незамеченной? А если бы я не проснулась и не закричала, что бы она тогда сделала? Какая чепуха, сказала я себе. Самое большее, чего ей было нужно, — напугать меня. И все-таки я была рада, что мне не придется провести здесь еще одну ночь.

— Я Кора, — представилась горничная. — Я принесла вам завтрак сюда, потому что все уже позавтракали и мистеру Эрику не терпится ехать. Может, так оно и лучше. Все в плохом настроении, потому что миссис Гаррисон лежит в кровати с очередным приступом и готовить пришлось мисс Элис.

Я слезла с кровати.

— Очень жаль, что миссис Гаррисон нездорова. Вам не нужно ждать, пока...

— Она вообразила, что прошлой ночью слышала вопли и завывания Призрака. Гаррисон сказал, что это предвещает смерть в семье. Старый суеверный дурень! К чему это все приведет?

Я глотнула воздух.

— А что — кто-нибудь еще слышал этого Призрака?

Кора посмотрела на меня с нескрываемым презрением.

— Господь с вами, мисс, его же не существует. Это же выдумка. Ну как же кто-то мог его слышать?

— Я хочу сказать, может быть, кто-нибудь слышал какой-то шум, который миссис Гаррисон приняла за крики привидения? — Более ясно выразиться я не могла, не обнаруживая, что это мне невольно пришлось сыграть роль Призрака.

— Нет, насколько мне известно. К тому же была такая буря, и это мог быть ветер или вроде того. А что, вам кажется, вы что-то слышали, мисс?

— Нет, я ничего не слышала. Не могли бы вы сказать мистеру Эрику, что я очень сожалею, задерживая его, и что я через минуту спущусь?

Получив такое однозначное задание, Кора была вынуждена встать и выйти. Я знала, что ей очень хочется остаться и обсудить со мной странное стечение обстоятельств, благодаря которому я оказалась здесь, и, возможно, это прояснило бы для меня многое. И все-таки я не могла опуститься до пересудов со слугами. Это «высокомерие» дорого обошлось мне впоследствии. Если бы я тогда расспросила Кору обо всем, это избавило бы меня от многих мучений.

Мысль о том, что Эрик с нетерпением ждет меня где-то внизу, не улучшала аппетит. Так что я только выпила пару глотков чая и съела кусочек холодного тоста и поскорее оделась. Перед тем как выйти из комнаты, я стояла у окна, глядя на Потерянное Озеро. Я увидела его только теперь. Оно было дальше, чем я ожидала. С первого этажа его, наверное, даже не было бы видно. В лучах утреннего солнца зрелище это действительно было завораживающее. Озеро было такое большое, что противоположного берега не было видно, и такое спокойное, что даже в прибрежном камыше не было заметно ни малейшего движения. На сколько хватало глаз,

и на побережье этой части озера не было ни малейшего признака жизни — настоящая пустыня, если не считать одинокого камня, торчащего среди зарослей, возможно — остатка какой-то постройки.

Вода была очень синей, но в то же время непрозрачной — синяя эмалевая пластинка, отделанная застывшими волнами ряби. Вид был прекрасный, но какой-то неприступный. Мне не было жаль, что я не смогу получить узнать эти места.

Поскольку я не смогла бы унести в руках все свои сумки, а возвращаться сюда еще раз мне не хотелось, я взяла маленькую сумку в одну руку, шляпную коробку в другую, а большой чемодан доставила к началу лестницы, подталкивая ногой. Должно быть, Эрик услышал поднятый мной грохот снизу, потому что прибежал наверх, перепрыгивая через ступеньки, и взял у меня чемодан.

— Надо было вызвать кого-нибудь из слуг. Мы страдаем от их нехватки только по вечерам.

— Я не знала, сколько пройдет времени, пока кто-нибудь придет, и не хотела, чтобы вы потеряли еще больше времени по моей вине. Я очень сожалею, что вам пришлось меня ждать, но вам следовало предупредить меня, во сколько надо быть готовой. К тому же я и понятия не имела, что уже так поздно.

— Все в порядке, — нехотя сказал он, спускаясь вниз. — И сам не знаю, почему это я решил, что помощницы мам — так это называется? — встают с утра пораньше. Тем более, вы пошли спать невероятно рано.

— Может быть, помощницы мам и встают с утра пораньше, но мне казалось, что гостям, хотя бы и невольным, позволено спать сколько влезет.

— Да, наверное, так. — Он добавил более любезно: — Пожалуй, мне следовало дать вам выспаться — может быть, это была ваша последняя возможность выспаться на все лето вперед. Но чем позже вы появитесь там, тем сильнее взбесится Джойс. И кроме того, у меня срочное дело в деревне.

— Мне правда жаль, что я доставила вам всем столько беспокойств. Почему бы вам просто не вызвать такси? В такую чудесную погоду это не вызовет затруднений, я уверена...

— Вы прекрасно понимаете, что это я вам доставил беспокойство,— сказал Эрик, наваливаясь на входную дверь.— И хватит об этом. Я уже достаточно наслушался от моей любящей семьи, после того как вы отправились спать.

— Ну и как они думают, я подошла бы? — Мы подходили к машине.

— Подошла бы? — Он покачал головой.— Об этом забудьте. Не надо вам вмешиваться в наши дела, они и так запутаны.

Пока Эрик укладывал мои вещи в машину, я смогла наконец хорошо разглядеть дом. Он был удивителен: маленький средневековый замок, отделанный частично в викторианском стиле, частично с добавлением самых разнородных стилей. Создавалось впечатление, что здесь беспорядочно перемешано множество отдельных зданий, построенных не ранее ста лет назад, и в результате получалось нечто, мягко говоря, «интересное».

Машина тронулась, а я все продолжала оглядываться на дом. Не то чтобы я всерьез ожидала, что Бертран выйдет проститься со мной. И все-таки, после того что он говорил вчера вечером, я думала... даже рассчитывала, что он появится. Но — ни намек на появление. Скорее всего он говорил точно так же с любой девушкой, которая могла сойти за привлекательную.

— Забыли что-то? — поинтересовался Эрик, и я перестала вертеться, пробормотав что-то о необычной архитектуре здания и что от него нельзя оторвать глаз. Но по насмешливой улыбке Эрика я поняла, что он догадался, что именно я высматриваю, и разозлилась на него за это.

— Слышно что-нибудь о мисс Хайс? — спросила я.

— Ни словечка. Именно за этим мне нужно в деревню. Я хочу успеть к утреннему поезду. А если она опять не придет, я сам пошлю ей телеграмму.

Теперь при свете дня я могла разглядывать места, по которым мы ехали. Местность была очень красива — какой-то первобытной красотой. Эрик сказал, что земля здесь практически не возделывается.

— Здесь все почти так же, как было в те времена,

когда белые впервые пришли в эти места. Конечно, деревья кое-где вырубались, и где-то у этого края озера когда-то, кажется, была индейская деревня. Недалеко отсюда сохранился форт. Но все равно в основном все покрыто девственным лесом. Дедушка мечтает, чтобы эти места так и сохранялись — «навсегда дикими», но с трудом верится, что это будет продолжаться долго после его смерти. Если только об этом не позаботится правительство. Я был бы только рад, если так, — у меня будет меньше хлопот.

Мне не хотелось, чтобы меня опять ставили на место и говорили, хоть бы и намеком, что я лезу не в свое дело, и я не стала спрашивать объяснений. Вместо этого я сказала: «Вы не слышали, как Призрак кричал прошлой ночью?»

— Чего не слышал?! — Он в изумлении уставился на меня.

— Горничная мне сказала, что он, или она... или оно напугало своими воплями миссис Гаррисон.

— Бедная миссис Гаррисон. Ей по ночам всегда что-то слышится, видится... особенно когда она чувствует, что переработала, и хочет провести утро в постели.

— Предположим, в этот раз она действительно что-то слышала.

И я рассказала все как было. Эрик смеялся так, что я испугалась, как бы он не перевернул машину. Я немножко жалела, что рассказала ему, — я не находила, что это так смешно. Маргарет по-настоящему напугала меня, но Эрик, похоже, не видел в ее действиях ничего необычного.

— Чего я никак не могу понять, — немного обиженно сказала я, после того как Эрик взял себя в руки, — как это вышло, что никто, кроме миссис Гаррисон, ничего не слышал? Мой крик — это, поверьте, не слабый женский визг.

— Уверен, вы перекрыли даже шум ветра, — торжественно заверил меня Эрик. — Дело в том, что все, кроме Гаррисонов, спят в другом конце дома. А что касается самого Гаррисона, то я не думаю, что даже труба Страшного Суда разбудила бы его: он как следует напился перед сном.

— Все-таки мне кажется, что меня могли услышать и в другом конце дома.

На губах Эрика опять заиграла улыбка.

— Вы хотите сказать, что кто-то слушал ваши вопли и потирал руки: «Ага, там, кажется, избивают — или насилюют — или убивают эту мерзкую мисс Пэймелл; вот и славно».

— Я просто думаю, это очень странно, что никто ничего не слышал.

— Дедушка — только помните, это страшная-страшная тайна, — немного туговат на ухо. У него в дужки очков вделаны слуховые трубки, но на ночь он их, естественно, снимает. Насчет других не знаю, но меня лично не было в доме. У меня мастерская в лесу, я там рисую.

— Вы хотите сказать, что отправились в лес рисовать посреди ночи? Во время этой грозы?!

— Что же, многие художники рисуют по ночам, особенно если им приходится весь день напролет встречать поезда. Вот я и подумал, почему бы не надеть плащ и не выйти порисовать на несколько часов. Когда я кончил, гроза все еще не стихала, и я просто лег там спать... Ну, что вы еще хотите знать?

— Расскажите о Призраке. У меня не было возможности расспросить Гаррисона, а я имею право знать об этом, поскольку мы с Призраком так похожи.

— Что вам рассказать? Призрак обитает в этих местах, и говорят, — это совершенно стандартная история о привидениях, — что он показывается перед тем, как кто-то из членов семьи должен умереть. Вся штука в том, что у нас — по крайней мере всегда так было — очень большая семья и в любой момент кто-нибудь да находится при смерти.

— Но этот Призрак — чье это привидение? Кого-то из вашей семьи, кто умер страшной смертью?

Я уже приготовилась выслушать следующий кусок «стандартной истории о привидениях», но Эрик только пожал плечами.

— Увы, я не имею ни малейшего понятия. Этот Призрак здесь так давно, что никто не знает по-настоящему, откуда он взялся и кто он такой. Моя гипотеза состоит в том, что это целое потустороннее семейство. Потому что ни один уважающий себя призрак не станет появляться то в виде индейского шамана, то в виде монаха.

— Монаха! — с сомнением повторила я.

— Да, к этим местам как-то не подходит. Возможно, кому-то просто показалось, что местные предания недостаточно изящны, и он заменил их привидением более классической традиции. Этот Призрак не привязан только к нашему дому. Его видели повсюду с этой стороны озера. Смотрите, когда будете жить у Калхаунов, не заходите слишком далеко и держитесь той стороны, а то вас утащит Призрак. — Эрик издал что-то вроде рычания.

Я все больше удивлялась.

— Вы хотите сказать, что дом Калхаунов стоит на озере?

— Рядом с озером, не на нем. Такой чести они не удостоились.

— Тогда почему же вы говорили мне, что их дом так далеко? Если только Потерянное Озеро — это не одно из Великих Озер, расстояние не может быть слишком большим.

Лицо Эрика стало очень серьезно, и шутливость исчезла из его голоса:

— На лодке действительно очень близко, но мы не пользуемся лодками на этом озере. — Потом, после долгого молчания: — Прямых дорог тоже нет, только в объезд... Мы подъезжаем к деревне. Хорошенько рассмотрите ее, это будет для вас центр цивилизации на все оставшееся лето.

Он поднял руку с руля и показал, куда смотреть. Деревня была больше, чем я ожидала, и не такая уж первобытная. По крайней мере улицы были мощеными, и, пока мы проезжали по ним, я успела заметить кинотеатр, аптеку, универмаг и магазинчик подарков. Наличие здесь этого последнего магазинчика было особенно приятно. Это означало, что летом здесь бывает много народу.

За деревней дорога стала лучше — не такой плохой, скажем, — и по ее сторонам время от времени стали появляться дома, в основном летние, по словам Эрика.

— Зимой температура падает ниже нуля и здесь довольно тяжело жить.

— Должно быть, вам и вашему деду... довольно неудобно оставаться здесь круглый год.

— Мы запираем большую часть комнат и почти все

время проводим в доме. Дедушка, по крайней мере. А я не нахожу зимние виды спорта привлекательными, если только это не в компании. У нас есть небольшая морозилка, а если отключают электричество, мы используем колодец, и таким образом мы запасаем достаточно еды, чтобы не голодать, когда дороги непроходимы. А потом мы впадаем в спячку до первых оттепелей. Не то чтобы великолепно, но довольно удобно. Подумайте, через что пришлось пройти моим предкам, когда они впервые оказались здесь.

— Вам здесь, должно быть, очень одиноко, — сказала я, но он ничего не ответил.

Мы остановились у приземистого, обвитого плющом здания, стоявшего в конце лужайки стриженного газона.

— Ну, вот мы и приехали, — голос Эрика стал резким. — Дом Калхаунов во всем своем великолепии.

Солнце безжалостно палило через редко растущие деревья. Даже оставаясь в машине, я уже чувствовала зной, хотя до полудня было еще далеко. У меня было такое чувство, что меня вытолкнули из другой реальности, которая, можно предположить, была в каком-то смысле частью ночного кошмара, но в то же время зачаровывала, в ослепительный и душный от жары мир.

Здание было старое, но не производило впечатления древнего. Краска на нем уже облупилась, но некрашеным назвать его было нельзя. Как бы оно ни пострадало от времени, на нем все еще сохранялся отпечаток какого-то неопрятного, но все же благополучия. На газоне валялся перевернутый трехколесный велосипед, на ступеньках у входа было навалено множество всяких вещей. Позади дома виднелась веревка с порхающим на ветру бельем. Входная дверь была приоткрыта, и из-за внутренней двери доносились голоса и визг множества детей. Все было очень обычно — и очень удручающе.

— Я и не представляла, что здесь может быть так жарко, — механически сказала я Эрику, пока он нес мои сумки к входной двери.

— С этой стороны озера бывает довольно жаркая погода, — согласился он, оборачиваясь через плечо. — Наша сторона находится выше, и с ветром там происхо-

дит что-то такое, что дает нам более мягкий климат.— Он поставил мои вещи на веранде.— Мне чего-то не хочется обмениваться вежливыми колкостями с Калхаунами, я, пожалуй, покину вас здесь. Надеюсь, все будет хорошо.— Он щелкнул пальцами на прощание.

Я почувствовала себя невероятно одинокой, стоя вот так у двери, рядом со своими сумками, которые образовали целую гору.

— Надеюсь, увидимся!.. — прокричала я ему вслед.

Он обернулся у самых ворот. Вид у него был очень мрачный.

— Надеюсь, что никогда. Это в ваших интересах. Надеюсь, вы никогда больше не встретитесь ни с кем из нас.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я позвонила, но прошло немало времени — что меня удивило, потому что я совершенно точно видела, как кто-то из окна разглядывал подъехавшую машину, — пока вышла неряшливого вида женщина в перепачканном землей комбинезоне. Она уставилась на меня, потом на груды моих сумок, потом опять на меня, как будто все это не укладывалось у нее в голове.

Я улыбнулась.

— Меня зовут Эмили Пэймелл. Меня ожидает миссис Калхаун. Я предполагала приехать вчера, но задержалась.

Женщина еще раз оглядела меня с головы до ног и только тогда приняла решение.

— Я скажу миссис Калхаун, что вы здесь.

Она удалилась. Я осталась ждать у двери. Она противно скрипела, как будто кто-то душераздирающе стонал под плохо пригнанными створками. Было очень жарко. Я чувствовала, как пот струйками льется по мне.

Ребенок с щербатым ртом, одетый в традиционные футболку и шорты, появился из-за угла дома и уставился на меня. Я строго посмотрела на него. Лучше всего с самого начала дать им почувствовать, кто здесь главнее.

Ребенок показал мне язык и исчез. Начало не многообещающее, сокрушенно подумала я.

Где-то в доме мужской и женский голоса спорили так громко, что я почти могла разобрать слова. Я достала платок и аккуратно вытерла лицо, стараясь не размазать макияж. Застучали каблуки, и за внутренней дверью-сеткой появилась Джойс Калхаун. Она не сделала ни движения, чтобы открыть дверь. Когда я видела ее в городе, она была одета хорошо, если и не элегантно. Теперь же ее белые волосы висели сосульками

и низкий вырез платья открывал отекающую шею. Если она ровесница Бертрана, подумалось мне, он очень неплохо сохранился: ему на вид едва за тридцать, а ей явно больше сорока.

Глаза Джойс пылали от ярости, которая никак не соответствовала тем неудобствам, которые я могла ей причинить.

— Наконец-то и мы удостоились вашего посещения!

— Я очень сожалею, миссис Калхаун, что не смогла приехать вчера, — начала извиняться я. — Произошло невероятнейшее недоразумение, и у меня не было ни малейшей возможности связаться с вами. Поезд опоздал, и я никак не предполагала, что кто-то еще в это же время может ждать...

— Кто-то еще! — подхватила Джойс. — Замечательно, просто великолепно. Совершенная невинность, и в меру наивна. Будь я мужчиной, я бы вам даже поверила!

Я уставилась на нее, пытаюсь понять, в чем дело.

— Может, вы меня с кем-то путаете? Вы меня не помните? Я Эмили Пэймелл...

— Я прекрасно вижу, кто вы, — бросила она сквозь зубы. — У Фрэнка вчера испортилась машина, и я позвонила Джо, чтобы он вас встретил. Он немного опоздал, но приехал как раз вовремя, чтобы увидеть, как вы отбыли с Эриком Мак-Лареном.

— Но если вы знаете, что произошло, вам должно быть известно...

— О, мне все известно. Мне известно гораздо более, чем вы предполагаете. Вы, должно быть, подумали, что это ваш счастливый шанс, и схватились за него. Не понимаю, как я сразу вас не раскусила. Но теперь мне все ясно. Мне все с вами ясно. Вам нужен был только предлог, чтобы легче было пробраться туда, и все само свалилось бы вам прямо в руки.

— Джойс, — раздался из-за ее спины мужской голос, — ты ведешь себя ужасно.

Джойс стояла, вплотную прижавшись к двери, и я не могла видеть говорившего, но голос звучал совсем рядом. Это меня ободрило — на случай, если бы Джойс решила применить ко мне физическую силу. Господи, здесь, что же, все посходили с ума? Мак-Ларены — те

хоть приняли меня за другую. А Джойс Калхаун прекрасно знает, кто я и зачем сюда приехала. Хотя я уже очень об этом сожалела.

Стараясь говорить как можно убедительнее, я попыталась объяснить, как случилась вся эта путаница.

— Не знаю, в чем вы меня обвиняете, но меня никто не встретил на станции. Тогда появился этот Эрик Мак-Ларен и сказал, что его послали за мной. — Я подробно стала рассказывать ей, что происходило потом, как будто бы обилие подробностей могло убедить ее, что я не совершала ничего дурного.

— Я хотела вам позвонить, но линия вышла из строя...

Слова замерли у меня в горле. Все, что я говорила, было совершеннейшей правдой, и все же, слушая себя как бы со стороны, я поняла, что звучит это неправдоподобно.

— Пройшей ночью была настоящая буря, Джойс, — заметил невидимый мужской голос. — Линии повсюду вышли из строя.

— Ей это было только на руку. Ты всегда клюешь на смазливых девчонок, Фрэнк. Хотя этот старик Мак-Ларен еще хуже. Однако, — она опять повернулась ко мне, — другие члены семьи, очевидно, не столь впечатлительны, не так ли, мисс Пэймелл? Они вас раскусили и выставили вон, разве не так?

Ее голос звучал все выше и выше, порой достигая предела и переходя в абсолютный визг.

— И теперь у вас хватает наглости явиться сюда, сидя в машине рядышком с Эриком Мак-Лареном? И вы еще рассчитываете, что я предоставлю вам возможность оставаться здесь и наведываться туда? Я не намерена содействовать вашим планам. Убирайтесь туда, откуда вы приехали!

— Но вы же... вы же наняли меня!..

— Наняла, а теперь уволила! — Она повернулась и ушла внутрь дома.

Не в состоянии поверить, что она способна вот так просто уйти и бросить меня здесь, я вглядывалась в темное пространство за дверью. Справа была дверь в освещенную комнату, и в проеме стоял мужчина, которого я определила как Фрэнка. Он был среднего роста и худо-

щавый, и мне он показался довольно молодым для мужа Джойс.

Удерживая ее за руку, он тихо говорил что-то.

— Я сама знаю, что мне делать! — огрызнулась Джойс. — Это мой дом, и дети тоже мои, и я имею право... — Повышаясь, ее голос не становился мягче. Мужчина сказал что-то, на что она ответила возмущенным возгласом и новым приступом приглушенной ярости.

Я подергала дверь.

— Как же я доберусь до станции? — крикнула я. — Дайте мне хотя бы позвонить и вызвать такси!

— Пешком доберетесь! — взвизгнула она. — Вы уж сумеете о себе позаботиться!

— Но мои вещи... И я не знаю дороги. — Я была готова заплакать.

— Джойс, — сказал мужчина, — ты заходишь слишком далеко. Ты не можешь просто взять и бросить девушку здесь. Я возьму машину и отвезу ее назад в деревню. А если ты попытаешься меня остановить, я... — Он снова понизил голос, и я не расслышала, какую именно угрозу он придумал. По мне, так любая была бы чересчур недостаточной.

Я беспомощно оставалась стоять во время всего последующего разговора *sotto voce**. В конце концов мужчина подошел к двери и сказал:

— Если вы еще немного подождете, мисс Пэймелл, я сейчас пригоню машину.

Я отошла к началу лестницы и стала глядеть на дорогу, стараясь угадать, откуда появится машина. Раздался свистящий звук, и что-то ударило мне в спину и упало на пол. Я нагнулась и подняла. Это была стрела... но с присоской вместо наконечника.

Я обернулась. На верхней площадке лестницы стоял ребенок. Может быть, это был тот же, что и раньше, — плюс воинственный убор из перьев на голове и наглаватая улыбка, — а может быть, и не тот.

— Хорошо, что ты здесь не остаешься, — сказала дитя, — ты мне не нравишься.

— Ты мне тоже! — ответила я и сломала стрелу.

---

* вполголоса (исп.).

Прошло довольно много времени, пока машина наконец приехала. Это оказался «кадиллак», но уже довольно потрепанный. Фрэнк Калхаун при дневном свете тоже оказался довольно потрепанным: мешки под глазами, полные обвислые губы, самодовольное выражение лица. Влезая, он элегантно распахнул дверь.

— Надеюсь, я успею к поезду,— озабоченно сказала я, садясь.— Насколько я понимаю, сегодня есть дневной поезд.

— Он должен прийти не ранее, чем через полчаса,— заверил Фрэнк.— Это означает, что раньше, чем через час, поезда не будет. У вас куча времени.

Несколько минут мы ехали молча, и он явно размышлял над какой-то сложной проблемой.

— Вот что я вам хочу сказать,— объявил он наконец.— Я дам вам чек в размере недельного жалованья. Это по крайней мере я могу сделать. Надеюсь, вы не будете возражать, если я поставлю на нем другое, более позднее число.— И он пробормотал что-то о необходимости съездить в город и разобраться кое в чем со своим банкиром.

Первым моим побуждением было сделать красивый жест и отказаться, но рассудительность взяла верх. Мне безусловно понадобятся деньги. Более того, из-за них я потеряла куда больше недельной оплаты. Теперь лето в самом разгаре, и мне навряд ли удастся найти работу вроде этой... даже если бы мне этого и захотелось. Хуже всего было то, что родители, отправив младших в лагерь, уехали в Мексику, а квартиру сдали на лето. Ради всего святого, что я буду делать в Нью-Йорке? Чек Калхауна не позволит мне даже недолго оставаться в гостинице, но все-таки хоть какая-то помощь; мои средства были очень ограничены. Дело плохо, подумала я, если только кто-нибудь из знакомых не приютит меня на то время, пока я найду какую-нибудь работу.

— Вы уж не сердитесь на Джойс,— сказал Фрэнк Калхаун.— У нее очень слабые нервы,— знаете, она обошла уже столько психиатров, я просто со счета сбился,— а эти Мак-Ларены причинили ей много неприятностей.

— Я и сама от них не в восторге,— я ответила холодно, потому что все эти особы со «слабыми нерва-

ми» не вызывали у меня ни малейшего сочувствия. — Но я не могу понять, почему она связывает их со мной. Я действительно по нелепой случайности провела там ночь, но мне вовсе не хочется знакомиться с ними ближе.

Говоря это, я повернулась к Фрэнку и увидела, что его брови с недоверием поползли вверх.

— Обычно девушки не так отзываются о внуках Мак-Ларена, особенно о старшем. Он, кажется, достаточно известен в музыкальных кругах.

— Это он мне сообщил.

Калхаун запрокинул голову и расхохотался, как будто я сказала что-то чертовски остроумное.

— Я вообще больше ничего не понимаю, — пожаловалась я. — Не хотите же вы сказать, что миссис Калхаун вообразила, что я нарочно нашла работу здесь, чтобы быть поближе к одному из внуков? Как помешанная на любви девчонка, которая всюду таскается за кинозвездой?

Он прочистил горло.

— Это не так далеко от истины, как вы думаете. Каждое лето несколько сгорающих от любви к кому-то из внуков Мак-Ларена девчонок приезжают сюда, периодически теряются, и потом их приходится разыскивать по всей округе. Вот Джойс и решила, что вы приехали, чтобы встретиться с молодыми Мак-Ларенами или даже с их дедом... Нет, — поспешно добавил он, — я не хочу сказать, что ваши намерения были именно такого рода. Например, вы могли бы быть корреспондентом. Репортеры идут на самые невероятные уловки, чтобы познакомиться с этой семьей.

— Но скажите наконец — почему? Что в ней такого замечательного?

Фрэнк, казалось, был удивлен.

— Вы не шутите? Вы что, правда никогда о них не слышали? Они очень известны. Я, например, знал о них задолго до того, как женился на Джойс. По правде говоря, я с ней и познакомился, когда приезжал сюда из-за них. Я тогда собирался о них написать — работал тогда в одной газете.

Он повернулся, чтобы посмотреть, какое впечатление это произвело на меня.

— Значит, вы о них никогда раньше не слышали? Конечно, вы ведь еще очень молоды, а они не появляются

на страницах воскресных приложений... — Он грустно покачал головой.

Машину резко швырнуло. На какое-то мгновение меня качнуло к Фрэнку Калхауну, и после этого подозрение превратилось в твердую уверенность: он немало выпил. Может, он и не был по-настоящему пьян, но ведь и время было еще раннее.

Он заговорил, как бы возвращаясь к давно начатой теме:

— Старика нельзя назвать настоящим отшельником. Он по-прежнему путается с женщинами, которые младше его раза в четыре. Пару лет назад, насколько мне известно, семье пришлось заплатить огромные деньги, чтобы уговорить одну из этих так называемых секретарш не выходить за него замуж. Джойс рассказывает, что такие вещи постоянно происходили еще тогда, когда она была с ними накоротке. Это было лет десять назад. Она очень злопамятна.

— Но если они опасаются, что это может повториться, почему бы им не нанять ему секретаршу... ну, скажем, постарше и поспокойнее? Ведь, очевидно, их нанимает кто-то из членов семьи?

— Разве? Хотя возможно и так. Он сам больше не бывает в городе, а секретарши, как известно, водятся в городах. Честно говоря, я не понимаю, как это ему удастся заманивать сюда всех этих милых цыпочек, хоть бы и ненадолго. Впрочем, у него, должно быть, свои методы.

— И один из них — это предложить хорошие деньги, — сказала я, но он предпочел не понять.

— Знаете, родственники Джойс отдали нам этот дом, после того как мы поженились. Они обычно проводили здесь лето, но раньше, во времена ее дедушек и бабушек, здесь жили круглый год. Разумеется, она прекрасно знала Мак-Ларенов, а со старшим из внуков — хотя, может быть, мне и не следовало бы вам это рассказывать — у нее дело шло полным ходом.

— Мне говорили, что они встречались, — вставила я, стараясь отвести разговор от щекотливой темы. — Друзья детства, что-то в этом роде.

Но для Фрэнка Калхауна, очевидно, не существовало щекотливых тем.

— Друзья детства, еще чего! Она уже почти заказала себе свадебное платье, но тут он ее бросил. Я думаю, он и правда причинил ей много горя, но, по-моему, это не дает ей повода злиться на всю семью. Она же ведет себя не лучше, чем это коренное население.

— Туземцы? — с любопытством переспросила я. — А что, где-то здесь есть индейцы? — Может быть, Эрик вовсе не морочил мне голову? — Мне сказали, что старая индейская деревня находилась где-то во владениях Мак-Ларенов. Или было две разные деревни?

— Вы говорите о поселении призраков? Это же только легенда. Нет никаких следов их пребывания здесь. Только некоторые старинные индейские предания об этих местах, возникшие задолго до прихода сюда белых. Говорят, что здесь обитало «странное племя великанов, служивших неизвестным богам», — продекламировал он. — Это все я слышал от женщины, которая ходила за детьми прошлым летом. Она, как вы уже догадались, была как раз из коренных жителей. — Его голос опять изменился, имитируя, очевидно, манеру речи той женщины: «Они пришли из далекой страны, и потому их души обречены скитаться здесь, будучи не в состоянии достичь их дальней родины». — Он рассмеялся. — Думаю, вам ясно, почему Джойс не захотела нанять ее во второй раз.

— Тогда это должно быть как-то связано с Призраком Озера, — уверенно сказала я. — Призрак и поселение призраков не могут существовать отдельно друг от друга.

— Никогда не слышал, что есть такое правило, — усмехнулся Фрэнк. — Но это все действительно переплетено: предполагается, что Призрак — это страж сокровищ.

— Вы хотите сказать, здесь действительно есть сокровища! Я слышала, как они говорили об этом, но не думала, что это всерьез.

Машина резко замедлила ход. Фрэнк Калхаун впился в меня глазами.

— Что именно они говорили?

— Да ничего такого. Просто упоминали об этом. Я подумала, это что-то вроде семейной шутки.

Он вздохнул.

— Да, теперь это так и воспринимается. Кажется, что это так же нереально, как и Призрак. Каждый знает,

что это все сказки, и отбрасывает эту идею прочь. — Он колебался. — И все же... у этого места очень своеобразная атмосфера, она как бы заставляет верить в самые невероятные вещи, а когда вспоминаешь про это в городе, кажется, что у тебя голова не в порядке, и хочется обратиться к врачу.

Машина набирала скорость на спуске, который сначала был незаметен. Фрэнк Калхаун, казалось, целиком погрузился в свои мысли, и я радовалась, что на дороге не видно других машин. Среди деревьев промелькнуло, вспыхнув, что-то синее, и я решила, что это озеро.

— А что это за сокровища?

Какое-то время он смотрел на меня невидящими глазами, потом очнулся и улыбнулся.

— Ну конечно — сокровища. Есть ли на свете женщина, у которой глаза не загорелись бы при мысли о сокровищах?

Я была уверена, что мои глаза вовсе не горели, но решила сдержаться и не возражать. Мне было очень интересно услышать, что он скажет.

— Легенда гласит, что они нашли их где-то на своей земле, когда еще только пришли сюда. Сокровища были зарыты в развалинах старой каменной башни — здесь есть одна такая. Мне говорили, в колониальные времена она использовалась под склад оружия. Но это не вяжется с другой историей, в которой говорится, что первый из Мак-Ларенов полюбил индейскую девушку и она открыла ему, где надо искать сокровища. Но, говорят, и после этого сокровища пролежали нетронутыми не одно столетие. Никто не знает, что этот клад собой представляет. То есть ни один человек, не входящий в семью. А может быть, и члены семьи тоже не знают. Сами видели, вся история превратилась в шутку.

Но его лицо было очень серьезно.

Я не отставала:

— Нет, ну хотя бы приблизительно должно быть известно, что это за клад. Легенды обычно очень внимательны к этому.

— Конечно, есть множество версий. Наиболее популярны те, в которых фигурируют золото и драгоценные камни. Это самый очевидный путь.

— Но в этих местах индейцы не добывали ни того, ни

другого, — уточнила я. Тут у меня родилась блестящая идея. — Пираты! Если переместить события немного ближе к нам, получаем золото и камни. Но зачем им было заходить так далеко от побережья?

— Это не так уж и далеко от побережья. Океан ближе, чем вы, наверное, думаете. И мне очень жаль, но версия с пиратами тоже уже выдвигалась.

— Я не претендую на оригинальность, — возразила я. — Но почему пиратский вариант не получил распространения?

Фрэнк отнял руку от руля и почесал подбородок.

— Почему же, он получил очень даже широкое распространение. Он хорошо стыкуется с историей о пришельцах из дальних стран, хотя я никогда не слышал, чтобы пираты служили каким-нибудь богам. А возражения здесь те же, что и для золотой версии: для чего понадобилось бросать сокровища, вместо того чтобы ими пользоваться? Тогда ведь повсюду еще не сновали эти чиновники, вынюхивая, какой у тебя доход.

Последние слова он произнес как-то медленно, словно эта мысль поразила его.

— Если за всем этим и правда что-то стоит, возможно и то, что Мак-Ларены все истратили еще тогда и это стало фундаментом их процветания. Мне говорили, что на протяжении двух предыдущих столетий им здесь принадлежало буквально все и они прочно держали власть в своих руках.

Я поинтересовалась, кто это говорил, и Фрэнк слегка улыбнулся:

— Джойс говорит, я слишком много якшаюсь с местными, — но, какого черта, у нас как-никак демократия... К тому же больше говорить здесь не с кем. Поверьте, это очень печально, что вам приходится уезжать...

Я сменила тему — вернее, вернулась к предыдущей.

— С тех пор Мак-Ларены, кажется, утратили свое положение. Дом в запущенном состоянии. Сейчас они едва ли очень богаты. Если только старый Мак-Ларен не законченный скряга.

Фрэнк выпятил губы.

— В округе так и поговаривают, но здесь много чего болтают, не знаешь, чему и верить. Что касается меня,

я полагаю, что сейчас у них не так много денег, как раньше. Да и у кого они есть при нынешних-то налогах? Но в то же время — откуда вы знаете, сколько нужно денег, чтобы содержать в порядке такой дом, особенно если он стоит на отшибе? У старика водятся кое-какие деньги, уверен, и у Луи Эспадоны тоже: тот просто женился на деньгах Дюрхамы — те тоже очень обеспеченны, и у мальчиков что-то есть — не знаю уж, много ли.

— Но главное, что у них есть, — это сокровище, да? Фрэнк рассмеялся:

— И Призрак, не забывайте о нем.

— Разумеется, — согласилась я. — Они идут в комплексе, не так ли?

Мы въехали в деревню, и Калхаун остановил машину у длинного приземистого здания, которое, если верить беспорядочным вывескам, украшавшим его, вмещало не только универмаг, но также почту и телеграф. Там же помещалось, очевидно, и то, что могло сойти за официальное железнодорожное представительство, потому что, выйдя оттуда через минуту, Фрэнк объявил:

— Как я и предполагал, поезд прибудет не раньше, чем через полчаса. Непредвиденная задержка. Мы можем пока пойти и что-нибудь выпить.

— Благодарю, я так рано не пью. Но я могла бы съесть что-нибудь. Я не очень хорошо позавтракала.

Фрэнк, казалось, был разочарован.

— Ладно, давайте. Но боюсь, что в этот час единственное место, где можно поесть, — это аптека, и хочу вас предостеречь...

Его прервал какой-то человек в белом фартуке, выскокший из подъезда, украшавшего вход в здание и служившего для всевозможных вспомогательных целей. Он устался на меня.

— Если это вы — мисс Пэймелл, вам просили передать, что вас кое-кто ждет на станции.

Фрэнк Калхаун и я переглянулись.

— Понятия не имею... начала было я, и одновременно со мной заговорил он: — Кто бы это мог... — и мы вместе замолчали.

— Полагаю, что единственный способ узнать, что это означает, — поехать на станцию и все самим увидеть, — он включил мотор. — Завтрак не удался.

— Ничего страшного. Я не успела еще проголодаться.— Это была неправда. Теперь, когда я вспомнила о еде, я поняла, что очень хочу есть, и голод только усиливался при мысли о том, что в поезде поесть не удастся,— этот поезд был не из тех, в которых есть роскошные вагоны-рестораны.

Я не очень удивилась, обнаружив, что этот «кое-кто», кто меня ждет,— Эрик Мак-Ларен. круг моих здешних знакомых ограничивался этой семьей. Вопрос был в том, зачем ему понадобилось меня ждать. В этот раз его огромная машина была припаркована у самого края платформы. Эрик сидел со скучающим видом, прислонившись к колесу и явно страдая от жары. Услышав шум подъехавшей машины, он поднялся и пошел нам навстречу. Они с Калхауном мельком кивнули друг другу, не протягивая рук.

Эрик взглянул на меня без улыбки, но я сделала вид, что не замечаю этой напряженности.

— Похоже, ваши надежды не оправдались. Мы опять встречаемся, но чему же я обязана такой честью? Я что-нибудь забыла?

На угрюмом лице не промелькнуло и тени улыбки.

— Телефон уже исправили, и мы... получили сообщение, что мисс Хайс не сможет приехать. Тогда дедушка позвонил к ним домой,— Эрик махнул рукой в сторону Калхауна,— и Джойс рассказала ему, что произошло.

Я вспыхнула. Представляю, что им наговорила Джойс.

— Ничего не произошло. Миссис Калхаун... просто передумала.

— Это верно,— подтвердил Фрэнк Калхаун — Ее какая-то муха укусила. Вы же помните ее? Вечно ей что-то мерещится

Эрик кивнул скорее подтвердил, чем ответил.

— Но все-таки, мисс Пэймелл,— продолжал Калхаун,— я думаю, вам следует сперва все очень тщательно взвесить, прежде чем...

— Дайте мне все-таки сначала объяснить ей, что именно она должна взвешивать, перед тем как принять решение,— отрезал Эрик.— Как вы, наверное, догада-

лись уже, мисс Пэймелл, дедушка снова предлагает вам работу. На тех же условиях, но если вы хотите больше денег, то скорее всего, можете на это рассчитывать.

Я попыталась усмехнуться:

— Не очень-то хороший бизнесмен из вас бы получился, не находите?

— Я вовсе не бизнесмен. Я просто должен вам передать, — жестко сказал он. — Согласны вы или не согласны? — Было очевидно, что он не хочет, чтобы я соглашалась.

Я колебалась. Мысль о том, чтобы работать у Мак-Ларенов, не казалась мне привлекательной, но после встречи с Джойс я знала, что бывают места и похуже. В любом случае, эта работа была лучше, чем ничего. А у меня именно что ничего и не было.

— Бертран... — брови Эрика поползли вверх, и я поправилась: — ваш брат говорил, что вам нужна не столько секретарша, сколько сиделка.

— Сиделка тоже. Но разве вы не собирались заниматься именно этим?

— Конечно, но...

Калхаун подтолкнул меня локтем.

— Мне нужно сказать вам несколько слов с глазу на глаз, — сказал он, отводя меня в сторону по платформе.

— Выслушайте его внимательно, — посоветовал Эрик мне вслед. — В его словах может быть много правды. Среди всего прочего.

Калхаун поджал губы, но ничего не ответил. Вместо этого он зашептал мне:

— Если у вас есть голова на плечах, мисс Пэймелл, вам нечего делать у Мак-Ларенов.

— Я уже говорила вам, что мне они симпатичны не более, чем вам, но я просто не могу позволить себе роскошь отказаться от работы. Теперь уже поздно искать что-то другое на лето. В конце концов, что такого страшного может произойти за какие-то десять недель? — К тому же, подумала я, здесь я смогу сэкономить гораздо больше, чем предполагала. При мысли об этом тучи в моей душе несколько рассеялись.

Калхаун нахмурился.

— Я хотел бы предложить вам что-то взамен, но... — он беспомощно развел руками, — в данный момент мои

возможности... И все-таки, мне кажется, вы не понимаете, на что соглашаетесь.

— Ну и на что я соглашаюсь?

Он сделал нетерпеливый жест.

— Ничего определенного, ничего, на что можно указать пальцем, но... понимаете, с этими Мак-Ларенами не все в порядке. Не только старые истории. Есть и свеженькие...

— Может, вы наконец что-нибудь решите? — крикнул Эрик через платформу. — Я не намерен торчать здесь целый день.

— Нищим не приходится выбирать, — сказала я Калхауну. — Я ставлю точку. Если будет слишком плохо, я просто уеду. В конце концов, это еще не конец света. — Но в голове у меня вертелись слова, сказанные Эриком вчера: если хоть немного поживешь в этом доме, отсюда уже очень трудно уехать.

— Вы делаете очень большую ошибку, — сказал Калхаун. — Но я вас понимаю. Я и сам бывал на мели. — Я уже повернулась, чтобы сообщить Эрику дурную новость, но Калхаун удержал меня за руку. — Если вам понадобится помощь или еще что, помните, вы всегда можете обратиться ко мне. В любое время. Даже если вам просто захочется с кем-нибудь поговорить...

— Спасибо, непременно, — заверила я его, пытаюсь представить себе, насколько плохо мне должно быть, чтобы я когда-нибудь действительно к нему обратилась.

Он никак не отпускал мою руку.

— И еще, послушайте... я до сих пор, случается, пишу статьи для газет, как внештатный корреспондент... и если вы разузнаете что-то о сокровищах... или вообще что-нибудь интересное... позвоните мне. Вам это ведь ничего не стоит.

Я освободила руку.

— Буду иметь в виду, — соврала я.

И только уже сидя в машине рядом с Эриком Мак-Лареном, я сообразила, что Фрэнк Калхаун так и не дал мне обещанного чека. Ну и ладно, а то я подозреваю, что он мог быть фальшивым.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

За то время, пока мы ехали назад, температура резко упала. Когда я вылезла из машины перед домом Мак-Ларенов, погоду нельзя было, конечно, назвать холодной, но и жаркой она отнюдь не была. Эрик уже говорил, что с их стороны озера всегда прохладнее, но я не ожидала, что настолько.

Мистер Мак-Ларен вышел на лестницу перед входом, чтобы встретить меня. Гаррисон унес мои вещи, пока Эрик отгонял машину.

— Дорогая моя, — сказал старик, беря меня за руки и вводя в дом, — какое счастье, что Эрик успел застать вас.

— Я тоже рада, — вежливо ответила я. — Тем не менее я сожалею о мисс Хайс. Надеюсь, она не серьезно больна?

Взгляд старика стал испытующим.

— Значит, Эрик не... Ну, может, это и к лучшему. В конце концов, какое нам дело до мисс Хайс? Пойдемте, я покажу вам библиотеку и кабинет, там в основном вам и предстоит работать.

После этого, конечно, я не могла начать расспрашивать его о мисс Хайс, но все же мне было очень любопытно, почему она раздумала приезжать сюда.

Если у меня и были кое-какие подозрения насчет характера моей предполагаемой работы, они вскоре рассеялись. Мистер Мак-Ларен усадил меня перед превосходной пишущей машинкой и с гордостью показал кипу листков, исписанных мелким, неразборчивым почерком. Эту рукопись мне предстояло перепечатать в трех экземплярах.

— Разумеется, если заметите какие-то ошибки в грамматике, в написании, et cetera, буду очень благодарен, если вы их исправите.

Он скромно усмехнулся, так что стало ясно: что

касается своего литературного стиля, его он считал безупречным.

— Если, однако, возникнет какой-то вопрос по поводу самого содержания, я хотел бы, чтобы вы обращались с этим ко мне, а не... гм-м... не полагались бы на свою интуицию. Многие юные особы, которых я нанимал, склонны были считать себя всеведущими.

Он довольно рассмеялся.

— Наверное, вы теперь думаете, что, раз мои секретарши так часто менялись, я должно быть совершеннейший тиран. Но уверяю вас, это не так. Я очень терпимый человек, так что не беспокойтесь.

Я сказала, что я и не беспокоюсь. Он похлопал меня по руке.

— Если все-таки попадется что-либо непонятное, не раздумывая спрашивайте меня, как бы тривиально это ни казалось. Я буду работать в библиотеке, в соседней комнате. — Последнее меня чрезвычайно обрадовало: я уже начинала опасаться, что он намерен оставаться со мной в кабинете, а его старообразная галантность заставляла меня порядком нервничать.

Кабинет представлял собой небольшую, обшитую темными панелями комнату, одна дверь из которой вела в гораздо большую по размерам библиотеку, а другая — в какой-то коридор. Мы вошли через библиотеку, так что я не очень хорошо представляла, что там, за другой дверью. Одно большое окно выходило в промежуток между двумя крыльями здания, где все было заполнено кустарником с желтыми цветами. Полчаса или около того я прилежно перепечатывала скучный и, как мне показалось, не слишком оригинальный обзор путешествий викингов в десятом и одиннадцатом веках. Из приоткрытой двери, ведущей в библиотеку, послышался мелодичный хrap. Я невольно улыбнулась: очевидно, так мистер Мак-Ларен проводит основную часть своего рабочего времени.

Должно быть, я проработала около часа, когда голод стал уже настолько сильным, что на него нельзя было просто махнуть рукой. В кабинете не было видно звонка, да я и не решилась бы звонком вызвать прислугу. Я пошла поискать кого-нибудь, кто сказал бы мне, где тут можно поесть.

Выйдя из кабинета, я оказалась в проходе — более узком, чем остальные коридоры, и очень темном, освещенном лишь светом, падающим через непрозрачное стекло двери на другом его конце. Там были и другие двери, так много, что я просто не знала, какую выбрать. Я стояла, размышляя: то ли действовать с помощью считалочки — «эне, бене...», то ли крикнуть в расчете на то, что кто-нибудь услышит и придет. Но в это время отворилась дальняя застекленная дверь, и в ней появилась женщина. Она остановилась, взглядываясь в меня через весь коридор.

В полумраке я видела только ее силуэт, лица разглядеть было невозможно. Ее фигура была высокой и угловатой, в ней было что-то непреклонное, даже суровое.

— Вы что-то ищите, мисс?

— Да, я хотела бы знать, когда будет ланч? — и слегка рассмеявшись, я призналась: — Я проголодалась.

Никаких проявлений сочувствия.

— Ланч был полчаса назад. Вы не пришли, и все посчитали, что вы уже поели.

Невозможно. По крайней мере Эрик должен был знать, что у меня не было возможности поесть. Мы уехали со станции еще до полудня. Но впрочем — все равно; какой смысл возражать? Эта женщина — только служанка.

— Боюсь, опять произошла какая-то путаница. Я еще не ела, и никто не сказал мне, когда ланч.

Последовала гнетущая пауза.

— Вы — миссис Гаррисон? — спросила я.

— Да, — подтвердила она таким тоном, как будто и это считала лишним говорить.

Пауза повисла снова.

— Знаете, я не хочу никого беспокоить, но я действительно голодна. Может быть, мне проще пойти на кухню и сделать себе сандвич?

— Нет! — она прямо вскрикнула.

Я поглядела на нее с удивлением, жалея, что не вижу ее лица. Что такого страшного усмотрела она в моем намерении спуститься в кухню?

— Нет необходимости вам это делать, мисс, — уже более спокойно сказала она. — Я сейчас вам все пришло. — Она снизошла даже до того, чтобы показать мне,

где можно вымыть руки, так что мне не пришлось идти за этим в свою комнату.

Возвращаясь в кабинет, я на цыпочках прокралась через библиотеку, где в огромном кожаном кресле мирно спал мистер Мак-Ларен, закрыв лицо платком. Обернувшись на звук открывающейся двери, я увидела Гаррисона с подносом в руках.

— А мистер Мак-Ларен уже поел? — спросила я, пока он освобождал на столе место для подноса.

— Еще до того, как вы и мистер Эрик приехали, мисс. Он всегда ест раньше остальных. Сожалею, что вас не пригласили, но все сейчас в таком волнении из-за того, что случилось с мисс Хайс, все в доме вверх дном.

— В волнении? — повторила я. — Но, насколько мне известно, никто здесь не был с ней знаком, так почему же из-за того, что она заболела — или что там еще могло с ней случиться...

— Заболела, мисс? — Гаррисон уставился на меня. — Разве мистер Эрик не рассказал вам? Она вчера утром выбросилась из поезда.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Итак, мисс Хайс не была невоспитанна или легкомысленна. И она не раздумала ехать утренним поездом. Она просто раздумала жить.

Дверь за Гаррисоном захлопнулась. Я осталась сидеть в оцепенении, повторяя себе снова и снова, что смерть мисс Хайс — случай ужасный, трагический, но что ко мне это не имеет никакого отношения. Но я прекрасно понимала, что, если бы я с самого начала знала, по какой причине не смогла приехать мисс Хайс, я ни за что на свете не согласилась бы на эту работу. В моем сознании изумление смешалось со страхом. Почему же Эрик, если ему так явно не хотелось, чтобы я стала секретарем его деда, — почему он не сказал мне правду? Он мог догадаться, какой это был бы для меня аргумент.

Теперь я уже совсем не чувствовала голода. От одного вида еды мне было нехорошо. Я отодвинула от себя поднос настолько далеко, насколько это позволял стол, жалея о том, что не могу убрать его совсем с глаз долой.

Я чувствовала себя одинокой и напуганной, так что, когда дверь открылась снова и кто-то вошел в кабинет, я просто обрадовалась. Если бы я могла выбирать, я, конечно, предпочла бы, чтобы это был кто угодно, кроме Маргарет, но выбирать не приходилось. По мрачному выражению ее лица и по тому, как без всяких предисловий она начала: «Значит, вы не послушались моего совета?» — я заключила, что ее неприязнь ко мне не исчезла.

— Хорошо же, — она говорила с такой мелодраматической торжественностью, что я не могла отнестись к ее словам серьезно, — пускай вся вина падет на вашу голову.

Я попыталась ее успокоить: в конце концов, мне предстояло провести здесь все лето. Просто необходимо

было найти нечто вроде *modus vivendi**.

— Мне нужна была работа. Вы, наверное, слышали, что миссис Калхаун выгнала меня, как только я приехала?

Маленькие глазки Маргарет злобно сверкнули:

— Уж будьте уверены, я слышала. Она Эрику все уши прожужжала, когда он ей звонил. Сказала, что не потерпит и близко от своего дома женщины вроде вас, если даже ее дети к концу лета одичают

— К концу лета! — с сомнением повторила я. — По моему, они уже достаточно одичали.

Маргарет резко рассмеялась

— Очень возможно.

Она полусидела, прислонившись к краю стола, как будто сесть на стул значило для нее как-то унижить свое достоинство.

— Пари держу, вы чем-то ловко ее задели. Это чудесно вписывается в ваши планы и делает ваше попадание сюда более простым.

Я уже устала от бесконечных обвинений в каких-то гнусных замыслах, непонятных мне самой.

— И в довершение всего я сбросила с поезда мисс Хайс! — огрызнулась я.

Маргарет оцепенела. Несколько мгновений она сверлила меня глазами, и эти мгновения показались мне вечностью. Неизвестно почему, но я почувствовала, как внутри меня крохотным ледяным кристаллом начал расти страх. Слова, которые затем произнесла Маргарет, тоже звенели, как льдинки:

— А откуда вы знаете, что мисс Хайс сбросили с поезда? В официальном сообщении сказано, что она спрыгнула. Кто-то сказал вам, что ее сбросили? Или у вас есть свои сведения?

Она слезла с краешка стола и обошла его кругом, подойдя ко мне так близко, что я почувствовала сильный, отдающий чем-то старомодным аромат «Шанели № 5». С тех пор я не могу переносить этот запах без того, чтобы у меня не перехватывало горло от сознания надвигающейся опасности. Маргарет была очень высока

---

* Способ существования (лат)

ростом — все Мак-Ларены были высокие. Тогда мне показалась, что она возвышается надо мной, как башня. Я постаралась взять себя в руки. Не станет же она драться — особенно здесь, когда в соседней комнате находится ее дед. В это время я осознала, что храпа из соседней комнаты больше не слышно. Не было слышно ничего, кроме шелестящих от ветра стриженных кустов с желтыми цветами там, за окном... и еще тяжелого дыхания Маргарет. Может, он вышел из библиотеки, пока я печатала? Или он просто тихо работает? Или слушает?

Но Эрик же сказал, что он туговат на ухо, а мы с Маргарет говорили тихо. Маргарет говорила почти без выражения, монотонно:

— Если вам что-то известно о том, что случилось с мисс Хайс, скажите лучше мне. Хранить секреты порой опасно.

— Я, я просто так сказала, — заикаясь, пробормотала я. — Вы меня совсем запутали, я, я ничего об этом не знаю. Вы говорили, что я все тут подстроила. И я только хотела сказать, что для этого мне бы пришлось избавиться от нее.

Но ведь эта шутка могла бы быть правдой. Снова во мне поднял голову страх, превратившийся вскоре в панический ужас. Что я сказала? Я, конечно, знаю, что не сбрасывала мисс Хайс с пьедестала. Но что, если это сделал кто-нибудь другой?

— Вы думаете, ее действительно сбросили? Но почему? Кто? — От волнения я повысила голос, но из библиотеки по-прежнему не доносилось ни звука.

Маргарет отодвинулась от меня. На лице у нее было смешанное чувство удивления и смущения. Она походила на лунатика, который, очнувшись, обнаружил, что стоит в ночной рубашке среди толпы.

— Как глупо с моей стороны... — в ее голосе зазвучала сердечность, не шедшая ей и казавшаяся очень неестественной. — Я не поняла, что это просто .. метафора. — Она сделала неопределенный жест рукой. — Я была бы очень вам благодарна, если бы вы ничего никому об этом не рассказывали. И так достаточно разговоров... нам так непросто удержать слуг после этого. — Она избегала смотреть мне в глаза.

— Я не собираюсь об этом рассказывать. Но... — я не знала, что сказать. Я не могла понять, то ли Маргарет правда думала, что мисс Хайс... убита, то ли она разыграла все это, чтобы напугать меня. Если так, то она очень преуспела.

Стараясь скрыть смущение, Маргарет принялась рассматривать содержимое моего подноса.

— Не хотите есть? Зачем только было причинять миссис Гаррисон столько хлопот.

— Когда я просила принести ланч, я не знала о смерти мисс Хайс,— объяснила я и не смогла удержаться, чтобы не добавить: — Миссис Гаррисон, похоже, не из тех, которые молча страдают,— мне казалось, что с ее стороны было довольно-таки некрасиво идти плакаться хозяевам, тем более что моей вины во всем этом не было.

Маргарет рассмеялась своим резким смехом.

— Да, она из тех, кто вечно чувствует себя жертвой. От рождения. Надо столько всего переделать, а годы уже не те.— Она задумчиво провела пальцем по столу.— Если вы останетесь здесь, вам придется иногда помогать нам по дому. У нас постоянно проблемы с прислугой, и, когда возникает необходимость, делать все приходится самим.

— Буду рада помочь,— я постаралась дать ей понять, что «помогу по дому» лишь в том случае, если и «леди» примут в этом участие. Я не нанималась сюда прислугой.

Маргарет кивнула с отсутствующим видом, подняв крышку с кофейника на подносе и рассматривая его содержимое.

— Кофе еще горячий. Хорошо пахнет. Вы не будете пить? Жаль, если пропадет.

— Мне совершенно не хочется. Берите, если хотите.

Она налила себе чашечку. Кофе действительно пах хорошо. Но мне не хотелось ставить себя в глупое положение, спрашивая, хватит ли там на двоих. Маргарет задумчиво отпила из чашки и скривила губы:

— Запах намного лучше, чем вкус. Миссис Гаррисон, похоже, утрачивает свои способности.— Она сделала еще глоток. Потом поставила чашку на стол,— на мой взгляд, чересчур близко от только что перепечатанных страниц рукописи.

Пока я передвигала их в безопасное место, Маргарет неожиданно произнесла:

— Если хотите заловить кого-то из мальчиков, советую позабыть о Бертрane — он женат.

— Но он же сказал, что холост, — не подумав, выпалила я.

— Разумеется, он так сказал. Его брак — тайный. Думаю, его избранница — выше любых похвал. — Заметив мое удивление, она добавила: — Нет, я не доверенное лицо Бертрана. Просто я держу глаза и уши раскрытыми и умею сопоставлять вещи. Сначала я не знала, кто из них, Бертран или Эрик, решился связать себя, но теперь это мне известно.

Она помолчала, словно предоставляя мне возможность расспросить ее, но я не попала на эту соблазнительную приманку.

— Сначала я даже думала, что вы... — начала опять Маргарет, но остановилась. — Ну, это не имеет значения. Я просто предупредила вас.

— Благодарю, — ответила я, — но вы правы: это не имеет значения. Мне не нужен ни один из них.

Она посмотрела на меня очень скептически, но сказала только:

— Я пришла сообщить, что обед в восемь, потому что вечером будет некому носить вам подносы. Если пропустите, — считайте, что вам не повезло.

Когда она ушла, я снова обрела способность смотреть на вещи спокойно и разумно. Я осознала, что наш разговор был совершенно лишен смысла. Как глупо было дать себя напугать этой истеричке! Однако теперь, когда страх прошел — если и не совсем, то почти совсем, — я почувствовала себя совершенно обессиленной. Да, хорошенькое лето меня ожидает: ни одного друга в доме. Разве что кто-нибудь из братьев — или оба — изменит отношение ко мне, приняв мое присутствие в доме как *fait accompli**.

Немного погодя я услышала, как кто-то ходит в библиотеке. Вскоре после этого мистер Мак-Ларен вошел в кабинет, осматривал стол, спросил, все ли в порядке, и пробежал глазами часть рукописи, которую я успела напечатать, сопровождая это возгласами одобрения.

---

* Свершившийся факт (*фр*)

— Ну, я думаю,— сказал он наконец,— на сегодня хватит. Я вами очень доволен — по-настоящему доволен, и мне кажется, вам необходимо немного отдохнуть и развлечься. Что вы скажете о прогулке по окрестностям? Я хотел бы вам кое-что показать, кое-что, что покажется вам очень интересным, я уверен.

— Я была бы рада, мистер Мак-Ларен,— я постаралась, чтобы это прозвучало и в моем голосе,— но у меня ужасно болит голова. Знаете, все эти... *волнения*. Если я вам правда больше не понадобится, я лучше пойду к себе и прилягу.

Он начал упрекать меня, что я не сказала ему раньше об этом, и в течение по меньшей мере десяти минут держал меня, спрашивая, не может ли сделать чего для меня, и предлагая всевозможные домашние средства. Тем временем я с трудом удерживалась, чтобы не застонать, потому что эту головную боль я вовсе не выдумала. Голова моя была готова расколоться на мелкие кусочки. Наконец, в который заверив старика, что мне не нужен врач, я отправилась в комнату, которую мне отвели вчера.

Понадобилась вся сила воли, чтобы тут же не залезть в постель. Но я хорошо усвоила вчерашний урок. Я не только заперла дверь — ключ в этот раз был на месте,— но и поставила стул возле замочной скважины. И только после этого я скинула платье, вошла в постель и уснула.

В дверь постучали, и звучный голос Рене произнес:

— Вы в порядке, мисс Пэймелл?

Я села на кровати, пытаюсь определить, сколько может быть времени. Мои часы показывали половину седьмого. Головная боль прошла, но я чувствовала слабость и легкое головокружение.

Рене наклонилась к замочной скважине:

— Что-то случилось?

— Подождите минутку! — крикнула я. Я на ощупь отперла дверь и отодвинула стул. При этом я чувствовала себя очень неловко, понимая, что по звукам, доносящимся отсюда, Рене должна была догадаться, что я делаю. Но я твердо знала, что эти же меры я буду принимать всегда, пока я остаюсь в этом доме.

Наконец дверь была открыта, и Рене вихрем влетела в комнату. На ее милом лице было написано глубокое участие, но драматический эффект ее выхода несколько снижался из-за того, что с руки у нее свисало что-то мягкое, в складках — слишком по-домашнему уютный штрих для большой сцены.

— Дядя сказал, что вам нехорошо! — воскликнула она, бросаясь ко мне и хватая меня за руки так резко, что я чуть не упала. — Насколько это серьезно? Вы ужасно выглядите. Может быть, следует позвать доктора? Или пусть вас посмотрит миссис Гаррисон? Она замечательно разбирается в травах и во всем таком. Ее бабка, кажется, была знахаркой.

— Ваш дядя преувеличил. У меня болела голова, но теперь уже прошла. Если от чего-то я теперь и страдаю, так это от голода. Я ничего не ела с самого утра.

— Как это возможно! — Рене казалась возмущенной. — Миссис Гаррисон готовила для вас ланч — по крайней мере собиралась. Обещаю вам, я с ней поговорю.

— Нет, все верно, она послала мне поднос с ланчем, я просто не могла есть. — Мне еще раз пришлось объяснить, почему у меня пропал аппетит. Каждый раз, едва только мне удавалось забыть о смерти мисс Хайс, кто-нибудь да напоминал мне об этом. Господи, что же, я обречена все лето мучиться из-за женщины, которую даже не знала?

Рене мрачно кивнула:

— Да, этот дом, кажется, излучает несчастье. Каждый, кто имеет к нему какое-либо отношение, может в любую минуту ждать беды. — Рене опять ослепительно улыбнулась и воскликнула: — Давайте лучше поговорим о более приятных вещах. Поскольку вы не предполагали, что едете сюда, вы могли не захватить с собой ни одного вечернего платья.

Она отлично знала, что у меня их с собой нет, и это было очень мило с ее стороны — так вежливо намекнуть об этом. Мое отношение к ней стало теплее.

— В наши дни редко кто одевается специально к обеду, — продолжала Рене, — но дядя ужасно старомоден. Я думаю, вы можете взять на время один из моих туалетов. У меня с собой буквально все мои вещи.

Я отказалась от квартиры, когда уезжала из Монреаля месяц назад, поскольку осенью собираюсь перебраться в Нью-Йорк. — Она протянула мне платье. Это, несомненно, было самое красивое платье, какое я видела в своей жизни. Я не знала, что и сказать, покоренная не столько платьем, сколько неожиданным великодушием Рене. Я чувствовала себя виноватой перед ней, за то что поначалу подозревала, что она пришла поговорить со мной из каких-то корыстных соображений.

— Уверяю вас, это лишнее, — сказала она на мои попытки выразить благодарность. — Я счастлива сделать все что угодно, лишь бы дела в этом доме шли спокойно.

Она оглядела меня. Я почувствовала себя неуютно под этим взглядом, вспомнив, что волосы мои свалились, да и вообще выгляжу я не лучшим образом.

— У нас почти один и тот же размер, и я думаю, оно вам подойдет. Вы немножечко пониже ростом, так что, может быть, вам придется подшить подол на несколько сантиметров. — Она сделала паузу. Потом продолжила с подчеркнутой озабоченностью: — Я хотела бы попросить вас об одном одолжении.

Сердце у меня упало. Я могла бы и догадаться, что ее великодушие имеет определенные цели.

— Когда я узнала, что вы возвращаетесь, я места себе не могла найти от страха, что вы расскажете дяде ужасную правду обо мне — безо всякого умысла, разумеется.

— Какую ужасную правду? — изумилась я. Умысла у меня действительно не было, как, впрочем, и ни малейшего представления, о чем речь.

— Ну, о том, где вы меня видели. Вы ведь уже вспомнили теперь?

Я покачала головой. Рене поджала губки.

— Вы говорите так для того, чтобы успокоить меня? — Очевидно, ей казался невероятным тот факт, что возможно позабыть хоть одну из ролей, в которых появлялась Рене Эспадон.

Она решила сделать вид, что это ее забавляет.

— Разумеется, и почему вы должны помнить? А я-то здесь просто трепещу от страха! Честно говоря, я никогда до этого не дошла бы, если бы дела в театре не шли плохо, как никогда. Вы не поверите, я просто не могла концы свести с концами!

После всех этих приготовлений и вступлений «ужасной правдой» оказалось всего-навсего то, что Рене снялась в нескольких рекламных роликах на телевидении. Я поняла, почему не могла узнать ее раньше. Как-то не вязалась элегантная, безукоризненная, полная жизни Рене с теми дамами на экране, страдающими от недостаточной белизны стирального порошка, затрудненного дыхания или болезней кишечника.

— Сейчас все этим занимаются. Так можно прорваться в регулярную программу, и, что самое главное, этим можно заработать. И все же я на это не решилась бы, если бы предполагала, что дядя может увидеть меня там. В доме нет телевизора, и я считала себя в безопасности. Если бы он узнал, что я занимаюсь подобными вещами, он вычеркнул бы меня из завещания немедленно. Он с таким трудом пришел к мысли, что можно быть актрисой, оставаясь при этом леди, но что касается этих женщин — никогда! И, может быть, он не так уж не прав, — добавила она. — Но, в конце концов, какая выгода — быть леди в наши дни?

Я пробормотала что-то о том, как сильно переменялись взгляды с тех пор, когда ее дядя был молодым. Потом, испытывая некоторое облегчение от того, что просьба Рене вполне разумна, я сказала, что у меня и в мыслях нет рассказывать ее дяде об этих рекламных роликах, и не только дяде — никому.

Улыбка опять вспыхнула на ее лице:

— Вы меня понимаете, я вижу. Как это чудесно, что в доме есть девушка моих лет, с которой всегда можно поговорить и которая мне так симпатична. — Она глубоко и облегченно вздохнула, словно у нее с души свалилась огромная тяжесть. — Ну, я вас оставляю, вы можете уже собираться к обеду. Не сомневаюсь, вы в этом платье будете неотразимы, когда подошьете подол. Я бы вам помогла, но я с трудом держу в руках иголку.

Какое совпадение, я тоже. Но, к счастью, оказалось, что подшивать подол нет необходимости. Платье было средней длины, которая как раз входила в моду, а мне оно доходило почти до пят. Другими словами, оно подходило отлично, если не считать того, что немного сборило на груди. Но я надеялась, что это не очень заметно.

Завершив туалет и разглядывая себя в зеркале, я по-

думала, что никогда еще не выглядела так хорошо. Восточный шелк глубокого бирюзового цвета отсвечивал синим на моих черных волосах. Глаза казались изумрудно-зелеными. И когда я вошла в комнату с картинами, где были приготовлены коктейли, в глазах мужчин я прочитала восхищение. Но оно тут же сменилось неприязнью у всех, за исключением мистера Мак-Ларена. Он пустился говорить мне комплименты, которые могли бы смутить меня, если бы мои глаза и мысли не были целиком сосредоточены на фаянсовых тарелках. А потом мне пришлось приложить немало усилий, чтобы есть, соблюдая приличия, — так я была голодна.

Обед, хотя к нему и подошли не более творчески, чем вчера, был вполне приличный и сытный. Со мной почти никто не говорил, но это меня скорее радовало, чем огорчало, потому что все внимание я могла наконец уделить еде. И только когда мистер Мак-Ларен спросил: «А где же Маргарет?» — я заметила, что ее нет за столом.

Гаррисон оторвался от сервировочного столика:

— Извините, сэр. Мисс Маргарет нездорова. Миссис Гаррисон была с ней почти с самого полудня и сейчас, кончив готовить, снова поднялась к ней. Мисс Маргарет в надежных руках.

Никто не казался обеспокоенным этой новостью, и я решила, что Маргарет, должно быть, часто страдает от того, что там сейчас уложило ее в постель.

После обеда, когда все снова перешли в комнату с картинами для кофе, Эрик подошел ко мне и ледяным тоном заметил:

— Вы, я вижу, отправляясь сюда, основательно подготовились.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду платье на мне. Прежде чем я успела что-либо объяснить, Бертран сказал, ехидно усмехнувшись:

— Это же платье Рене. Ты что, не помнишь? Прошлым летом она пролила на него вино. А потом заявила, что в деревенской прачечной его испортили окончательно и что она его больше не наденет.

— Бертран! — завопила Рене, сильно покраснев. — Ты — ты просто свинья! — Она добавила еще что-то по-французски, от чего Луи, сидевший со своей женой

и с дядей в другом углу, бросил на нее укоризненный взгляд.

К этому времени Бертран и Эрик хохотали уже как сумасшедшие, и я не могла удержаться, чтобы не присоединиться к их веселью, хотя это окончательно смутило бедную Рене.

— Я рад, что вы подружились, — мистер Мак-Ларен улыбался, глядя на нас с таким выражением, как будто мы все еще не вышли из детского сада. Но Луи и Элис посмотрели на нас с холодным неодобрением, и смех постепенно стих.

Рене дотронулась до моей руки:

— Не обращайтесь внимания на этих противных мальчишек. Платье прекрасно на вас смотрится, гораздо лучше, чем на мне.

— Это верно, — согласился Бертран, слишком горячо, чтобы остаться вежливым по отношению к Рене. Но они были двоюродные брат и сестра, выросшие рядом, и он, очевидно, относился к ней, как к родной сестре. Бертран вздохнул: — Если бы только наша крошка Эмили была настолько же честна, насколько она красива.

— Прекрати сейчас же! — вспыхнула Рене. — Разве бедняжка виновата, что дядя Дональд — такой, какой он есть? Она виновата в этом не больше, чем в том, что она такая милая. Что до меня, то я совершенно уверена, что она оказалась здесь случайно, а не в погоне за сокровищами.

— А я думала, что сокровища — это просто выдумки! — сорвалось у меня. — Все впились в меня глазами. — Мне об этом рассказывал мистер Калхаун, — поспешила объяснить я, решив не упоминать о том, что они сами при мне обсуждали этот предмет.

— Уверен, что он порассказал вам множество интересных вещей, — заметил Бертран. — Я вообще удивляюсь, как вы еще решились приехать сюда после того, что он вам там наговорил.

— Ну, может быть, ей позарез нужны деньги, — предположил Эрик. Я благодарно улыбнулась ему.

И в это время на сцене торжественно появилась Маргарет, облаченная в длинную коричневую хламиду с капюшоном, из-под которого виднелось ее очень бледное лицо.

— Маргарет,— сказал ее дед, по-моему, довольно бесчувственно,— надо было подумать, прежде чем являться сюда в таком виде.

Не обращая на него ни малейшего внимания, она вышла на середину комнаты и указала на меня обличающим перстом.

— Я говорила уже, что эта девица появилась здесь не к добру. Но теперь у меня есть доказательства. Она пыталась меня отравить!

Все смотрели на нее недоверчиво. Я, кажется, так и застыла с раскрытым ртом. Рене, к моему огорчению, захихикала. Первым пришел в себя мистер Мак-Ларен:

— Не будешь ли ты добра объясниться, Маргарет?

— Я и намерена это сделать. Она напоила меня кофе, и не больше чем через десять минут после этого у меня начались дикие боли в животе.— Ее глаза налились слезами от жалости к себе.— Он был таким горьким, что я могла выпить всего несколько глотков, а то бы меня уже не было в живых.— Она переводила взгляд с одного лица на другое, напрасно ища сочувствия.— Если вы не верите мне, можете спросить миссис Гаррисон.

— Мы не сомневаемся, что тебе нездоровилось, Маргарет,— мягко сказал Луи.— И все же твое предположение, что...— он посмотрел на меня.— Вы предлагали кофе моей кухне, мисс Пэймелл?

Я попыталась объяснить, как все произошло, но меня прервал мистер Мак-Ларен, разразившейся целой тирадой о «непростительной грубости» — по поводу того, что меня забыли пригласить к ланчу.

— Тш-ш-ш, дядюшка,— успокаивающе сказала Элис.— Это сейчас не главное. Вы хотите сказать — вы предложили Маргарет ваш кофе, мисс Пэймелл?

— Я просто сказала, что она может взять, если хочет. Но я не предлагала ей ничего.

Луи кивнул:

— Так все и было, Маргарет?

Я ожидала, что она будет отрицать. В конце концов, здесь только ее слово против моего. Но она подтвердила:

— Все, кажется, так и произошло.

— Тогда посуди сама: если в кофе был яд — в чем я,

кстати, очень сомневаюсь, — то предназначен он был не тебе, а самой мисс Пэймелл.

Эта мысль как раз пришла мне в голову. Я поставила свою чашку с кофе на стол — моя рука дрожала, и чашка гремела о блюдце.

— Господи, почему я не устроил какую-нибудь аварию сегодня по дороге на станцию, — сквозь зубы пробормотал Эрик. — Я мог бы приехать уже после отхода поезда.

Я предпочла не услышать ни этого, ни того, как Бертран с ядовитым смешком заметил:

— Догадываюсь почему, старина.

Маргарет продолжала доблестно наступать:

— Она же не дура. Она рассчитывала, что, если поставить передо мной кофе, я его выпью.

— Будь благоразумна, милая, — тон Элис больше подошел бы для ребенка. — Откуда бы мисс Пэймелл могла знать, что ты выпьешь кофе? Она же не приглашала тебя в кабинет, разве не так? — Она ободряюще улыбнулась мне. — Не думаю, что вы с ней близко сошлись.

— Она рассчитывала, что один из нас выпьет этот кофе, — упрямо стояла на своем Маргарет. — ~~Может~~ быть, ей даже безразлично, кто именно.

— А зачем ей все это нужно? — пожелал узнать Эрик. — Будь она из нашей семьи...

— Возможно, она рассчитывает войти в нее. — Глаза Маргарет перебежали с одного из братьев на другого. Эрик вспыхнул, а Бертран только усмехнулся.

— Это зашло слишком далеко, — объявил старик, отмахиваясь от Элис. — Маргарет, я уверен, что это просто твой застарелый... гастрит или что у тебя там... дает о себе знать. Знаешь что, как только почувствуешь себя получше — поезжай-ка ты в Бостон и посоветуйся со своим врачом. А пока — сделай милость, извинись перед мисс Пэймелл.

— Пожалуйста, не надо! Я все понимаю — когда плохо себя чувствуешь, иногда такого можно наговорить...

— Я не нуждаюсь в оправданиях, мисс Пэймелл! — отрезала Маргарет. — Но на вашем месте я бы уехала отсюда как можно быстрее. Потому что с этим кофе

дело точно было нечисто. И если никто не хотел отравить меня, то, значит, кто-то решил отравить вас.

Она удалилась.

— Иногда мне кажется,— прошептала Рене,— что в нашей семье актриса не я, а Маргарет.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Остаток вечера я провела, играя в бридж с Луи и Элис. Рене и Бертран вполголоса беседовали о чем-то в другом углу комнаты. Эрик исчез — возможно, опять решил порисовать ночью.

Когда пришел мой черед быть болваном, я решила подойти к Рене и Бертрану, хотя, если бы я вовремя разглядела выражение их лиц, я бы не стала поступать так бестактно. Разговор шел о чем-то очень личном и протекал напряженно. Они резко замолчали при моем приближении. Затем Рене начала оживленно и беззаботно тараторить о предстоящем в ближайшее время лесном пикнике.

— Это как раз то, на что стоит обратить внимание в этих местах. Вы будете очарованы здешним лесом. Он такой — такой настоящий!

— А миссис Гаррисон просто мечтает о том, чтобы помимо всего прочего ей пришлось приготовить корзину с едой для пикника, — вкрадчиво сказал Бертран. — Если кто-нибудь попросит ее об этом, она возьмет да и положит туда яду, чтобы к ней с этим некому больше было приставать.

— Яд, яд! Сколько можно! — не выдержала Рене. — И откуда у людей подобные мысли? Ты же знаешь, что Маргарет просто ненормальная. Она с десяти лет ходит по психиатрам.

Я была рада поскорее вернуться к карточному столу. Оттуда я заметила, что беседа Бертрана и Рене опять накалилась.

Мистер Мак-Ларен рано пошел спать, а Луи и его жена не проявляли никакого желания удерживать меня после его ухода. Поэтому я добралась до своей комнаты вскоре после десяти. Спать мне не хотелось, и я уселась читать какой-то запутанный роман из газетного приложения, которое предусмотрительно захватила с собой.

Но мне трудно было сосредоточиться на надуманных книжных загадках. Вокруг меня было достаточно настоящих тайн.

Раздеваясь, я размышляла о тех невероятных вещах, про которые говорила Маргарет, и о вещах еще менее вероятных, на которые она только намекала. Почему-то я все же не могла просто отбросить их, отнеся все на счет помутненного рассудка Маргарет. А если ее слова не совсем лишены смысла... Каким-то образом сейчас, в спокойной, полной таинственных звуков ночной темноте, то, что раньше представлялось неправдоподобным, стало пугающе реальным... и значит, кто-то правда пытался меня отравить. И мисс Хайс могла быть убита. Но в таком случае, если это кто-то из членов семьи, он должен был ехать тем же утренним поездом, и Эрик, встречая этот поезд, заметил бы его. Кто бы это ни был.

Если только Эрик сам... Но это же смешно. Это все смешно. Все равно, надо будет поговорить об этом с Рене. Она относится ко мне лучше других. Да она и сама предложила полную откровенность, а мне нужен кто-то, кто поднимет все мои страхи на смех. Тогда и мне будет легче это сделать.

Выключив свет, я подошла к окну, чтобы впустить свежий воздух. Я задержалась на минуту, глядя на озеро. В лунном свете оно было черным, чистым и холодным. Я стояла и смотрела на него, и тут заметила, как что-то большое, темное и неповоротливое прорывается через заросли. На какое-то мгновение на него упал лунный луч, и в нем заблестели огромные витые рога. В ту же секунду это нечто снова пропало в тени. Должно быть, заблудившаяся корова, сказала я себе. Однако теперь мысль о лесном пикнике нравилась мне все меньше и меньше.

До середины ночи я пролежала без сна, прислушиваясь к каждому шороху в старом доме — и к стуку своего сердца. Но никто не пытался влезть в мою комнату. Насколько, конечно, я могу об этом судить: утром, когда пришла горничная, ключ опять валялся на коврике и дверь оказалась незапертой. Впрочем, вполне возможно, что замок просто плохо работал и ключ вывалился именно поэтому.

В этот раз Кора была без подноса. Она запыхалась.

— Мистер Эрик велел мне проследить, чтобы вас разбудили вовремя, — чтобы вы успели к завтраку вместе со всеми.

Сам Эрик, однако, за завтраком не присутствовал. Завтрак был накрыт в небольшой солнечной комнате, которая гораздо больше подходила для этой цели, чем та, где мы вечером обедали. Рене тоже не было. Она поздно встает и завтракает в кровати, сообщил мне ее дядя, и по его тону было ясно, что, хотя он и не одобряет таких привычек, но для «богеми» находит возможным сделать исключение. Подозреваю, однако, что такой терпимостью Рене была обязана не уважению старика к актерской профессии, а своей собственной привлекательности. Старик казался почти раздосадованным из-за того, что Эрик давно уже позавтракал, чтобы успеть застать утреннее солнце.

— Эрик так и рвется работать, — тяжело вздохнул Бертран. Утреннее солнце ему явно не идет, подумала я. Лицо его было отекившим, под глазами мешки. Наверное он, решила я, как и Рене, не привык рано вставать. К моему удивлению, Маргарет все-таки решила выйти к завтраку после вчерашнего, хотя вид у нее был очень страдальческий. Она приветствовала меня легким кивком, из чего можно было сделать вывод, что она решила снять с меня подозрения в попытке покушения на ее жизнь.

Разговор не клеился и, начавшись, тут же замирал. Я была несколько разочарована, что Бертран не обращал на меня ни малейшего внимания — как впрочем, и ни на кого вообще, — и злилась на себя за эти мысли.

За столом прислуживала миссис Гаррисон, и я впервые смогла как следует рассмотреть ее. Если примесь индейской крови в ее муже не была заметна, то ее смуглое, с орлиным профилем лицо и редкие черные волосы, не тронутые сединой, хотя ей явно было за пятьдесят, смотрелись совершенно по-индейски. Аккуратный голубой наряд и новоанглийский акцент странно не вязались с ней. Но еще больше не вязалось с этим обликом предположение о том, что ее могли напугать крики какого-то призрака. Если бы Призрак и встретился с ней, подумала я, я бы поставила в этой схватке на миссис Гаррисон.

Мистер Мак-Ларен встал из-за стола, и я поднялась следом, приготовившись пройти за ним в кабинет и продолжать работу над рукописью. Но он остановил меня, когда я пошла в этом направлении.

— Дорогая моя, сегодня слишком хорошее утро, чтобы провести его в пыльной старой библиотеке. Позвольте мне по крайней мере показать вам окрестности, прежде чем мы продолжим наши труды. Тут есть одно... старинное место, — кажется, я уже упоминал? — и я думаю, вы сможете по достоинству его оценить. Не то что эти филистеры, — он кивнул в сторону остальных.

«Филистеры» продолжали пить кофе с невозмутимо застывшими лицами. Он продолжил:

— Ко всему прочему — должны же вы иметь представление о том, что нас окружает. Я не собираюсь держать вас запертой в доме целыми днями. Мне приятно будет оказаться вашим чичероне.

Что я могла ответить, кроме того, что с радостью принимаю его приглашение? По правде говоря, я была бы рада любому предлогу, чтобы избавиться от его неуместных излияний. К тому же, если честно, я с трудом могла разобрать даже те куски рукописи, которые были написаны по-английски, а там еще было множество цитат и вкраплений на каком-то языке, похожем на искаженный латинский, и на другом, который я приняла за древнескандинавский. Ни того, ни другого я не понимала. И теперь еще я заметила, какими взглядами обменялись родственники старика за его спиной. Мне хотелось заверить их всех, что, как бы игриво ни был настроен старый джентльмен, меня ничуть не привлекают ни его чары, ни богатства, если они, конечно, существуют.

Он повел меня из комнаты, где мы завтракали, по какому-то проходу и вниз — к боковому выходу, которым, очевидно, часто пользовались: там стояла прогулочная трость, прислоненная к стене возле двери, которую старик автоматически взял, открывая дверь. Место, где я оказалась, сочетало в себе представления о земном рае и атмосферу ночных кошмаров.

Земля здесь была буквально устлана розами. Они поднимались по стене дома, свисали с карнизов, буйно стелились по земле — розовые, алые, кроваво-красные, и еще цветы такого глубокого красного оттенка, что они

казались почти черными. Прогретый солнцем воздух казался тяжелым от их приторного аромата и был наполнен жужжанием пчел, как будто пьяных от нектара.

— Какой прок от этих нынешних роз без запаха, — провозгласил мистер Мак-Ларен. — В моем саду растут только старинные, чудесно пахнущие сорта. — Он придирчиво поглядел вокруг себя. — Хотя, конечно, о сортах говорить не приходится. Сейчас можно говорить уже о полном одичании. — Он вздохнул. — У нас всегда был полный штат садовников, но теперь так трудно найти людей, которые в этом разбираются. И это при таких налогах и такой высокой плате им... Нет, я конечно, не бедный человек, вы не подумайте, дорогая моя. Но теперь так трудно за всем уследить.

Я пробормотала что-то о том, как это прекрасно — или как это было прекрасно — или как это было бы прекрасно, — сознавая, что в моих словах немного смысла, и сознавая к тому же, что он озабочен больше тем, что скажет и как скажет он сам, чем тем, что отвечу я. Этим он не отличался от остальных членов своей семьи.

— Время подобных домов прошло; я думаю, это так. Но я слишком стар, чтобы менять свои привычки.

Сокрушенно качая головой, он повел меня по узкой тропинке, пересекавшей розовый садик. Пока мы шли по ней, я, стараясь при этом не зажмуривать глаза, молилась всем местным святым или божествам, в чьи владения мы попали, — о том, чтобы пчелам не пришлось в голову оторваться от угощения. Я почувствовала облегчение, только когда мы вышли на лужайку, где цветы росли уже как полагается, на отведенных для этого клумбах. Это был приятный вид — разросшаяся трава и пучки цветов, — красивый немного дикой красотой, но далеко не такой безумной, как в розовом саду.

— Весь ужас в том, что мы теперь зависим от неквалифицированных рабочих из деревни, а те, кто действительно может и хочет работать, предпочитают наниматься к дачникам. Вы скажете, они не обязаны помнить всех предыдущих столетий... да, но прошлое умирает трудно. — Он провел тростью по земле. — Здесь везде были сады, и хотя теперь то, что осталось, вряд ли может быть так названо, мы продолжаем так говорить — может быть, просто для того, чтобы отличить этим места от

леса. Большая часть территории всегда оставалась лесом, — он указал тростью на темную массу деревьев, поднимавшуюся (зловеще, подумалось мне) у самого горизонта. — А многие очищенные участки снова стали лесом много лет назад.

Я вспомнила, как Эрик говорил о том, что его дед мечтает, чтобы эти места остались «навечно дикими». Теперь, при дневном свете, мне стало ясно, что слово «дикий» может иметь различные значения в применении к этим местам.

Мистер Мак-Ларен глубоко погрузился в свои мысли. Я вежливо кашлянула и спросила:

— А в ваших владениях еще кто-нибудь живет? Я помню, вы говорили, что другие ветви вашей семьи поселились поблизости, и меня это удивило...

— Да, — ответил он, — все так, здесь когда-то было много народу. Но они все ушли.

Я не поняла, что он хотел сказать: что люди покинули эти места или что они все умерли. И о ком он вообще говорил — о белых или об индейцах.

— Вы, разумеется, можете ходить здесь, где хотите. Но я все же не советовал бы вам одной бродить по лесу.

Прежде чем я успела заверить его, что я и так ни за что на свете не пошла бы туда одна, он продолжил:

— Здесь никто никогда не пытался расчистить подлесок, и в этих зарослях вы не только изорвете ваше платье, но и выйдете оттуда вся исцарапанная. И хотя понастоящему потеряться там нельзя, вы можете часами кружить и кружить по лесу, не зная, как из него выйти. Мисс Монтейс, ваша предшественница, провела там очень неприятный вечер, совершенно испортила свою одежду и до смерти была напугана чем-то, что она приняла за медведя. — Он улыбнулся. — Дитя мое, все ваши чувства написаны у вас на лице. Поверьте мне, повода для тревоги нет. Да, здесь водятся бурые медведи. Но они совершенно безобидны, если их не раздражить.

— Я не собираюсь их дразнить! — горячо заверила я. — Скорее я предпочла бы с ними вообще не встречаться.

— К дому они никогда не подходят близко. По правде говоря, в последние годы в этой части леса их почти не видели. — Помолчав, он лукаво добавил: — Бертран счи-

тал, что мисс Монтейс на самом деле видела скунса и приняла его за медведя — или просто нам сказала, что был медведь, — чтобы не ронять себя в наших глазах. Но скунс — это же просто смешно. Я все-таки не думаю, что какой-то скунс довел ее тогда до такого истерического ужаса... — Он поглядел на меня. — Скажите, я не очень вас пугаю? Вы кажетесь такой спокойной, с вами отдыхаешь душой после моих родственников. Я думаю, вас все в них забавляет.

Ничто на свете не забавляло меня меньше. Возможно, Маргарет и все прочие горят желанием запугать меня. А мистер Мак-Ларен, очевидно, хочет, чтобы я осталась здесь, иначе зачем ему было предлагать мне работу? Более того, при свете дня нелепость всех этих призраков и коварных убийц, пугавших меня ночью, была очевидна. Но медведи были настоящие. Мое воображение понеслось скачками. Может быть, то животное, которое я видела прошлой ночью, — вовсе не бродячая корова, а какой-нибудь дикий зверь? Я старалась вспомнить, каких рогатых зверей подходящего размера можно встретить в лесу. Но ничего, кроме яков, мне в голову не пришло, а даже при моих убогих познаниях в зоологии я знала, что яки в лесах Новой Англии не водятся.

И все-таки, мало того что здесь дикие люди, так еще и дикие звери. Это уж слишком. Как только представится возможность, уеду отсюда в деревню. Оттуда можно позвонить друзьям в Нью-Йорк и узнать, кто может приютить меня на несколько дней — или недель, — пока я буду искать работу. А если такая возможность не представится сама по себе — ну что ж, надо будет сделать так, чтобы представилась.

— Вы, конечно, спросите, — продолжал мистер Мак-Ларен, пока мы спускались по извилистой тропинке, усыпанной щебнем, разлетавшимся от шагов, над которой нависали задевшие нас ветки, — что мисс Монтейс делала ночью в лесу. Мне это, признаюсь, тоже было интересно, хотя я и не хотел добавлять ей новых волнений, устраивая ей допрос с пристрастием. Маргарет завяряла всех, что она вышла, чтобы встретится с неким... гм-м... посетителем...

Я вовремя удержалась, чтобы не сказать, что это совершенно в духе Маргарет.

— Однако если юная леди заинтересовалась кем-то из местных, — хотя ума не приложу, кто бы это мог быть, — я не понимаю, почему нельзя было пригласить его в дом. Если только он не был совсем уж неприличным...

Это несколько задело меня.

— Вы хотите сказать — наполовину индеец или что-то в этом роде?

— Дорогая моя, конечно же нет. Я полагаю, здесь у каждого есть примесь индейской крови. Когда я говорю, что он мог быть неприличным, я имею в виду, из-за... прошлых событий. Короче, я имел в виду Фрэнка Калхауна.

Его лицо покраснело. Он чувствовал себя неловко. Очевидно, что разгс зоры на подобные темы не доставляли ему особой радости. И все же он считал своим долгом объясниться.

— Я уже сказал, что он не пользуется хорошей репутацией в этом отношении. Более того, с тех самых пор, как он женился на бедной Джойс, он проявляет неуместное любопытство во всем, что касается нашего дома. Конечно, много болтают попусту, и все же...

Он явно собирался сообщить мне, что обычно дыма без огня не бывает и что за этим что-нибудь да кроется, но я решила помочь ему и рассказала, какое неприятное впечатление произвел на меня мистер Калхаун, и объяснила, что не собираюсь поддерживать с ним знакомство.

— Превосходно, превосходно. Так вы будете держаться от него подальше? — и поспешно добавил: — Вы недовольны. Но, простите мою навязчивость, я чувствую себя ответственным за вас, как будто я *in loco parenti** по отношению к вам. Вы знаете, я действительно начинаю чувствовать... но пока рано говорить об этом. Но все-таки я должен предупреждать вас о подобных вещах. Я уверен, ваш отец поступил бы точно так же на моем месте.

Я представила себе своего папу, одетого в «настоящий свингер», и постаралась не рассмеяться. Но на мистера Мак-Ларена я уже не сердилась. В конце концов, старик поступил правильно. Просто он, по его собственному выражению, живет в другой эпохе.

---

* вместо отца (*лат*)

Он раздвинул тростью непроходимый кустарник, и мы оказались у самого края озера. Его голубые волны необъятно простирались перед нами, очень заманчивые в свете позднего утра. На какой-то момент я совершенно позабыла, что собиралась отсюда уехать при первой же возможности.

— Как здесь красиво! Хорошо, что я привезла сюда купальный костюм — мне просто не терпится влезть в воду. — Я с надеждой взглянула на него. — Может быть, вы отпустите меня ненадолго сегодня после полудня? — И может быть, добавила я про себя, я смогу уговорить Бертрана и Эрика — или одного Бертрана — отправиться со мной купаться.

Мои слова как будто обожгли старика — только так можно описать его реакцию.

— Нет! — почти закричал он, вцепившись мне в плечо с неожиданной для него силой. — Об этом даже не думайте!

Я растерянно смотрела на него. Лицо его было бледно-известковой бледностью, рука, державшая палку, заметно дрожала.

— Что с вами, мистер Мак-Ларен? Может, нам лучше вернуться в дом?

— Нет-нет, не нужно, — он убрал руку с моего плеча и провел ладонью по лбу. — Извините, дитя мое, — продолжил он уже более спокойно. — Я не хотел напугать вас. Со мной все в порядке. Просто никто и не помышляет о том, чтобы купаться здесь, — так давно, что вы застали меня врасплох. Обещайте мне, что вы никогда не сделаете ничего подобного.

— Конечно, если вы так хотите. — Но я все же немного сожалела, отказываясь от того, что было здесь, кажется, единственным развлечением — если, конечно, не считать пикников в лесах, кишящих медведями и пчелами. Мне вспомнилось, что Эрик как-то говорил о том, что здесь не пользуются лодками. Но, уверенная, что больше мне здесь не бывать, я не обратила тогда на это внимания. — А что, озеро небезопасно?

— Небезопасно! — повторил старик. — Оно очень опасно. Здесь произошло столько несчастных случаев! После последнего несчастья я просто запретил плавать на лодках или купаться в этой части озера. Там устано-

влены специальные знаки, предупреждающие об этом, но их постоянно сносит ветром, или они облезают от дождя.

Я поняла так, что кто-то из его родственников утонул в этом озере, и поэтому не стала его ни о чем больше расспрашивать. Но мне подумалось, что довольно-таки нелепо запрещать подходить к озеру из-за происшедшей трагедии. Это все равно как если бы все родственники попавшего в автокатастрофу решили отказаться от водительских прав.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Поскольку мистер Мак-Ларен по-прежнему казался немного бледным, я снова спросила, не лучше ли нам вернуться домой: посмотреть все остальное можно и еще когда-нибудь. Но он только отрицательно покачал головой.

— Говорю же вам, здесь есть кое-что, что я очень хочу вам показать.

Честно говоря, я совсем не сторала от любопытства. Но мне показалось, что проще всего не спорить с ним: он мог снова впасть в беспокойство. Итак, он повел меня по другой тропинке, заросшей еще сильнее, чем первая, так что заросли кустарника поднимались над моей головой. Ветки переплетались так густо, что мы все время были в тени, и я заметила каменное сооружение, довольно ветхое на вид, только тогда, когда мы вплотную подошли к нему.

Сооружение это было, насколько я могу судить, футов двадцати пяти — тридцати в диаметре и примерно такой же вышины. Если бы оно было хотя бы немного повыше, название «башня» действительно подошло бы ему. Но я все равно поняла, что Фрэнк Калхаун говорил именно о нем.

Мистер Мак-Ларен гордо указал на него тростью.

— Ну, что вы скажете об этом?

На мой взгляд, больше всего это сооружение напоминало — формой по крайней мере — свадебный торт. Но едва ли я могла это сказать.

— Это, наверное, студия Эрика.

Мистер Мак-Ларен очень расстроился.

— Он действительно устроил здесь студию, и я не нахожу, что от этого может быть какой-то вред. Это здание использовалось всегда — с тех пор, как оно тут

стоит,— для самых различных целей. Но вы же не скажете, я уверен, что оно *предназначалось* для студии.

— Нет, конечно, это же очевидно: окна слишком малы.— На самом деле эти окна походили скорее на прорези и были бы уместнее для укрепленного форта.— Мы можем войти внутрь?

Не дожидаясь ответа, я подошла и толкнула дверь, которая была гораздо новее, чем само сооружение. Но дверь была заперта. Замок, как я заметила, был уж совсем новый.

— Я боюсь, что Эрик...

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появился Эрик собственной персоной. На нем была уделанная разноцветными пятнами краски рубашка и шорты, черные волосы были собраны в косу. Вид у него был просто разъяренный.

— Меня когда-нибудь оставят здесь в покое? — начал он. Но, увидев, кто его посетители, он немного успокоился.— А, я думал, что это опять Маргарет. Она постоянно вертится поблизости и все что-то вынюхивает.

— Я говорил уже с ней об этом — и не только об этом, обо всем,— неуверенно сказал мистер Мак-Ларен.— И я думаю, что здесь все улажено, ты можешь больше не беспокоиться.

— Зачем ты вообще ее сюда пригласил!..

Его дед многозначительно кивнул в мою сторону. Эрик вздохнул и послушно сменил тему разговора.

— Я вижу, ты проводишь для Эмили обзорное турне по округе. И теперь вы натолкнулись на *piece de resistance**.— Он довольно насмешливо махнул рукой в сторону здания.— Надеюсь, вы достаточно потрясены.

— Это... очень мило. Наверное, это так интересно — жить в таком доме.

— Как вы думаете, мисс Эмили, сколько ему лет? — спросил старик.

— Выглядит очень старым. Оно построено... должно быть, еще до Революции.— Я оглядела его снова, на этот раз с большим уважением.

— Действительно так,— согласился мистер Мак-Ларен.— На самом деле *задолго* до Революции.

---

* укрепленное место (*фр*)

Эрик начал гримасничать за спиной своего деда, и я поняла, что меня привели сюда, чтобы поведать одно из местных преданий, связанное каким-то образом с теоретическими построениями старика. Ну что же, очевидно, мне платят и за то, чтобы я все это выслушивала.

Я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно воодушевленное:

— Это же только представить — оно простояло тут все эти сотни лет. Оно было построено колонистами? Или индейцами? Хотя, кажется, индейцы не строили каменных зданий.

— Не строили. По крайней мере в этих местах. Это построили белые — за четыреста лет до того, как в Америку приплыл Колумб.

Он сделал театральную паузу.

На это, не подумав хорошенько, я выпалила:

— А, вы говорите о викингах! Как та башня — на острове Роод? Но ведь большинство специалистов считают, что это просто мельница, построенная в начале колонизации? — И только выдав все это, я заметила, что Эрик делает мне отчаянные жесты.

— Ничего подобного! — взорвался мистер Мак-Ларен. — Какое-то время она использовалась как мельница, это правда, но ясно же, что первоначально она предназначалась не для этого... — И, призывая на помощь здравый смысл и указывая на очевидность фактов, он стал разъяснять, почему башня острова Роод не могла быть задумана как мельница. Но я так и не поняла, почему он считает, что ее построили викинги или кто-то еще, а не колонисты. — И если викинги смогли достичь острова Роод, — закончил он, — то я не вижу причин, почему бы они не могли добраться сюда.

— Разумеется! — с готовностью согласилась я, не желая ему противоречить. — Я хочу сказать, что я и правда не вижу, что могло бы им помешать. Помоему, я где-то слышала, что они доходили даже до Миннесоты... или те были из Уэльса?

Мистер Мак-Ларен не мигая смотрел на меня. Я попыталась объяснить:

— Я слышала, что валлийцы бывали здесь до Колумба.

Положение было не из приятных, а тут еще Эрик включился в разговор:

— Ага, по-моему, в средние века существовало просто регулярное сообщение между Старым и Новым Светом.

Его дед никак не отреагировал на это.

— Мне жаль, мисс Эмили, что вы не понимаете истинного значения этого... памятника. Я так на это надеялся. — Его голос зазвучал настойчиво. — В моей библиотеке есть некоторая литература по этому вопросу, и я хочу, чтобы вы ее посмотрели. Может быть, это поможет изменить... ваше отношение.

— Мое отношение и так очень хорошее, — запротестовала я. — Я просто хочу сказать, что вы в этом понимаете больше моего. И если вы говорите, что сюда приходили викинги, я уверена, так оно и было.

Но даже на мой взгляд эти слова прозвучали очень неубедительно. Нужно было быть полным идиотом, чтобы не понять, что я просто хочу его успокоить. Я видела, что его чувства задеты и что он ужасно расстроен.

Кажется, я начала понимать, почему Эрик говорил, что его деду нужна медсестра. И, может быть, Бертран был не так уж далек от истины, заявив, что старику нужна сиделка. Когда я заговорила о том, чтобы искупаться, он вел себя как очень больной человек. А теперь еще оказывалось, что он так носится со своими идеями. Хотя нет. Совершенно нормальные и даже очень умные люди порой изобретают самые нелепые теории.

— Может быть, Эмили хочет посмотреть башню внутри? — предложил Эрик, и я с благодарностью ответила, что очень хочу.

Старик кивнул.

— Эрик вам здесь все покажет, а я тем временем схожу в библиотеку и подберу книги, которые я хотел бы, чтобы вы почитали. Я надеюсь, он покажет вам, как вернуться в дом.

— Я прослежу, чтобы она добралась благополучно, дедушка. Не волнуйся об этом.

Мы пошли внутрь. Мистер Мак-Ларен остался стоять, глядя на свою башню так задумчиво, словно хотел ее убедить стать скандинавской.

— Ничего, что он пойдет один? — спросила я, когда дверь закрылась.

— Нет, все в порядке, он все время гуляет в одиночестве. У него прекрасное здоровье для его лет. Просто вы его расстроили, не проявив горячего восхищения по поводу его остроумной теории. Он рассчитывал на вас, как на ангела небесного. — Эрик ухмыльнулся. — Но теперь по крайней мере я больше не сомневаюсь в вашей честности. Если бы вы действительно приехали сюда, чтобы обойти старика, вы бы не упустили из виду тему «Здесь были викинги!!!» — Он помолчал и печально добавил: — Бедный старик. С тех самых пор, как он услышал о карте Винланда и обо всем, что с ней связано, ему отчаянно захотелось, чтобы это было построено викингами. Он действительно увлекается историей, и его, в общем, уважают как автора некоторых работ. Но и только. Его теории ни на чем не основаны. Он даже как-то притащил сюда кого-то из ученых — чтобы они на это взглянули. Они, конечно, были очень добры, но не могли же они со всем согласиться.

— А его не устраивает, если это оказалось бы постройкой колониальных времен?

Эрик покачал головой.

— Колониальных построек в этих местах — пруд пруди.

— Башня кажется по-настоящему старой...

Я с любопытством огляделась. Круглое помещение, где мы стояли, по-видимому, чаще использовалось под склад, чем под мастерскую художника. В полумраке мне даже показалось, что я ощущаю аромат столетий, исходящий от грубо уложенных стен из едва обтесанных камней.

— Очень старая, — повторила я, поеживаясь. И, пожалуй, к тому же, хотя я этого и не сказала вслух, жутковатая. Становилось ясно, откуда взялась история о Призраке. Такому местечку просто необходимо свое привидение.

— Я полагаю, что она так же стара, как и все здесь кругом, — согласился Эрик. — Очень возможно, что она появилась здесь раньше прихода белых. По крайней мере первый из Мак-Ларенов, прибывший сюда, упоминал о ней в своих письмах домой. Это было в самом начале семнадцатого века, когда ему пришлось покинуть Шотландию — насколько я понимаю, там были какие-то

проблемы с законом. Мое личное мнение: это построили индейцы. Первый из Мак-Ларенов взял в жены индейскую девушку, как вы уже слышали.

Я едва удержалась, чтобы не сказать, что у меня сложилось представление, что эта индейская девушка была «подругой», а не женой первого Мак-Ларена. Меня несколько удивило, что Эрик признает эту связь законной. Мне, конечно, известно, что многие весьма уважаемые и старинные фамилии в этой стране имеют примесь индейской крови... и гордятся этим, подчеркивая, что все это относится к прошлому. Но я не предполагала, что с Мак-Ларенами дело обстоит так же. Почему-то, когда старик говорил о том, что здесь у всех есть индейские примеси, я решила, что свою семью он исключает из понятия «все». Похоже, я была к нему несправедлива.

— Это известный факт,— продолжал Эрик,— что первый Дональд Мак-Ларен владел поначалу этой землей, основываясь на правах семьи своей жены, хотя потом он получил это право лично, уже от короля... за различные услуги.

Он не стал распространяться о том, какого рода были эти услуги, но мне подумалось, что индейцы другого племени, потомки которых живут теперь в деревне у Потерянного Озера, не просто так были враждебны к Мак-Ларенам и что, наверное, не только высокомерие последних, когда они пользовались здесь правами лендлордов, было причиной этой вражды. А с другой стороны, если этот первый Мак-Ларен мог таким образом узаконить свои права на землю, он, может быть, и действительно женился на этой девушке.

Эспадон, продолжал Эрик, это просто приблизительный перевод имени того индейского вождя, которому земля принадлежала раньше. Очевидно, первые Мак-Ларены действительно смешали кровь с индейцами, но кровь белых все же доминировала, потому что в восемнадцатом веке были не очень-то терпимы к таким вещам, и для полноправных собственников этой земли индейская кровь не просто была неприемлема — Мак-Ларенам и Эспадонам надлежало абсолютно забыть о ней. И все-таки, если первый Мак-Ларен или его потомки явно не лучшим образом относились к индейцам, то почему же одна из ветвей рода продолжала носить имя индейского

происхождения? Как же — ведь его дед говорил об этом — Эспадонов звали на английском? Блэйд? Это значит «клинок». Разве у индейцев были какие-то клинки — или ножи — до прихода белых? Кремневые ножи, может быть? Или имя как-то связано с переносным значением слова? Например, стрелка травы. Или копье. Я решила про себя непременно посмотреть значение слова *espadon* во французском словаре, когда вернусь в дом.

— Я никогда не слышала, чтобы индейцы здесь строили из камня. Вы уверены, что это не колониальная постройка?

— Разумеется, не уверен, — несколько раздраженно ответил Эрик. — Я не претендую на звание историка. Но в Южной Америке индейцы умели строить из камня. Я не вижу причин, почему это невозможно в Северной.

Я подавила улыбку, спросив себя, сознает ли он, как сильно его рассуждения напоминают построения его деда.

— Мне кажется, что в Южной Америке индейцы создавали только пирамидальные формы. У них, по моему, даже не было понятия круга и ничего такого. Они же даже колеса не знали.

— Ну и что, наши индейцы оказались умнее — только и всего! — отрезал Эрик.

И мы рассмеялись.

— Мне всегда эти истории о викингах, приплывавших сюда будто бы еще до Колумба, казались ужасно нелепыми, — сказала я. — В конце концов, они могли бы оставить какие-то следы — настоящие, я имею в виду, а не эти «может быть». Это было не так уж и давно — в историческом масштабе, я хочу сказать. Остатки индейских культур, которые находят, гораздо древнее. Похоже, тот, кто выступает с подобными гипотезами, имеет единственную цель — поднять шум вокруг своего имени. Некоторые заходят еще дальше. Например, кто-то заявил, что индейцы на самом деле — десять пропавших колен Израиля.

— Этого я никогда не слышал, — Эрик явно оценил эту идею по достоинству. — И я надеюсь, что дедушка не услышит ее никогда. Если придется окончательно

расстаться с мечтой о викингах, то он запросто может решить, что это остатки храма царя Соломона.

Я сделала попытку получше рассмотреть комнату, но она была так загромождена всяким хламом, что я постоянно на что-то натыкалась.

— Я рисую наверху, — объяснил Эрик. — Крыша почти полностью обвалилась, так что у меня там и небо, и солнце, и все прочие удовольствия.

Избегая его взгляда, я сказала:

— Кажется, сокровища должны быть зарыты где-то в этом самом месте.

Он ничего не ответил. Было ясно, что он не расскажет об этом ничего, если его не попросить. И я попросила:

— Расскажите. Сокровища — они, правда, существуют? Или — существовали когда-то?

Он уселся на какой-то чемодан и задумался.

— Сказать вам правду, я даже не знаю. В детстве я над этим только смеялся. Я был уверен, что никаких сокровищ нет. Это была просто сказка — такое, знаете, исключительно семейное предание. Это тоже ведь своего рода сокровище — для ребенка, по крайней мере. — Он нахмурил брови. — А теперь... В общем, я не уверен. Мне было... я тогда кончал школу, когда дедушка начал вести эти таинственные разговоры: что, мол, все мы ошибались насчет этих сокровищ, что, если бы он захотел, он мог бы кое-что рассказать нам... в общем, подобная чепуха. Мама говорила, что просто не надо обращать на это внимания: старики не всегда отличают правду от своих вымыслов. А отец... он пытался говорить то же самое, но я видел, что сам он не был твердо уверен, что это только вымысел. И с нами всеми здесь происходит, по-моему, то же самое.

— А ваш дед говорил что-нибудь о том, что представляют из себя эти сокровища?

Эрик покачал головой.

— Никогда. Иногда, особенно после этой истории с викингами, я думал, что он имеет в виду самую эту башню. Но она всегда на виду, а о сокровищах он говорит, как о чем-то скрытом и бесценном... В общем, он продолжает утверждать, что никто из нашей семьи не достоин их и что он лучше передаст все тому, кто сможет

действительно понять и оценить. Например, очередной секретарше.

— Это одна из навязчивых идей Маргарет?

— Это одно из наших здравых предположений. Или, если точнее, страхов. Может быть, никаких сокровищ вовсе и нет, но остаются земля, дом, какие-то деньги, наконец. Достаточно, чтобы какая-нибудь предприимчивая молодая особа сочла выгодным для себя ухватиться за это.

Как можно быстрее, чтобы не потерять самообладания, я выпалила:

— И вы думаете, что мисс Хайс могла отправиться сюда именно с этой целью и что кого-то это так напугало, что ее убили?

Он уставился на меня с неподдельным ужасом.

— Да вы что! Ну не говорил ли я, что Маргарет просто помешана. Это похоже на одну из ее навязчивых идей. Убийство... — Он был возмущен. — Никто не вправе говорить о таких вещах, не имея достаточно веских оснований. Я бы попросил вас не болтать больше об этом с кем попало.

— Я могу *не болтать* об этом. Но чего я не могу, так это *не думать*. Особенно если это произошло так близко от вашего дома.

Он почесал в затылке.

— Я знаю. Вам, наверное, кажется, что вы попали просто бог знает куда.

— Знаете, все мысли об историях с убийствами можно уничтожить одним махом, причем в самом зародыше. Только скажите мне, когда вы позавчера встречали утренний поезд, выходил оттуда кто-нибудь из ваших?

Сначала он очень удивился, но потом понял и почти развеселился.

— И если да, то он-то и есть подозреваемый номер один? Так? — Он откинулся на своем чемодане. — Во-первых, из поезда не выходил никто, кого бы я знал, если вы можете поверить мне на слово. Во-вторых, если там был кто-то, кто предпочел бы, скажем так, остаться незамеченным, он навряд ли вышел бы на Потерянном Озере. Он сошел бы одной-двумя остановками раньше — или одной-двумя позже. Там по пути есть довольно крупные городки, где можно выйти, не привлекая всеобщего

внимания. И добраться дальше на машине. Предположим, этот кто-то заранее оставил машину на определенной станции. А если он не очень слаб, он мог бы даже воспользоваться велосипедом. А в-третьих, я сам мог это сделать.

— Я уже думала об этом, — сообщила я.

— Благодарю. — Эрик отвесил такой низкий поклон, что едва не свалился с чемодана.

— Здесь так много машин, что никто не заметил бы отсутствия одной из них?

— Луи приехал на своей машине. Маргарет тоже, и в доме есть еще две — помимо той, на которой ездил я. И всегда нескольких нет на месте. Вы же знаете, мы не сидим дома целыми днями, варясь в собственном соку, и в округе нечем заняться. Дедушка настаивает, чтобы мы собирались только за завтраком и за обедом, а остальное время семья проводит в рассеянном состоянии. Так что с этого конца нам ничего не удастся выяснить. — Он нахмурился, как будто, помимо собственной воли, начинал относиться к этому серьезно. — На самом деле единственный человек, который мог бы пролить свет на все, что вы хотите знать, — это старый Робертс, проводник, — вы должны были заметить его, когда ехали сюда. Он всегда вертится вокруг хорошеньких девушек — очень характерная черта для местных. Он по этой ветке начал ездить еще до моего рождения. Он знает всех, кто здесь живет постоянно. И запомнил бы, если кто-то из нашей семьи был в поезде. Если вас это так интересует, самое лучшее, что вы можете сделать, — поговорить с ним.

— Я так и поступлю, — объявила я.

— Вот и хорошо. Расскажите потом, что выяснили, — если только не решите, что как раз мне-то об этом и не надо знать. — Он встал и потянулся. — Ну, с тайнами немного разобрались. Не хотите ли теперь пойти и посмотреть, где мастер творит свои шедевры?

Наверху от первоначальной постройки осталось мало что, если что-то вообще осталось. Даже каменные стены были покрыты чем-то вроде штукатурки. Все напоминало образцовую мастерскую художника. Комната была прямоугольной формы, и я удивилась, как Эрик смог добиться такой квадратуры круга. Потом я заметила, что

выходящие за пределы комнаты куски круга остались без крыши, и, таким образом, с каждой стороны комнаты образовался маленький полукруглый балкончик.

— Вы можете выйти и насладиться видами. А я пока переоденусь во что-нибудь более подходящее для того, чтобы сопровождать молодую леди.

Я послушно вышла на ближайший балкончик, бросив через плечо:

— Мне очень неприятно отрывать вас от работы. Уверена, что я могла бы добраться до дома и одна.

— Мне проще потратить несколько минут и отвести вас, — отозвался Эрик изнутри, — чем весь день прочесывать леса, когда вы заблудитесь.

— Как мисс Монтейс?

— Когда вы успели нахвататься местных преданий в таком непостижимом количестве? Это вам дедушка рассказал о том, что с ней случилось?

— За ней погнался медведь.

— Да, мне тоже рассказывали. Я не присутствовал при этом. Я был в Нью-Йорке — оформлял один спектакль, когда это произошло. Когда я вернулся, ее здесь уже не было. Миссис Гаррисон сначала всех уверяла, что девушка видела Призрака, но ведь Призрак — ее излюбленная тема.

— Забавно, она кажется такой твердолобой для того, чтобы верить в подобные вещи.

— О, вы просто не представляете, какими мягкими становятся эти твердолобые, когда речь заходит о суевериях.

Тем временем я пыталась, как мне было велено, наслаждаться видом, но сначала не могла разглядеть ничего, кроме верхушек деревьев. Однако скоро я обнаружила, что если встать на цыпочки, то будет виден блестящий кусочек озера.

— Как только ваш дедушка может запрещать всем здесь купаться!

— Причин для этого более чем достаточно. — Голос Эрика прозвучал где-то совсем рядом и очень приглушенно. Обернувшись, я увидела, что он стоит как раз позади меня, натягивая свитер через голову. — Прошло уже почти десять лет с тех пор, как мои родители — и отец, и мать — погибли здесь. Их лодка перевернулась.

— Извините бога ради,— пробормотала я.

— Да нет, успокойтесь, десять лет — это немалый срок. Я вспомнил об этом вот почему. Мои родители отлично плавали и с лодкой умели обращаться. И они были не первые, кто здесь утонул. Дедушка решил, что пусть это будут последние жертвы, и я с ним здесь целиком и полностью согласен.

— Я все понимаю.— Но я не смогла удержаться и спросила: — Но почему это озеро так опасно? Оно кажется таким спокойным.

— Об этом ничего не известно. Некоторые — те, кто тонул, но кому удалось спастись,— говорят, что там какое-то подводное течение. Хотя я не знаю, бывают ли в озерах подводные течения. Водоворот, может быть, или подвижное дно — это случалось в разных местах.

— Да, однако. Викинги, водовороты, призраки, индейцы, дикие звери! Здесь собрано буквально все!

— Да. Но когда это повторяется изо дня в день, от всего этого становится невыносимо скучно.

— Кстати, о зверях,— вспомнила я.— Вчера вечером я видела, как по лесу ходила корова. Здесь поблизости есть фермы?

— Нет, ни одной,— ответил Эрик.— На много миль вокруг. Корова не могла забрести так далеко. Вам показалось.

— Не знаю. Я видела что-то с рогами. Кто это может быть еще?

Улыбка исчезла с лица Эрика.

— Может быть, лось? — сказал он наконец.— Не очень вероятно, но возможно.— Он помолчал.— Вы дедушке об этом не говорили?

— Нет. А что, надо было сказать?

— Я вас очень прошу не говорить ничего про это. Он тогда, возможно, захочет... отправиться на охоту, а он уже несколько стар для этого. Я бы попросил вас вообще никому об этом не говорить.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Во время ланча Бертран был необыкновенно внимателен ко мне, так что я просто не знала, куда деваться от смущения. Не могу сказать, действительно ли я его интересовала, или он просто захотел досадить своим родственникам. Если так, то, судя по их лицам, он в этом весьма преуспел. Когда мистер Мак-Ларен наконец поднялся и произнес: — «Не пойти ли нам теперь в библиотеку?» — я вскочила со своего места, как пленник, выпущенный на волю.

Однако Бертран пошел за нами и, когда его дед скрылся в библиотеке, остановил меня.

— Я давно ишу случая сказать вам, что невероятно сожалею о том, как я вел себя, когда вы впервые здесь оказались, — быстро заговорил он. — Я рад, поверьте мне, действительно рад, что вы вернулись. И еще я хочу сказать...

— Мне очень приятно, что вы изменили ваше мнение обо мне, — оборвала я его, — но если честно...

— Эмили, дитя мое, — донесся из-за двери голос мистера Мак-Ларена. Дверь не была плотно закрыта, и я увидела, как он шарит по сторонам, как будто случайно засунул меня на какую-то полку и позабыл куда.

Бертран сжал мне руку.

— Мы потом с вами обо всем поговорим... — Его голос говорил гораздо больше, чем, на мой взгляд, следовало.

Почти все дневные часы я провела, читая — вернее, пытаясь читать, — те книги и журналы, которые мистер Мак-Ларен извлек для моего просвещения

— Вы гораздо лучше сможете помочь мне в моей работе, когда ухватите самую суть, — довольно таин-

ственно изрек он, хотя я не видела никакой связи между его рукописью и этим чтением.

Я уже собиралась отправиться в кабинет, но он остановил меня, сказав:

— Зачем вам непременно сидеть за столом? Садитесь здесь, у огня, устраивайтесь поудобнее. Здесь ведь гораздо уютнее.

Вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову назвать уставленную высокими стеллажами библиотеку с ее темными стенами уютной. Но день был не настолько жаркий, чтобы посидеть у огня не было заманчиво. Однако мысль о том, чтобы читать здесь под надзором старика, меня совершенно не привлекала. К счастью, ему, очевидно, не больше нравилась мысль о том, чтобы дремать здесь под моим надзором, и он очень скоро ушел под предлогом «важного дела».

— Если вам что-нибудь понадобится, просто позвоните, — сказал он. В дверях он в нерешительности остановился, лицо у него стало смущенным. Я поняла, что сейчас мне предстоит следующая порция «отеческой» заботы. — Если Бертран... будет вам докучать, — решил он наконец, — без колебаний выпроводите его отсюда. — Интересно, кого от кого он защищал: меня от Бертрана или Бертрана от меня.

Я честно пыталась читать. Но книги были настолько скучны, что я постоянно ловила себя на том, что мысли мои блуждают где-то далеко отсюда. Изредка я все же пыталась заставить себя сосредоточиться, но это было все труднее и труднее. Огонь постепенно угасал, пока наконец не погас вовсе, но в комнате было уже так тепло, что я начинала клевать носом. Если оставаться сидеть здесь, нельзя не уснуть.

Я встала и заставила себя пройти по библиотеке, пытаюсь проснуться. Может быть, если немного проветрить, моя голова станет яснее. Я посмотрела из окна вниз, на заросли кустарника, и дальше, на темные деревья, возвышавшиеся, как крепостные башни.

Что-то проскочило между двух кустов. Оно было совсем небольшим, и рогов на нем не было. Но я все же невольно отшатнулась от стекла. Пожалуй, открывать окно не стоит.

Я побродила еще, рассматривая корешки книг на

полках. Ничего, что было бы связано с тем, чем занимаюсь я. Все книги уже устарели. Один застекленный шкаф был заперт. Я заглянула внутрь. Там хранились книги, вышедшие давным-давно, на заре книгопечатания, и, кроме того, внушительное собрание манускриптов, переплетенных и без переплетов. Может быть, мистер Мак-Ларен как-нибудь даст мне взглянуть на них. Я уже долго стояла так, когда вспомнила, что собиралась сделать. Нет, нельзя же менять решение из-за того, что Бертран решил мной заинтересоваться. Я все равно должна попытаться подыскать себе другое место... хотя теперь и это место, и эта работа не казались мне такими уж неприемлемыми. Пожалуй, Эрик еще лучше своего брата. Хотя это не имеет значения в данных обстоятельствах.

Заметив полку со словарями, я хотела посмотреть слово *espadon*. Оказалось, что в переводе с французского оно означает двуручный меч. Другое значение — рыба-меч. Ни то, ни другое не похоже на перевод, хоть бы и приблизительный, индейского имени. Если только в озере не водится рыба-меч. Или это слово использовали потому, что для истинного значения не было английского или французского эквивалента.

А может быть — и это не исключено, — что они просто приукрасили какое-то менее горделиво звучащее имя. Джойс Калхаун до замужества звалась Джойс Фишер, вспомнила я. Это как раз связано с рыбами. Может быть, они когда-то носили то же имя? Если слово *рыба* заменить на *рыбу-меч*, при переводе на французский останется просто *меч-эспадон*. Звучит не в пример красивее, чем *Пекьё* — прямой перевод фамилии *Фишер*, тем более что в английской транскрипции этот французский вариант вызывает целый ряд неприятных ассоциаций. Но тогда откуда взялись *Блэйдс*? Впрочем, может, это уже перевод с французского обратно на английский.

Я возвратилась на место и снова попыталась вчитаться в книгу. Но очень скоро обнаружила, что вместо этого размышляю о мисс Хайс. И о мисс Монтейс. Если буду в деревне, надо там поискать ответы на многие интересующие меня вопросы. И не только от Робертса, но и от кого-нибудь еще. Только не от Фрэнка Калхауна, строго сказала я себе.

Каждый раз, когда из холла снаружи доносился какой-нибудь шорох, я поднимала голову, надеясь и в то же время тревожась, что кто-нибудь зайдет поговорить со мной. Мне было скучно одной, и все же я почувствовала бы себя крайне неловко, если бы Бертран явился сюда поболтать и мистер Мак-Ларен застал нас за разговорами. Но я была бы рада, если б кто-то другой зашел сюда. Интересно, нельзя ли сделать так, чтобы Рене пришла ко мне поболтать о том о сем. Я могла бы рассказать ей о том, что меня тревожит.

И в тот же миг, как если бы какой-то здешний добрый дух услышал мое желание, дверь библиотеки распахнулась и появилась Рене собственной персоной. С ней была горничная, которую я раньше не видела, — смуглая, тоненькая, совсем еще девочка. Форменная одежда казалась слишком большой для нее. Девочка буквально сгибалась под тяжестью подноса, уставленного всем необходимым для чаепития.

— Я не могла никого найти, — бодро сказала Рене. Голос у нее был негромкий, но он отозвался во всех уголках комнаты. — Они, как всегда, разбежались кто куда. Да они и не настолько цивилизованны, чтобы понять, как это необходимо — дневной чай. Кроме дядюшки — но он, бедняжка, сейчас спит, как дитя, — вы его как следует утомили сегодня утром, нехорошая вы девочка. — И она погрозила мне длинным пальцем с перламутровым лаком.

— Но Эрик сказал, что это ему не повредит...

— Вот я и подумала: почему бы нам не выпить чаю вместе? Мне ужасно хочется посидеть с вами за уютной беседой... Но, может быть, вы не хотите прерывать ваших занятий? Или вам не хочется чаю?

Я честно сказала ей, что больше всего на свете мне хотелось бы сейчас прерваться и что чашка чая — это как раз то, что мне нужно.

— Не только чай, но и сэндвичи, — весело сказала Рене, — и еще эти прелестные печеньица. — Ее глаза озорно блеснули. — Я умею поддерживать хорошие отношения с миссис Гаррисон. И со всей прислугой.

Горничная все еще стояла, сгибаясь под тяжестью огромного подноса. Я глазами указала Рене на нее.

— Господи, да поставьте же вы его куда-нибудь, наконец! — закричала Рене.

Девушка в нерешительности искала взглядом, куда бы его поставить. Я поднялась, убрала книги с маленького столика и помогла ей поставить поднос на него. Рене стояла нахмурившись. Как только дверь за горничной закрылась, Рене разразилась целой тирадой:

— Эмили, дорогая моя, вы не должны брать на себя такую работу. На вашем месте нужно быть особенно осторожной, чтобы никто не мог вами помыкать. Этой девице платят за то, чтобы она носила подносы, — как вам платят за то, чтобы вы, — она плавным жестом рук обвела библиотеку, — делали все то, что полагается делать секретарю.

— Ей платят не за то, чтобы она надрывалась, — возразила я, стараясь, чтобы это не прозвучало невежливо. — К тому же Маргарет — миссис Дюрхам, я хочу сказать, — говорила, что в доме не хватает рабочих рук, и поэтому все, кто здесь живет, должны помогать по дому.

Рене закатила глаза.

— Эта Маргарет... — Она произнесла ее имя так, как будто оно само по себе было упреком. — Если за домом не смотрят как следует, это не наши проблемы. По крайней мере я не собираюсь ни мыть, ни подметать, ни вообще ничего. — Она с негодованием встряхнула отливающими медью кудрями. — Помяните мое слово, Маргарет все это нужно исключительно для того, чтобы иметь предлог вертеться везде и все вынюхивать. И, чтобы это скрыть, она хочет втянуть всех нас. А вас ей просто небо послало: в вашем положении вам будет непросто отказаться помочь. Но говорю вам: вы не только можете — вы просто обязаны отказаться. Иначе они сядут вам на шею!

Она уселась в кресло, где я сидела перед этим, и я взяла себе один из стульев.

— Но, мисс Эспадон...

— Нет-нет, не надо меня так называть. Зовите меня Рене. «Мисс Эспадон» звучит так холодно и официально — ничего общего с тем, какая я на самом деле. Но я вас прервала? Не очень-то вежливо с моей стороны. Что же вы хотели сказать? Будете молоко? Сахар?

— Да нет, ничего существенного. Спасибо, молока не нужно, одну ложечку сахара. Просто не похоже, чтобы миссис Дюрхам думала, что меня ей послало небо. Скорее наоборот.

Рене рассмеялась.

— Ах, бедная Маргарет. Любое хорошенькое личико выводит ее из себя. Она так напугана, что дядюшка может оставить свои бесценные сокровища какой-нибудь из своих секретарш — да он и грозитя это сделать каждый раз, когда ему кажется, что мы его недостаточно ценим. Но она, увы, не находит в этом ничего смешного. Она твердо верит, что сокровища существуют.

Она взяла печенье и, откусив кусочек невероятно белыми зубами, продолжала с набитым ртом:

— Она, Маргарет, — неисправимый романтик. Женщины с лошадиными лицами часто этим страдают. А дядя так часто повторяет, что передаст сокровища тому, кто его действительно понимает... не в пример его родственникам, которые смеются как над ним, так и над его идеями — пусть даже так мило, как это делаю я.

Я взяла себе сэндвич.

— А вы в это не верите — в сокровища, я хочу сказать? — спросила я ее, хотя уже знала, каким будет ответ.

— Давайте рассуждать разумно. Если какие-то сокровища и были, их потратили не одну сотню лет назад. Наша семья не слишком богата. Мне кажется, эта история с сокровищами может быть как-то связана с пиратами тех времен, — уверена, сегодня утром дядюшка водил вас смотреть их старинные укрепления. Он всех туда водит... Да, я знаю, он вам говорил, что это построили викинги и все такое, но эта версия появилась у него совсем недавно. В истории как будто есть своя мода — как и везде.

— Эрик сказал, что про викингов ваш дядя заговорил недавно, — поспешно ввернула я, не желая обсуждать все это во второй раз. — Еще он сказал...

— Значит, он должен был вам рассказать, как мы в детстве играли там в пиратов. Это же всем известно: башню построили пираты, чтобы обороняться от индейцев. Один из профессоров, которые приезжали сюда пару лет назад, чтобы посмеяться над дядей, сказал

мне — строго конфиденциально, конечно, — что это типичная пиратская постройка. — Она задумчиво прибавила: — Я несколько раз встречала его в городе той осенью. Не совсем зануда — если принять во внимание, что он — типичный аналитик. — Она облизнула шоколад с пальцев.

Я попыталась связать то, что она говорит, с тем, что слышала раньше.

— Но тогда куда же девать индейцев?

Рене покачала головой.

— Здесь не было никаких индейцев. Предки тех, кто теперь живет в деревне, вытеснили их отсюда. Наверное, поэтому пираты и обосновались здесь.

— Значит, первый из Мак-Ларенов женился на индейской девушке из другой деревни?

Рене резко выпрямилась, ее глаза вспыхнули.

— Ни на какой индейской девушке он не женился. Эрик напел вам про это, так?.. Он повсюду болтает такие вещи для того только, чтобы вывести нас из себя. Он, может быть, даже хуже, чем Бертран.

Я удивилась еще больше.

— Вы хотите сказать, что первый Мак-Ларен женился на *пиратской* девушке?

Рене возразила нетерпеливо:

— Вы понимаете сами, что это сушая чепуха. У пиратов не было женщин, чтобы он мог на ней жениться. Нет, конечно, женщины были — я просто хочу сказать, что пираты обычно оставляли свои семьи дома, когда уходили в плавание. И никогда не обосновывались здесь — на полпути в никуда. А что касается первого Мак-Ларена — он был женат на милой девушке из уважаемой французской семьи из Квебека... Ну как, я ответила на все ваши вопросы?

Я почувствовала, что краснею.

— Единственное, чего я не понимаю, — зачем ваш дядя все время говорит о сокровищах, если он знает, что их нет.

— Сокровища, сокровища... все постоянно возвращаются к этому. Он просто немного сумасшедший. Или помешанный. Или, может быть, просто хочет по-прежнему держать нас в руках — это не так-то просто в эпоху полной вседозволенности. Он в душе настоящий тиран. —

Она взяла еще печенье. — Луи говорит, что, когда он был ребенком, дядя сам воспринимал всю эту историю, как сказку, — как и все остальные. И только лет десять, ну, может быть, пятнадцать назад он начал донимать нас этим.

Рене хихикнула. Хорошее настроение явно возвратилось к ней.

— Какое-то время, насколько мне известно, когда у нас были хорошие отношения с Фишерами, — сама я не помню, я была еще слишком мала, — он грозился оставить все Джойс Калхаун. Но она по крайней мере может претендовать на дальнейшее родство с нами. У мисс Монтейс таких претензий не могло быть.

— И у мисс Хайс, я полагаю, их тоже не было?

— Мисс Хайс! — Чашка в руках Рене звякнула о блюде. — Она поставила все на стол. — Почему вы об этом заговорили? Какие могли быть претензии у мисс Хайс? — Глаза Рене сузились. — Что там вам наговорила Маргарет?

Я постаралась сделать вид, что меня это забавляет.

— По ее мнению, кто-то... помешал мисс Хайс приехать сюда.

Рене разразилась мелодичным смехом.

— Милая моя девочка, я не сомневаюсь, что вы прекрасно понимаете, как следует относиться к идеям Маргарет. Тем более если она — я правильно поняла вас? — заявляет, что несчастную девушку убили только для того, чтобы не дать ей приехать сюда и охранить дядюшку от ее роковых чар. Или предполагается, — Рене заговорила глубоким и торжественным голосом, — что между нею и нашим домом существует какая-то таинственная связь?

— Маргарет ничего об этом не говорила. — Но теперь, мысленно возвращаясь назад, я вспомнила, что, когда я впервые оказалась здесь, у меня сложилось вполне определенное впечатление о том, что пропавшая секретарша именно таинственным образом связана с кем-то из этой семьи — или по крайней мере, что все так думают. Это давало огромный простор воображению. Разве встретив меня на станции и приняв за мисс Хайс, Эрик не заявил, что «точно знает, кто я такая»? И другие тоже... хотя Маргарет демонстрировала это яснее всех. — Она только намекала непонятно на что.

Рене кивнула.

— Маргарет вообще мастерица намекать непонятно на что. Лучше всего просто не обращать внимания на все, что она говорит. Если она скажет, что на улице идет дождь, я посмотрю в окошко, прежде чем ей поверю.

— Да, я знаю, что это безумие — думать об этом, — сказала я, совершенно не уверенная в том, что это так. — И все же после всего, что здесь произошло, я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, если буду уверена, что мисс Хайс никто... не убирал с дороги. По крайней мере никто из этого дома.

Я никак не могла расстаться с такой волнующей для меня темой.

— Эрик предложил, что если я хочу удостовериться в том, что никто из этого дома никак не связан с гибелью мисс Хайс, то все, что мне нужно сделать, — это поговорить с Робертсом, проводником поезда, где она ехала, и спросить его... В чем дело, Рене?

Мой вопрос был вызван тем, что она по-кошачьи гибко вскочила со своего места и повернулась к приоткрытой двери кабинета. Лица ее я не видела, но рукой она делала мне знаки стоять тихо. Она к чему-то прислушивалась, и я тоже стала слушать. Как всегда в старом доме, было слышно множество всяких звуков, но в кабинете, по-моему, было тихо.

Внезапно Рене распахнула дверь и вошла в кабинет. Я последовала за ней. Она стояла, опершись на стол, с таким видом, словно это было ей нужно, чтобы не упасть, — такая бледная и потрясенная, что большей степени драматизма я и представить не могла. Но она была в комнате одна

— Ради бога, что случилось? — спросила я.

— Кто-то отсюда нас подслушивал... — слабым голосом сказала Рене — Я слышала, здесь кто-то был. А когда я вошла, та дверь как раз закрывалась.

Я стала вспоминать, о чем мы говорили.

— Говорят, что тот, кто подслушивает, рискует услышать о себе много нехорошего. А ни о каких тайнах мы и не говорили. Любой, у кого возникли бы подозрения, мог бы сам додуматься до того, чтобы поговорить с проводником. Тот, кто был в кабинете, наверное, вовсе не подслушивал нас. Может, это просто кто-то из прислуги, — добавила я, пожившись от мысли, что в этом

случае о предмете нашего разговора скоро будут знать все слуги в доме.

— Зачем кому-то из прислуги быть настолько... настолько пугливой? Зачем было убежать, когда я входила в кабинет?

— Ну, я думаю, никому из них не хотелось бы, чтобы их застали здесь с наостренными ушами. А может, это была вовсе и не прислуга. Мало ли кто мог зайти сюда... по какому-нибудь делу, увидел, что мы заняты...

— Ну конечно же, вы правы! — воскликнула Рене, и краска начала возвращаться на ее лицо. — Наверное, это Бертран. Конечно, это так. Почему мне это сразу не пришло в голову? Я становлюсь истеричкой — не хуже Маргарет.

Я с неудовольствием поняла, что краснею.

— Я не его имела в виду. И вообще я не понимаю, зачем ему нужно на цыпочках входить и потом убежать. Услышав наши голоса, он мог бы просто войти сюда.

Рене снова погрозила мне пальцем.

— Ах, Эмили, не будьте же такой наивной. Разумеется, он хотел застать вас одну. Да-да, я заметила, как он смотрит на вас и как меняется его голос, когда он к вам обращается. Это же очевидно — он от вас без ума.

— Глупости. Он просто хочет быть... галантным.

— Это вы говорите глупости, Эмили. Или вы чересчур застенчивы. Что из двух? — Не дожидаясь ответа, она взяла меня за руку и повела назад в библиотеку, как будто нам обеим было лет по шестнадцать, а не двадцать три и... сколько же ей может быть лет? Двадцать пять? Или тридцать? — Ну-ка, признавайтесь, что вы сами думаете о Бертрane? — доверительно спросила она. — Покорил ли он уже ваше сердце, как покори́л сердца стольких глупых девчонок?

Я старалась не показать, как я смущена.

— Рене, я впервые увидела его позавчера.

Она колебалась.

— Да, я думаю, это правда. Вы не очень-то умеете притворяться. Вам ни за что бы не стать актрисой. Но столько женщин теряло из-за него голову...

— Рене...

— Смотрите, будьте осторожны. Он настоящий... как это говорили во времена дядюшкиной молодости? —

сердцеед. Я, как его двоюродная сестра, рано приобрела иммунитет, но вы так молоды и, значит, совсем не защищены.

— Мой возраст — мое преимущество, — не совсем тактично заявила я. Ей, должно быть, уже не меньше тридцати, подумалось мне.

— К тому же он никогда не женится на девушке без средств: собственные деньги он уже потратил на женщин и на постановку своих опер — очень дорогое удовольствие, хотя постановки и пользовались успехом.

— Рене, я не смотрю на каждого неженатого мужчину как на своего потенциального мужа.

— Если это правда, — сладким голосом ответила Рене, — то это просто глупо. Молодая незамужняя женщина просто должна смотреть на молодого неженатого человека как на потенциального мужа. Поэтому-то я считаю необходимым предупредить вас, что Бертран — безнадёжный случай...

Я хотела взять еще сэндвич, но передумала и взяла печенье.

— Потому что он уже тайно женат?

Рене просто взорвалась.

— Кто вам сказал такую глупость? Маргарет? — Она застонала. — Говорю же вам, Маргарет — сумасшедшая. У Бертрана как-то действительно было... я бы сказала, глубокое взаимопонимание с одной девушкой, моей подругой. Но это все давно в прошлом. И почему он должен быть женат тайно?

— Понятия не имею. Впрочем, это уже не похоже на тайну — Маргарет-то об этом известно.

Рене весело рассмеялась. Очевидно, настроение у нее опять внезапно переменилось.

— Вас это так волнует, да? Однако Бертран свободен, поверьте мне.

Она подождала. Я молча ела свое печенье. В голосе Рене появилась нотка досады:

— Только не говорите мне, что не находите его привлекательным, все равно я вам не поверю.

— Я нахожу его очень привлекательным, — честно сказала я, — но Эрик тоже привлекателен. И ваш брат Луи тоже, между прочим.

— Луи! Нет, это восхитительно! — Рене захлопала

в ладоши. — Я ему скажу. Это его так обрадует. Никогда еще он не удостоивался такой чести — быть упомянутым рядом со своими неотразимыми кузенами!

Я не знала, что на это ответить. Чтобы это было вежливо. Поэтому я просто поднесла ко рту чашку с чаем.

— Не пейте эту гадость! Чай у вас уже совсем ледяной. Вылейте это, и давайте я налью вам еще. — Она налила мне вторую чашку, я взяла и стала дожидаться, пока она нальет и себе.

— Возвращаясь к тому, о чем мы говорили, пока вас не отвлек шум в кабинете, — упрямо сказала я. — Я хотела бы побывать в деревне, у меня есть там дело. Я думаю, завтра утром я могу вызвать такси, поехать на станцию и встретить поезд. Я могу даже проехать на поезде до конца ветки — там остается всего несколько остановок, так ведь? — и вернуться обратно. И у меня будет куча времени, чтобы поговорить с Робертсом.

Рене покачала головой.

— Слушайте, у меня идея получше. В четверг я еду в Бостон на встречу с моим продюсером... — Она запнулась и поджала губы. — Вы напомнили мне, что мне просто нечего надеть. Нужно забрать то, что я заказывала у местной портнихи. Она простая крестьянка, но простые вещи она шьет очень неплохо... Так вот, я поеду поездом, и мне будет гораздо проще с ним поговорить. Если вы начнете расспрашивать, это привлечет внимание. А если это сделаю я — это же так естественно: поболтать о своих родственниках...

Разумеется, она была совершенно права, но только...

— Чем больше пройдет времени, тем меньше уверенности, что он что-либо вспомнит, — довольно неуверенно заметила я.

— Господи, днем раньше, днем позже — никакой разницы. К тому же у него выходной — то ли во вторник, то ли в среду, я не уверена, а в четверг он точно на работе. Если вы поедете завтра, вы можете полдня потерять впустую. К тому же, — я подумала, что это уже не совсем честный ход, — не очень-то хорошо с вашей стороны на третий же день просить дядю отпустить вас так надолго. Что до меня, так я уверена, — с хитрым видом продолжала Рене, — что вы так хотите попасть

в деревню совсем по другой причине. У вас там свидание? Возможно, с Фрэнком Калхауном?

— С Фрэнком Калхауном?! — взорвалась я.

Рене театрально изобразила испуг.

— Я просто валяю дурака. Я вовсе не думаю, что у вас есть что-то общее с этим противным Фрэнком. За исключением того, что он звонил вчера — узнать, как вы доехали и все ли в порядке.

Я онемела от изумления, а Рене продолжала:

— Я думаю даже, что если бы к телефону подошел кто-то другой, а не Эрик, Фрэнк бы попросил позвать вас, но Эрик может быть очень резким — вот он и не решился.

Я обрела дар речи.

— Почему же Эрик сказал об этом вам, а не мне?

— Никому он не говорил. Я слушала по параллельному телефону, — без малейшего смущения объяснила она. — Маргарет всегда так делает, и я не понимаю, почему я должна знать меньше, чем она. Так вот, Фрэнк так переживал о вашем благополучном прибытии, что я и подумала: может быть, это он подыскал вам работу и вы с ним — старые друзья. Я не имею в виду ничего страшного — у меня самой куча старых друзей, которые ничем не лучше этого Фрэнка.

— Работу я нашла через контору университета Ван Кортландта, — сказала я на это. — Если угодно, можете проверить. Я даже хочу, чтобы вы проверили, потому что меня никто вам не рекомендовал, мало ли что.

Кончилось тем, что Рене принялась протестовать, уверяя, что я не нуждаюсь ни в каких рекомендациях и что она мне абсолютно доверяет. Однако я подозреваю, что она решила про себя, приехав в Бостон, тут же позвонить в Нью-Йорк и разузнать обо мне. Надеюсь, что так. Меня радовало все, что служило подтверждением моих *bona fides**.

---

* честных намерений (лат)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Чтобы стереть любую холодность, которая могла возникнуть после подобного разговора, Рене вечером снова появилась в моей комнате с новым туалетом, который предназначался для меня. Это было необъятное розового цвета одеяние из полупрозрачной ткани.

— Уж это платье, уверяю вас, никогда не было в стирке. Но оно должно прекрасно отстирываться — это чтобы рассеять ваши возможные опасения повредить его. — Весомых причин для отказа не нашлось, и я надела это платье к обеду. Сначала я даже думала, что мне оно пойдет больше, чем Рене, но только потому, что я достаточно старомодна для представления о том, что розовый цвет не идет рыжеволосым.

Бертран снова уделял внимание только мне. Теперь, когда я осознала, что этот его интерес оказался в центре всеобщего внимания, я избегала любого намека на тет-а-тет. И все же после обеда, пока все горячо обсуждали политические проблемы Канады, Бертран загнал меня в угол между пианино и стеной и спросил:

— Правда это, что я слышал, — что вы все-таки решили нас покинуть?

— Кто — кто мог вам это сказать? — вопросом на вопрос ответила я, отлично понимая, кто это был. — Мне приятно, что вы... принимаете это так близко к сердцу, но...

— Принимаю близко к сердцу! — повторил Бертран. Он понизил голос. — Разве я не дал вам ясно понять, что дело гораздо серьезнее? В более подходящем месте я сказал бы вам, что вы для меня значите.

— Мистер Мак-Ларен, в самом деле... — Я сказала это не понижая голоса, достаточно громко, чтобы меня слышали на другом конце комнаты, потому что политический разговор затих, и дед, и брат Бертрана вопросительно обернулись в мою сторону.

Бертран усмехнулся.

— Вот видите — вы должны называть меня по имени, Бертран, — даже если для этого нет других причин. — Усмешка исчезла с его лица. — Проклятие, — пробормотал он, — теперь все устали на нас. Как можно говорить о своих чувствах, когда на тебя смотрят, как на клоуна в балагане.

— Вы меня слишком мало знаете, чтобы говорить со мной о своих чувствах, — заметила я, собираясь уйти. Я хотела дать ему понять, что это не просто кокетство.

Он тоже поднялся.

— А я поэтому и хочу поговорить с вами. Как же я иначе узнаю вас лучше? Вам когда-нибудь приходилось видеть озеро в лунном свете, а, Эмили? Пойдемте, я вам покажу.

Он крепко взял меня за руку. Не то чтобы мне очень не нравилась мысль отправиться вместе с ним любоваться озером при луне. Но в том, чтобы пройти под перекрестным огнем взглядов его родственников, я не находила ничего приятного. Однако Бертран очень крепко держал меня за руку. У меня создалось впечатление, что, если я не соглашусь, он потащит меня силой.

Я стала искать глазами Эрика, но на помощь мне пришел Луи. Он встал и прошелся по комнате. Один насмешливый взгляд, и рука Бертрана разжалась так быстро, как будто он обжегся о мою ладонь.

Луи взглянул на меня.

— Дядя Дональд просил узнать, не хотите ли вы быть четвертой для бриджа?

— Почему бы Маргарет не сыграть с вами? — возмутился Бертран.

— Если бы тебе, дружок, хоть раз в жизни пришлось играть с Маргарет, ты бы не задавал подобных вопросов.

— Вы же знаете — я не играю в бридж. Это же — это идиотизм. Все игры такого рода глупые, а эта — в особенности.

Луи только поднял брови. Он снова повернулся ко мне.

— Она здесь все-таки секретарша, а не рабыня! — окончательно взорвался Бертран — Она не обязана работать весь день, а потом еще весь вечер...

— Но так уж получилось, что игра в бридж не кажется мне работой,— перебила я его, решив, что сейчас самое время дать ему понять, что он не совсем неотразим.— Я буду рада принять участие в игре.

Позже вечером, после того как мистер Мак-Ларен пошел спать, Луи и Элис рассказали мне все, что знали об истории этих мест. Каменная башня, по их словам,— это форт, оставшийся здесь со времен войны французов с индейцами. У меня не хватило духу спросить, кем была жена первого Дональда Мак-Ларена — французенкой или индейской девушкой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Все утро следующего дня я провела за пишущей машинкой в кабинете, перепечатывая рукопись. Тем временем мистер Мак-Ларен сидел в библиотеке, озабоченно строча что-то на желтоватой бумаге и бормоча себе под нос. Около одиннадцати Элис вошла в кабинет, сообщив, что едет в магазин, и поинтересовавшись, не нужно ли мне чего.

Я удивилась, что в этой глуши тоже бывают магазины, и сказала об этом Элис. Она засмеялась в ответ.

— Мы не настолько одичали, как это кажется с первого взгляда. Здесь есть один — в часе езды отсюда, немного дальше за деревней. Там целый торговый центр — супермаркет, кегельбан, то, другое, третье, парикмахерская — в общем, все удовольствия.

Она еще раз предложила мне свои услуги. Я поблагодарила ее, сказав, что в данный момент мне и правда ничего не нужно, но что я надеюсь, она сообщит мне, когда отправится за покупками в следующий раз. Если уж я остаюсь в этом доме, неплохо бы мне и самой побывать в этом центре местной цивилизации.

В час дня, как обычно, был ланч. За столом в этот раз сидели только я и мистер Мак-Ларен. Остальные, как и ожидалось, разбрелись кто куда — каждый по своим делам. Эрик, должно быть, рисовал в своей мастерской, Элис уехала за покупками. Чем могли заниматься остальные, я не представляла. Может быть, у них есть знакомые где-нибудь неподалеку. Теперь, узнав о существовании торгового центра, я больше не считала это место окончательно отрезанным от мира. А Маргарет могла, например, отправиться к доктору, — утром дед опять советовал ей сделать это. Она с утра пораньше как следует поругалась с Рене, завтракавшей сегодня вместе со всеми. Официальным предлогом встать к завтраку для Рене послужило то, что ей нужно было в первой полови-

не дня успеть заехать к местной портнихе, но истинная причина, по-моему, заключалась в том, что Рене получала возможность при всех уличить Маргарет в том, что та «опять рылась в ее личных бумагах». Ярость Рене была так сильна, что я предположила, что среди бумаг имелись чьи-то любовные послания.

Маргарет, в свою очередь, обвинила Рене в том, что она «перевернула вверх дном» все ее вещи и торжественно перечислила те из них, которые после этого пропали. Даже если отбросить вопросы морали, предположение, что Рене, такая элегантная, могла польститься на наряды Маргарет, было невероятно и нелепо, так что я в душе была полностью согласна с мистером Мак-Лареном, когда он вмешался в их перебранку. Хотя, конечно, он был излишне резким с Маргарет.

Ланч в обществе одного мистера Мак-Ларена оказалась самой что ни на есть мирной трапезой. Я опасалась, что буду чувствовать себя с ним неловко, но ничего подобного не произошло. Почти все время он рассказывал мне о малоизвестных фактах из жизни Эрика Рыжего, а я только кивала, улыбалась и ела. Только один раз старик, испытующе глядя на меня, спросил, способствовали ли те книги, которые он мне давал, лучшему пониманию древней истории этих мест и более серьезному отношению к предмету с моей стороны. Я горячо — может быть, даже слишком горячо — заверила его, что да, несомненно, и мой ответ его вполне удовлетворил.

Во второй половине дня я напечатала несколько писем — те, которые мистер Мак-Ларен набросал этим утром. Они тоже были далеки от идеала, но все же эта работа сильно выигрывала по сравнению с перепечатыванием рукописи. Письма в основном касались хозяйственных дел семьи. Было ясно, что старик далеко еще не отошел от дел, по крайней мере не настолько, как меня уверял Бертран.

Я снова осталась одна. Мистер Мак-Ларен исчез куда-то сразу после ланча. Я с надеждой прислушивалась, не раздастся ли шум подъезжающей машины, но ничего такого не было слышно. Да если бы даже кто и вернулся, я могла бы не услышать этого: утром же я не слышала,

как они уезжали. Где-то в половине пятого, поняв, что никто не позаботится напоить меня чаем, я сама отправилась на поиски чего-нибудь съедобного. После того как миссис Гаррисон подняла столько шума из-за моей просьбы о ланче, я не решалась позвонить и попросить кого-нибудь из прислуги собрать для меня чай.

Я нерешительно переходила из комнаты в комнату — вдоль всего первого этажа. В одних я уже бывала, другие видела впервые. Все было необычайно тихо и спокойно. Даже мотыльки моли казались неподвижно повисшими в плотном, залитом солнцем воздухе. Насколько я понимала, я была одна на этом этаже. Может быть, даже — одна в целом доме. Но выяснить это было невозможно. Миссис Гаррисон так запугала меня, что к кухне я и близко подойти не решалась. А подняться на второй этаж и продолжить поиски там у меня тоже не достало духу: не хватало еще, чтобы меня застали в чьей-то спальне.

Я уже напечатала все, что должна была напечатать в тот день. Чем же все-таки мне заняться до обеда? Можно было бы посидеть и почитать в библиотеке — если б в ней, конечно, было что читать. Можно пойти к себе и немножко поспать, а можно... Мне вспомнилось, что Эрик не то чтоб очень рассердился, когда вчера его оторвали от работы. Конечно, тогда со мной был его дед. Может быть, одну меня так радушно не встретят. И все же мне почему-то казалось, что Эрик не будет расстроен, если я пойду и постучусь к нему в мастерскую.

Пока я была в доме, у меня не было и тени сомнения, что я смогу отыскать эту его мастерскую. Но как только я вышла, моя уверенность дрогнула. Во-первых, не желая снова проходить через жуткий розовый сад, я вышла из дома через боковую дверь, помещавшуюся в небольшой нише между комнатой с картинами и столовой. Я оказалась в той части сада, где вчера явно не проходила. Чтобы оказаться в розовом саду, надо было обогнуть почти весь дом, продираясь сквозь заросли.

Тогда я вспомнила, что вчера мы с мистером Мак-Лареном пошли в мастерскую Эрика не сразу, а сначала спустились к озеру. Значит, как идти прямо к мастерской, я все равно не знаю. Я готова была уже отбросить всю затею, но тут как раз вспомнила, что, впервые оказавшись в этом доме, я видела старую башню из окна

моей комнаты. Если бы я, стоя здесь, смогла определить, какое из окон — мое, это послужило бы точкой отсчета.

Я еще раз прошла вдоль дома и наконец нашла окно, расположенное на подходящем месте. Пока я все это прикидывала, в другом окне на том же этаже промелькнуло что-то белое. Чье-то лицо? Я взгляделась пристальней, но на меня смотрела только отсвечивающая поверхность стекла. Я немного подождала, надеясь, что, если там кто-то действительно был, он спустится сюда и составит мне компанию. Но никто не спускался. Может быть, этого кого-то мое общество вовсе не привлекает. А может быть, просто кто-то из слуг был там по делу. Или мне вообще показалось, что я кого-то видела.

Если бы у меня, размышляла я, направляясь в заросли, была с собой, скажем, веревка, я могла бы привязать ее к дереву и разматывать постепенно... или, например, камушки — чтобы бросать их на дороге за собой. Тогда можно было бы не тревожиться о том, как вернуться обратно. Хотя на этой тропинке и так полно камней и мои все равно затерялись бы среди них. А за веревку может кто-нибудь зацепиться. Так что всякие тревоги... Что я, в самом деле? Я же отправляюсь не на край света и не собираюсь отходить далеко от дома. Так что тревожиться просто не о чем. И тут, когда дома уже не было видно, тропинка, по которой я шла, не просто разветвилась — она распалась на множество узеньких дорожек, расползавшихся во всех направлениях.

Я стояла в нерешительности. По неестественному свету, проникавшему сквозь кроны деревьев, мне стало ясно, что собираются тучи. Мне просто везет. Быть застигнутой здесь ливнем — такая удача...

Я уже хотела повернуть назад, но тут впереди меня появилась какая-то фигура. Заросли почти целиком скрывали ее. Мне показалось, что фигура машет мне рукой, приглашая последовать за ней. Наверное, Эрик заметил меня и спустился, чтобы встретить. Я поспешила в указанном направлении, рассчитывая, что тут же столкнусь с Эриком. Но на тропинке никого не было — насколько хватало глаз, она была пуста.

Сначала я решила, что пошла не в ту сторону, но тут

тропинка опять разошлась, и на самой левой из получившихся ветвей я снова увидела неясные очертания человеческой фигуры, машущей мне рукой.

— Подождите же! — закричала я и побежала туда, спотыкаясь на мелких камнях.

Кусты затрещали, но ответа не последовало. Я осталась.

— Эрик, — с трудом выговорила я, — это вы?

Опять никакого ответа, опять треск ломающихся веток, но уже ближе. Я замерла. Во мне шевельнулось подозрение — не страх пока еще, — что не все в порядке.

— Бертран, это вы? Мне не нравится, когда мне морочат голову. — А еще мне не нравилась перспектива оказаться с ним наедине в этих зарослях. Слишком уж он был уверен в своей неотразимости. — Бертран?! — повторила я.

Кажется, это был смех? Но, может быть, мне только показалось. Через секунду я снова услышала треск кустов. Теперь он раздавался у меня за спиной. В лесу было почти темно. Небо, очевидно, уже затянуло облаками: свет, пробивавшийся сквозь ветки, был серым и тяжелым. Все вокруг тоже теряло цвет. Листва и трава из изумрудных превратились в оливковые и слились с общим пепельным фоном. В воздухе стоял гнетущий аромат земли, моха и еще чего-то — гниющего и старого.

Только теперь я осознала, какую глупость совершила. Предупреждал же меня мистер Мак-Ларен, специально предупреждал — чтобы я никогда не ходила одна в здешние леса... А я как раз оказалась совершенно одна в самой гуще леса, и сейчас вот-вот начнется гроза.

Я постаралась не впадать в панику. Вовсе я не заблудилась, твердила я себе. Я могу просто вернуться назад, той же дорогой, что пришла сюда. Я так и сделаю. Ничьего общества я уже не искала. И я повернула назад.

Опять затрещали ветки — теперь уже гораздо сильнее — в зарослях прямо передо мной. Я застыла на месте, ясно увидев высокую коричневую фигуру — возникшую на тропинке и загородившую мне дорогу.

Мне всегда казалось, что довольно нелепо употреблять выражение *застыл как камень* для того, чтобы

передать эмоциональное состояние человека. Но в этот момент я буквально превратилась в камень. *Медведь!*

Но нет, *это* не было похоже на такое в общем-то обыкновенное и обыденное явление, как медведь. *Это* имело облик человека, хотя я поняла это не сразу, так как оно было закутано в широкую и длинную коричневую хламиду и лицо скрывал капюшон. Монах?.. Но откуда здесь взяться монаху?

И тогда я вспомнила, и мной овладел панический ужас — такой, что кровь застыла в жилах. Призрак... Эрик говорил, что иногда он принимает облик монаха.

Какая нелепость, пыталась сказать я себе. Ничего подобного не бывает — привидений... призраков... Но оно *было* тут, мрачно возвышаясь передо мной в лесном сумраке.

Какое-то мгновение оно стояло неподвижно, потом медленно откинуло капюшон, и я увидела лицо... Господи, что это было! Белое как мел, глаза — как черные впадины, вместо рта — сплошная рана. Что-то из кошмаров душевнобольного...

Я смотрела, застыв на месте, но страх оживил меня. Я побежала, спотыкаясь, прочь от него, от этого жуткого создания. Ноги были как деревянные, я не чувствовала их. Я пыталась кричать, но не понимала, кричу ли я на самом деле, или из моей груди, сдавленной страхом, не вырывается ни единого звука. Но все мои пять чувств были при мне — я слышала, как это видение издавало торжествующие звуки, следуя за мной, как оно размахивает руками, похожее на огромную птицу. Я слышала даже, как камешки вылетают у него из-под ног и как хрустят сучки, на которые оно наступает.

Оно двигалось все быстрее и быстрее, настигая меня, и я задыхалась от предчувствия, что вот уже сейчас... оно дотронется до меня... вот сейчас его стальные когти... Тропинка взбежала вверх и кончилась на широком выступе скалы. Я вовремя остановилась. Надо мной ничего не было. Подо мной переливались запретные воды Потерянного Озера. Еще бы шаг, и я была бы уже там.

Я поглядела по сторонам, ища другой путь выбраться отсюда. Этот кошмар уже был тут, прямо за моей спиной, — так близко, что я могла слышать его тяжелое

дыхание, чувствовать его запах, даже дотянуться до него рукой и потрогать.

Меня очень сильно ударили по спине между лопаток... я успела подумать, что у Призрака, у видения из эктоплазмы, навряд ли нашлось бы столько силы... — и я оказалась в ледяной воде Потерянного Озера, а позади меня кто-то хохотал демоническим смехом.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Падая, я слышала свои крики как бы со стороны. Они еще звучали у меня в ушах, когда я оказалась под водой... Я задохнулась... потом я выплыла на поверхность — захлебываясь, задыхаясь, но *живая* — пока что живая, — однако гораздо дальше от берега, чем можно было бы ожидать. Я попыталась приблизиться к берегу. Я неплохо плаваю, но этого у меня не получилось — что-то как будто тянуло меня в противоположном направлении.

С берега послышался треск сухих веток. Даже если бы это был тот, кто меня сюда толкнул, пришедший, чтобы убедиться, что мне не удастся выбраться из воды живой, я бы не перестала звать на помощь. Я думаю, что просто не могла не кричать. Я кричала не умолкая, как сирена, разрывая тишину этих мест, — потому что знала: нет никакой надежды, что кто-то меня услышит.

И тогда произошло великое чудо: я услышала, как Эрик кричит мне:

— Держитесь, я иду!

Потом всплеск воды, когда он прыгнул в озеро. Потом я почувствовала поддержку сильных рук. И вдвоем мы сумели преодолеть то, что затягивало меня вниз, и добрались до берега.

Мы выбрались на берег в том месте, где он гладко спускался к воде, и Эрик донес — или дотащил — меня до своей мастерской. Она все-таки оказалась очень близко, и только поэтому он смог услышать мои крики. В мастерской Эрик усадил меня на чемодан, завернул в одеяло и потом чашку за чашкой вливал в меня кофе, сильно разбавленный виски.

Я плохо помню, как он дотащил меня до дома. Помню только, что ливень уже начался, и мы добирались под ним. К тому времени все уже вернулись и теперь столпились вокруг меня. У меня в памяти сохранились

смутно только их лица — взволнованные, испуганные, озабоченные, раздосадованные. Потом Элис взяла дело в свои руки, выгнала всех и помогла мне лечь. Она, кажется, одобрила мое желание не посылать за доктором и дала выпить чего-то, что я приняла за бренди. Потом она заставила меня еще раз рассказать ей, что произошло, хотя мне ужасно хотелось спать. Потом кто-то подошел к двери, и Элис вышла в коридор. Мне было слышно, как они там шептались. Сама я лежала без движения. Элис снова вошла в комнату и сказала:

— Там другие хотят вас видеть, но я думаю, лучше не надо, если только в этом нет особой необходимости?..

— Лучше не надо, — слабо отозвалась я.

Элис расплывалась в воздухе, и теперь уже две Элис одобрительно кивали мне.

Кажется, прошло совсем немного времени, но, может быть, его прошло не так уж и мало, потому что я уже пришла в себя, когда миссис Гаррисон, в сопровождении Элис, чрезвычайно расстроенная, внесла в комнату поднос, на котором, к моему удивлению, стоял предназначенный для меня ужин.

— Благодарю вас, но я уже хорошо чувствую себя, — попыталась возражать я. — Я сейчас быстро оденусь и спущусь, чтобы поесть вместе со всеми.

— Нет, вы останетесь в постели: это предписание врача. — Элис улыбнулась, указав на домоправительницу. — Миссис Гаррисон у нас заменяет всех врачей. Травы, снадобья, старые семейные «рецепты». Она уже многие годы лечит нас — и посмотрите-ка, какие мы все здоровые.

Но миссис Гаррисон и не подумала улыбнуться в ответ.

Если принять во внимание все, что со мной случилось, удивительно, как я вообще могла есть. А я к тому же оказалась еще зверски голодной. И все же я не спешила притрагиваться к еде, вспомнив о том, что было, когда миссис Гаррисон собирала мне поднос в прошлый раз. Очевидно, она тоже об этом подумала, потому что лицо ее прямо побагровело.

— Не волнуйтесь, — здесь нет ничего плохого.

Но я не двигалась.

— Никто вас не отравит. Я вам это обещаю лично, — заявила Элис. Прежде, чем я успела что-то сказать, она подошла к подносу и попробовала содержимое каждой тарелки. Потом положила руку мне на плечо. — Ну, теперь ешьте спокойно. Съешьте все до крошки и ложитесь спать. Завтра с утра будете в полном порядке. Одно снадобье из запасов миссис Гаррисон вы уже выпили — и вам ведь не стало от этого хуже?

Очевидно, она говорила о том, что я приняла за бренди. Не уверена, что мне от него стало сильно лучше. Но возражать было теперь поздно.

— Теперь мне нужно пойти и кое-что проверить, — продолжала Элис, — и я оставляю вас на попечении миссис Гаррисон. Я загляну позже, но если вам что-нибудь понадобится — не раздумывая посылайте за мной. — Она остановилась, держась за ручку двери, как будто хотела мне что-то сказать, но не знала, как именно. — Не позволяйте никому вас беспокоить, — произнесла она наконец. — Я сказала им, что вам нужен отдых, но вы же их знаете. Если попытаются войти сюда, просто твердо скажите, что не расположены говорить.

Некоторое время миссис Гаррисон молча наблюдала, как я ем. Потом заговорила, с трудом подбирая слова:

— Я хочу, чтобы вы знали... то, что оказалось в кофе, который мисс Маргарет выпила по ошибке... это было только для того, чтобы вы почувствовали себя плохо... чтобы испугать вас и чтобы вы уехали. Вы бы не умерли, даже если бы выпили весь кофейник.

— Так это вы чего-то туда подсыпали? — вырвалось у меня.

Миссис Гаррисон грустно покачала головой.

— Нет, не я. Но кто-то взял это из моего шкафа. Я никому не позволяю лазить туда без моего ведома, но они постоянно ходят за лекарствами, и меня никто не спрашивает. Там, конечно, нет ничего действительно опасного, но мне все равно не нравится, когда они везде роются. — Прежде чем я успела задать свой вопрос,

она продолжала: — Да, мисс, я отлично знаю, кто это мог сделать. Но я не намерена сообщать об этом вам, так что можете меня и не спрашивать. Но вам не нужно волноваться: мистер Гаррисон поставит замок на ящике с лекарствами, так что это больше не повторится.

Но это не убедило меня, что не произойдет чего-нибудь еще в том же роде.

Я чувствовала себя очень усталой и совершенно разбитой — очевидно, это был результат всевозможных напитков, которые мне пришлось выпить. Мой ответ донесся до меня как бы издалека, и только тогда я поняла, о чем говорю:

— Если всем так не нравится, что я нахожусь здесь, я думаю, мне лучше уехать.

Она передернула плечами.

— Какое это теперь имеет значение. Что бы вы ни сделали, теперь уже поздно... Гораздо удивительнее было бы, пожелай вы здесь *остаться*. — Подойдя к окну, она стала всматриваться в сгущающиеся сумерки сквозь завесу дождя. — Это всегда было нехорошее место, — мрачно продолжала она, — как далеко назад ни оглядывайся — всегда одно и то же. Моя бабка так говорила, а до нее — ее бабка... И люди, что здесь живут, — не как нормальные люди... — ее причитания постепенно смолкли.

На улице почти совсем стемнело. Я пошарила и нашла выключатель настенной лампы рядом с кроватью. То ли щелчок выключателя оторвал миссис Гаррисон от мрачных раздумий, то ли отразившийся в окне свет зажженной лампы, но она снова заговорила со мной.

— Так что же все-таки *произошло*? — Она по-прежнему стояла ко мне спиной. — Мистер Эрик говорит, что вы свалились в озеро. Но зачем же вы так близко подошли к воде?

Интересно, Эрик, правда, так считает? Или он просто думает, что слугам незачем знать больше? Но мне до смерти надоели эти постоянные расчеты, боязнь сказать что-то невпопад. Поэтому я рассказала миссис Гаррисон все как было.

— Меня столкнули — кто-то, одетый как монах...

Я остановилась, опасаясь, что с ней сейчас случится

истерика — или она грохнется в обморок — или чего-нибудь еще. Ведь только она одна верила в существование Призрака. Но она лишь кивнула, обернувшись ко мне.

— Мне приходилось слышать, что он иногда так показывается. Но сама я его никогда в таком виде не встречала... Чаше он появляется как... ну, знаете, как знахарь из тех, что жили давным-давно, а на голове у него — рогатый... ну, в общем, — головной убор с рогами, — она показала руками, как это должно выглядеть, — и куртка из буйволовой кожи.

— Вы его действительно видели? — Миссис Гаррисон кивнула, ничего не говоря. — А когда вы видели его в последний раз?

Если бы она сказала, что это было в ночь на воскресенье, я бы точно знала, что это плод ее воображения, поджестнутого моим ночным криком.

Она ответила не сразу.

— Дайте-ка подумать... — да, это было в ночь на понедельник. Он бродил тут поблизости среди зарослей. Он пришел за кем-то из этой семьи, — очень тихо прибавила она.

— А может быть, этот ваш Призрак перепутал и пришел за мной?

Миссис Гаррисон покачала головой.

— Призраки не ошибаются так.

Ну что ж, это было очень логично.

— А тот, кто гнался за мной, — это просто кто-то нарядился монахом, нацепил маску или загримировался?

— Почему я знаю? — внезапно вспыхнула миссис Гаррисон. — Они не посвящают меня в свои тайны. Все, что я знаю, я знаю только потому, что я знаю их. Почти всех их я знаю с самого детства. — Ее раздражение прошло. — Если там и правда было что-то подобное — переодевания и прочее, — вас просто хотели попугать. Скорее всего никто не собирался толкать вас в озеро.

— Но меня же толкнули! — пыталась втолковать ей я. — Я не просто свалилась туда.

Миссис Гаррисон тяжело вздохнула.

— Какая чепуха! Вы только думаете, что вас толкнули. Всякое может взбрести в голову, когда так испугаешься...

— Если все так и было, если это, так сказать, розыгрыш, почему тогда этот кто-то ничего не сделал, чтобы мне помочь, когда я тонула?

Миссис Гаррисон беспомощно развела руками.

— Может, он сам испугался — того, что сделал, и убежал оттуда. И вы, в конце концов, все же не утонули, не так ли?

— Благодаря чистой случайности: меня услышал Эрик.

Она ничего не ответила. Может, она думает, что Эрик *не случайно* услышал меня? Что это он сам столкнул меня в воду, а потом передумал, сменил костюм и помог выбраться? Если миссис Гаррисон и думала об этом, она ни за что бы мне в этом не призналась.

После ее ухода я заперла дверь и снова залезла в постель. Я лежала и думала, пытаюсь как-то упорядочить разброд мыслей, царивший у меня в голове. Призрак — это *несомненно* просто маскарад. И дело было не только в том, что я искала рациональное решение. Тот, кто напал на меня, был слишком ощутимым и материальным, чтобы я стала сомневаться в его земном происхождении.

К тому же, вспоминая теперь все, что произошло со мной, я была уверена, что коричневое одеяние монаха было не чем иным, как халатом Маргарет, в котором она вышла, страдая от болезни, чтобы обвинить меня в своих страданиях. Но в лесу я не помнила себя от страха и мне было не до этого. Все это, однако, не означало, что в роли Призрака выступала Маргарет. Каждый из них — я не исключала даже Элис, которая вполне могла вернуться из своего магазина до моего ухода, — мог увидеть, как я стою на лужайке перед домом, быстренько переодеться и пойти за мной. Времени вполне хватило бы. И бесполезно пытаться что-то выяснить. Я для них чужая, незванный гость. Они всегда объединятся против меня.

В дверь постучали. Нервы мои напряглись до предела.

— Кто там? — выдавила я из себя.

— Это я, Эрик. Могу ли я поговорить с вами? Это очень важно, иначе я не стал бы вас беспокоить.

Почему-то — сама не знаю почему — я его не боялась. Я просто встала и впустила его в комнату. Лицо у Эрика было очень встревоженным.

— Вам звонил Фрэнк Калхаун.

Я очень удивилась.

— Мне казалось, он звонил не сегодня.

Теперь удивился Эрик.

— Кто вам сказал? Маргарет? Рене? С этими двумя особами просто невозможно сохранить что-либо в тайне...

Слишком уж здесь много тайн, подумала я, хотя, может быть, все это тайны для меня одной. И для мистера Мак-Ларена, спохватилась я. Не думаю, что он причастен ко всему, что здесь происходит.

Похоже, Эрику пришло в голову, что нужно как-то оправдаться:

— Вообще-то Фрэнк тогда не просил вас позвать — просто поинтересовался, как вы. А в этот раз... — Эрик колебался. — В этот раз, мне кажется, вы были для него лишь предлогом, чтобы позвонить сюда. Когда я сказал, что вы заболели, он, кажется, обрадовался, что может передать все через меня. По правде говоря, я вообще не вижу, какое отношение это имеет к вам.

— Но все-таки это сообщение — *для меня?* — настаивала я.

Эрик вздохнул.

— Да, он так сказал. Вы помните Робертса — проводника поезда? Мы говорили с вами о нем только... это же было вчера? — Он был как будто удивлен, что прошло так мало времени.

Я почувствовала, что меня начинает знобить, — я догадывалась, что он сейчас скажет.

— Сегодня утром он упал с поезда, когда они проезжали по набережной. Там же, где мисс Хайс. Только у него уж точно не было причин для самоубийства, и он был очень осторожным человеком. И теперь там считают... считают, что его сбросили. И про мисс Хайс — теперь это тоже рассматривают как убийство. По крайней мере так уверяет Калхаун. Может быть, он все это выдумал.

Но и Эрик, и я знали, что это правда.

Эрик о чем-то размышлял.

— Вы случайно... не звонили Фрэнку Калхауну — рассказать, о чем мы с вами вчера говорили? О мисс Хайс, о Робертсе — обо всем? Учтите, я вас не виню, если это и так. Наверное, вы чувствовали себя здесь... ужасно одинокой.

Я отрицательно покачала головой. Господи, почему все постоянно связывают меня с этим ужасным человеком?

— Я говорила об этом только с Рене, и то для того, чтобы она могла поговорить с Робертсом обо всем этом сама — она собиралась завтра ехать в Бостон, — и сделать это так аккуратно, чтобы тот ничего не заподозрил. — Тут я вспомнила: — Значит, сегодня у Роберта не был выходной?

— Нет, его выходной — всегда понедельник. — Эрик, казалось, был очень озабочен. — Я, конечно, понимаю, это очень естественно, что вы откровенничаете с единственной девушкой вашего возраста, которая здесь есть, но не особенно доверяйтесь Рене: она слишком... — он запнулся, прежде чем закончить, — слишком легкомысленна.

Но мне показалось, что он не это хотел сказать.

— Любой мог додуматься до такой простой вещи, что если с мисс Хайс и правда что-то случилось, Робертс может знать об этом, — оправдывалась я. — К тому же пока мы с ней обсуждали это, кто-то подслушивал из кабинета. По крайней мере, Рене сказала, что что-то слышала. Она решила, что это Бертран. Но когда мы вошли туда, там уже никого не было — если кто-то и был. Так что это мог быть кто угодно. — Наконец я не выдержала: — Вы что, правда, думаете, что Роберта убили только из-за того, чтобы он не смог назвать Рене того, кто из семьи ехал утренним поездом?

У Эрика задрожали губы.

— Все выглядит именно так. Но я не могу поверить... Да, Калхаун просил передать вам еще вот что: вы должны уехать отсюда как можно быстрее. И вы знаете, что он прав.

Я тяжело вздохнула.

— Да, я знаю. Мне страшно... — я говорила все тише и тише, — и я хочу домой.

Эрик тоже вздохнул:

— Я же предупреждал вас с самого начала...

— Вы без труда могли меня остановить — стоило вам только сказать о смерти мисс Хайс. Если бы я только...

— Я знаю, знаю. Не напоминайте мне. Если с вами что-нибудь случится... — он не смог договорить. — Помолчав немного, он добавил: — Соберите все свои вещи. Завтра чуть свет я отвезу вас в Бостон. Чтоб вы и близко не подходили к этому поезду.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Я не могла дожидаться утра. Как только Эрик вышел, я начала укладывать вещи, и это настолько успокоило меня, что мысли у меня в голове встали на свои места. Я не могу просто уехать, не сказав никому ни слова. Мистер Мак-Ларен так хорошо относился ко мне. Я просто должна попрощаться с ним и объяснить, почему я уезжаю. Но в то же время мне не хотелось откладывать отъезд до завтрака, когда у меня будет возможность проститься. И еще у меня в голове вертелась мысль, что я смогу спать гораздо спокойнее, если каждый в этом доме будет знать, что утром я уеду.

Я посмотрела на часы. За этот день произошло столько всего, что казалось невозможным, что еще так рано. Я оделась, но не в те платья, которые приносила Рене, — я надела желтое платье из ситца, которое приготовила, чтобы завтра в нем ехать.

Мое появление можно было сравнить, как подумалось мне тогда, с театральными выходами Маргарет или Рене. Все сидели и пили кофе, но, когда я вошла не очень твердой еще походкой, все вскочили как по команде и окружили меня, наперебой говоря, что у меня изнуренный вид, что я легкомысленно отношусь к своему здоровью, что мне лучше было бы оставаться в постели, — в общем, все те слова, которые произносят в подобных случаях. Я опять пожалела, что должна ждать до утра и что уехать немедленно никак нельзя. И может быть, несмотря ни на что, поездом все же безопаснее... но за эти сомнения я разозлилась на себя.

Смущенная всеобщим вниманием, я закашлялась.

— Я должна была сюда прийти. Я должна сообщить вам одну вещь.

— Наверняка с этим можно было подождать и до завтра, — возразил мистер Мак-Ларен. — Милая моя, я и выразить не могу, как я огорчен этим... несчастным случаем.

Мне стало ясно, что даже он не верит в несчастный случай, хотя никто наверняка не рассказал ему, как все произошло.

— Это необходимо сделать сегодня,— ответила я.— Потому что завтра... Завтра я уезжаю. Мне жаль, что я не могла предупредить заранее, но... то, что произошло,— это уж слишком...

Внезапно я почувствовала такой прилив слабости, что пошатнулась. Эрик рванулся поддержать меня, и моя решимость не слишком доверять ему окончательно рухнула.

Но до кресла меня довел Бертран, который и остался стоять рядом с выражением заботливой обеспокоенности на лице.

— Мы не заплачем, если вы нас покинете,— резко сказала Маргарет.— Это только к лучшему — и для вас, и для нас,— добавила она.

— Нет, это не так,— запротестовала Рене.— Нам всем будет очень не хватать Эмили. Но мы понимаем, что так будет лучше.— Она сердечно улыбнулась мне, но я не могла заставить себя улыбнуться в ответ.

— Это самое разумное из всего, что она могла бы предпринять,— энергично сказала Элис.— И я думаю, дядюшке не стоит подыскивать себе новую секретаршу до тех пор, пока мы не разберемся в том, что здесь происходит. Это, конечно, никак не связано с вами, дорогая моя,— повернулась она ко мне.— Это наша вина, что вас во все это втянули. Вы ни в чем не виноваты, и мы все были к вам несправедливы, но мы считали...

— Я совершенно согласен,— поспешно вмешался Луи, прежде чем я успела услышать, что именно они считали.— Я предлагаю...

Но в это время старик взорвался:

— Замолчите же, вы все! Это мой дом, и мне решать, что здесь предлагать, а что нет!

Элис взяла его за руку.

— Без твоего согласия, дядюшка, ничего и не произойдет. Мы все хотим знать, что ты думаешь об этом. Но давай-ка ты сначала спокойно сядешь и...

Старик только отмахнулся от нее.

— Мне надоело, что мне морочат голову! Мне надо-

ло, что моих секретарей запугивают... что им угрожают... пугают до смерти... издеваются как могут, — и все для того, чтобы заставить их уехать. Я прекрасно знаю, что вы думаете о деле всей моей жизни. Но ведь даже если это просто дилетантское увлечение, как вы думаете, я имею право этим заниматься столько, сколько хочу.

Маргарет открыла рот, чтобы что-то сказать, но Бертран предостерегающе посмотрел на нее, и она промолчала.

— Я не знаю, кто из вас виноват в том, что происходит, — продолжал старик. — Может быть, вы все виноваты. Но это не имеет значения. Вам всем всегда было наплевать на мои пожелания, на мои нужды — наплевать на меня. Я устал от всех вас и от того, что вы вытворяете. Вас всех интересуют лишь сокровища.

— А что, дядюшка, — начал Луи, — они и правда?..

— Вы это узнаете в свое время — когда я этого захочу, а не когда вы захотите. Я терпел вас все это время, потому что мы — одна семья. Но всему есть предел, семейным привязанностям тоже. И за ним... — он сделал выразительный жест, — семейные узы рвутся.

— Ах, дядюшка, — запричитала Рене, — ты просто не понял...

Луи сделал ей знак помолчать.

— Пусть дядя скажет все...

Мистер Мак-Ларен набрал побольше воздуха.

— Я не хочу делать никаких выводов, я не хочу никого обвинять. Сейчас уже слишком поздно. Все, что я хочу сказать, — мисс Пэймелл — лучшая секретарша из всех, кто был здесь за много лет. — Эти слова натолкнули меня на мысль, что мои предшественницы были как-то уж особенно некомпетентны. — Если вам удастся выжить ее отсюда, я завещаю все, что у меня есть, музеям. Я уже послал за своим адвокатом, он приедет из Бостона в конце недели, чтобы составить мое новое завещание. И вам все равно нет смысла... что-либо предпринимать теперь, — вы не знаете, что написано в моем нынешнем завещании. — Он повысил голос, чтобы перекрыть поднявшийся шум. — Это все. Я не намерен спорить. Я старый, измученный человек. Спокойной ночи всем вам. — Он поклонился мне и вышел из комнаты.

В комнате повисла мертвая тишина, которую я решилась нарушить:

— Я уверена, что он в действительности не думает так, как говорит.

— Нет, он так сделает, — простонала Рене. Она умоляюще протянула ко мне руки. — Я думаю, что Эмили просто могла бы передумать и остаться здесь. А потом, через некоторое время, наделать каких-нибудь ошибок, когда сядет печатать. Тогда он вас уволит и не сможет уже свалить это на нас. — Никто не засмеялся. Они молча смотрели на меня. Не рассчитывая на мое согласие — да и как они могли на него рассчитывать после всего, что произошло, — но все же с надеждой. Им больше ничего не оставалось — только надеяться.

Рене повернулась к Бертрану:

— Скажи ей, скажи, как это важно.

Бертран внезапно побледнел, и, когда он заговорил, голос его звучал как-то глухо:

— Рене, как ты можешь просить меня о таком?

— Послушайте, — обратилась я сразу ко всем, — не хочу показаться вам бесчувственной, но меня это все абсолютно не касается. — Голос у меня дрожал все сильнее и сильнее. К ужасу своему, я поняла, что сейчас расплачусь. — Меня... меня же чуть не убили сегодня... и я даже не знаю, за что. И знать не хочу. Я просто хочу у до-омой.

Эрик успокаивающе положил мне руку на плечо.

— Вы абсолютно правы. Завтра вы уедете и забудете обо всем. Только и всего.

Бертран, прищурившись, улыбнулся мне.

— Забудет ли? Я хочу сказать, — пояснил он, хотя я и сама задавала себе тот же вопрос, — сможет ли она когда-нибудь избавиться от угрызений совести, если она сейчас вот так возьмет и уедет, оставив нас в таком положении.

— Ну, она сможет утешиться мыслью о том, что облагодетельствовала музей, — заметил Эрик. — Как истинный гражданин, заботящийся о благе общества, она должна быть рада тому, что все окажется в таких надежных руках.

— Разумеется, тебе не о чем беспокоиться, — ядовито сказал Бертран. — Ты привык к простой и неприхотливой жизни. Но мы-то другие...

— Именно,— подхватила Рене.— Луи, ты самый старший. Скажи Эрику, чтобы он не давил на Эмили.

— Не могу,— ответил ее брат.— Не могу, потому что, хоть это мне и невыгодно, я знаю, что он прав.

Эрик отвесил Луи поклон. Потом протянул мне руку.

— Пойдемте, Эмили. Вам лучше подняться к себе в комнату и снова лечь в постель. У вас измученный вид, а нам надо выехать пораньше.

— Вы что, не можете остаться на день-другой? — вышла из себя Маргарет.— Мы, мы вам заплатим!

— Вам это ничего не стоит — остаться ненадолго, а для нас это так много значит,— взмолилась Рене. Она молитвенно сложила руки.— Ну, Эмили, дорогая, останьтесь хоть ненадолго. Я уверена, что все будет хорошо.

Вместо меня ледяным голосом ответил Эрик:

— Мы не можем просить ее подвергаться опасности ради нас. Луи на это мрачно кивнул.

— Опасность, опасность! Какая опасность? — упрямо сказала Рене.— Вы все сгущаете краски. Я считаю, что это было просто... недопонимание.

Элис засмеялась и долго не могла успокоиться. Я тоже попыталась усмехнуться, но это вышло очень неубедительно.

— Я очень признательна всем за такую неожиданную привязанность ко мне, но, к сожалению, я не могу остаться. Это совершенно исключено.

Бертран склонился ко мне.

— Если вы останетесь, Эмили,— тихо заговорил он,— то обещаю вам — нет, я вам клянусь,— что несчастных случаев больше не будет. Я вас защищу, положитесь на меня. Даже ценой своей жизни, если потребуются.— Его голос перешел в шепот.— Эмили, передумайте, ну, пожалуйста. Это так много значит для меня — для всех нас.

Эрик иронически рассмеялся, и это помогло мне решиться. Если я после всех этих слов уеду, это будет просто слишком.

— Ладно,— сказала я,— я останусь ненадолго, но запомните: еще один «несчастный случай», и меня уже ничто не остановит — даже если придется добираться пешком до самого моего дома.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— И все-таки вы допустили ошибку,— сказал Эрик, доведя меня до дверей комнаты.

— Я останусь на день или на два — до тех пор, пока у вашего дедушки не пройдет плохое настроение. Я не могу так поступить с вами — со всеми вами: уехать и оставить вас в таком положении.

Эрик криво усмехнулся.

— Вы не можете расстаться с Бертраном, это вы хотите сказать?

Я по-настоящему разозлилась и ответила очень резко:

— Разве вы сами не выигрываете, если я остаюсь? По-моему, не меньше, чем он.

— Я не хочу ничего выигрывать, даже если бы было что! — в свою очередь огрызнулся он.— По крайней мере ни деньги, ни сокровища — такие сокровища. Господи, я совсем заговариваюсь.— Он посмотрел на меня.— Поймите, Эмили, Бертран — мой брат. Я не могу предостерегать вас — я не могу даже слова сказать против него...

— Зачем говорить что-то против него? — у меня было неприятное чувство, что я цитирую какое-то стихотворение, но что я еще могла ответить? — Зачем не сказать что-нибудь за себя?

Лицо Эрика озарилось. Я уже и забыла, что у него такие синие глаза.

— Эмили, вы хотите сказать?..

— Эрик, ты же знаешь: Эмили нужно поскорее лечь,— с упреком прозвучал голос Элис. И она повела меня в комнату, захлопнув дверь без малейшего сострадания к Эрику.

— Спокойной ночи, Эмили,— сказал он за дверью.— Я все-таки приготовлю машину, может быть, вы передумаете.

— Вы знаете, дорогая моя, я думаю, что он прав,—

сказала Элис, помогая мне улечься. — Это было очень мило с вашей стороны — согласиться пожить здесь еще немного, но мы этого не заслуживаем. У вас нет никаких оснований подвергать себя опасности ради нас. Может быть, вам лучше было бы уехать, как вы и собирались, и предоставить нас самим себе. — Заботливо заворачивая меня в одеяло, совсем как мама, Элис продолжала: — Если вы... не хотите, чтобы вас вез Эрик, мы с Луи можем взять вас с собой. Мы с ним все равно скоро возвращаемся в Нью-Йорк. Я устаю от этого дома. — И она вздохнула.

— Я пообещала, что останусь, — сказала я довольно упрямо, так как понимала, насколько неразумно было давать такое обещание. Хотя, конечно, к этому не надо относиться слишком серьезно. — И сейчас я не очень хорошо себя чувствую, чтобы куда-то ехать. Лучше дождаться утра, хорошенько выспаться и потом решать.

Но хорошенько выспаться мне не удалось. Меня мучили кошмары, я часто просыпалась. Один раз, где-то на грани сна и бодрствования, мне показалось, что я слышу далекий крик. Я прислушалась... ничего похожего на крики. Наверное, это продолжение моих кошмаров. Я снова уснула.

Когда я окончательно проснулась, дождь прекратился и солнце было уже высоко. Я посмотрела на часы — почти одиннадцать. Я проспала бы и дольше, до самого полудня, если бы не шум, доносившийся снаружи, — такой сильный, как будто я снова оказалась в городе. Господи, что должно было случиться, чтобы нарушить вековую тишину этих мест? Я подошла к окну и выглянула наружу. На берегу озера столпилось много народу. Откуда взялись все эти люди? Там были одни мужчины, и среди них я узнала сначала Эрика и Бертрана, потом — Луи и Гаррисона. Но остальных я видела впервые, некоторые из них были в военной форме. Один из тех, кто был в штатском, смахивал на Фрэнка Калхауна, но я могла ошибиться. Что могло его привести сюда? Что их всех привело сюда? И зачем они столпились на берегу озера? Что можно потерять в Потерянном Озере?

Единственный способ выяснить все — это спуститься

и спросить. Я чувствовала себя вполне прилично, если не считать легкой слабости и головной боли, которые происходили скорее от того, что я выпила, а не от того, что тонула. В дверь постучали. Кора, немного растрепанная и очень взволнованная, внесла поднос с завтраком.

— Миссис Гаррисон думает, что вам лучше поесть у себя в комнате, а то тут повсюду снуют полицейские...

— Полицейские! Здесь что — произошло... *преступление*? — Может быть, кто-нибудь похитил сокровища, и теперь я наконец узнаю, что они из себя представляли.

Кора посмотрела на меня, и сквозь подавленность на ее лице проступило что-то вроде удовольствия от того, что она первой сообщит мне такое необычайное известие.

— Они обыскивают озеро,— сказала она.— Ищут мисс Рене.

Я тяжело опустилась на кровать. Должно быть, я неправильно поняла. Что может Рене делать посреди озера, если только она... Нет, не может быть, здесь явно какая-то ошибка.

Коре не нужно было быть очень прозорливой, чтобы догадаться, о чем я думаю.

— Боюсь, это правда, мисс.

И она довольно бессвязно пустилась рассказывать, что произошло. Мне постоянно приходилось останавливать ее и переспрашивать, чтобы уловить суть этой истории. Кажется, дело было так: миссис Гаррисон принесла Рене завтрак, но ее комната оказалась пуста, постель нетронута, а к подушке была пришпилена записка следующего содержания:

«Безумно сожалею, что так вышло.

Прошу прощения — за все.

Ухожу к Озеру».

После неоднократных появления Призрака для миссис Гаррисон это могло означать только одно. Она побежала с этой запиской к Луи, но он отказался поверить, что его сестра могла решиться на самоубийство... и уверял всех, что у записки должен быть какой-то другой

смысл. Однако Бертран с Эриком все же отправились к озеру, и там они нашли скомканное платье Рене. Эрик тут же вызвал полицию, хотя Бертран считал, что все это «не более чем очередная выходка Рене с единственной целью — привлечь всеобщее внимание» и что Рене вообще не из тех, кто способен убить себя.

Я почувствовала, что готова согласиться с мнением Бертрана. Тогда я не могла представить себе, что именно, какие страшные события могли толкнуть Рене покончить с собой. У меня даже в голове не укладывалось, что Рене, красавица и убежденная эгоистка, может причинить вред своей священной особе. И, наоборот, казалось очень убедительной мысль о том, что Рене решила таким образом заставить всех поволноваться за себя, — может быть, чтобы избежать расплаты за какой-нибудь неблагоприятный поступок. Я изложила все это Коре, но она только покачала головой.

— Вы просто не знаете, как обстоит дело. Ведь мисс Рене была безумно влюблена в мистера Бертрана с самого что ни на есть детства. А он завлекал ее, и тут же волочился за каждой встречной женщиной. О многих она знала, о других догадывалась, — об этом все знали. Ну, вот она наконец и не выдержала.

— Вы хотите сказать, что Бертран и Рене были обручены? Или у них просто было... взаимовлечение?

Кора вновь покачала головой.

— Они никогда не решились бы на это — ни он, ни она. Им было прекрасно известно, что старик думает по поводу браков внутри семьи. Особенно его заботило будущее этих его внуков. К тому же я далеко не уверена, что мистер Бертран горел желанием на ней жениться. Позже, когда он обручился с миссис Калхаун — она тогда, разумеется, была еще мисс Фишер... это было до того, как я поступила работать в этот дом, но об этом знает вся деревня, — так вот, тогда мисс Рене грозилась, что убьет себя. Но дядя отправил ее путешествовать во Францию, а когда она вернулась, мистер Бертран уже разорвал помолвку с миссис Калхаун

— Так их свадьба расстроилась из-за Рене?

Кора задумалась

— Не знаю, мисс. Одни говорят, что мистер Бертран просто разузнал, что у миссис Калхаун далеко не так

много денег, как она пыталась представить, а другие считают, что это мисс Рене выкинула что-то невероятное, чтобы помешать им. По-моему, миссис Гаррисон об этом знает, но мне она не рассказывала. Говорит: это не мое дело.

Тут я вспомнила, что решила быть щепетильной по поводу откровенных разговоров с прислугой, но отмела эти мысли в сторону. Это было так глупо с моей стороны — не дать Коре высказаться при нашей первой встрече. Теперь я просто обязана разговорить ее.

— Даже если Бертран охладел к Рене, я все равно не вижу причин для самоубийства. Я еще понимаю — когда он обручился с Джойс Фишер, но теперь...

Глаза Кору буквально округлились, и она уставилась на меня со смешанным выражением удивления и недоверия

— Вы что, хотите сказать, что вы этого не знаете? Но ведь это видно всякому, кто не совсем слепой! Он же на вас глаз положил, и должно быть по правде, потому что достаточно посмотреть на те вещи; что вы с собой привезли, чтобы понять, что денег у вас негусто.

Искренне не заметив своей бестактности, Кора продолжала:

— Вчера вечером, прямо перед обедом, они крепко поругались. Я накрывала на стол в соседней комнате, и не могла же я заткнуть уши. Я пыталась как-нибудь звякнуть тарелками, чтобы они знали, что я там, но они так увлеклись, что ничего не замечали.

— Передо мной вам не нужно оправдываться, — заверила я ее. На языке у меня так и вертелось: продолжай, продолжай рассказывать. О чем они говорили? — но вслух сказать я этого, конечно, не могла.

Слава богу, Кора, не нуждалась в поощрении.

— Он ее отчитывал — за то, что она вас вчера так напугала. Говорил, что она обманула его доверие. А она сперва смеялась, потом расплакалась... — Кора запнулась. — Очень это было нехорошо с ее стороны — такая опасная затея: нарядиться привидением и спихнуть вас в воду! Вы же могли утонуть.

— Разумеется, — сухо сказала я. Для меня не было большой неожиданностью, что купанием в озере я обязана Рене. Вероятно, ту отраву в кофе, выпитый бедной

Маргарет, тоже положила она. И ко мне она приходила в тот день вовсе не для того, чтобы предложить платье, а для того, чтобы полюбоваться на дело своих рук. Замечательно то, что, хоть Рене и была уверена, что мне не до нарядов, она все-таки выбрала платье, испорченное в прачечной. Чисто французская расчетливость.

Кора вернулась к основной теме.

— В общем, он говорил, что любит вас и собирается на вас жениться. И что если мисс Рене все еще мечтает выйти за него, пусть лучше выкинет это из головы, особенно после того, что она сделала, и что это было чистое безумие, но что это неудивительно, так как в этой семье все давно походили с ума. А вы уверены, мисс, что не собираетесь выходить за мистера Бертрана?

— Впервые об этом слышу.

— А-а... — Какое-то время она переваривала полученные сведения. — Ну, может быть, вам все равно следует знать, что прошлым летом, когда я только поступила сюда, тоже были всякие разговоры о том, что он тайно женат. Так получилось, что я слышала, — я не собиралась подслушивать, но знаете, так бывает, что начнешь слушать и не можешь остановиться, да и не затыкать же уши? — так вот, мисс Маргарет приставала с этим к нему, а он чем-то грозил ей, если она кому-нибудь об этом расскажет. Мисс Маргарет, конечно, иногда может вообразить невесть что. А когда я заговорила об этом с миссис Гаррисон, она велела мне заткнуться, прямо, знаете, накричала на меня, отрезала — и все. Наверняка она что-то знает об этом.

Она подошла к окну и выглянула наружу.

— Похоже, еще ничего не нашли, — сообщила она с некоторым сожалением.

— Будем надеяться, это только недоразумение и Рене не утонула, — сказала я на это. — Но я не понимаю, зачем ему делать тайну из своей женитьбы. — Я задумалась. — Ведь не из-за того же... что он опасался Рене?

Кора рассмеялась низким басом, но тут же вспомнила о печальном событии.

— За мистером Бертраном наверняка водится много всяких дел. Она безусловно про них знает, а если бы это

дошло до старика, он, пожалуй, не только ничего не оставил бы ему, но еще и выгнал его отсюда. Но и у этой особы было что скрывать от его деда.

Тут Кора, то ли решив, что слишком много сказала, то ли — что вероятнее — спохватившись, что столь долгое ее отсутствие будет замечено, вспомнила про какое-то срочное дело, не терпящее отлагательств. Но, дойдя до двери, она спохватилась:

— Совсем позабыла, мистер Бертран просил передать, чтобы вы не говорили полиции ничего про вчерашнюю выходку Рене. Он сказал, что все и так достаточно запутано, чтобы еще и это сюда мешать.

— Можете передать, что я не скажу ни слова, — пообещала я, очень надеясь на то, что у полиции руки не дойдут до меня.

Я оставалась в комнате довольно долго, но не могла же я сидеть там вечно? Наконец я не выдержала, собралась с духом и спустилась вниз. Убедившись, что в библиотеке нет ни души, я проскользнула в кабинет, села за стол и продолжила печатать рукопись — просто ради того, чтобы чем-то заняться. Немного погодя вошли Элис и Маргарет. При взгляде на Элис сжималось сердце: она вся осунулась и постарела. Думаю, больше, чем за Рене, она переживала за своего мужа, который был очень привязан к сестре. Я невольно подумала в прошедшем времени — «был» — потому что и Элис, и Маргарет, казалось, считали, что Рене нет уже в живых. Значит, оснований сомневаться нет и у меня.

Они рассказали, что старик у себя в комнате и что он ужасно подавлен всем случившимся.

— Мы все время забываем, что ему уже за восемьдесят, — вздохнула Элис. — Он очень стар. Такое потрясение может — может... просто убить его.

Я пробормотала свои соболезнования, сказав, что если я могу быть чем-либо полезна, то пусть не задумываясь просят меня...

«Господи, какое все это имеет отношение ко мне?» — твердила я себе, но в душе знала, что самое прямое.

Элис механически продолжала говорить какие-то слова.

— Дядя так любил Рене, хотя, конечно, знал... что в ней не все идеально... Впрочем, он вряд ли понимал,

насколько далеко заходит... И все равно, он никогда не обещал оставить ей свои... — губы Элис задрожали сильнее, — свои бесценные, священные, ненаглядные сокровища — хоть бы они сквозь землю провалились! Или на дно этого проклятого озера!

— Может, они там и есть, — мрачно сказала Маргарет. Но когда Элис спросила, что она имеет в виду, оказалось, что ничего.

Вскоре пришел Эрик. По выражению его лица стало ясно, о чем он нам сейчас скажет: они нашли тело Рене.

— Шериф хочет поговорить с вами двумя, — прибавил он, обращаясь к Элис и Маргарет, и только к Элис: — Я думаю, тебе сейчас лучше пойти к Луи, он очень нуждается в поддержке.

Мне он посоветовал оставаться в кабинете, чтобы полиция по возможности не узнала о моем существовании.

Шериф все-таки зашел поговорить со мной, так как Фрэнк Калхаун — я не ошиблась, увидев его из окна, — сообщил полиции о моем присутствии в доме. Допрос был чисто формальным — думаю, если бы шериф узнал о том, что произошло за день до того, он вел бы себя совершенно иначе.

В пять часов Гаррисон позвал меня к столу.

— Там накрыли... как это можно назвать, чай? — потому что сегодня не было никакого ланча.

Я подумала, что в такой день присутствие постороннего совершенно нежелательно, но Гаррисон сказал:

— Мистер Эрик и мистер Бертран очень настаивали на вашем присутствии.

Я пошла за ним в ту комнату, где мы обычно завтракали. Все уже сидели за столом. Похоже, все были уверены, что мне известно, кто вчера изображал ужасного Призрака, потому что они спокойно продолжали говорить о том, как коричневый халат Маргарет нашли в туалетной комнате Рене, когда полиция осматривала ее вещи. Что касается грима, то никого из посторонних не удивило, что он оказался среди вещей профессиональной актрисы.

Маргарет намазывала масло на хлеб. Кроме нее, никто почти ничего не ел.

— Какая разница? Когда они доберутся до ее дневни-

ков, они узнают и то, что произошло вчера, и массу других интересных фактов. Она ведь все записывала в дневник — не только то, что происходило, но даже то, о чем думала. И очень подробно.

Лицо Бертрана исказилось от возмущения и от чего-то еще.

— Как ты хорошо осведомлена, Маргарет. Как будто ты их читала.

— Время от времени я туда заглядывала. До тех пор, пока она не сообразила и не стала держать их под замком,— беззастенчиво призналась Маргарет.— Только этим летом она была уже осторожнее, чем, скажем, прошлым, так что у меня ничего не выходило, разве что в начале лета.

— Ты читаешь чужие дневники? — всплеснула Элис руками.

Маргарет передернула плечами.

— Ну и что? Не многие сейчас вообще их ведут. Должна же я знать, что происходит. Конечно, я не могу полностью быть уверена, что я все поняла правильно, потому что она писала только по-французски, а я в нем не слишком сильна.

— Ах, как это я не подумала о тебе! — Элис даже немного вспылила.— Послушай, Луи, ты думаешь, полиция и правда может найти ее дневники и забрать их?

Луи очнулся от своих невеселых мыслей. Лицо у него было словно неживое.

— Они не возьмут их, не спросив нас,— если только они дорожат своей работой.

Элис вздохнула.

— Ах, Луи, милый мой, как ты не понимаешь, что мы... что наше положение не такое, чтобы кому-то угрожать.

Бертран поджал губы.

— Вы можете быть спокойны. Никто не возьмет ее дневников. Я позаботился о том, чтобы ко времени приезда полиции убрать их оттуда. Не хочу, чтобы в нашем грязном белье рылись посторонние. Это совершенно ни к чему — Он откинулся с выражением полного удовлетворения, словно ожидая аплодисментов.

Луи посмотрел на него с нескрываемым отвращением, но сказал только

— Как это... предусмотрительно, Бертран. Но я хотел бы, чтобы ты немедленно отдал их мне.

— Вечное преклонение всех в этой семье перед писанным словом,— усмехнулся Бертран.— Но боюсь, что я не смогу выполнить твою просьбу. Я их уничтожил.

— И думаешь, что так можно скрыть все, что произошло! — подхватила Элис.— Но это не так-то просто.

— О твоей свадьбе, например, можно прочесть не только в дневниках Рене,— злорадно сказала Маргарет,— но и в другом месте, куда более надежном.— Она победно оглядела всех, но эффекта разорвавшейся бомбы ее слова не произвели.

Бертран посмотрел на нее, как будто хотел испепелить взглядом, потом повернулся ко мне, нежно улыбнулся и сказал:

— Не слушайте ее, Эмили, я вовсе не женат.

— Мне-то до этого какое дело? Но это уже не первый раз, когда я слышу обратное.

— Полная ерунда,— отмахнулся Бертран.— Они пытаются оклеветать меня, потому что...

— Прекрати, Берт, мы все про это слышали,— прервал его Эрик.— Мне, например, говорили об этом в Нью-Йорке в прошлом году. Я не пытался разузнать, кто твоя избранница, но подумал, что это может быть и Рене. И что вы с ней только ждете, когда дед... отойдет в мир иной, чтобы объявить об этом.

— Нет, это вовсе не Рене. Не так уж часто я соглашаюсь с дедом, но по этому вопросу я полностью придерживаюсь его взглядов: в семье и без того достаточно родственных браков.

Луи вспыхнул от этих слов. Господи, как может Бертран быть таким жестоким? Это же невыносимо! Если я его действительно интересую, как же он не понимает, какое впечатление производит такая душевная черствость? Или он настолько бессердечен, что просто не в состоянии это осознать?

— Чего я никак не могла понять,— задумчиво сказала Маргарет,— так это как мог ты позабыть, что твоя жена — подруга Рене.

— Подруга Рене! — только и смогла повторить Элис. Остальные смотрели то на Бертрана, то на Маргарет, то опять на Бертрана. Маргарет объяснила:

— Рене не особенно прятала свои письма, — должно быть, потому, что они чаще всего не содержали ничего, кроме сущей чепухи.

— Маргарет, ты хочешь сказать, что ты ко всему прочему еще читаешь чужие письма? — кажется, это было для Элис хуже чтения чужих дневников.

— Только письма Рене. Никто другой здесь писем не получает, быть может, только Эрик, — недаром он всегда запирает мастерскую. Пари держу, он там что-то прячет. Если нечего прятать, зачем запирать?

Эрик невольно рассмеялся. Маргарет уничтожающе посмотрела на него и продолжила:

— Так вот, когда Бертран пригласил сюда Дэнис — это имя его жены, — чтобы она здесь изображала секретаршу для старика, он, похоже, начисто забыл, что именно Рене познакомила их в Монреале несколько лет назад. Дэнис решила, что это очень забавно. Она написала Рене, какая будет умора, когда она придет сюда, и предупредила, чтоб она случайно не проговорилась. Ты и письма сжег, да, Бертран?

— Какой смысл избавляться от дневников, если остаются письма, — с горечью сказала Элис. — Но я никак не пойму... — Лицо Элис стало очень испуганным. — Боже правый, не хочешь же ты сказать... Скажите мне кто-нибудь, как звали мисс Хайс?

Бертран смертельно побледнел. Все смотрели на него, но ответил Эрик:

— Ее звали Дэнис, я помню. Она подписала письмо — Дэнис Хайс. — Подумав немного, он добавил: — Мне показалось подозрительным, Берт, когда ты вызвался связаться с агентством по найму и подыскать деду новую секретаршу. Не я один, наверное, находил это странным. Я думал, ты постарайшься протащить сюда какую-нибудь из своих подружек или даже эту таинственную жену. Но когда стало известно о самоубийстве, я решил, что ошибался. — Воцарилось молчание, потом Эрик наконец решился: — Бертран, а что было в дневниках Рене такого, что их непременно следовало уничтожать?

Не глядя ни на кого, голосом настолько сдавленным, что его невозможно было узнать, Бертран заговорил:

— Вчера Рене во всем мне призналась. Она... стол-

кнула Дэнис с поезда, а потом и старика Робертса. Я ей сказал, что нельзя все оставить так, словно ничего этого не было. Она должна пойти в полицию и обо всем рассказать. Она должна это сделать,— иначе это сделаю я сам.— Он замолчал, взял бокал и судорожно глотнул вина.— Ну и... она убила себя, и, можно сказать, я толкнул ее к этому. В общем, вот и все.

Эрик не мигая смотрел на него.

— Если все так и было, Берт, то тебя никто не станет винить. Тут ничего уже не поделать.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Когда я вышла из комнаты, где мы сидели, Бертран догнал меня в холле и загородил мне дорогу.

— Итак, вы видите,— начал он,— я говорил вам правду. Я не женат. Я свободен! — Как будто я ни о чем больше не думала, как о том, есть у него жена или нет. Он протянул ко мне руки, словно рассчитывая, что я тут же и брошусь к нему на шею.

— Похоже, вы не слишком... убиваетесь о вашей жене,— пробормотала я, желая на этом закончить разговор. Я прислушивалась, не идет ли кто следом за нами, но в полутемном холле было пусто. Интересно, куда подевались остальные? Просто удивительно, до чего легко заблудиться в этом огромном доме.

— Убиваюсь? — повторил Бертран, как будто никогда раньше не слышал этого слова.

— Разумеется, конечно, у вас было достаточно времени, чтобы привыкнуть к этой потере,— я говорила насмешливо, рассудив, что, если он рассердится, это будет все-таки лучше, чем подобная пылкость. Он нахмурился, и я удивилась: как это я прежде находила, что он красивее Эрика.

— Мне очень жаль, что Дэнис умерла, это естественно. Но между нами все давно было кончено, хотя мы с ней оставались добрыми друзьями. В этот раз речь шла о чисто деловом сотрудничестве. Я понимал, что мне ни за что не удастся прибрать дедовы сокровища к рукам. При том, как он ко мне относится, я вообще удивляюсь, что он до сих пор не выгнал меня отсюда. Но он мог отдать сокровища — или хотя бы их часть — Дэнис. Как он собирался передать их Кларе Монтейс до того, как ее напугали и она отсюда уехала.

Интересно, мисс Монтейс — тоже одна из его девушек? Но не могла же я спросить об этом. Да и не в этом было сейчас главное. Я отчаянно пыталась заставить его

подольше говорить: у него слишком блестяли глаза, и я начинала опасаться, что от слов он может перейти к делу.

— Вы, кажется, так уверены... что ваша жена... что она заставила бы вашего деда оставить... что бы там ни было... ей.

— Уверен? В чем вообще можно быть уверенным? Но ведь я все равно ничего не терял. И к тому же она была актрисой. Она прекрасно понимала, как обойти мужчину. Меня же она обошла, не так ли? — Он засмеялся. Может быть, и не слишком громко, но здесь было очень гулкое эхо, и смех прокатился по всему залу. Бертран понизил голос почти до шепота: — Клара была очень красивой женщиной. Но ты еще красивее, Эмили.

Он обнял меня и попытался поцеловать. Но мне удалось вырваться, потому что он не ожидал ни малейшего сопротивления.

Он не сразу поверил. Потом он заговорил, и голос его дрожал от ярости:

— Предупреждаю, не смей со мной играть. Ради тебя я перенес слишком много всего, чтобы найти теперь только девчоночье кокетство. Ты же сразу поняла, как только увидела меня, — мы просто созданы друг для друга. Я же знаю. Так зачем же играть со мной теперь?

И он притянул меня к себе так грубо, что я подумала, что, несмотря на все мое отвращение ко всякого рода скандалам, мне сейчас придется на это пойти. Но в это время из противоположного конца зала раздался голос Эрика — интересно, как долго он стоял и слушал, невидимый в сумерках?

— Прошу прощения. По-моему, я отстал от жизни гораздо сильнее, чем предполагал. Значит, траур в теперешних музыкальных кругах носят именно так?

— Траур! — Бертран был в ярости. — Ты погряз в предрассудках, ты так чтишь традиции; неудивительно, что твои картины никому не нужны. — Он все же пригладил растрепавшиеся волосы. — Ты должен понимать наши с Эмили чувства. Почему мы должны этого стыдиться?

— И правда, почему? Вопрос лишь в том... но я задам его Эмили. Мой брат что — пристает к вам? Хотите, я съезжу ему по морде?

— Да... нет, конечно. По крайней мере, если он сейчас же отсюда уйдет,— поспешно поправила я. Только драки мне и не хватало.

— Хорошо, Эмили. Я могу подождать...— губы Бертрана скривились в усмешке,— до более подходящего случая, чтобы договориться с тобой. Но запомни: ты — моя!

Он вышел из холла. Дверь за ним с шумом захлопнулась.

— Он что — сумасшедший? — спросила я Эрика.

— Мы здесь все немного сумасшедшие. А некоторые и не немного. — Он поморщился, как от боли. — Думаю, что Рене могли бы официально признать сумасшедшей, если бы дело дошло до суда. Но если подумать о дедушке, я рад, что этого не случилось.

— Я не совсем понимаю...— начала было я, но он приложил палец к губам.

— Давайте выйдем. Если и есть где-нибудь на свете место, где стены имеют уши, так это здесь.

В холле было так темно, что я не ожидала, что на улице еще светит солнце. Оно только начинало склоняться, и аромат цветов не казался уже таким тяжелым — может быть, потому, что живой запах листьев и травы, еще влажных от вчерашнего дождя, сглаживал их приторное дыхание. Некоторое время мы шли молча, слушая, как шелестят листья деревьев и как воробьи чирикают в зарослях кустов. Мне захотелось хотя бы ненадолго забыть обо всех ужасных вещах, которые здесь произошли, но у меня ничего не получилось.

— Мне все-таки не верится, что Рене могла убить жену Бертрана. Или проводника. Конечно, она была без ума от себя, но от этого еще очень далеко до убийцы.

— Разве? — спросил Эрик. Он казался очень озабоченным.

— Я только говорю, что я не могу в это поверить,— повторила я. Но как тогда все это объяснить? Те двое были мертвы, Рене тоже.

— Боюсь, что в это можно поверить без труда. Особенно если вспомнить, как это было сделано. Она всегда могла заявить, если бы до нее добрались, что это был

просто несчастный случай. И сделать все это было не-трудно: и тот, и другая ей полностью доверяли. Но всего, что было в этих ее дневниках, мы уже никогда не узнаем,— совсем мрачно закончил Эрик.

— Но как же так? Ведь Дэнис была ее подругой? А Робертса она знала с детства.

Эрик грустно улыбнулся

— Вы действительно не представляете себе, какой была Рене. Если чего-то я и не понимаю — это как она решилась убить себя.

Я помедлила.

— Если она и правда такая, как вы ее описываете, она скорее попыталась бы убить Бертрана.

— Да, они были на ножах последнее время. Но тому, что он сегодня наговорил нам, я не верю с начала и до конца. Я знаю своего брата. Не мог он сказать ей, чтоб она шла в полицию и признавалась, и сам бы он никогда на нее не донес,— если только для того, чтоб выгородить себя... И о том, что произошло с его женой, он наверняка узнал не вчера.

Мне бы хотелось ему возразить, но я со страхом подумала, что он, похоже, прав. Подождав, не скажу ли я чего, Эрик горько продолжал:

— Может быть, он окончательно вышел из себя, когда узнал, что Рене пыталась утопить вас. Надо отдать ему должное: мне кажется, вы действительно... не безразличны ему. Я хочу сказать...

— Меня не занимают вопросы о том, любовь ли это или нет. Он меня вообще не занимает.

— Ну и хорошо! — просиял Эрик. — Я не был уверен. Это, конечно, не значит, я понимаю... — тут он запнулся. Я чувствовала себя очень неловко. — Эмили, — опять заговорил Эрик, — я понимаю, что это не очень подходящий момент, чтобы говорить о своих чувствах. Но если вы не совсем безрассудны, вы уедете отсюда не откладывая, и, может быть, мне больше не представится возможности с вами поговорить. По крайней мере в ближайшее время. Я скоро еду в Нью-Йорк, и, может быть, лучше даже подождать...

— Нет уж, — перебила я, — говорите лучше прямо сейчас, пока есть возможность. Ведь с восходом луны я могу исчезнуть навеки.

Эрик смеялся гораздо дольше, чем мои слова того заслуживали. Я пристально посмотрела на него, он перестал смеяться и тяжело вздохнул.

— Эмили, вы знаете обо мне не так уж много, и то, что вы знаете, не очень-то говорит в мою пользу. Если я и получу какое-то наследство, то оно не будет таким уж большим. То, что об этом говорят, — сильно преувеличено. У меня есть некоторые доходы от ценных бумаг, но при нынешней инфляции и с учетом всех налогов... это практически ничего. — Он перевел дыхание. — Даже при теперешнем оживлении интереса к картинам я не получаю баснословных гонораров за то, что делаю. Что-нибудь мне может оставить дед, если ему, конечно, есть что оставлять, но я на это особенно не рассчитываю. Как видите, я не могу многого предложить девушке.

— Если бы я хотела узнать, как вы котируетесь, я обратилась бы к специалистам, — насмешливо сказала я.

Эрик смотрел на меня, окончательно потеряв дар речи. В конце концов мне самой пришлось спросить, не собирается ли он сделать мне предложение. Если так, пусть поторопится, чтобы я поскорее согласилась и мы могли вернуться в дом: стоя здесь, на мокрой траве, недолго и простудиться.

Тогда Эрик наконец решился и сделал мне предложение, и я сказала «да». И все было замечательно и прекрасно, если не считать того, что он не мог меня как следует поцеловать, потому что мы знали, что за нами наблюдают из дома. Меня тревожил вопрос, как примет его семья известие о нашем обручении. Луи и Элис скорее всего будет просто не до этого, они сейчас слишком подавлены. Но Маргарет это совсем не понравится. А что до Бертрана!.. Об этом мне было даже думать страшно. Я представила, что он может сделать, когда услышит об этом, и у меня мурашки побежали по спине.

— А нельзя ли... ты можешь не говорить им об этом, пока я не уеду в Нью-Йорк? — спросила я. — Можем уехать завтра и послать им телеграмму.

Но Эрик сказал, что не годится трусливо удираť отсюда.

— Сегодня вечером я скажу об этом деду, и пусть уж он решает, говорить ли всем остальным. Я пойду к нему

прямо сейчас, его нужно как-то подбодрить. Он будет просто в восторге.

У меня такой уверенности не было, но разубедить Эрика я не смогла. Он отправился в комнату своего деда, а я к себе. Немного погодя в дверь постучали. Я открыла, полагая, что это вернулся Эрик. Но это был Гаррисон, еще более печальный, чем обычно. Он пришел сообщить, что обед, как всегда, пройдет в столовой, только в девять часов вместо восьми, так что правильное название это ужином.

— Мистер Мак-Ларен просил передать, что он просит всех быть там, даже нас с миссис Гаррисон. Он хочет о чем-то рассказать, — проговорил Гаррисон, глядя на меня с таким полным отсутствием интереса, что я не сомневалась: он и понятия не имеет о том, что хочет сказать мистер Мак-Ларен.

Стол на этот раз был накрыт в сугубо утилитарной манере: ни цветов, ни свечей, ни вообще каких-либо украшений. Все собравшиеся выглядели подавленными и усталыми, настроение у всех было явно плохое, — не считая мистера Мак-Ларена, который хоть и казался как никогда старым, но был довольно оживлен. Эрик стоял справа от него, и по тому, как старик мне улыбнулся, я поняла, что он целиком и полностью одобряет выбор своего внука.

Никто почти не притронулся к еде, за исключением Маргарет, которая при этом все время жаловалась, что ужин несъедобный. Это вконец расстроило Гаррисона, который подавал на стол. Он без конца извинялся, говоря, что готовить пришлось ему, потому что миссис Гаррисон «опять слегла», и поэтому-то, обратился Гаррисон к мистеру Мак-Ларену, она и не смогла присутствовать здесь, как тот просил.

— Ну ничего, это можно пережить. Вы сами можете передать ей замечательную новость, которую услышите.

— Замечательную новость, дедушка? — встревоженно спросила Маргарет. — Какую же? Нам бы сейчас очень кстаи услышать что-нибудь взбадривающее.

— Всеу свое время, — ответил старик.

И только когда обед был завершен, он встал и сказал

довольно бессвязную речь. Сначала она касалась в основном Рене и ее печального конца, хотя каким-то образом туда замешались и викинги. Закончил он так:

— Но я счастлив, что после всех несчастий, обрушившихся на нас, один луч света все же рассеял тьму. Я знаю, вы будете счастливы узнать, что Эмили согласилась стать женой Эрика.

Он замолчал. Счастливым никто не казался. Старик поспешно продолжал:

— И я хочу предложить тост.

Он не успел договорить. Бертран так резко вскочил, что его стул с грохотом упал. Но этого ему показалось мало. Он схватил свой бокал и швырнул на пол — с такой силой, что он разлетелся вдребезги, несмотря на то что на полу был ковер. Ковер теперь был усыпан блестящими осколками, и капли пролившегося вина впились в замысловатый восточный узор.

Повисла мертвая тишина. Время в этой комнате как будто остановилось. Потом Бертран, глаза которого темнели, как впадины, на мертвенно-бледном лице, дико закричал:

— Да вы что! Эмили — моя невеста, я собираюсь на ней жениться. Скажи же им, Эмили! Скажи им, что это нелепая ошибка! — Он потянулся ко мне через стол, хотя я была очень далеко от него.

— Я... я просто не понимаю, откуда вы все это взяли... Я никогда не давала вам... ни малейшего повода... — я говорила все тише и тише, наконец совсем замолчала.

Бертран глядел на меня так, как будто я ударила его по лицу.

— Мне жаль, но так уж получилось, Берт... — начал Эрик, но тут вмешался его дед, проговорив с такой напыщенно-театральной интонацией, что я просто ушам отказывалась верить:

— Бертран, если ты не способен вести себя достойно джентльмена, я вынужден попросить тебя выйти отсюда.

Элис истерически рассмеялась. Бертран ничего не сказал, но это было молчание готового взорваться вулкана. Он посмотрел на меня... очень надеюсь, что мне никогда больше не придется видеть такое выражение на лице человека. Он словно был готов разорвать меня

в ключья голыми руками. Даже придиричивый взгляд Маргарет казался очень дружелюбным в сравнении с этим.

— Мои поздравления, — процедила она. — Вам все же удалось обзавестись обручальным кольцом. Только не забывайте, что замужество далеко не так ценится в наши дни.

Эрик разозлился почти так же, как его брат:

— Я хотел увезти Эмили отсюда завтра. Но вы все просто невыносимы, мы уедем немедленно.

Это было довольно непоследовательно с его стороны: настаивая на том, чтобы все рассказать, он едва ли мог рассчитывать на всеобщую радость.

Все, кроме Бертрана, разом заговорили. Старик постучал по столу, требуя тишины.

— Позвольте мне закончить все, что я хотел вам сказать, прежде чем приносить юной паре свои поздравления, — с тяжеловатым сарказмом сказал он. — Я пришел к решению, — Маргарет, наверное, уже догадывается, к какому. Эмили теперь член нашей семьи, а что касается всех прочих моих родственников... вы все знаете, что я о вас думаю... И вот, я решил передать ей сокровища нашей семьи. Это самые надежные руки, какие я мог найти.

Опять повисла тишина. Я почти физически чувствовала их неприязнь, даже ненависть к себе. И не только от Маргарет и Бертрана — ото всех. Даже от Эрика? Я не была уверена даже на его счет. Я открыла рот, чтобы возразить, но что я могла сказать? Если я откажусь, мистер Мак-Ларен скорее всего вернется к прежней идее и оставит все какому-нибудь музею. Пусть лучше решает Эрик. Если он захочет, мы можем просто поделиться со всеми.

— Пойдемте со мной в библиотеку, Эмили, — сказал мистер Мак-Ларен. — Эрик тоже может пойти. Как ваш будущий муж, он должен быть во все посвящен. Я покажу вам сокровища — вернее сказать, сокровище... Эрик, дай мне руку, если не трудно. Боюсь, я не совсем хорошо чувствую себя сегодня.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Эрик и я последовали в библиотеку за мистером Мак-Лареном. Он был раздражен. Опустившись в свое кресло, он указал нам знаком сесть напротив.

— Что позволяет себе Гаррисон: дать огню в камине совсем погаснуть, — пожаловался он. — Позвони, Эрик, пусть он снова разведет огонь. Здесь что-то прохладно.

Вообще-то там было довольно тепло, но Эрик поспешно поднялся.

— Я могу и сам это сделать, дедушка.

Присев на корточки перед камином, он принялся за дело с таким рвением, что скоро огонь запылал с новой силой, — мне даже пришлось отодвинуть свой стул подальше, чтобы не зажариться. Эрик вернулся и снова уселся рядом со мной. Мы смотрели на старика с таким любопытством, что его лицо постепенно разгладилось.

— Я вижу, вас больше интересует то, что именно представляет сокровище из себя, чем возможность когда-нибудь его получить, — мягко упрекнул он меня.

— Может быть, когда она узнает, что там, она вообще не захочет его получать, — сказал Эрик. Я понимала, что он подталкивает меня к тому, что отказаться от всего.

Старик взглянул на него строго.

— Это прежде ей всякого могли наговорить, но важно правильно понимать, а кроме нее, никто здесь не сможет даже представить себе истинной ценности того, что я вам намерен показать, и просто не будет знать, что с этим делать. И только поэтому, уверяю тебя, я решил передать его ей.

Правильно понимать... Но ведь, насколько я представляла, был только один предмет, который я, по мнению старика, понимала неправильно. В голове у меня зашевелились смутные подозрения, такие неопределенные, что выразить словами я бы их все равно не смог.

— Если действительно есть сокровища, удивляюсь, как это Маргарет до сих пор не разнюхала, что это такое, — заметил Эрик.

— Я держал это под замком. И все же если бы Маргарет не была так ослеплена неверными догадками — как, между прочим, и все вы, — понять, что это такое, было бы нетрудно. Я бы сам вам все рассказал, если бы только мог предположить, что вас это как-то заинтересует.

Эрик казался растерянным, но мое сердце учащенно забилося. Мои догадки, похоже, подтверждались. Мистер Мак-Ларен протянул Эрику ключ со словами:

— Ты, как-никак, моя плоть и кровь. Пойди же и достань его.

— Но это же ключ от шкафа с редкими книгами. Нам еще запрещали к нему притрагиваться, когда мы были детьми, под страхом подзатыльника!

— Теперь ты уже достаточно взрослый, и я разрешаю тебе к нему притронуться. Открой же шкаф и принеси мне большую книгу в кожаном переплете — ту, что стоит на нижней полке.

Эрик послушно достал книгу. На вид она была очень тяжелой и такой старой, что кожа на ее переплете уже начинала осыпаться в руках. Мистер Мак-Ларен так благоговейно принял ее в руки, что Эрик спросил:

— Это случайно не семейная Библия?

— Нет, это не семейная Библия, — испытующе глядя на нас, сказал старик. — Первоначально это был рукописный свиток, но один из наших предков решил придать ему вид, более подходящий для библиотеки джентльмена.

Эрик приподнял обложку. Пергамент был покрыт рядами черных букв, которые настолько поблекли от времени, что местами их было невозможно разобрать. Интересно, сколько лет этой книге? От страниц буквально исходил аромат столетий.

— Один из твоих — из наших предков? — повторил за ним Эрик. — Похоже, она давно уже принадлежит семье.

— Даже очень давно, — загадочно улыбнувшись, согласился мистер Мак-Ларен.

— Тут что — карта или что-то в этом духе? — Эрик начал листать страницы, но все было исписано словами.

Мистер Мак-Ларен засмеялся.

— Ни карт, ни планов, ни схем. Это просто... можно это назвать дневником. Первый Дональд Мак-Ларен нашел его. Он был спрятан под полом в башне — после того, как его жена показала, где нужно искать. Он лежал там скорее для сохранности, а не потому, что в этом была какая-то тайна. Люди того племени, к которому принадлежала его жена, надеялись, что он сможет прочесть им, что там написано. Но их ждало разочарование. Он почти не знал по-латыни. Для своего времени он был, конечно, грамотным человеком, но на ученость никогда не претендовал. Но он все-таки разобрался в написанном достаточно, чтобы заключить, что это — первоисточник преданий — или истории, уж как посмотреть, — этого племени: что они произошли от народа светлоглазых великанов, приплывших из далекой страны по ту сторону моря.

— Я по-прежнему не понимаю, — нахмурился Эрик. — Ты говоришь, книга была найдена в том месте, где был зарыт клад, — так по крайней мере говорили. Где же тогда сокровища?

— Как ты не понимаешь! — воскликнула я. — Это же и есть сокровище!

— Что... книга?! — с недоверием спросил Эрик.

— Теперь, надеюсь, ты понимаешь, почему я не хотел отдавать это ни одному из вас. — Старик протянул книгу мне. Она оказалась настолько тяжелой, что я ее чуть не уронила. — Посмотрим, сможете ли вы прочитать, что здесь написано. Начните, прошу вас.

— Это на латыни... может быть, средневековая латынь? — неуверенно сказала я. — Я в ней не очень сильна.

— Тот, кто это писал, тоже не был в ней очень силен, бедняга. Он был достаточно богат, но в латинском правописании очень слаб. Он часто сбивается с латинского языка на свое северное наречие. Он не был ученым ни в каком смысле, и я не удивлюсь, если именно по этой причине — оставим в стороне его непокорность властям — ему не удалось выдвинуться. Попробуйте, начните читать с самого начала. Перевод не составит труда — у него очень ограниченный словарный запас. Я перевел бы сам для вас, но вот Эрик может сказать, что я вам ничего не оставил.

Эрик усмехнулся, но возражать не стал. Он подсел

ближе ко мне и помог надежнее устроить тяжеленный фолиант. То, что он был рядом, действовало очень успокаивающе.

— Я, Вертраниус из Герк... Герд... — начала я читать. Но это слово никак не выговаривалось

— По-моему, это место называется Херульф Несс. Он попытался латинизировать название, но только запутал дело. Потом он воспроизводит оригинальный вариант — приблизительно, конечно. Правописание? — но несправедливо попрекать его этим. Правила тогда были далеко не так строги, как позже.

— Похоже, писал монах! — Это сразу вызвало у меня длинный ряд ассоциаций: лес, фигура впереди... Но образ получался смешанным — хламида принадлежала Маргарет, исполняла роль Рене, а этот Вертраниус умер много столетий назад. — Как мог здесь оказаться монах?

— Читайте, и, может быть, вы поймете.

Я больше не пыталась переводить дословно, и пересказывала своими словами

— В общем, он препоручает себя Господу и все такое...

— Пропустите вступление и переходите к сути.

— В лето 1002 от Рождества... — снова начала я. — Я, кажется, опять что-то перепутала.

— Нет-нет, вы правильно назвали дату.

— Но ты же сказал, что рукопись была найдена первым из белых людей, попавших в эти места, — заметил Эрик.

— Ничего подобного. Она была *оставлена* здесь одним из первых белых, пришедших сюда. Продолжайте, Эмили.

Первые несколько страниц я одолела с трудом, но потом стала читать спокойнее. Я продолжала:

— Он благодарит Господа за благополучное окончание опасного путешествия, во время которого дьявол посылал им всевозможные мучения, чтобы уничтожить их и заставить отказаться от высокой цели. Но он молил-ся денно и ночью, и Всемогуший защитил его.

— Наверное, этот парень очень страдал от морской болезни, — вставил Эрик.

— Потом он пишет, что их предводитель повернул назад и многие пошли с ним назад к Terra Viride — он,

должно быть, имеет в виду Гренландию, хотя обычно полатыни она называлась иначе...

— Я уже говорил, — перебил меня мистер Мак-Ларен, — его можно скорее назвать изобретателем слов, чем знатоком латыни.

— В общем, он остался здесь, на Terra Vin... Может, это — Винланд? — с теми, кто болен или слишком устал от плавания, чтобы немедленно отправиться назад. Они решили остаться жить на этой прекрасной и обильной земле.

Эрик нетерпеливо вмешался:

— Конечно, если приплывешь из Гренландии, и это местечко покажется невероятно милым. И все же...

— Хотя ему очень недостает родины, он помнит о том, что отправился в это плавание для того, чтобы внести свой вклад в распространение истинной веры, поэтому он думает, что миссия его связана с этим Новым Светом?! — Мне было все проще и проще подбирать слова, я адаптировалась к стилю Бертраниуса. — Здесь многое нужно сделать среди... скреллингов? — должно быть, индейцы, — ...которые особенно неподатливы Слову Божию, хотя они и не большие безбожники, чем... — это слово я не могу прочесть... наверное, те, с кем он сюда прибыл, — которые не выказали не только должного уважения Господу Богу, но и его смиренному слуге, — он, очевидно, имеет в виду самого себя. Тем не менее они, чтобы загладить какой-то проступок, — он обещает рассказать об этом ниже, — выстроили ему часовню из камня, от которой, как он надеется, свет истинной веры распространится вдоль и поперек этой страны, — я перевела дыхание.

— Не понял, — опять вмешался Эрик. — Как это могло быть написано за пять столетий до того, как была открыта Америка? Если только... индейцы ведь обычно не пользовались латынью, если хотели что-то записать?

Его упрямство вывело меня из себя.

— Ты что, не понимаешь? Твой дед оказался прав, хотя... — я с упреком посмотрела на старика: он все это время не приводил никаких доказательств. — Викинги здесь действительно побывали. Более того, некоторые переселились сюда навсегда. И они — Господи, они же твои предки!

Мистер Мак-Ларен просиял, как будто я блестяще выдержала экзамен.

— Конечно, к тому времени, как здесь появился первый Мак-Ларен, они уже почти вымерли. Многие из них, вероятно, погибли от рук индейцев: те вовсе не хотели, чтобы их силой обращали в другую веру, и еще меньше им нравилось, когда викинги, по своему обычаю, похищали индейских девушек.

Эрик заговорил очень спокойно, и его голос звучал покровительственно.

— Если столько сотен лет книга была в нашей семье, как получилось, что никто не знал этого замечательного факта?

— Почему не знал? Они знали. Но, к сожалению, чем образованнее они становились, тем недоверчивее относились к тому, что знали, пока, наконец, не стали считать, что это все плод чьей-то фантазии. К тому времени каждый школьник, разбуди его ночью, мог бы сказать, что первыми в Америку приплыли испанцы. Так что эту рукопись хранили скорее как курьез. Скоро стало казаться, что она всегда была здесь, и все к этому привыкли. Проходили годы, и история о том, *как* она была найдена, отделилась от того, *что* было найдено. Так появилась легенда о сокровищах.

Эрик только покачал головой.

— Проклятье! Ты не просто отбираешь у нас сокровища — ты разрушаешь такую интригующую историю...

Я просто накинулась на него:

— Разрушает? Ты думаешь, что это что-то разрушает? Да ты, ты знаешь кто после этого...

Если бы меня тогда ничто не остановило — как знать, может, наша помолвка распалась бы в тот же день, когда была заключена. Однако мне не удалось высказаться. Дверь библиотеки широко распахнулась, и в комнату ввалился Бертран. Вид у него был совершенно дикий. Он был так пьян, что я сразу почувствовала, как от него несет вином, хотя он стоял на другом конце комнаты. Ворот его рубашки был расстегнут, галстук съехал на сторону, куртка распахнута. Правая рука у него была засунута под куртку — словно он вообразил себя Наполеоном. Короче, он был смешон. Но в то же время в нем чувствовалась какая-то угроза.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Хотя распоряжаться сокровищами по своему усмотрению мог только старый мистер Мак-Ларен, Бертран сразу привязался к своему брату:

— Я тоже хочу иметь сокровища, — хрипло заговорил он. — Девчонку можешь оставить себе, но сокровища пусть достанутся мне.

— Бертран, — попытался усмирить его старик, — в этом доме тебе больше не место. Завтра же утром ты соберешь вещи и уедешь отсюда.

Бертран не обратил на него ни малейшего внимания.

— Отдай сокровища, — продолжал он приставать к Эрику, — или я пристрелю эту девицу и тебя вместе с ней. — Он вытащил руку из куртки. В ней был пистолет.

Эрик, который было встал и пошел к Бертрану, остановился как вкопанный.

— Не смеши меня, Берт. Ты не можешь никого убить.

Бертран запрокинул голову и захохотал.

— Это ты меня не смеши, — сказал он наконец. — Я не только могу, я уже убил. Неужели ты поверил, что Рене сама могла покончить с собой? Кто угодно, только не Рене.

Я вскрикнула, старик, похоже, начал задыхаться в своем кресле. Эрик не отрываясь смотрел на брата.

— Рене бросилась в озеро.

— Это я бросил ее туда, — как будто гордясь собой, объявил Бертран. — Я от нее устал. Вчера я вернулся и узнал, что, пока я там избавлялся от Робертса ради нее, она здесь пыталась убрать Эмили. Это было уже слишком.

Увидев, как вытянулись наши лица, он опять захохотал.

— Разумеется, я вам все наврал. Не Рене убила Ро-

бертса, а я. Иначе он мог проболтаться, что она ехала вместе с Дэнис.— Кажется, он начал успокаиваться.— Нет, я, конечно, не знал, что Рене собирается убить Дэнис,— иначе я бы ее остановил. Но раз уж она это сделала, я не хотел, чтобы наша семья оказалась замешанной в убийстве.— Он обернулся к деду, как будто ожидал его одобрения. Но старик отвел взгляд.

Бертран продолжал:

— И вот она опять решила пойти на убийство, она хотела убить Эмили, а я ведь ее любил и был уверен, что взаимно. Рене сказала, что, если бы ей это удалось, я бы тут же понял, что мне нужна только она одна. Вот и пришлось убить Рене,— что мне еще оставалось? Так что теперь за все мои страдания я вполне заслуживаю сокро-вищ.

Эрик никак не мог поверить. Он вспомнил, что Рене оставила предсмертную записку. Бертран вздохнул и подчеркнуто спокойно объяснил, что он и это подстроил.

— Все пошли спать, и она сунула записку мне под дверь. Она предлагала встретиться у озера. Когда-то давно мы с ней всегда там встречались, и она рассчитывала, очевидно, что мы там сможем обо всем договориться и что я все ей прощу.— Его глаза озорно сверкнули.— А я вместо этого взял да спихнул ее в озеро. А потом оторвал кусок той записки, чтобы вы решили, что это послание самоубийцы. Я все предусмотрел. Теперь, когда я уже столько отправил на тот свет, мысль об убийстве больше не пугает меня. Так что лучше отдай сокровища по-хорошему.

— Почему бы тебе самому не взять? — усмехнулся Эрик.— Ты даже не представляешь, что это.

Бертран шагнул к брату и поднял руку с пистолетом. Даже если он и не собирается всерьез перестрелять всех нас, лучше его не провоцировать. И поскорее это прекратить.

— Если это так много для тебя значит — вот оно, ваше древнее сокровище! — и я протянула ему книгу.

Он жадно схватился за нее обеими руками, даже не заметив, как выпустил пистолет. Я увидела, что Эрик хочет потихоньку его взять. Бертран откинул переплет с таким видом, как будто ожидал, что держит в руках шкатулку, вмещающую все богатства Востока. И только потом понял, что держит в руках книгу.

— Что ты мне подсунула! Это же какая-то вшивая книга! — Он впервые повернулся ко мне, и мне показалось, что глаза у него уже не синие, а иссиня-черные. — Вы что, шутки хотите со мной шутить?!

— Нет, это никакая не шутка, — с трудом выговорил старик. Голос у него дрожал, дыхание было очень неровным и каким-то хриплым, а на лице проступала страшная бледность. — Это и есть сокровище Мак-Ларенов. Поверь мне на слово.

— Какая-то книга... — Бертран не находил слов.

Я не могла смолчать и встала на защиту сокровища:

— Это не просто книга. Это одна из самых важных находок за всю историю Америки. Это доказывает, что викинги...

— Да пошли вы со своими викингами! — взревел Бертран. — Я же двух человек ухлопал ради этой поганой книги. — И прежде, чем мы успели ему помешать, он схватил фолиант и швырнул его в огонь. Книга сразу загорелась. Потом он повернулся и бросился назад к оружию, как раз в тот момент, когда Эрик почти схватился за него.

Понимая, что я могу только помешать Эрику, если попытаюсь помочь, я подбежала к камину и схватила щипцы, чтобы вытащить манускрипт. От кресла, где сидел старик, донесся странный захлебывающийся звук. Я обернулась. Он сползал с кресла, тело его конвульсивно вздрагивало. Я подбежала к нему. Он был без сознания.

— Помогите же мне, Эрик! — закричала я, расстегивая на старике воротник и пытаюсь ослабить галстук. Но Эрик все еще пытался отнять пистолет у Бертрانا.

У старика что-то заклокотало в горле. Комнату наполнял запах горящего пергамента. Я закричала снова и больше уже не переставала звать на помощь.

Прошло не больше минуты, но мне показалось, что целая вечность. Вошли Луи и Элис. Эрик с надеждой обернулся.

— Держите! — крикнул он, кидая пистолет Луи. — Остановите Бертрана, он, кажется, свихнулся.

Но прежде, чем кто-либо успел подойти к Бертрану,

тот подбежал к окну и, с диким грохотом разбив стекло, выпрыгнул наружу. Я услышала, как Эрик сказал:

— Он направился к озеру.

И потом голос Элис:

— Да оставьте вы Бертрана, дяде нехорошо... мне кажется, он умирает. Кто-нибудь, позовите доктора!.. Скорей же!

Так как теперь было кому позаботиться о старике, я снова кинулась к камину. Слишком поздно. От манускрипта не осталось ничего, кроме сморщенного почерневшего переплета. И горстка пепла. Я не могла оторвать глаз от огня. Когда я наконец обернулась, Элис сидела на полу возле кресла и плакала, — и я поняла, что старик умер.

Бертран тоже был мертв, хотя об этом я узнала несколько позже. Очевидно, кусок разбитого им стекла упал на дорожку перед окном и каким-то образом остался торчать ребром. Бертран со всей силы упал на него, и стекло перерезало ему горло. Эрик шел по кровавому следу, оставленному страшной раной, до края озера. Там следы оборвались. Как и жизнь Бертрана.

На следующее утро я навсегда покинула этот страшный дом. Эрик на машине довез меня до Нью-Йорка. Целый час мы ехали молча, переживая каждый о своем, пока наконец Эрик не сказал мне:

— Не надо, Эмили, не переживай за Бертрана. Не стоит он этого.

Он что же — уверен, что я думаю об этом?

— Я и не переживаю за Бертрана, — раздраженно ответила я. — Мне жаль, что так получилось с манускриптом. Ты разве не понимаешь, как это важно? Это же могло перевернуть всю историю Америки?

Эрик улынулся.

— Я думал, ты занимаешься историей средних веков.

— Эрик, будь серьезнее. Пойми же, это была бесценная рукопись. Не в смысле денег даже — хотя, я думаю, она и так была бы высоко оценена, — но в научном смысле.

— По-твоему, она стоит стольких человеческих жизней?

— То, что она сгорела, никого не спасло. Но это само по себе такая потеря...

— Я даже не уверен, что она подлинная,— тихо сказал Эрик.

Я уставилась на него, не понимая.

— А какая она может быть еще? Кто в те времена располагал достаточными сведениями, чтобы *так* подделывать? И зачем?

— Я говорю не о тех временах. Я говорю о нашем времени. Конечно, нельзя совсем исключать возможность, что все было, как он нам рассказал: что манускрипт испокон веков валялся где-нибудь в семейном архиве, но никто не обращал на него внимания, пока дед им не заинтересовался. Но... вы не слышали о том, что мой дед — как раз специалист по древним рукописям? Я хочу сказать, он не только их собирал, он...

— Эрик, не хочешь же ты сказать, что он сам изготовил манускрипт — этот манускрипт?! Что он его *подделал*?!

Эрик немного подумал, прежде чем ответить.

— Я бы не стал называть это подделкой,— он же никогда не пытался продать или опубликовать его. Но, может быть, именно поэтому он никому эту рукопись и не показывал. Понимаешь, ему так хотелось, чтобы все поверили, что нашу башню построили викинги. Так что — может быть, для того только, чтобы подкрепить свою теорию...

— Никогда не поверю, что он мог пойти на такое, чтобы только утвердить свои идеи,— заявила я.— То есть самоутвердиться. И более того, я не верю, что ты в это веришь. Ты просто хочешь меня успокоить.

Эрик пожал плечами.

— Все равно, правды мы никогда уже не узнаем. Какой же смысл страдать об этом?

— Да, смысла никакого,— согласилась я.

Но мне кажется, что, даже если пройдет очень-очень много времени, я все равно не смогу спокойно об этом вспоминать.

Флоренс Хёрд

ПОМЕСТЬЕ ВЕЙДОВ

«The Wade House» by Florence Hurd

© 1967 by Florence Hurd

SIGNET BOOKS, N Y., U.S.A.

© Главы I—V, перевод с английского А. Братского, 1993

© Главы VI—XVII, перевод с английского В. Максимова, 1993

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сейчас мне трудно представить, что было время, когда в жизни моей не существовало зловещих теней дома Вейдов. Хотя и теперь случайный крик горлицы, свившей гнездо среди угрюмых ветвей вяза, напоминает мне о смерти, притаившейся за ржавой оградой ворот.

В те далекие дни мне было двадцать лет, и я беззаботно скакала по мощенным красным кирпичом дорожкам, обсаженным с обеих сторон старыми вязами, в почерневших ветвях которых так любят устраивать свои гнезда голуби.

Я родилась и выросла в Колтоне — маленьком университетском городке, затерявшемся среди бескрайних прерий Среднего Запада. Именно там, в Колтоне, все и началось.

Жизнь городка вращалась вокруг Национального университета, основанного еще в прошлом веке одним разбогатевшим фермером. Моя мачеха содержала небольшой пансион для девушек-студенток, живших по двое в четырех спальнях комнатах на втором этаже. Они появлялись в городке с началом каждого нового семестра, чтобы в конце его исчезнуть, точно листва на ветвях вязов, уступив место новым постоялицам. Я никогда не сближалась с ними, и даже после того, как сама поступила в университет, оставалась для всех все той же Нэнси, падчерицей Би Дэйвенпорт, — невзраченькой и замкнутой девочкой.

Моя мачеха всегда была чрезвычайно энергичной женщиной. Как сейчас помню ее ладную сухощавую фигуру, пышную копну золотисто-рыжих волос, ее живые зеленые глаза и заразительный смех. С «нашими девочками», как мы называли живших у нас студенток, она была гораздо ближе, чем я, делила с ними их повседневные заботы, маленькие радости, их первые любовные тайны. Глядя на нее, трудно было поверить, что этой женщине недавно исполнилось сорок, что она вынуждена

в одиночку содержать пансион, взрослую падчерицу и инвалида-мужа. Большую часть своей жизни она провела в домашних хлопотах: стояла у пышущей жаром плиты, бегала по продуктовым лавкам, постоянно что-то мыла, чистила, скребла, — одним словом, вертелась как белка в колесе.

Но ничто не могло погасить ее жизнерадостность; соседи души в ней не чаяли и называли не иначе как «непоседа Би». Такова она была, когда познакомилась с моим отцом, такой остается и по сей день.

Они принимала живое участие в жизни буквально всех обитательниц пансиона, и ее очень сердило, что я сторонилась «наших девочек».

— Почему бы тебе не отложить свои книжки и не сходить в Уэллер-Холл на танцевальный вечер? — бывало, говорила она мне. — Бетти (или Сисси, или Алиса) как раз собирается туда и с удовольствием возьмет тебя с собой. Можешь надеть красное платье, которое мы купили на прошлой неделе. Оно тебе очень к лицу.

Или:

— Сегодня вечером я приглашаю на ужин сыновей миссис Гарднер. Ничего не случится, если ты тоже там будешь.

Но столь дипломатичной она бывала далеко не всегда.

— Твоя нелюдимость приводит меня в отчаянье! — восклицала она, застав меня за чтением очередного романа у окна моей комнаты. — В городе столько молодых людей, что ты могла бы менять кавалеров по крайней мере раз в неделю!

Но ни уговоры, ни упреки не помогали: я лишь отмалчивалась и еще больше замыкалась в раковине своего одиночества.

Нельзя сказать, чтобы я была совершенно равнодушной к веселью. По субботам я с завистью следила за обычной суетой приготовлений к танцам или свиданиям, когда девушки, одалживая друг у друга туфли, кофточки, ссорятся из-за очереди в ванную и помогают одна другой уложить прическу. Меня не раз тянуло окунуться в безумный вихрь жизни, но я знала, что не была красавицей, что буду чувствовать себя на людях скованно, и, страшась неминуемого, как мне казалось, позора, предпочитала оставаться дома, отгородившись от мира стеной учебников и романов.

Как-то субботним вечером Сисси — одна из самых красивых девушек — нашла меня на кухне в одиночестве, поглощенной «Унесенными ветром». В тот момент я как раз кружилась в вальсе в паре с Реттом Батлером.

— Нэнси, ты должна мне помочь! — с порога проговорила Сисси.

— М-м-м? — я с трудом вернулась к реальности из сияющего бального зала. — Что ты сказала?

— Я в отчаянье! — рыдающим голосом воскликнула Сисси. — Тэд требует подружку для своего приятеля, иначе он отказывается идти на танцы.

Тэд был очередной безумной страстью Сисси, и она готовилась к сегодняшнему вечеру чуть ли не целый месяц.

— А разве у его товарища нет девушки? — спросила я.

— Она дала ему от ворот поворот, — без обиняков заявила Сисси. — А сейчас уже не найти никого, кроме тебя.

Последнее было чистой правдой. Сисси'ни за что не обратилась бы ко мне с такой просьбой, если бы нашла в доме еще хоть кого-нибудь.

— Ну... ты же знаешь, я не люблю танцы, — солгала я, стараясь скрыть охватившее меня волнение.

— О, Нэнси, пожалуйста, пойдем со мной! Я прошу тебя, всего только раз сделай мне одолжение!

— Мне надо подумать. — Гордость не позволяла мне соглашаться сразу.

— У тебя нет никаких дел на сегодня, ведь так? — Это тоже было правдой, и Сисси хорошо это знала. — Тебе совсем не повредит немного свежего воздуха. Ну же, соглашайся! Я помогу тебе одеться.

Схватив за руку, Сисси потащила меня из кухни в мою комнату и там, усадив на аккуратно застеленную кровать, принялась быстро перерывать мой гардероб. Наконец она извлекла из шкафа красное платье.

— Это, пожалуй, подойдет, — заявила она, перебрасывая его через руку. — Идем ко мне в комнату, я сделаю тебе прическу. Поторопись, за нами зайдут через пятнадцать минут.

Я сидела за письменным столом Сисси, который, впрочем, чаще использовался в качестве туалетного столика, и следила в потемневшем зеркале за тем, как подкручивает, подкрашивает и пудрит меня Сисси. Через

десять минут все было кончено. Критически оглядев себя, я была вынуждена признать, что хотя и не обернулась, подобно Золушке, сказочной принцессой, однако стала выглядеть гораздо привлекательнее. Волосы, обычно стянутые в бесформенный пучок на затылке, теперь спадали на плечи пушистыми волнами; всегда бледное лицо оживлял легкий румянец; глаза, подведенные умелой рукой Сисси, приобрели загадочность и глубину.

— Почаще улыбайся. — наставлял меня Сисси. — тогда все пройдет чудесно. Главное — не забывай улыбаться.

— Кто будет моим кавалером? — спросила я, все еще изучая свое отражение

— Разве я не сказала? Его зовут Джеффри Вейд, он богат и очень недурен собой. Поверь, о таком парне мечтает любая девушка.

— Он учится в университете?

— Теперь нет. Год назад он ушел с предпоследнего курса. Джеф и Тэд вдвоем снимали комнату, потом Джеф решил стать летчиком. Сейчас он окончил начальную летную школу и перед стажировкой на авиабазе заглянул в Колтон повидать старых друзей. Завтра он должен уезжать, и Тэд сказал, что если на сегодняшний вечер для его друга не найдется девушки, то они оба остаются дома.

Внизу звякнул дверной колокольчик, и звонкий юношеский голос прокричал:

— Эй, Сисси, мы пришли! Твоя подружка уже готова?

Улыбка, которую я старательно репетировала все это время, примерзла к моим губам. Мне живо представился предстоящий вечер, теперь казавшийся бесконечно долгим. Я отчетливо видела, как неуклюже топчусь посреди зала под насмешливыми взглядами окружающих, наступая партнеру на ноги; как затем сижу в уголке вместе с другими дурнушками, забытая своим кавалером после первого же круга, и с кислой улыбкой смотрю, как танцуют более счастливые подружки.

— Бога ради, не сиди точно приговоренная к смерти! — услышала я шепот Сисси. — Быть может, ты видишь Вейда первый и последний раз в жизни, так чего же ты волнуешься? Ладно, сейчас... — Порывшись в ящике письменного стола, она извлекла из-под груды всякой

всячины початую бутылку кукурузного виски. — Вот, это тебя немного взбодрит.

Она плеснула немного желтоватой жидкости в стаканчик для зубных щеток и протянула его мне.

— Пей все до дна.

Я послушно проглотила содержимое, точно больная — горькое лекарство. Виски обожгло горло, на глазах выступили слезы, но вскоре по телу разлилось приятное тепло, и я, вдруг ощутив прилив отчаянной отваги, храбро двинулась к лестнице, подталкиваемая сзади Сисси.

Однако, когда я вышла на лестницу и увидела стоящего внизу Джефа Вейла, всю мою решимость как ветром сдуло. Если бы не Сисси, крепко сжавшая мой локоть, я непременно убежала бы обратно в комнату. Джеф показался мне умопомрачительно красивым. Высокий, статный, с густыми темными волосами и смуглой бархатистой кожей, он сразу притягивал взгляд уверенными манерами и волевым выражением лица.

— Что я вижу! — воскликнул он, с улыбкой наблюдая, как я, стараясь унять нервную дрожь, спускаюсь по лестнице. — Какое чудесное красное платье!

-- Красный — цвет храбрости, — заявила я и добавила про себя, что она мне сегодня не помешает.

— Но это также и цвет страсти. — Его смеющиеся глаза, казалось, прожигали меня насквозь. — Мне кажется, из вас получился бы прелестный тореадор!

С этими словами он принялся кружить вокруг меня, нагнув голову и приставив к ней указательные пальцы наподобие рогов воображаемого быка. При этом он так потешно мычал и фыркал, что я прыснула. Остальные тоже не смогли удержаться от смеха. И спустя минуту вся компания, смеясь и перешучиваясь, двинулась к выходу.

Вечер прошел восхитительно. В памяти остались шутки, взрывы хохота, возбужденные голоса, покрасневшие лица. Все смеялись и говорили разом, почти не слушая друг друга. Мое неумение танцевать едва ли кто-нибудь заметил — в зале негде было яблоку упасть от молодости. Джеф вел себя ужасно галантно, беспрерывно шутил и говорил комплименты. Я завороженно слушала его низкий бархатистый голос и только смеялась в ответ, когда он шептал, как ему нравится моя прическа, мое платье, мой смех.

Будь я повнимательнее, то наверняка заметила бы, что Джеф то и дело куда-то исчезал — якобы чтобы

пропустить стаканчик пунша — и делался рассеянным всякий раз, когда поблизости оказывалась некая юная особа. (Ее звали Терри. Сисси сообщила мне по секрету, что она-то и дала отставку Джефу.)

Но в тот момент я плохо отдавала себе отчет в происходящем. От одного сознания, что я пришла на вечер в сопровождении красавца кавалера и сейчас мне тайком завидуют многие девушки, у меня слабели колени и упоительно кружилась голова.

Мне никогда не забыть, как блестили в свете уличных фонарей мокрые ветви вязов, когда мы возвращались домой под моросящим осенним дождем. Джеф держал меня под руку, а вокруг смутно темнели силуэты старых университетских коттеджей. Мы молчали — слова были излишни. Холодные капли стекали по моим щекам, но я их совсем не чувствовала; еще не вполне придя в себя после пьянящей атмосферы вечера, я двигалась точно в полусне.

У крыльца Джеф обнял меня за плечи, и в следующее мгновение я ощутила его горячие губы на своих губах. Сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди.

Он целовал меня долго и умело. Я как могла отвечала ему, трепеща от благодарности и счастья.

— Я напишу тебе, — шепнул он на прощание и исчез в темноте.

Этот день, 7 декабря 1941 года*, был самым счастливым днем в моей жизни.

Сообщение о бомбардировке Пирл-Харбора прозвучало как гром среди ясного неба. Повсюду только и разговоров было что о японцах, о мобилизации, о том, где чей парень будет служить. Я не принимала участия в пересудах, но все мои мысли были обращены к Джефу. Ничего не зная о его судьбе, я очень беспокоилась, не попал ли он на фронт, и с нетерпением ждала его писем. Но проходили дни, а он все молчал. Каждый раз, завидя в окне серую фуражку почтальона, я с бьющимся от волнения сердцем спешила к воротам, чтобы успеть первой просмотреть почту. Нетерпеливыми пальцами

---

* 7 декабря 1941 года японские авианосцы нанесли бомбовый удар по американской военно-морской базе Пирл-Харбор, положив тем самым начало войне между США и Японией

я отбрасывала в сторону любовные записки для Сисси, Мэри, Эстер, письма и денежные счета матушки, перебирала снова и снова рекламные проспекты, сводки дешевых распродаж, приглашения на выставки одежды, но тишело — Джеф не присылал ни строчки.

Я изобретала для него тысячи объяснений. он забыл мой адрес, у него уйма неотложных дел. он терпеть не может писем... Но, может быть, завтра, или через день, или через неделю он выкроит немного времени и черкнет мне пару слов. . Он напишет, что просит прощения за длительное молчание, что непрестанно думает обо мне с самого дня нашей встречи...

С юга подул теплый влажный ветер, и под бледными лучами апрельского солнца на вязах показались первые почки. С другого конца планеты до нашего городка докатилась весть о взятии японцами полуострова Батаан*. Писем от Джефа по-прежнему не было. В мае деревья покрылись клейкими зелеными листочками, а на далеких Филиппинах наши войска оставили Коррехидор**. Почту приносили почти каждый день, но на мое имя посланий не приходило.

Однажды, когда ждать больше стало неумогу, я набралась смелости и постучалась в дверь к Сисси, чтобы попросить ее узнать у Тэда теперешний адрес его друга. Едва я упомянула имя Вейда, как Сисси принялась рассказывать, что Джеф буквально засыпает Терри своими письмами.

— Терри жалуется, что он способен говорить по телефону часами напролет, совершенно не думая, во сколько обойдется разговор.— щебетала Сисси, зажав в зубах шпильки и накручивая на папильотки пряди своих чудесных волос.

Мне показалось, что в сердце мне вонзили и несколько раз повернули острый как бритва кинжал. Едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, я окаменело сидела на смятой постели Сисси и слушала ее беззаботную болтовню.

— Джеф без ума от Терри,— продолжала Сисси, не замечая моего состояния,— она же его в грош не ставит. Они с Франклином вот-вот должны обручиться, но Джеф

---

* Место ожесточенных боев американской армии с японскими частями

** Крепость Коррехидор — последний очаг сопротивления американцев на Филиппинах Пала 7 мая 1942 г

об этом ничегошеньки не знает. Думаю, что по отношению к нему это не совсем честно. Как ты считаешь?

— Да, — проговорила я еле слышно и больше ничего не смогла добавить. Тем не менее последние слова Сисси меня немного приободрили. Джеф не нравится Терри, он ей не нужен. Это было пусть слабое, но утешение.

Наступил июнь. В суматохе летних экзаменов я почти забыла о Джефе Вейде, как вдруг — о чудо! — от него пришла открытка! Это была обычная почтовая карточка с изображением голубя, держащего в клюве синий конверт со словами «Весточка от любимого». На обороте имелась коротенькая записка:

«Наконец-то я начал летать! Это потрясающе! Как поживает наш прелестный тореадор? Привет красному платью.

Джеф»

Вот и все. Я читала и снова перечитывала эти несколько ни к чему не обязывающих слов, написанных небрежным размашистым почерком. Во мне все ликовало. Он не забыл! Он помнит тот вечер, помнит мое красное платье!

В ответ я отправила три длиннющих письма. Каждое из них я переписывала по многу раз, пытаюсь придать им беззаботность и легкость. Я писала про наш городок, про университет, подшучивала над подругами и преподавателями, расспрашивала Джефа о его полетах, о товарищах, деликатно интересовалась дальнейшими планами. Ответа я так и не дождалась.

Лето в тот год выдалось жарким. Душные дни тянулись нескончаемо долго; пить, есть, спать и просто передвигаться по улицам стало сущим мучением. Из-за сильной духоты я почти ничего не ела и очень похудела за летние месяцы. Чтобы скоротать время, я на все каникулы записалась на дополнительные занятия, и их посещение отнимало у меня последние силы. На лекциях я едва понимала, о чем рассказывает преподаватель, а открыв учебник, заставляла себя по несколько раз перечитывать каждое предложение, прежде чем до меня доходил его смысл.

В то лето я много гуляла, совершая дальние прогулки без особой цели, лишь затем, чтобы не сидеть дома

сложив руки и не слышать вечного ворчания матушки. Она считала крайней глупостью сохнуть по парню, когда вокруг столько чудесных молодых людей.

— Давно бы уже подцепила кого-нибудь, — говорила она — Ребят в Колтоне пруд пруди!

«Только другого такого, как Джеф, не найти», — отвечала я про себя.

Но вот пришла осень, под ногами зашуршали бурожелтые листья вязов. Я вдруг ощутила страстное желание вырваться из сонного Колтона, умчаться куда-нибудь далеко-далеко, где меня никто не знает... но вместо этого поступила на следующий курс университета и продолжала прилежно посещать занятия. Меня охватило полное безразличие к себе и к окружающему миру.

Но однажды, когда я вернулась домой в начинавших сгущаться сумерках и переступила порог гостиной, я увидела того, о ком уж и не смела мечтать: там сидел улыбающийся Джеф! Рядом суетилась матушка, подливая ему в чашку очередную порцию кофе и подкладывая в блюдо домашнее печенье. На Джефе была новенькая летняя форма, которая очень ему шла, и мне он показался еще красивее, чем год назад. Добрых полминуты я стояла столбом, не в силах вымолвить ни слова, затем на меня нахлынула волна безумной радости. Это был не сон! Джеф не забыл меня, он вернулся!

— Привет, Нэнси! — весело крикнул Джеф, и, услышав его низкий бархатистый голос, я едва удержалась, чтобы не броситься ему на шею.

Матушка, сославшись на дела, заторопилась на кухню, бросив многозначительный взгляд в мою сторону. Первое, о чем сообщил Джеф, когда мы остались наедине, — Терри вышла замуж за Франклина, но ему, Джефу, на это совершенно наплевать. Я не нашла что ответить и только молча кивнула головой, с сочувствием глядя на его осунувшееся смуглое лицо. Джеф продолжал говорить о коварстве Терри и вероломстве Франклина, но я слышала лишь, как стучит молоточками кровь в висках, и не могла разобрать его слов. Вдруг он умолк и пристально посмотрел мне в глаза.

— Ты не сердись на меня за то, что я так редко писал? — спросил он, придвигаясь ко мне.

— О нет, Джеф! Конечно нет! — горячо запротестовала я. Даже под пыткой я не призналась бы, какие мучения причиняло мне его долгое молчание.

— Молодчина! — Он наклонился ко мне и по-отечески поцеловал в лоб, и за этот шуточный поцелуй я готова была простить ему все мои прошлые страдания.

Джеф пробыл в Колтоне неделю, которая показалась мне волшебной: мы встречались каждый день. Мы по долгу бродили за городом, устраивали небольшие пикники на жухлой траве на берегу реки; по вечерам отправлялись в кино или сидели на скрипучих ступеньках дома, поживаясь от холодного осеннего ветра. В такие минуты Джеф осторожно брал мои руки и держал в своих больших теплых ладонях, стараясь немного их согреть. Я почти всегда молчала, а он вечно что-нибудь рассказывал. Первое время Джеф говорил почти исключительно о Терри, но постепенно, к моей тайной радости, он упоминал ее имя все реже и все больше рассказывал о своей учебе в летной школе. Из Колтона ему предстояло ехать на военно-воздушную базу в Вест-Коусте для завершения обучения. Известно ли мне, спрашивал Джеф, что поблизости от Вест-Коуста находится его родной дом? И говорил ли он, что по достижении двадцати пяти лет должен вступить во владение многомиллионным состоянием?

Я, разумеется, ахнула от удивления, но, если говорить откровенно, его слова в тот момент меня не слишком взволновали. С меня было вполне достаточно, что Джеф был рядом, что я могу каждый день видеть его и говорить с ним.

В последний вечер перед своим отъездом Джеф пригласил меня поужинать в придорожный ресторанчик. Когда-то заведение знавало лучшие времена, но теперь пол выглядел так, будто его не мели неделю, скатерти были покрыты пятнами, а светильниками служили свечи в заляпанных воском бутылках из-под кьянти. Их мерцающий свет не мог скрыть облупившейся штукатурки потолка, обшарпанных стен и рваной обивки на креслах. Но, окажись мы в тот момент в самом роскошном ресторане с хрустальными люстрами, серебряной посудой, вкрадчивой музыкой и вышколенной прислугой, я не смогла бы чувствовать себя счастливее, чем сейчас. Джеф был сама предупредительность — веселый, самоуверенный и очень красивый. Мне казалось, что я способна часами любоваться его мужественным профилем и ни чуточки при этом не устать.

Хмурая толстая официантка с грязными венчиками

под ногтями подала захватанное пальцами меню. Джеф выбрал бифштекс и три виски с содовой, я же ограничилась легким салатом и бокалом шерри-бренди.

За ужином Джеф болтал без умолку, много шутил, я же только улыбалась, стараясь вовремя кивнуть головой и где нужно засмеяться. От сознания того, что это наш последний вечер вместе, на душе было тоскливо. Под конец Джеф тоже помрачнел.

— Ты знаешь, я могу не вернуться с фронта, — вдруг проговорил он, глядя в чашку и мешая ложечкой кофе.

— О Джеф, прошу, не говори так! — воскликнула я с испугом. — Мысль о том, что он может погибнуть, показалась мне невыносимой. Это было ужаснее, чем если бы он уехал и никогда больше не вернулся.

— Тебе будет меня не хватать? — спросил он, поднимая глаза.

— О да! Очень! — горячо ответила я.

— Я всегда чувствовал, что ты — единственная девушка, которая меня действительно понимает, — произнес он с грустной улыбкой.

Банальные, затертые, ничего не означающие слова! Их слышали тысячи девушек до меня и столько же будут слышать после, но — ах, как забилося от них мое сердце! Не стоит ждать мудрости от двадцатилетней девчонки, по уши влюбленной в молодого красавца летчика.

— Все мои приятели уже подыскивали себе невест, — снова заговорил Джеф. — Тому, кто рискует жизнью, необходим кто-нибудь, кто ждет его возвращения, — тогда ему легче переносить опасность. Поверь, верная жена очень много значит для солдата.

Я усердно теребила край скатерти, боясь встретиться с ним взглядом.

— В последнее время я о многом думал, — продолжал Джеф. — Нэнси, мне нужна такая девушка, как ты, — спокойная и надежная, которая не бросится на шею первому встречному, лишь только я выйду за порог.

Тут я наконец решилась поднять глаза и посмотреть на Джефа. Взгляд его темных блестящих зрачков проник прямо в душу.

— Я говорю серьезно. Ты безропотноносишь все мои фокусы, слушаешь мою болтовню, смеешься шуткам, даже если они не слишком остроумны. Нэнси, я пришел к выводу, что из тебя выйдет идеальная жена.

— Лестно слышать, — выдавила я.

— Ты пойдешь за меня замуж? — вдруг спросил он.

Я принужденно рассмеялась. Конечно же, это только очередная шутка Джефа — должно быть, он сегодня выпил больше обычного.

— Поверь, я не шучу, — сказал Джеф, будто читал мои мысли. Он взял мою руку, не отрывая от меня пытливого взгляда. — Нэнси, я прошу тебя стать моей женой.

Женой! Я наконец уверилась, что он не шутит. Но услышанное никак не укладывалось в голове. Неужели я стану миссис Вейд? Нет, он определенно меня разыгрывает!

— Ну, так как же? — он легонько сжал мою руку, его взгляд оставался серьезным. — Я жду ответа.

Стать женой Джефа! Никогда больше с ним не разлучаться! Не бояться потерять его, не мучиться в напрасном ожидании писем! Если даже его отправят воевать, он будет часто писать мне — ведь я его жена!

— Разве ты не любишь меня? — В его голосе появились нотки нетерпения.

— О Джеф, я очень тебя люблю! — пылко воскликнула я. — Я согласна!

Ах, до чего же я была наивна! Я даже не спросила, любит ли он меня, я вообще ни о чем его не спрашивала! Меня смущала поспешность Джефа, но я страшилась, что он передумает и заберет свои слова назад. Я старалась убедить себя, что в смутное время обычные церемонии излишни. Какое могут иметь значения условности, говорила я себе, когда Джеф просит моей руки?! Для меня только это последнее и было по-настоящему важным.

Вот так случилось, что час спустя мы стояли перед мировым судьей, которого мы подняли с постели. Свидетелем стала его жена. Пока шли приготовления, она, подбоченясь, смотрела на нас с презрением, смешанным с жалостью. Судья, маленький лысый человек в круглых очках с золотой оправой, принялся, ужасно шепелявя, читать клятву супружеской верности.

— Хранить любовь и преданность... в болезни и в здравии... в нужде и в достатке...

Я жадно ловила каждое слово древнего ритуала, будто впервые постигала их глубинный смысл. Джеф надел на мой палец кольцо, поцеловал меня, и я стала миссис Вейд.

Из старого деревенского отеля в Пеннингтоне, где мы с Джефом остановились в ту ночь, я позвонила матушке, заранее предвкушая, как она, должно быть, обрадуется моему замужеству. Еще бы: невзрачная, застенчивая Нэнси вдруг всем на удивление высказывает замуж за богатого красавца! Ай да скромница, ай да книжный червь!

Однако матушка, услышав новость, ужасно рассердилась.

— Неужто нельзя было подождать хотя бы несколько дней?! — накинулась она на меня. — Я бы устроила настоящую свадьбу, все честь по чести!

— Джеф должен завтра уезжать в Вест-Коуст, — оправдывалась я.

— По такому случаю он мог бы попросить отпуск! — не унималась матушка. — Что теперь прикажешь говорить моим друзьям? Что подумают соседи?..

— Пусть думают, что хотят! — холодно сказала я.

— Быть может, мы все же успеем справить торжество? У Лонгтона я видела чудесное свадебное платье. Вверху бежевое, с кружевом, а внизу...

— Матушка! — прервала я ее. — Мы уже все решили. Свадьбы не будет.

— Нэнси, послушай, — она понизила голос. — Ведь вы не потому поторопились с женитьбой, что хотели скрыть... Я имею в виду...

— Уверяю вас, матушка, вы ошибаетесь, — устало сказала я.

Ее намек не оскорбил меня. Никому на свете сейчас не удалось бы меня обидеть.

— Мне очень жаль, — произнесла я твердо, — но свадьбы не будет. Утром я заеду за вещами.

— Но, Нэнси...

— Прощайте, матушка.

На следующий день после обеда мы с Джефом уже садились в калифорнийский поезд. В каждом вагоне ехало много военных, и Джеф сразу же встретил приятелей по летной школе. Спустя полчаса после отхода поезда он уже играл в покер, пил пиво и дымил сигарой в купе для курящих. Я не возражала. Мне требовалось побыть одной, чтобы немного прийти в себя, чтобы насладиться своим счастьем, полюбоваться им втайне от всех, как

скупец, запершись на ключ, любит свои сокровища. Я сидела у окна пульмановского вагона с книгой на коленях, которую я так ни разу и не раскрыла — кажется, это были поэмы Эдны Сент-Винсет Миллер, и смотрела, как проплывают мимо городки и деревеньки Среднего Запада.

За все путешествие я видела Джефа только три или четыре раза. Он целыми днями пропадал в купе для курящих.

— Эти разбойники нагрели меня на две сотни долларов, — бормотал он, когда появлялся в нашем купе. — И разрази меня гром, если я не намерен заполучить их обратно!

Я несколько раз пыталась расспросить Джефа о его семье и о доме, в котором мне скоро предстояло жить, но мало что сумела узнать.

— Обычный старый дом, — неохотно отвечал он на мои вопросы. — Обещаю, тебе в нем понравится. С мамой, я уверен, вы сразу поладите. Она немного не в себе, но очень хорошая, как и миссис Кингсли.

— Кто такая миссис Кингсли?

— Наша экономка. Белла живет в поместье с самого моего рождения, она просто душка!

Мама немного не в себе, миссис Кингсли — душка... Я постаралась вообразить их себе, однако у меня это плохо получалось.

— А кто еще есть из домашних?

— Иногда у нас подолгу гостит дядя Сьюард, они с мамой почти одного возраста.

— А твой отец?

— Он умер, когда мне было три года.

— У тебя есть братья или сестры?

— Только Тони, он на восемь лет старше меня. Признаться, я не видел его целую вечность. Да, у меня еще была сестра, но она умерла до моего рождения.

Мне рисовалась мама Джефа в широкополой соломенной шляпе, с большой корзиной в руке, склонившаяся над цветущим розовым кустом; пухлая, как пончик, миссис Кингсли вытирала полные белые руки о передник; дядя Сьюард попыхивал трубкой в седые усы... Мне хотелось разузнать о них поподробнее, но больше из Джефа вытянуть ничего не удалось. То ли он был слишком поглощен картами и торопился к приятелям, чтобы продолжить игру, то ли он нарочно о чем-то умалчи-

вал, — как бы то ни было, мое безмятежное настроение омрачило первое облачко беспокойства. Но тут развеселая ватага моряков за стенкой грянула марш «В сердце Техаса», поезд, оставив позади перевал Сан-Бернардино, с ревом ворвался в просторную долину и очутился в самой гуще большой апельсиновой рощи. Я с изумлением смотрела на огромные оранжевые плоды, висевшие на низеньких желтовато-зеленых деревьях, точно рождественские игрушки на елке.

Мы въехали в Калифорнию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы прибыли к крытому красной черепицей вокзалу в Сан-Диего только к вечеру. Едва продравшись с чемоданами сквозь ораву штурмующих багажное отделение морских пехотинцев, Джеф крикнул такси. В машине он назвал шоферу адрес на Мэйвуд-авеню в пригороде Пойнт-Лобос.

Улицы были запружены автомобилями и людьми. Толпы рабочих, точно лемминги во время степного пожара, спешили к автостоянкам и к поджидавшим их автобусам, длинной линией выстроившимся вдоль тротуаров.

— Похоже на то, что мы угодили в самый час пик, — с досадой пробормотал таксист, пока мы еле плелись в общем уличном потоке. — Как раз в это время на авиазаводах кончает работу дневная смена.

Наконец промышленный район остался позади, и мы въехали в зажиточные кварталы города. Я смотрела по сторонам, затаив дыхание от восхищения. Вокруг стен оштукатуренных в разные цвета уютных домиков пламенили лиловые огоньки выюна; тут и там на аккуратной подстриженных лужайках росли приземистые мохнатые пальмы с широкими желтоватыми листьями; другие пальмы, высокие, точно фонарные столбы, с гладкими ровными стволами и пышными султанами изумрудно-зеленых листьев на макушках тянулись бесконечным рядом вдоль шоссе. Справа в бухте белели на солнце тонкие как спички мачты прогулочных яхт, а далеко впереди, за рыжим обрывом каньона, появлялась и снова исчезала широкая голубая полоса Тихого океана.

Я засыпала Джефа тысячей вопросов: умеет ли он плавать? есть ли у него яхта? как называют вон то диковинное растение? Но Джеф пребывал в мрачном расположении духа и отвечал односложно или отделялся невразумительным мычанием. Он сильно проигрался в поезде, к тому же недостаток сна и избыток алкоголя вконец его измотали.

Скоро автомобиль свернул на посыпанную гравием дорогу между двумя каменными пилонами.

— Вот мы и приехали,— сказал Джеф, несколько оживляясь.

Из-за густых крон деревьев мне не удавалось увидеть дом — даже солнечные лучи едва пробивались сквозь листву. Автомобиль остановился возле массивных чугунных ворот, за которыми начиналась мощенная белым камнем дорожка, ведущая прямо к парадному крыльцу дома. Мы выбрались из машины, и я наконец смогла рассмотреть жилище семьи Вейдов.

Дом был огромный — гораздо больше, чем я ожидала. Угрюмый трехэтажный особняк со множеством башенок, ниш и балкончиков вытянулся вдоль давно не стриженной лужайки. Большие и маленькие окна непристеливо взирали с грязно-коричневого фасада; одни имели прямоугольную форму, другие плавно закруглялись кверху, а третьи, высокие и узкие, напоминали бойницы крепости. Все окна наглухо занавешивали шторы. Унылость фасада немного скрашивали покрытые белой краской карнизы, но они не могли развеять гнетущее ощущение запустения и ветхости, исходившее от особняка.

Преодолев три истертые каменные ступеньки, мы прошли через чугунные ворота и очутились в саду. Здесь все говорило о небрежении и заброшенности. Между могучими эвкалиптами и причудливо изогнувшимися перелачными деревьями вились многочисленные побеги плюща и журавельника; желтые ростки горчицы мелькали на лохматых клумбах вперемешку с тощими кустиками ноготков. Когда-то белые, теперь же совершенно скрывшиеся под слоем коричневатого мха дорожки убегали в глубь сада и быстро терялись в густой траве. Тут и там виднелись чахлые желтые и красные бутоны одичавших розовых кустов, безуспешно пытавшихся противостоять натиску вербены и бегонии.

Из черного проема двери вышла женщина и, приложив ладонь к глазам, стала наблюдать за нашим приближением.

— Это ты, Джеф? — крикнула она.

Джеф взбежал по ступенькам крыльца, оставив меня в нерешительности стоять внизу.

— Да, это я, мама.— Он равнодушно чмокнул ее в щеку. Поверх его плеча она смотрела на меня выцветшими голубыми глазами с лишенными ресниц розовыми

веками, придававшими ее взгляду нечто кроличье. От всего ее облика веяло той же неухоженностью, что и от сада. Некогда белокурые волосы были кое-как собраны в неопрятный белесый узел; одна прядь растрепалась и торчала в сторону. На бледном лице застыло странное болезненное выражение — с равным успехом его можно было принять за раздражение и за смущенность. На ней были надеты длинная темно-синяя юбка и несвежая голубая блуза с несколькими недостающими пуговицами. У меня даже мелькнула мысль, не преувеличил ли Джеф состояние своей семьи. Или, может быть, миссис Вейд принадлежала к тому типу богатых пожилых женщин, которые из эксцентричности позволяют себе пренебрегать своим внешним видом?

— Мама, это Нэнси, — сказал Джеф, отступая в сторону. — Новая миссис Вейд.

Розовые веки миссис Вейд беспомощно замигали.

— Кто? — переспросила она слабо.

— Нэнси! Ее зовут Нэнси! — громко и с нетерпением проговорил Джеф, как говорят с недоумками или тугими на ухо стариками. — Она твоя невестка!

Миссис Вейд протянула мне чуть вздрагивающую руку. Я осторожно пожала ее, поразившись, до чего она была хрупкая, сухая и горячая, точно птичья лапка.

— Очень рада познакомиться... — промямлила я, еще не решив, как к ней обращаться. «Миссис Вейд» — звучало бы чересчур официально, а сказать ей «мама» я не могла.

— Джеф не говорил мне... Он ничего не писал... — Ее голос дрожал от волнения.

— Мы не успели, — объяснила я. — Мы хотели написать, но все случилось так быстро, что у нас совсем не осталось времени. Потом мы решили, что приедем и сами все расскажем.

— Я знала, что Джеф должен вот-вот приехать, но он не предупредил...

— Нэнси ведь тебе объяснила, что у нас не было времени, — произнес Джеф, не скрывая досады. — Сколько раз еще нужно повторять!

Входная дверь распахнулась, и на пороге появилась невысокая плотная женщина. Секунду она неподвижно стояла, глядя на нас.

— Белла! — вскричал Джеф и бросился в ее распростертые объятия. Они тепло обнялись. Белла покрыва

поцелуями его лицо, а я стояла рядом, не зная, куда деваться от смущения. Затем она отстранилась, говоря:

— Дай же мне на тебя посмотреть. О, ты просто великолепен! Настоящий военный летчик.

На вид Белле было лет сорок — сорок пять. Ее когда-то стройная фигура теперь слегка расплылась в талии, но по-прежнему ее нельзя было назвать грузной. Сочность — вот наиболее подходящее слово для ее внешности. Округлые загорелые руки были обнажены до плеч, пышную грудь подчеркивал вызывающе низкий вырез простой деревенской сорочки. Резкие черты смуглого лица дышали страстью и силой, выдавая властный и необузданный нрав. Большие миндалевидные глаза и угольно-черные волосы наводили на мысль о примеси индейской или испанской крови в ее жилах. Единственным украшением служили серьги в виде продетых в мочки ушей больших золотых колец, какие носят старые цыганки.

Несколько минут она оживленно болтала с Джефом, не обращая внимания на меня и на миссис Вейд. Наконец Джеф сказал:

— Белла, позволь представить тебе Нэнси. — С этими словами он обнял меня за плечи и легонько притянул к себе.

Густые брови миссис Кингсли недоуменно полетели вверх, в глазах сверкнул холод.

— Нэнси, я хочу тебя познакомить с несравненной миссис Беллой Кингсли, — продолжал тем временем Джеф, — единственной и неповторимой...

— Кто это? — неприятно спросила миссис Кингсли.

Джеф расхохотался.

— Это моя жена, Белла. Как она тебе нравится?

Говоря откровенно, мне была не слишком по душе фамильярность Джефа. В данную минуту я бы предпочла более церемонное обращение, чтобы увереннее чувствовать себя под колючим взглядом миссис Кингсли.

— Твоя... кто? — переспросила она, глядя на Джефа широко открытыми глазами. Кровь отхлынула от ее щек, остались лишь два красных пятна на широких скулах.

— Я успел жениться по пути в Вест-Коуст, — небрежно бросил Джеф.

— Ты? Жениться? — последнее слово она произнесла

так, словно речь шла о чем-то неприличном. — Где же ты ее подцепил?

От стыда я готова была провалиться сквозь землю. Ужасно вот так стоять и слушать, как о тебе говорят, точно о неудачной покупке в супермаркете.

— Я познакомился с ней в Колтонском университете, — сказал Джеф. — Правда ведь, она премиленная?

Миссис Кингсли не ответила, продолжая испытующе смотреть на него.

— Ты мог бы, по крайней мере, предупредить меня, — проговорила она наконец.

— Полно, Белла! Стоит ли сердиться из-за пустяков! — В этот момент Джеф походил на напроказившего мальчишку, старающегося избежать взбучки.

Миссис Кингсли поджала губы и промолчала. Она окинула меня с ног до головы холодным оценивающим взглядом, заставив покраснеть до корней волос. Я мгновенно вспомнила о своей измятой в дороге юбке, забрызганных грязью туфлях, невымытых несколько дней волосах.

С какой стати я должна стесняться ее, спрашивала я себя сердито. Ведь она здесь всего лишь экономка! Но было ясно с первой же минуты, что всем в доме управляет именно миссис Кингсли, а вовсе не бедняжка миссис Вейд.

— Будет тебе дуться, Белла! — прервал тягостное молчание Джеф. — Сколько можно препираться, стоя на пороге? Лучше Расскажи-ка, что у нас сегодня на ужин, — мы умираем от голода!

Не говоря ни слова, Белла повернулась и удалилась в дом. Джеф, взяв меня за руку, повел через стеклянную дверь вслед за ней.

До конца дней мне, наверное, не забыть впечатления, которое в тот первый раз произвел на меня дом Вейдов. Внутри огромной пустой прихожей царили холод и сумрак; дневной свет едва проникал в окна через пыльные тяжелые шторы. В нос ударил запах плесени, столь характерный для старых особняков, — запах разложения и смерти. По моей коже прошел озноб — то ли от затхлого сырого воздуха, то ли от жутковатой атмосферы дома. Посредине начиналась широкая лестница с низкими выщербленными ступеньками, ведущая на верхние этажи дома. Выше она раздваивалась, расходясь в стороны двумя изогнутыми ветвями. По обеим сторонам основания ле-

стницы на низких квадратных постаментах два мраморных купидона с крылышками за спиной держали в воздетых к небу пухлых ручках громоздкие золоченые светильники.

Джеф сразу же направился в столовую, где нас уже дожидался накрытый стол. Ужин явился для меня тяжким испытанием — чего не скажешь о Джефе. Он говорил и говорил с Бёллой, словно стараясь наверстать упущенное за год своего отсутствия в доме. Ни его, ни ее ничуть не заботило то, что я и миссис Вейд пребываем в совершенном забвении. Я попыталась было завести разговор со своей новоприобретенной свекровью, но миссис Вейд только слабо улыбулась в ответ, и слова сами собой замерли на моих губах.

Комната, в которой мы сидели, казалась мрачной, несмотря на высокий потолок и большие окна в просторных полукруглых нишах. Мебель была тяжеловесная и очень старая. В центре стоял массивный круглый стол на ножках в виде изогнутых когтистых лап некоего диковинного зверя. Сбоку возвышался огромный буфет из темного полированного дерева с резными створками и мутными, от времени растрескавшимися стеклами. Стены покрывали выгоревшие обои ядовито-зеленого цвета, испещренные замысловатым, напоминающим некие загадочные письма орнаментом.

— В наше время так трудно найти хорошую прислугу, — жаловалась миссис Кингсли. — Любой индеец, едва научившись писать свое имя, спешит устроиться на оборонный завод. Раз в неделю только и приходит одна мексиканка помогать мне прибираться. Спесива ужасно, но я вынуждена ее терпеть. От Сьюарда помощи не дождешься, он вечно торчит в саду, да все без толку — сам видел, какой там ералаш.

— Кстати, — спросил Джеф, — где сейчас старина Сьюард?

— Отправился на собрание командиров дружин противовоздушной обороны. На военную службу его не берут по возрасту, да потом еще эта его хромота... Вот он и отводит душу, муштруя дюжину таких же, как он сам, отставников. Обычно он приходит поздно, мы никогда не ждем его к ужину.

— Сьюард все такой же ужасно милый, — подала голос миссис Вейд. — Он настоящий джентльмен, и его очень ценит начальство...

— Ты так говоришь, Эрнестина, потому что он твой давний поклонник,— с иронией произнесла миссис Кингсли.— Послушать тебя, так он прямо-таки ангел во плоти!

Она собрала со стола пустые тарелки и понесла их на кухню. Миссис Вейд моргнула несколько раз розовыми веками, затем, наклонившись к сыну, заговорщицки произнесла:

— Я забыла сообщить тебе нечто важное.

— Что именно, мама? — Джеф лениво захрустел стебельком сельдерея.

— Тони вернулся! — ее водянистые глаза заблестели.

— Тони? Откуда же он явился?

— Он теперь служит во флоте. Стал морским летчиком и носит такую же красивую форму, как твоя,— она дотронулась дрожащими пальцами до его плеча.

— Я чуть было не подумал, что он вернулся домой.

— Но я это и имела в виду...

Возвратилась миссис Кингсли со стопкой чистых тарелок в одной руке и большим блюдом с пирогом в другой.

— Мама мне что-то говорила про Тони. Уверяет, что он будто бы служит во флоте,— обратился к ней Джеф.

— Я разве не рассказывала? Он совсем недалеко от нас, на военной базе, и частенько ночует дома.— Она принялась разрезать пирог быстрыми точными движениями.

— Тони что, тоже летчик, как и я? Мне казалось, что он уже староват для полетов.

— Нет, он не летает,— ответила миссис Кингсли.— Кажется, он занимает какой-то пост в штабе. Точно сказать не могу — Тони не очень-то разговорчив. Ты же знаешь, он всегда был очень скрытным.

Миссис Вейд вскинула голову:

— Я так рада, что снова вижу его дома! Он теперь вырос и превратился в солидного мужчину... Его отец мог бы им гордиться.

— Мама, он уже десять лет как вырос,— проговорил Джеф.

— Да-да, ты прав... Но я его очень давно не видела.— Руки миссис Вейд дрогнули.— Когда он уехал, ты был еще совсем крошка и не помнишь его...

— Почему же,— криво усмехнулся Джеф,— кое-что помню. В особенности его приезды на каникулы.

Похоже было, что Джеф не слишком ладил со своим братом.

— Он был такой милый мальчик, такой воспитанный — всегда пододвинет мне стул, когда садимся за стол. Принесет, если нужно, чистую салфетку... — Ее голос прерывался от волнения. — Тони был такой маленький, а все уже понимал. Мы много с ним говорили, я ему рассказывала про Лотти...

— Эрнестина! — резко прервала ее миссис Кингсли. — Нечего волновать себя пустыми разговорами! Ешь пирог, — она поставила перед миссис Вейд тарелку. — Твой любимый, с яблоками.

— Но Белла... — слабо запротестовала миссис Вейд.

— Хватит, я же тебе сказала! Не то...

Что хотела сказать миссис Кингсли, так и осталось неизвестным, однако бледное лицо миссис Вейд побледнело еще больше. Спрятав под стол трясущиеся руки, она попыталась улыбнуться, но в ее слезящихся глазах ясно читался страх.

В полном молчании мы пили кофе, когда из прихожей донесся звук хлопнувшей двери. Через минуту в столовую вошел мужчина лет шестидесяти с коротко подстриженными седыми волосами и аккуратной щеточкой седых усов. При виде нас он удивленно остановился, затем сказал, обращаясь к Джефу:

— Здравствуй, мой мальчик! Признаться, никак не ожидал сегодня тебя здесь встретить.

Слегка прихрамывая, он пересек комнату и пожал Джефу руку.

— Для своих лет ты выглядишь отлично! — проговорил с улыбкой Джеф, отвечая на его рукопожатие. — И все благодаря твоей гимнастике, верно?

Вошедший коротко кивнул. Глядя на его молоджавое, с легким загаром лицо, я отметила про себя, что он, несмотря на возраст и хромоту, в самом деле оставлял впечатление здоровья и силы.

Джеф повернулся ко мне:

— Это дядя Сьюард, Сьюард Таунсенд. Дядюшка, хочу познакомить тебя с моей женой. Ее зовут Нэнси.

Если дядя Сьюард и удивился, услышав, что у Джефа появилась жена, то он ничем этого не показал. Взглянув на меня густо-синими глазами, он вежливо улыбнулся и проговорил тоном, каким обращаются к случайно попавшему на семейный ужин постороннему:

— Рад знакомству.

— Ах, Сьюард, не ездил ли ты нынче в город? — обратилась к нему миссис Вейд.

— Да, Эрнестина, — с неожиданной мягкостью в голосе ответил он. — И кое-что оттуда для тебя привез.

Миссис Вейд всплеснула руками, на ее бледных щеках проступил слабый руманец.

— Ах, благодарю!.. Что же это?

Таунсенд сунул руку в карман куртки и извлек небольшой сверток, перетянутый золотистой ленточкой.

— Ты сама желаешь развязать его, Эрнестина, или это сделать мне?

— Развяжи лучше ты, Сьюард. Мои руки теперь плохо меня слушаются.

Таунсенд развязал ленточку, сорвал хрустящую обертку и с легким поклоном протянул ей маленькую черную коробочку. После нескольких неудачных попыток миссис Вейд сумела-таки справиться с защелкой и открыть бархатистую крышку. Трепещущими пальцами она достала с ватной подстилки на донце серебряный браслет, один из тех, что были столь популярны в годы войны. На них обычно гравировалось имя владельца, адрес, возраст и группа его крови.

— Ах... ах... — Глаза миссис Вейд наполнились слезами. — Это ужасно любезно с твоей стороны! Ты просто чудо, Сьюард!

Миссис Кингсли, молча наблюдавшая за сценой, поджала губы, затем проговорила:

— Милая вещица. Советую сразу надеть ее, пока ты ее не потеряла.

Миссис Вейд в замешательстве глянула на Беллу, затем перевела глаза на Сьюарда.

— Давай-ка я его тебе надену, — сказал он.

— Нацепи его ей на щиколотку, — со смешком произнес Джеф. — Сейчас многие так носят.

Вид браслета странным образом напомнил мне об обручальном кольце, которое Джеф надел мне на палец в день женитьбы. Я опустила глаза и украдкой глянула на свою руку. Это было студенческое кольцо Джефа с овальной эмблемой Колтонского университета. Для меня оно оказалось чересчур велико, и, чтобы кольцо не соскальзывало, я обвязала эмблему кусочком ленты. Но и после этого кольцо плохо держалось на руке, и, кроме того, чтобы спрятать узелок, мне приходилось носить

его, повернув эмблемой к ладони, а это было не так уж удобно. Я надеялась, что Джеф купит мне настоящее обручальное кольцо, которое придется мне впору, — пусть даже это будет простое золотое колечко, а не бриллиантовый перстень, — но стеснялась попросить его об этом.

Я постаралась отогнать от себя печальные мысли. Разве эти мелкие огорчения не пустяки в сравнении с тем, что я теперь жена Джефа?

Пирог давным-давно был съеден, а мы все сидели и сидели за столом. Мне казалось, что ужин не кончится никогда. После столь насыщенного событиями дня я чувствовала смертельную усталость и ужасно хотела спать. Еле сдерживая зевоту, я прислушивалась к тому, как миссис Кингсли обсуждает с Джефом, куда нас лучше поселить.

— Почему бы тебе не переночевать сегодня в своей комнате? — спрашивала она его. — Нэнси же может устроиться в маленькой спальне в конце коридора.

— Нет! — услышала я собственный голос. — Я не согласна.

Все взгляды устремились на меня, и я почувствовала, как мое лицо заливают краска, словно я сказала какую-то непристойность.

— «Да не отлучите жену от мужа ее, ибо соединил их сам Господь!» — смеясь, проговорил Джеф. Сьюард и миссис Вейд присоединились к его смеху, от чего мое смущение возросло еще больше.

Не смеялась только миссис Кингсли. С минуту она сидела, нахмутив брови, затем с неохотой сказала, что в таком случае нам лучше всего занять старую спальню миссис Вейд.

— Только предупреждаю: там довольно пыльно, — добавила она. — Твоя мать, Джеф, уже давно спит на первом этаже в бывшей привратницкой.

Миссис Кингсли нисколько не преувеличивала насчет пыли. Толстый серый ее слой лежал повсюду: на полу, на подоконниках, даже на дверных ручках. Но хуже пыли был тяжелый прелый запах, пропитавший буквально все предметы в спальне. Его не мог уничтожить даже свежий ночной ветер, ворвавшийся в распахнутые мной настежь окна.

Справа от двери стояла широченная кровать со спинками из резного ореха; слева располагался допотопный

комод; у окна — туалетный столик с треснувшей мраморной столешницей, на котором стояла старомодная лампа с двумя абажурами, кувшин, несколько безделушек из китайского фарфора и аляповатый ржаво-красный поднос.

Ничего, утешала я себя, завтра же начну наводить здесь порядок. Я сниму линялые плисовые портьеры и повешу веселые ситцевые занавески. Я раздобуду удобные стулья с новой яркой обивкой, уберу неуклюжий мраморный столик, избавлюсь от уродливой настольной лампы, заменю...

Мои размышления прервала миссис Кингсли, быстро и ловко стелившая на кровать свежие простыни. Покончив с постелью, она выпрямилась и произнесла:

— В этой спальне все сохраняется в точности так, как это было в день свадьбы миссис Вейд с отцом Джефа. С тех пор здесь никогда ничего не меняли. Миссис Вейд будет очень расстроена, если обнаружит в комнате перестановку.

Белла пристально посмотрела на меня, и я почувствовала, что совершенно теряюсь под пронзительным взглядом ее пасленово-черных, чуть раскосых глаз.

Неужели она сумела прочесть мои мысли? Если да, то нанесенный ею удар оказался точен — огорчать миссис Вейд я никогда бы не решилась.

Я обескураженно молчала, стоя посреди пыльной спальни. Видимо, мои чувства легко читались по моему лицу, так как Белла, прежде чем выйти из комнаты, окинула меня долгим насмешливым взглядом.

Едва за ней закрылась дверь, я бросилась к Джефу и обвила его руками. Нагнувшись, он поцеловал меня, и я сразу же позабыла о неудобной комнате, о миссис Кингсли, о гнетущем чувстве одиночества, не покидавшем меня весь вечер. В крепких объятиях Джефа я ощущала себя в полной безопасности.

Джеф снова поцеловал меня, затем сказал:

— Ты не будешь возражать, если я немного прогуляюсь? Хочу поведать нескольких старых друзей. Я знаю, ты очень утомлена и вряд ли согласишься пойти вместе со мной.

Конечно же, я не возражала. Я вовсе не желала, чтобы Джеф считал меня вздорной и эгоистичной женой, чтобы в угоду мне он, женившись, забросил своих приятелей. Но в глубине души мне очень хотелось первую

ночь в его доме провести вместе с ним. Ведь, кроме него, все мне было здесь чужим, а родной тихий Колтон с милым сердцу пансионом матушки Би — так далек...

Несмотря на страшную усталость, мне долго не удавалось заснуть. Я беспокойно ворочалась с боку на бок и никак не могла отыскать удобное положение. Каждый раз, заслышав скрип или шорох, которые в изобилии наполняют ночью любой старый особняк, я замирала в надежде, что это поднимается по лестнице Джеф.

Но Джеф вернулся лишь под утро. Я неподвижно лежала с закрытыми глазами и делала вид, что сплю, когда он, обдав меня запахом виски, улегся наконец рядом. Спустя минуту он уже крепко спал.

Так прошла моя первая ночь в поместье Вейдов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На следующее утро, когда я проснулась, Джефа уже не было. Я стала торопливо одеваться, надеясь застать его за завтраком, но, спустившись в столовую, я обнаружила, что там пусто. Дверь на кухню была приоткрыта, и я поспешила туда.

За небольшим столиком у окна сидела миссис Кингсли с сигаретой в руке и читала журнал. Оторвавшись от чтения, она недовольно посмотрела на меня.

— Я... я подумала, нет ли здесь Джефа, — запинаясь, проговорила я.

— Джеф уехал в штаб военной базы докладывать начальству о своем прибытии. Разве он тебя не предупредил?

— Нет... то есть да, он действительно что-то говорил мне, только я уже засыпала и не разобрала, что именно, — солгала я. — А он, наверное, не захотел меня будить.

— Обычно молодые люди ведут себя по-другому, не так ли? — Она и не думала скрывать насмешки.

— Кажется, Джеф пришел довольно поздно, — пробормотала я, не сумев подыскать более достойного ответа. — Он не сказал, когда вернется?

— Нет! — Она затушила сигарету. — Он вернется, когда посчитает нужным. Так уж он привык.

Я стояла, неловко переминаясь с ноги на ногу и теребя кольцо на пальце. Я никак не могла взять в толк, за что Белла так невзлюбила меня.

— Миссис Кингсли, — робко начала я, — мне очень хочется, чтобы мы с вами подружились. Я люблю Джефа и желаю ему счастья. Я хочу, чтобы его семья стала моей семьей, его друзья — моими друзьями. Догадываюсь, что никто здесь не ожидал от Джефа, что он ни с того ни с сего возьмет да и женится. Такой поворот событий, по всей видимости, явился для всех вас сюрпризом. Однако я надеюсь, — решительно закончила я, сама удивляясь собственной смелости, — что вы во мне не разочаруетесь.

— Да, ваша женитьба стала большим сюрпризом, уж это точно. Можешь в этом не сомневаться, дорогая.

— Я понимаю, что это известие не слишком вас обрадовало...

— Обрадовало?! — Белла усмехнулась. — Да понимаешь ли ты, что другого такого, как Джеф, — поискать?! Я знаю его с самого рождения. Он умный, красивый мальчик — чего ради ему было торопиться с выбором невесты? Он вполне мог позволить себе подождать.

— Да, конечно, он именно такой, как вы говорите. Не думайте, что я не понимаю, как мне повезло.

Она пожала плечами и отвернулась, показывая своим видом, что не желает продолжать разговор. Но мне необходимо было ей понравиться во что бы то ни стало, поэтому, собравшись с духом, я заговорила снова:

— Я... я слышала, что у вас много хлопот по дому. Если хотите, я с радостью вам помогу. Моя мачеха держит пансион в Колтоне, так что мне часто приходилось заниматься хозяйством. Я умею готовить, стирать, гладить...

— У твоей мачехи в Колтоне пансион? — переспросила она с ироничной усмешкой, точно речь шла о доме терпимости.

— Да, на восемь девушек-студенток. Пансион принадлежит нам, — сделала я неуклюжую попытку придать своей семье побольше веса.

— А твой отец?

— Он служит в фирме по оптовой продаже радиоприемников. — У меня не повернулся язык признаться, что мой отец — простой коммивояжер, притом не слишком удачливый.

— Ясно.

После небольшой паузы она спросила:

— Джеф рассказывал тебе, что до того, как повстречать тебя, он дружил с одной девушкой?

— Да, я знаю. Ее зовут Терри.

— Терри? — Белла нахмурилась. — Нет, ты ошибаешься. Ее имя Сьюзен Гиллесли. Семья Гиллесли — старейшая в Сан-Франциско и едва ли не самая богатая в штате. У них вилла недалеко отсюда, и каждое лето они проводят в Пойнт-Лобосе.

Я лишь растерянно кивнула.

— Она очень симпатичная девушка, — продолжала миссис Кингсли, — живая, энергичная, неглупая. Увлека-

ется спортом. У ее родителей множество влиятельных знакомств и связей. Ты сама понимаешь, как это важно в наше время.

Что мне было ответить? Я не обладала и сотой долей перечисленных достоинств.

— Ты, наверное, хорошая девочка, Нэнси,— последние слова Белла бросила, как подаяние нищему,— да только вы с Джефом слишком уж разные. Мне неприятно это тебе говорить, однако сдается мне, что из вашего брака ничего путного не выйдет.

— Я... я надеюсь, что вы ошибаетесь, миссис Кингсли,— дрожащим голосом возразила я.

— Как бы то ни было, сделанного не воротишь,— снова пожав плечами, проговорила Белла.— Что толку горевать об ошибке, которую нельзя исправить! — Я с тоской поняла, что под ошибкой подразумевалась женитьба Джефа.— Кофе и яичница на плите,— сказала она, давая понять, что разговор окончен.

— Спасибо, я не голодна,— ответила я и, чувствуя, что больше ни одной минуты не могу оставаться с ней наедине, почти бегом кинулась к выходу.

Солнце ярко светило сквозь листву деревьев, где-то заливался пересмешник, но я едва слышала его веселую песню. Меня душили слезы обиды. Что за дело миссис Кингсли до того, что Джеф выбрал в жены неприметную Нэнси Дэйвенпорт, а не знатную и богатую Сьюзен Гиллесли? Разве Белла ему родная мать? Ну и что из того, что она знает его с самого рождения? Это еще не дает ей право попрекать меня скромным происхождением!

Я спустилась с крыльца и, миновав лужайку, побрела наугад по одной из замшелых тропинок, во множестве петлявших среди деревьев. Неожиданно я вышла к пересохшему пруду. Должно быть, когда-то он был полон прозрачной чистой воды и серебристые рыбки весело резвились между широкими листьями водяных лилий. Теперь же его берега неряшливо заросли травой, дно покрывала опавшая листва, и лишь изъеденная дождями гипсовая статуя Меркурия в крылатых сандалиях, возвышавшаяся посередине, напоминала о былом великолепии парка.

Обогнув старый пруд, я пошла дальше и скоро различила среди зелени черную решетку. Подойдя ближе, я увидела железные ворота, запертые на проржавевший

навесной замок. За ними начиналась лестница из ветхих деревянных ступеней, круто спускавшаяся вниз, к желтой полоске пляжа у маленькой тихой лагуны. Дальше до самого горизонта простирался темно-голубой океан.

Взявшись за замок, я с удивлением обнаружила, что он не заперт. Я отвела рукой в сторону створку ворот и начала осторожно спускаться к лагуне по крошащимся под ногами ступеням лестницы. Стоял отлив, и в воздухе остро пахло гниющими на солнце водорослями.

Оказавшись внизу, я сняла туфли и пошлепала босиком по оставленным отливом лужицам, переполошив тысячи обитавших в них мельчайших рачков. Поверхность океана мерно вздымалась и опускалась бесконечной чередой покатых валов, но здесь, в лагуне, защищенной от ветра неровной дугой скалистого мыса, вода была спокойной и ласковой. Солнце приветливо пригревало с неба, терпкий йодистый запах водорослей приятно щекотал ноздри, и скоро я позабыла о миссис Кингсли и ее придирках.

Я сидела на горячем песке, обхватив колени руками, и смотрела на белые гребешки волн, плещущих с разбега в каменистый берег мыса. Как было бы чудесно устроиться здесь с Джефом пикник! Мы бы взяли с собой вареного цыпленка, сэндвичи, картофельный салат, холодное пиво... Потом мы бы отправились бродить между скал, выискивая разноцветные камешки и диковинные раковины, а летом плавали бы наперегонки в прозрачной воде лагуны.

Вдруг я почувствовала, что за мной наблюдают. Это было неприятное ощущение, похожее на легчайшее дуновение холодного ветра за спиной. Я обернулась, но лишь затем, чтобы убедиться, что на пляже я совершенно одна. Я уже хотела было отогнать нелепые мысли, но тут в шуме прибоя мне послышался странный звук, будто кто-то звал меня по имени:

— Нэнси-и! Нэнси-и-и!

Не совсем уверенная, что это мне не чудится, я все-таки подняла голову и посмотрела вверх. Порыв ветра разметал листву над обрывом, и я увидела, как у железных ворот мелькнула знакомая синяя юбка.

Вскочив на ноги, я бросилась к лестнице. По ней уже спускалась, отчаянно маша мне рукой, миссис Вейд. Я стала поспешно подниматься ей навстречу, боясь, что она оступится на крутых ступеньках и разобьется насмерть.

Когда я, запыхавшись от быстрого подъема, добралась

наконец до миссис Вейд, она не успела одолеть и четверти всех ступеней. Судорожно схватив мою руку, она с неожиданной силой потянула меня вверх.

— Нэнси! — взволнованно зашептала она. — Туда нельзя! — Она посмотрела вниз расширенными от ужаса глазами.

— Нельзя куда? — удивленно спросила я.

— Нельзя спускаться в лагуну! Там очень опасно! — Она опять потянула меня за руку.

— Но почему? Я не вижу никакой опасности.

— Нет, нет, ты не понимаешь! Пожалуйста, уйдем скорее отсюда! — В ее голосе слышалась мольба.

Уступив ее настойчивым просьбам, я покорно последовала за ней вверх по лестнице.

— Никогда больше не приближайся к лагуне, — сказала она, все еще сжимая мою руку, когда мы снова оказались за черной решеткой ограды.

— Но там так уютно! — попыталась возразить я. Я никак не могла уразуметь, что так напугало миссис Вейд. Не боялась же она, что меня унесет в море начинающимся приливом?

— Там страшно! Ты не можешь знать... — Она задрожала.

Мы двинулись обратно по тропинке, но едва сделали несколько шагов, как увидели спешащего к нам навстречу Сьюарда.

— Эрнестина, где ты была? Я повсюду тебя ищу — разве ты забыла, что обещала мне партию в шашки?

— Ах, Сьюард, я ходила за Нэнси. Она была внизу, в том ужасном месте, где... — Миссис Вейд испуганно умолкла, прижав к губам ладошку.

Сьюард обнял ее рукой за плечи.

— Успокойся, Эрнестина, все уже позади. Пойдем, я провожу тебя в твою комнату, — голос его был мягким, почти нежным.

— Но Нэнси была внизу!..

— Она больше не станет туда ходить. Не упрямысь, тебе необходимо полежать в постели. Ты немного отдохнешь, а после мы поедем кататься на машине. Ты ведь любишь быструю езду, верно?

— Очень! Это всегда так весело, Сьюард, словно опять становишься молоденькой девушкой!

Весь обратный путь Сьюард говорил с ней ласковым успокаивающим тоном, каким говорят с испуганным ре-

бенком, и к тому времени, когда мы достигли дверей дома, миссис Вейд заметно успокоилась и перестала дрожать. Сьюард ушел с ней в дом, я же осталась сидеть на ступеньках крыльца, ожидая, что он вернется и объяснит странное поведение миссис Вейд. Прошло минут десять, но он все не возвращался. Подождав еще немного, я отправилась его искать.

Скоро я нашла его в одной из комнат — судя по обстановке, это был рабочий кабинет — сидящим в глубоком кресле с печальным взглядом, устремленным в пустой камин.

— Как себя чувствует миссис Вейд? — спросила я.

— Я уложил ее в кровать, и теперь она спит. Скоро она придет в себя.

— Почему миссис Вейд так испугалась, увидев меня на пляже? Я просто сидела на песке, глядя на океан, и даже не пыталась приблизиться к воде.

Он медленно перевел на меня затуманенный взгляд. В его густо-синих глазах пряталась затаенная боль.

— Однажды в этой лагуне утонула ее двухлетняя дочь. Эрнестина так никогда и не оправилась от перенесенного удара.

— Как же это случилось?

Сьюард помолчал, словно решая, стоит ли посвящать меня в семейные секреты.

— Лотти играла на берегу и ненадолго осталась без присмотра... Эрнестина во всем винит себя.

Я вспомнила ржавый замок на воротах.

— С тех пор ворота на пляж запираются?

Сьюард исподлобья посмотрел на меня.

— Нет, замок висел и раньше. В тот день Эрнестина с няней и Лотти отправились искупаться в лагуну. Няне вскоре понадобилось вернуться за чем-то в дом — кажется, за полотенцем и купальной шапочкой. Эрнестина в тот момент собирала ракушки. Когда она осмотрелась, Лотти исчезла.

— Ужасно! — сказала я.

— Вы правы. Ее тельце так и не смогли найти, должно быть, его унесло течением в океан.

— Бедная миссис Вейд. Нет ничего удивительного...

— В чем же? — резко спросил он. Я почувствовала, что сую нос не в свое дело.

— В том, что... ее так пугает лагуна.

Сьюард не ответил. Он снова уставился неподвижным

взглядом в темный камин, тем самым давая понять, что лучше оставить эту печальную тему.

На следующее утро после ухода Джефа я, чтобы скоротать время до вечера, решила осмотреть дом.

Комнат оказалось великое множество. Я бродила по пустым спальням и сумрачным гостиным с плотно закрытыми шторами на окнах и с интересом разглядывала древнюю мебель, бархатные портьеры, украшенные шелковыми кисточками, старинные люстры с большими шарообразными плафонами, расшитые цветами парчовые покрывала на кроватях, забавные статуэтки на полках. Все укрывал густой слой пыли, там и сям с потолков свешивались клочья старой паутины. Непонятно было, чем же занималась мексиканка, которая, по словам миссис Кингсли, приходила убираться в доме.

На первом этаже я наткнулась на огромную полупустую комнату, судя по всему, служившую когда-то главной гостиной. Пыль здесь лежала таким толстым слоем, что приходилось догадываться, что из себя представлял тот или иной предмет мебели. Я обошла вокруг фортепьяно, низкой софы, больших неудобных кресел и остановилась перед почерневшим от многолетней копоти камином. Над ним висел портрет мужчины с прямым узким носом, выступающим подбородком, смуглой, почти оливковой кожей. Он сидел за письменным столом в деловом костюме старого покроя вполоборота к зрителю. Где я могла видеть эту открытую улыбку и веселье, с бесовскими огоньками, глаза? Я подошла ближе и обнаружила под рамкой золоченую табличку: «Александр Вейд. 1888—1921».

Сомнений не оставалось, это был отец Джефа. Он умер очень молодым, всего тридцати трех лет от роду, и мне вдруг подумалось, что будь он сейчас жив, то не позволил бы поместью прийти в такое плачевное состояние. Не потерпел бы пыльных полов, немых окон и заросших паутиной потолков. Быть может, в отсутствии его улыбки и лукавого взгляда черных глаз как раз и кроется причина ужасного упадка поместья Вейдов?

Скоро мне прискучило бродить по полумертвому дому, хранящему память о давно ушедших временах, о когда-то бурной, теперь почти угасшей жизни. После обеда я с книгой в руках расположилась в саду на плетеном стуле, найденном мною во время прогулки в одном из дальних чуланов.

Душистый запах мимозы, смешанный с густым, настаившимся ароматом розы и лимонника, наполнял осенний воздух. Над ковром маргариток, разросшихся на месте некогда аккуратной клумбы, хлопотливо кружили запоздалые пчелы. Под их мерное гудение мои веки стали закрываться, книга выпала из рук на колени, и через минуту я сладко дремала, подставив лицо косым лучам уже начинавшего клониться к горизонту солнца.

Меня разбудил порыв холодного ветра, с тревожным шелестом пронесшийся по саду со стороны океана. Я открыла глаза и увидела, что входные ворота открывает молодой человек в табачно-зеленой военной форме.

— Джеф! — радостно крикнула я, но тут же запнулась.

Это был не Джеф. Незнакомец был таким же смуглым и черноволосым, но выше и тоньше Джефа. Прикрыв за собой чугунную створку ворот, он не спеша направился в мою сторону. Не могу сказать почему, но я ощутила смутное беспокойство — быть может, его причина крылась в том, что к тому моменту я чрезвычайно устала от новых лиц — ведь от природы я более склонна к уединению, нежели к обществу, и каждый незнакомый человек непроизвольно вызывал у меня чувство страха. А может быть, виной тому было внезапное предчувствие своей судьбы, на мгновение пробудившееся во мне при виде его самоуверенной походки и надменного взгляда.

Когда он подошел вплотную и с удивлением наклонился ко мне, я увидела, что лицом он еще меньше походил на Джефа, чем сложением. Его черты были тоньше и суше, глаза холоднее, взгляд жестче, и лишь выступающий вперед подбородок — фамильная черта Вейдов — указывал на их несомненное родство. Еще до того, как он заговорил, я поняла, что это был Тони, старший брат Джефа.

— Кто вы? — недоуменно спросил он.

— Нэнси, — простодушно ответила я.

— Нэнси? Что еще за Нэнси?

Во мне вдруг заговорило самолюбие. С какой стати он говорит со мной так, будто я в чем-то перед ним виновата? Довольно оправдываться перед всем светом за то, что меня зовут Нэнси Дэйвенпорт, а не как-нибудь иначе! Вскинув голову, я с достоинством произнесла:

— Я — новая миссис Вейд!

Несколько секунд он оторопело смотрел на меня.

— Джеф женился?! — наконец произнес он обескураженно.

Не понимаю, почему все приходят в такое волнение, услышав о женитьбе Джефа? Не век же ему ходить в холостяках, в самом деле!

— Вы догадливы, — холодно ответила я.

— Примите мои поздравления, — он отвесил шутовской поклон.

— Благодарю вас.

Его темно-карие глаза беззастенчиво оглядывали меня. Насмешливый взгляд скользнул по моей студенческой блузке и простенькой юбке, белым носочкам и босоножкам с цветными ремешками. Увидев у меня на коленях книгу, он быстрым движением схватил ее.

— Что я вижу! — вскричал он восхищенно. — Эдна Сент-Винсент Миллер! Сборник любовной поэзии: «...И лета песнь звучит в душе моей!» — продекламировал он с пафосом.

Я в негодовании вскочила на ноги и выхватила книгу из его рук.

— Не вижу в этом ничего предосудительного! — вспыхнув, проговорила я.

— Я тоже, уверяю вас. И где же, скажите на милость, Джеф вас откопал?

Я не знала, расценивать ли мне его слова как оскорбление или как комплимент.

— Мы познакомились в университете, — сказала я, опустив глаза.

— Я было подумал, что в начальной школе...

— Если вы намекаете на мой возраст, то будьте уверены — я достаточно взрослая, чтобы выйти замуж, ни у кого не спросясь. — Заметив сомнение в его глазах, я добавила: — Через два месяца мне исполнится двадцать один.

— Весьма солидный возраст, — с иронией проговорил он.

Уже потом, оставшись одна, я поразились тому, как легко мне было беседовать с Тони, несмотря на всю его бесцеремонность и насмешки, и как трудно бывало говорить с холодной и презрительной миссис Кингсли.

— Вот не думал, что Джеф может питать интерес к девушкам, читающим стихи о любви, — снова заговорил Тони.

— Какие же девушки, по-вашему, его интересуют?
— По большей части раскрашенные жеманные дуры с голыми коленками, не вылезаящие из дешевых баров.

— Вы слишком низкого мнения о своем брате.

— О, вы уже успели определить, что Джеф — мой брат!

— Это не так сложно, как кажется, — ведь вы очень на него похожи.

— Гм, не могу сказать, что чрезвычайно рад это слышать

Несколько мгновений он изучающе смотрел на меня.

— Объясните мне, — проговорил он серьезно, — зачем вы вышли за этого оболтуса?

Его бестактность перешла уже все границы.

— А вот это не вашего ума дело! — крикнула я запальчиво.

— И все же, — не отступал он. — Может быть, из-за денег?

— Каких-таких денег?

— Ладно вам притворяться, что не понимаете, о чем идет речь. Джеф еще ни разу не упускал случая похвастать своим будущим богатством. Неужто он не говорил вам о том, что, когда ему стукнет двадцать пять, он станет владельцем миллионов Вейдов?

— Миллионов Вейдов? Я и не догадывалась, что вы так богаты, — я выразительно обвела взглядом запущенный сад.

— Я вовсе не говорю, что каждый из нас богат. Все состояние наследует Джеф, мне же уготована роль бедного родственника. Вы сделали верный выбор, дорогуша.

— Как я понимаю, бессмысленно пытаться убедить вас в том, что я вышла за Джефа, потому что люблю его. Вы ведь все равно не поверите.

Его губы скривились в иронической усмешке.

— Насколько я знаю Джефа — надо сказать, я давненько его не видел, но навряд ли он изменился за эти годы, — его невозможно любить.

— А вот я другого мнения! Миссис Кингсли, между прочим, тоже.

— Белла? О да! Для нее всю жизнь только и света было в окошке что ее обожаемый Джеффи. Избаловала его ужасно. Всегда поражался ее безрассудной любви — иногда даже грешным делом подумывал, не питает ли

она к нему нечто большее, нежели просто платоническую привязанность.

При этих словах сердце мое болезненно сжалось и острые коготки ревности царапнули где-то внутри. Я вспомнила, как страстно миссис Кингсли обнимала Джефа на крыльце в день нашего приезда, как неотступно следовала взглядом за каждым его движением, как ухаживала за ним во время ужина и говорила только с ним, не желая замечать никого другого. Я вспомнила, как в конце ужина она попыталась устроить нас в разных комнатах.

Я тряхнула головой. Нельзя так думать — это дурные мысли. В конце концов, она годится ему в матери.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Три дня спустя Джеф объявил, что мы идем на вечеринку. Его пригласили на встречу сослуживцев авиаполка, и по традиции туда надлежало приходить с женами и подругами.

Я постаралась одеться с особенной тщательностью, не забыв, как меня учила Сисси, распустить волосы и подкрасить губы. Мне хотелось, чтобы Джеф гордился мной, чтобы окружающие говорили ему: «Какая очаровательная у вас супруга, мистер Вейд!» Но еще больше мне хотелось пустить пыль в глаза надменной миссис Кингсли и насмешливому Тони Вейду.

— Ты не могла бы надеть что-нибудь более приличное? — недовольно спросил Джеф, увидев на мне красное платье — то самое, в котором я была, когда мы с ним встретились в первый раз.

— Но... у меня ничего другого нет! — Я чуть не плакала от обиды. Неужели ему не дороги воспоминания о нашем первом вечере? — Чем же плохо это платье?

— Оно очень старомодное, и кроме того — совсем простое. Ты выглядишь в нем, как монашенка. Попроси Сьюарда, пусть он отвезет тебя в город. Пройдешься по магазинам и подберешь себе что-нибудь пошикарнее. Это тебе не Колтон с его деревенскими нравами. На вечере будут присутствовать несколько высших чинов полка, в том числе командир моей эскадрильи. Его жена была первой на конкурсе «Мисс Калифорния 1940»!

— Я ничего этого не знала... — По словам Джефа выходило, что нам предстоит чуть ли не светский раут при дворе английской королевы. — Почему ты не предупредил меня заранее? — О вечеринке я услышала лишь за ужином, буквально за час до выхода. Последние дни, к слову сказать, Джеф почти не бывал дома.

— Ладно, сойдет и так, — хмуро бросил Джеф, взявшись за ручку двери. — Едем, не то мы опоздаем.

Два дня назад Джеф где-то умудрился раздобыть за

полщены подержанный «бьюик» — огромный роскошный когда-то кабриолет с откидным верхом и сиденьями из черной кожи. Мы забрались в это чудовище, и Джеф помчался по вечерним улицам, оглашая окрестности ревом могучего двигателя. Несмотря на холодный осенний ветер, Джеф и не думал поднимать верх, так что, когда мы прибыли к месту назначения, моя прическа превратилась в нечто кошмарное. Глаза у меня покраснели и слезились, но причиной тому был не столько ветер, сколько с трудом сдерживаемые рыдания — за всю дорогу Джеф не проронил ни слова.

— Ты жалеешь, что женился на мне? — дрожащим голосом спросила я, когда автомобиль остановился у подозрительного вида строения с глухими шторами на окнах.

Он поморщился.

— Прошу тебя, не начинай сейчас этот разговор, — он выбрался из машины и с силой захлопнул дверцу.

Вечеринка проходила в небольшом ночном клубе, нанятом администрацией полка специально для этого случая. «Хула-хауз»* — так, кажется, он назывался. Вход украшали художочные пальмы, уныло торчавшие из двух деревянных кадок по бокам двери. Вывеска над дверью с погашенной по причине военного времени иллюминацией изображала извивающуюся в танце молодую папуаску с гирляндой цветов вокруг шеи.

Едва мы, открыв дверь, прошли через крошечное, отделанное малиновым бархатом фойе и ступили внутрь обширной залы, как на нас обрушился шквал из завываний джазового оркестра, возбужденных голосов и громкого смеха, сдобренных винными парами и сигарным дымом. Нам пришлось буквально продираться сквозь плотную толпу раскрасневшихся дам и разомлевших от виски военных с расстегнутыми воротничками. Признаться, я ожидала несколько другой обстановки.

— Ну же, Нэнси, не отставай! — нетерпеливо приговаривал Джеф, пробираясь вперед и энергично работая локтями. — Нам необходимо добраться до бара и что-нибудь выпить.

Я из последних сил цеплялась за его руку, но тут на нас налетела хохочущая парочка, и, чтобы не упасть, мне пришлось отпустить руку Джефа.

---

* Хула — гавайский народный танец

— Джеф! — крикнула я, стараясь не упустить из виду его черноволосую голову. — Джеф, подожди!

Но тщетно: его смуглое лицо мелькнуло несколько раз в толчее, затем исчезло в людском водовороте.

Я осталась стоять в одиночестве, затравленно озираясь по сторонам. Отовсюду меня пихали и толкали танцующие пары, подвыпившие парни ненароком задевали меня плечом, огибая, точно бакен посреди океана, и, подмигнув, нетвердой походкой продолжали свой путь дальше.

До меня решительно никому не было дела. Я опять почувствовала себя недотепой Нэнси, случайно оказавшейся на чужой вечеринке. Поборов приступ отчаяния, я сказала себе: «Немедленно перестань хныкать! Не забывай, что ты уже не та Нэнси Дэйвенпорт, что дрожит как осиновый лист, попав на университетские танцы. Теперь ты — миссис Вейд, жена молодого офицера из почтенной и обеспеченной семьи, и будь любезна, веди себя соответственно. Тебе совершенно не о чем беспокоиться: быть может, в эту самую минуту Джеф уже ищет тебя и озабоченно спрашивает каждого встречного: «Вы не видели мою жену? Такую симпатичную худощавую девушку в очаровательном красном платье?»

Кто-то сунул в мою руку бокал, доверху наполненный виски с содовой и льдом. Обернувшись, я увидела перед собой маленького рыжего лейтенанта с тонкими усиками и лихорадочно блестящими глазами. Его фуражка съехала на ухо, лоб покрывала испарина.

— Хватит грустить, крошка! Ну-ка, выпей это и развеселись! — скороговоркой выпалил он. — Ты разве забыла, что идет война? Завтра добрая половина из нас отправится на корм рыбам! — С этими словами он нырнул в толпу и смешался с танцующими.

С ледяным бокалом в руке, от которого сводило пальцы, я начала потихоньку продвигаться в сторону стены. Чудом не пролив ни капли, я добралась наконец до одного из стоявших вдоль стен столов с закусками и с облегчением опустила на свободный стул.

Стены клуба были сверху донизу разрисованы аляповатыми сценами из жизни южных морей. Но ни кровавых битв, ни тонущих кораблей, ни убитых американских парней, что гибли сейчас в филиппинских болотах, тут отыскать, конечно, было нельзя. Вместо этого бесчисленные шоколадно-коричневые полинезийцы и полине-

зийки с коровьими глазами и белозубыми улыбками беспечно плескались в лазурных лагунах, ловили рыбу среди пенящихся волн, танцевали свои чувственные, чресчур откровенные танцы на белом песке под сенью раскидистых пальм.

Я отпила из бокала и, постаравшись изобразить на лице скуку, стала оглядываться вокруг в надежде увидеть Джефа.

— Потанцуем, крошка? — Передо мной опять возник шуплый рыжий лейтенант. Прежде чем я успела ответить, он ухватил меня за руку, и в следующее мгновение мы уже топтались в самой гуще танцующих. В те дни только-только появился свинг, и мой партнер отнюдь не собирался отставать от моды. Нимало не смущаясь тем, что мелодия оркестра не совсем для этого подходит, он минуты три немилосердно швырял меня из стороны в сторону, после чего едва живую отвел на прежнее место и, отрывисто выдохнув что-то вроде: «Премного благодарен!», умчался на поиски более поворотливой напарницы.

Я выпила коктейль до дна, но виски не помогло рассеять грызущее чувство одиночества. Мой взгляд нервно перебегал с одного лица на другое в поисках знакомых черных глаз и упрямо выступающего подбородка Джефа. Наконец мне удалось заметить его. Он вел под руку какую-то томную блондинку и что-то нашептывал ей на ухо. Вскочив со стула, я открыла было рот, чтобы его окликнуть, — но с моих губ не слетело ни звука. Гордость запрещала мне это. Я не могла, просто не желала оказаться в роли ревливой женушки вертопраха-мужа. Он сам должен найти меня, и скоро, несомненно, он так и поступит...

— Веселитесь? — раздался надо мной знакомый глуховатый голос. Подняв глаза, я увидела Тони, как всегда, с ироничной улыбкой на губах.

— Да, почему бы и нет? — ответила я кисло. Меньше всего на свете мне хотелось встретить сейчас Тони. — Каким ветром вас сюда занесло? Или вы служите в одном полку с Джефом?

— Нет, я забрел сюда случайно. Иногда, знаете ли, тянет немного развеяться. А где Джеф?

— Тут, неподалеку, — беззаботно проговорила я.

— Небось опять увивается около своей блондинки?

Я пожала плечами.

— Если Джеф женат, это не означает, что он обязан весь вечер танцевать исключительно со мной.

— Так-то оно так. Только поговаривают, что он волочит за женой командира своей эскадрильи.

— Она была «мисс Калифорнией 1940», — произнесла я так, словно это что-нибудь объясняло.

— Вот так! — Тони с интересом посмотрел на меня. В ответ я постаралась улыбнуться как можно безмятежнее, хотя на душе у меня кошки скребли.

— Все-таки лучше бы вам отыскать его, пока командир не отправил его на гауптвахту. Скорее всего он околачивается в баре неподалеку от оркестра. Всего наилучшего!

Когда Тони ушел, я, отставив в сторону гордость, отправилась на поиски Джефа. Как и предсказывал Тони, я нашла его в баре сидящим в кресле под пальмой, с томной блондинкой на коленях.

При виде этой идиллической картины в истинно полинезийском духе в глазах у меня потемнело от гнева. Начисто позабыв о том, что негоже уподобляться ревнивой женошке, я крикнула, перекрывая грохот оркестра:

— Джеф, я хочу домой! Прямо сейчас!

Блондинка без интереса взглянула на меня.

— Кто это? — лениво осведомилась она.

— Моя жена, — хмуро отозвался Джеф.

Секунду блондинка размышляла, переваривая услышанное. Затем медленно сползла с его колен.

— Ну так и катись к ней, — проговорила она скучающе и неспешно удалилась, покачивая бедрами.

— Чего это ты вдруг взбеленилась? — прошипел Джеф мне в ухо. Взгляд его налился кровью, он был уже изрядно пьян. — Теперь она не захочет со мной разговаривать.

— Если я не ошибаюсь, — проговорила я срывающимся голосом, — я не видела тебя весь вечер. Может, объяснишь мне, где ты пропадал?

— Развлекался. Что же тут плохого?

— Абсолютно ничего, если не считать того, что я тоже люблю развлекаться.

— Так что тебе мешает это делать? Вокруг полно молодых офицеров.

— Но я пришла сюда с тобой, Джеф! Ты мог хотя бы раз за весь вечер вспомнить о моем существовании, а не вести себя так, словно мы незнакомы! Ты мог бы... —

Я была уязвлена до глубины души и не слишком выбирала слова.

— О, ради всего святого, не устраивай семейную сцену на людях! Так и быть, едем домой!

На обратном пути я уже не сдерживала слез. Это была наша первая ссора. Ах, зачем я не промолчала! — корила я себя. Что, в конце концов, такого ужасного совершил Джеф? Он лишь поддался царившему на вечер безумному настроению. Кто знает, может быть, блондинка была сильно навеселе и сама плюхнулась к нему на колени? Не мог же он силой прогнать ее! Это было бы невежливо, а Джеф такой галантный!..

Джеф с каменным лицом гнал машину вперед. За весь обратный путь он ни разу не взглянул в мою сторону.

Когда мы подъехали к дому и поднялись на крыльцо, там уже стояла миссис Кингсли. Я догадалась, что она с нетерпением дожидается нашего возвращения.

— Как отдохнули? — спросила она, внимательно оглядывая нас. От нее, конечно, не укрылись ни мои опухшие от слез глаза, ни сердитое выражение лица Джефа.

— Хорошо... — еле слышно пробормотала я, тщетно стараясь избежать ее испытующего взгляда.

Джеф, не отвечая, прошагал через холл и стал быстро подниматься по лестнице. Я поспешила за ним, но все-таки успела заметить торжество в черных глазах Беллы и злорадную усмешку на ее полных губах. Боль острым ножом полоснула мое сердце, в ушах снова зазвучали слова: «Из вашего брака ничего путного не выйдет!» Она догадалась о том, что мы поссорились, и ее это обрадовало.

В спальне Джеф сел на кровать и принялся расшнуровывать туфли. Опустившись перед ним на колени, я взяла его руки в свои.

— Умоляю, не сердись на меня! — проговорила я. — Я знаю, что вела себя ужасно глупо. Больше это не повторится!

Джеф зевнул, затем наклонился и поцеловал меня в щеку.

— Пустяки, — сказал он.

И мы помирились. Он обнял меня и превратился в того страстного и нежного Джефа, которого я помнила по нашей первой ночи.

Я лежала в темноте с открытыми глазами и думала о Джефе и о себе. Джеф мирно спал рядом. Я осторожно поцеловала его — так, чтобы он не проснулся, и дала себе слово впредь быть хорошей женой и не поддаваться унижительному для нас обоих чувству ревности. Все дело в том, объясняла я себе, что Джеф заразился царившим на вечере истерическим духом военного времени, духом вседозволенности, когда люди стараются прожить каждую минуту так, словно она окажется их последней минутой. Когда война кончится, Джеф обязательно изменится, и у нас все пойдет по-другому. Мы заживем обычной семейной жизнью, никогда не будем разлучаться. У нас появятся дети, мальчик и девочка — нет, лучше два мальчика и две девочки. Мы уедем из дома Вейдов, некоторое время проживем в квартире с тремя-четырьмя комнатами с кремово-белыми стенами, мягким диваном, обитом тканью с голубыми цветами, и непременно с большим удобным креслом для Джефа. Потом подберем уютный домик с маленьким садом и переберемся туда.

Будущее представилось мне счастливым и ясным, словно прямая светлая дорога.

Следующие две недели меня не оставляло приподнятое настроение. Я даже улыбалась при встречах с миссис Кингсли, хотя, увидев меня на следующее утро после вечеринки, она не преминула как бы между прочим поинтересоваться, что это мы вчера так рано вернулись домой...

Часто я заставляла миссис Вейд и Сьюарда в кабинете за игрой в шашки. Маленькое личико миссис Вейд сосредоточенно хмурилось, когда она обдумывала очередной ход. При этом Сьюард отчаянно жульничал, стараясь дать ей возможность победить.

В солнечные дни я выходила прогуляться в сад и не спеша бродила по замшелым тропинкам, иногда останавливаясь и, затаив дыхание, наблюдая, как колибри с жужжанием вьется вокруг розового куста, глубоко погружая тонкий трепетный клювик в сердцевину увядшего бутона. Я собирала фиолетовые гроздья герани или листочки одичавшей мяты, рвала сочные сладкие плоды

с персиковых деревьев, обнаруженных мной в глухом уголке сада.

Как-то во время одной из прогулок я присела отдохнуть на маленькой, поросшей клевером прогалине. Сняв туфли, я с наслаждением вытянулась на душистом зеленом ковре. Здесь и отыскал меня Тони.

— Привет! — сказал он, опускаясь на траву рядом со мной.

— Здравствуйте, — отозвалась я без особенной радости. В тот момент мне хотелось побыть одной, отдохнуть от вечных колкостей миссис Кингсли, от постоянной настороженности и необходимости вести вежливую беседу с домочадцами. Потом мне пришлось в голову, что было бы смешно держаться настороже с Тони.

— Чудесный день, не правда ли? — проговорила я, пытаюсь как-то загладить свой холодный прием.

— Недурной, — согласился он, затем спросил: — Как вам понравился дом Вейдов? У вас уже было некоторое время, чтобы присмотреться к нему.

— Он чересчур велик, — уклончиво ответила я. Не могла же я сказать, что нахожу особняк уродливым, холодным и мрачным! — Я осмотрела кое-какие комнаты, но боюсь, что успела побывать далеко не везде.

— Разве Джеф не знакомил вас с домом?

— Нет. В последнее время он был очень занят.

— В таком случае как-нибудь на днях я сделаю это за него, — он слегка улыбнулся. Его нескромный взгляд скользнул по моим голым ногам, и я непроизвольно подобрала их под себя.

— Это поместье всегда принадлежало вашей семье? — спросила я.

— Дом построил наш дед. Он приехал сюда из Дела-вэра и скоро сколотил себе состояние на морских перевозках. Но местные богатеи не пожелали принять его в свой круг. До последних своих дней он ждал приглашения вступить в местный клуб крупных бизнесменов, но так и не дождался, — Тони сорвал травинку и задумчиво пожевал ее. — Старый смешной чудак. Я хорошо его помню: огромного роста, видный, с крупными чертами и густой черной шевелюрой. Волосы у него не седели до восьмидесяти. Хотя вполне возможно, что он их красил — он был страшно тщеславен. Это родовые черты Вейдов — красота и тщеславие.

— Не потому ли он выстроил такой непомерно боль-

шой дом? Кажется, целых двадцать две комнаты? Джеф называл точную цифру, но я не запомнила. Причиной было его тщеславие?

— Скорее всего так. В его время (впрочем, и в наше тоже) положение человека в обществе определялось размерами его жилища. Роскошный викторианский дворец являлся символом процветания и престижа. К несчастью, бедный старикан сделал несколько неудачных вкладов и под конец жизни потерял почти все свои деньги.

— Но вы говорили...

— Что Джеф наследует многомиллионное состояние? Я не обманывал вас. Наш отец оказался достаточно ловок, чтобы жениться на девушке из весьма обеспеченной семьи. Он занял у своих новых родственников порядочную сумму и вложил ее в чрезвычайно прибыльные нефтяные промыслы в Мексике. На свое счастье, он успел их продать за полгода до того, как мексиканское правительство национализировало нефтедобычу, — Тони отшвырнул травинку в сторону. — Большие деньги, знаете ли, довольно прихотливая штука, — проговорил он туманно и умолк.

Некоторое время он молча наблюдал, как в небе сорятся две ласточки.

— Почему вы так рано ушли с вечеринки в «Хулахаузе»? — неожиданно спросил Тони.

— У меня вдруг ужасно разболелась голова, — ответила я, отводя глаза. Наклонившись, я сорвала цветок лесного колокольчика и поднесла его к лицу. Мне совсем не хотелось обсуждать события того вечера.

— Признайтесь, вы нашли Джефа там, где я вам указал, ведь так?

— Ну и что из того? — я бессознательно теребила цветок между пальцами, пока от него не остались одни клочки.

— Он был с блондинкой?

Я не ответила. Какое, в конце концов, ему до всего этого дело?

— Думаю, вы понимаете, что Джеф и раньше встречался с «мисс Калифорнией 1940»?

— Ничего странного, — как можно небрежнее сказала я. — Она ведь жена командира его эскадрильи.

— Это еще не все, — неумолимо проговорил Тони.

Я сказала себе, что больше ничего не желаю слушать, что сейчас встану и уйду в дом. Однако словно

какая-то неведомая сила пригвоздила меня к месту, не давая шелохнуться.

— В штабе только о них и судачат, — продолжал Тони. — Говорят, что они встречаются каждый день. Я сам наткнулся на них в «Голубой лагуне»; они сидели в углу за столиком и премило ворковали, точно два голубка.

Я бросила истерзанный колокольчик и вскочила на ноги.

— Вы лжете! — гневно крикнула я. — Я не верю ни одному вашему слову! Вы пытаетесь поссорить меня с Джефом!

Он сардонически усмехнулся и пожал плечами.

— До чего же вы все-таки наивны! — сказал он.

Я резко повернулась и пошла к дому. Стремительно взбежав по лестнице на второй этаж, я влетела в свою комнату и, захлопнув дверь, ничком бросилась на кровать.

Зачем Тони рассказал мне все это? Разумеется, я ему не верю. Джеф — мой муж, я люблю его и не позволю себе усомниться в его честности.

Но любит ли он тебя, ехидно спросил внутри чей-то тоненький голосок? Конечно же любит, решительно ответила я! Разве он не говорил, что я нужна ему? Что я единственная девушка на свете, которая его понимает? Однако он ни разу не употребил слова «люблю», — продолжал все тот же ехидный голосок.

Я в отчаянье стукнула сжатыми кулачками по постели. Нет, нет, он любит, я знаю! Просто мужчины иной раз стесняются выражать свои чувства вслух, боясь показаться сентиментальными.

Поднявшись с кровати, я нервно зашагала по комнате. Мои мысли разбегались. Надо что-то предпринять, чтобы рассеять эту мучительную неопределенность. Я не желаю играть роль доверчивой дуручки!

И тогда я сделала то, чего никак от себя не ожидала: я принялась обыскивать висевший в шкафу мундир Джефа. Шаря в его карманах, я испытывала к себе презрение, однако не прекращала свое занятие.

Скоро я нашла то, что искала.

Письмо начиналось словами: «Милый Джеф!» Бледно-лиловый клочок надушенной бумаги поплыл у меня перед глазами, но, сделав над собой усилие, я дочитала его до конца.

«Милый Джеф!

Прошлый вечер был просто чудесен! Когда я увижу тебя снова? В этот вторник Стью будет в отъезде. Что ты скажешь насчет восьми вечера в «Голубой лагуне»?

Целую, твоя киска».

Я скомкала письмо и сжала его в кулачке. Так вот, значит, где он был вчера вечером! «Сегодня я дежурю в штабе, — заявил он мне после завтрака. — Не жди меня слишком рано».

И все эти вечера, когда я без сна лежала в постели, изучая узоры на обоях и дожидаясь, когда же под окном заурчит мотор «бьюика», а он будто бы «дежурил в штабе» или возвращался «после пары бокалов пива в кругу друзей» в два, в три, в четыре часа утра, — выходит, все эти вечера он проводил с ней! Нет, я не могла этому поверить. Мой разум отвергал возможность такого чудовищного обмана.

Но маленький бумажный комочек, который точно тлеющий уголек жег мою ладонь, упрямо говорил о том, что все это мне не снится.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О письме Джефу я ничего не сказала. При одной мысли о холодной ярости, которая, несомненно, охватит его, узнай он, что я рылась в его карманах, меня бросало в дрожь. Я держала свое открытие при себе, хранила его в тайниках души, где оно саднило, как незаживающая рана. И боже мой, какой мукой теперь было для меня трижды в день сидеть за круглым обеденным столом, вымученно улыбаясь, вести пустые разговоры, непрестанно ощущать на себе враждебный взгляд цыганских глаз миссис Кингсли. Вечером становилось еще хуже: возвращался Тони и молча смотрел на меня, но уже не насмешливо, как прежде, а задумчиво и даже грустно.

Джеф почти перестал бывать дома. С каждым днем я все больше убеждалась, что стала ему безразлична. Быть может, раньше он и питал ко мне какой-то интерес, но теперь он совершенно угас.

Одним серым туманным днем, после припадка горьких рыданий, я сказала себе, что больше не могу выносить своего ужасного одиночества. Я должна вырваться из мрачного окружения, оказаться среди новых людей, избавиться от преследующей меня хандры и скуки. Оборонная промышленность остро нуждалась в рабочей силе; я могла бы попробовать подыскать себе работу. В университете я обучилась печатать на машинке, но готова была заниматься чем угодно, даже стать к конвейеру, лишь бы не сидеть дома.

Когда я поделилась своей идеей с Джефом, он неожиданно ее поддержал. Это был один из немногих вечеров, когда Джеф остался дома. Он лежал, растянувшись на кровати, с журналом в руках; рядом на туалетном столике стоял бокал виски.

— Отличная мысль, — сказал он. — Не то чтобы мы нуждались в деньгах, но я считаю, что работа поможет тебе развеяться. В последнее время ты что-то неважно выглядишь.

— Вот не думала, что ты обращаешь внимание на мой внешний вид,— бросила я с сарказмом, уязвленная его последним замечанием.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что мудрено что-то заметить, когда почти не бываешь дома,— я не удержалась от маленького удовольствия слегка его уколоть.

— Что поделаешь, родина нуждается во мне. Не забывай, сейчас идет война.

«Где? В “Голубой лагуне”?» — хотела спросить я, но прикусила язык.

На следующее утро после завтрака я спросила Сьюарда, не согласится ли он подвезти меня к ближайшей остановке автобуса.

— Вам нужно в Сан-Диего? — спросил он напрямик.

Я объяснила ему, что хочу поискать работу.

— Ну что же, я как раз собирался съездить сегодня в город. С удовольствием захвачу вас с собой.

Я уселась на переднее сиденье старого «кадиллака», который Сьюард содержал в идеальной чистоте.

— Чертовски много требует бензина,— посоветовал он.— Сейчас, когда ввели нормированную раздачу топлива, на нем много не попутешествуешь.

— Восхитительная машина! — я провела рукой по сверкающей поверхности кузова.

Он польщенно улыбнулся, по его загорелому лицу побежали морщинки.

— Недурная лошадка, верно? Потратил на нее последние сбережения. Мне сказочно повезло: бывший владелец завербовался в морскую пехоту и перед отплытием на Филиппины срочно продавал ее за бесценок.

Выходит, Сьюард, так же беден, как и Тони?

Мы мягко катились по шоссе. Сьюард вел машину мастерски.

— Вы — брат миссис Вейд? — спросила я после некоторого молчания.

— Двоюродный. С Эрнестиной мы вместе росли. В юности она была исключительно красивой девушкой. Как сейчас вижу ее шелковистые пшеничные волосы и бархатистую белую кожу,— в его голосе звучало благоговение и вместе с тем грусть.— Она имела великолепную фигуру с длинными стройными ногами и осиной талией. Она обожала ездить верхом и держалась в седле не хуже ковбоя. Не поверите, она стала неплохим охот-

ником после того, как я обучил ее обращаться с ружьем. Я непременно женился бы на ней, не будь мы близкими родственниками. Только Алекс все равно отбил бы ее у меня.

Я попробовала вообразить блеклую миссис Вейд юной и привлекательной. Трудно было представить ее живой, энергичной, «с осиной талией», верхом на норовистом скакуне.

— Годы обошлись с ней безжалостно, — Сьюард печально покачал головой. — С детства она была такой... такой...

— Нервной? — подсказала я.

Он бросил на меня острый взгляд.

— Скорее очень впечатлительной. Ей нужны были постоянный присмотр и деликатное обращение, как породистой кобылице, если позволите так выразиться.

— Да, — произнесла я задумчиво, — миссис Вейд и в самом деле порой не находит себе места от волнения. Особенно в присутствии миссис Кингсли...

— Что вы имеете в виду? — резко спросил он.

— О, не знаю... Но она как будто боится миссис Кингсли.

Секунду помедлив, Сьюард проговорил:

— Чепуха! Почему Эрнестина должна бояться Беллы?

— Не знаю; — повторила я. Передо мной снова отчетливо встали испуганно бегающие выпцветшие глаза миссис Вейд.

— Миссис Кингсли обладает сильным характером, при желании она способна нагнать страху на кого угодно. Но с Эрнестиной ей нечего делить. Они знают друг друга с давних пор и пережили вместе множество невзгод. По своему Белла привязана к Эрнестине.

Мне нелегко было поверить в справедливость слов Сьюарда. На мой взгляд, обращение Беллы с миссис Вейд было просто возмутительным, даже жестоким. Но я не стала настаивать на своем, а вместо этого спросила:

— Вы равнодушны к миссис Вейд, не так ли?

— Не то слово! — серьезно ответил Сьюард.

Помолчав, он продолжил:

— Я всю жизнь любил ее. Некогда она была дивной девушкой: гибкой, подвижной, совсем не той, что сейчас. Но Эрнестина не стала бы такой беспомощной, если бы не я...

— Я не совсем вас понимаю.
— Произошел несчастный случай, и виноват в нем был я.

— Вы говорите о смерти Лотти?

— Нет, беда случилась гораздо раньше, когда Эрнестине было пятнадцать. Ее отец держал ранчо в Мэриленде, а моя семья жила в миле них. В те дни мы с Эрнестиной были неразлучны и оба сходили с ума по лошадям. Лишь только выдавалась свободная минута, мы тотчас вскакивали на коней и мчались в поля. Однажды Эрнестина и я скакали по каменистой низине. Надвигалась гроза, и мы прищипорили коней. В пылу скачки волосы у нее растрепались и развевались по ветру золотым шлейфом, щеки покраснелись, глаза сияли от возбуждения, и она показалась мне такой прекрасной, что мне захотелось коснуться ее. Я протянул к ней руку. Лошадь Эрнестины испугалась, шарахнулась вбок и сбросила ее на землю. Бедняжка ударилась затылком о камень.

Костяшки пальцев на руках Сьюарда побелели, — с такой силой он стиснул рулевое колесо.

— Несколько дней она пролежала без сознания. Когда же она наконец пришла в себя, доктор, осмотрев ее, сказал, что она уже никогда не станет такой, как прежде... в смысле разума. Отец объездил с ней уйму докторов, даже возил ее в Европу к тамошним светилам, только все понапрасну, — закончил он с горечью.

— Вы не должны себя винить, — проговорила я. — Это была роковая случайность.

Он покачал головой:

— Но ее причиной послужила моя мальчишеская выходка, значит, вина лежит на мне.

Мне нечего было на это ответить. Остаток пути мы провели в молчании.

Сьюард высадил меня у ворот концерна «Консолидейтед эйркрафт». За высоким решетчатым забором вытянулись длинные заводские корпуса с раскинутой над ними камуфляжной сеткой на случай налета японской авиации.

Мы условились, что Сьюард будет ждать меня в час пополудни — к тому времени я надеялась обойти несколько мест, где могли требоваться рабочие руки, — и Сьюард уехал по своим делам.

Бюро по найму я отыскала без труда по выползавшему из дверей на улицу длинному людскому хвосту. Здесь

были почти исключительно одни женщины. Очередь продвигалась довольно быстро, и скоро я подошла к небольшому окошечку, где мне вручили несколько стандартных бланков, которые предстояло заполнить. Еще десять минут мне пришлось дожидаться, когда освободится место за одним из стоявших вдоль стен грубо сколоченных письменных столов. В переполненном людьми помещении было очень душно, и скоро я почувствовала, что ноги мои стали ватными, перед глазами поплыли радужные пятна.

Отстояв еще одну очередь, которая показалась мне бесконечной, я предстала перед очами неприветливой пожилой дамы в очках. Она пробежала взглядом мои бумаги, потом сообщила низким прокуренным голосом, что может предложить мне место секретарши в одном из отделов управления.

— Вам это подходит? — она сурово взглянула на меня поверх очков.

— О, конечно! — заверила я ее.

— В таком случае вам надлежит прибыть сюда завтра в семь тридцать утра, — она шлепнула печатью по карточке и сунула ее мне в руки.

Когда я очутилась на улице, из моей груди вырвался глубокий вздох облегчения. До встречи со Сьюардом оставался еще час с четвертью, и я решила, что не помешает немного перекусить — мой завтрак состоял лишь из чашки кофе с крекером.

Я отыскала остановку и села в автобус, который направлялся в центр города. Хотя до обеденного перерыва оставалось еще много времени, салон был переполнен. Вокруг толкались военные, матросы, рабочие, державшие в руках свертки с бутербродами. Протиснувшись к окошку, я стала смотреть на спешащую по улицам разношерстную толпу. Бары и кинотеатры, мимо которых мы ехали, были открыты; из их дверей выходили солдаты под руку с ярко накрашенными девицами, клерки, у которых, видимо, был выходной день, и прочая праздная публика.

Я сошла у отеля «Паттерсон» и направилась в примыкавший к нему небольшой кафетерий. Устроившись за свободным столиком, я заказала порцию хрустящего картофеля, сэндвич с тунцом и кофе. Когда официантка поставила заказ передо мной, я с досадой поняла, что уже не чувствую голода.

Сидя за своим столиком, я без аппетита отщипывала кусочки от черствого сэндвича и от нечего делать следила за теми, кто проходил через стеклянные двери, соединявшие кафетерий с фойе отеля. Мысли мои были заняты будущей работой. Новое дело несомненно пойдет мне на пользу. Я встречу новых людей, заведу приятельниц, с которыми можно будет поболтать за чашкой кофе, мой распорядок дня станет более регулярным; меньше останется ненужного мне свободного времени. Правда, возникнут некоторые сложности с транспортом, но я надеялась, что по утрам Джеф будет брать меня с собой в город, а Сьюард, быть может, согласится вечером встречать на автобусной остановке.

Я со вздохом принялась за хрустящий картофель. Вкусом он напоминал карандашные очинки, но я заставила себя проглотить несколько ломтиков — путь домой предстоял неблизкий. Случайно бросив взгляд в фойе отеля, я неожиданно увидела невысокую плотную женскую фигуру, которая показалась мне знакомой. Присмотревшись, я узнала миссис Кингсли. Она стояла у стойки администратора, держась за руку здорового рыжего моряка, который что-то писал, склонившись над стойкой. Белла смеялась и кокетливо толкала его рукой в бок. Я отчетливо видела ее крупные белые зубы и раскачивавшиеся золотые серьги. Служитель вручил моряку ключи, и он вместе с Беллой направился к дверям лифта.

Хрустящий картофель, сама не знаю почему, застрял у меня в горле. Мне не было дела до личной жизни и вкусов миссис Кингсли, но все же было что-то отталкивающее в только что увиденной сцене. Нетрудно было догадаться, что за ней последовало. Мне сразу же вспомнились страстные объятия и поцелуи Беллы и Джефа в первый день приезда, и я вновь ощутила, как горячая краска стыда приливает к моему лицу.

На обратном пути я не стала говорить Сьюарду о том, что видела миссис Кингсли. Однако я не удержалась от искушения попытаться разузнать о ней у дяди Джефа побольше.

— Давно ли миссис Кингсли живет в поместье? — спросила я невзначай.

— С самого рождения Джефа, — ответил Сьюард.

— Наверное, в то время она была молода и весьма привлекательна?

— Да, кажется. Признаться, я тогда редко встречал ее. У Вейдов я живу постоянно лишь последние десять лет. Перебрался к ним после того, как вышел в отставку.

— А что случилось с мужем миссис Кингсли? — продолжала я расспросы.

— Не имею понятия, — с неохотой ответил Сьюард. Чувствовалось, что предмет разговора ему неприятен.

— Мне кажется, что я ей пришлась не по душе.

Минуту Сьюард вел машину молча.

— Думаю, что ей не пришлась бы по душе ни одна девушка, — он еле заметно улыбнулся. — Я хочу сказать, ни одна, которая стала бы женой Джефа. Ревность, понятное дело.

Первый раз в жизни мне говорили, что меня ревнует к мужчине другая женщина. Раньше мне казалось, что услышать такое чрезвычайно лестно, однако сейчас я не чувствовала ничего, кроме испуга.

На следующее утро я встала вместе с Джефом в шесть, когда прозвенел звонок будильника. В голове была тяжесть, к горлу подступала противная тошнота.

Я с трудом оделась и спустилась в столовую, надеясь, что после завтрака мое самочувствие улучшится. Однако, когда миссис Кингсли поставила передо мной блюдо с яичницей, от вида желтой, с белыми прожилками массы и от исходящего от нее густого запаха меня едва не вырвало.

Извинившись, я поспешно выбежала из столовой, провожаемая удивленным взглядом Джефа и подозрительным — миссис Кингсли.

Я чувствовала себя совершенно больной. У меня едва хватило сил добраться до постели и залезть, не раздеваясь, под одеяло. Немного погодя зашел Джеф.

— Что с тобой стряслось? — спросил он меня.

— Всего лишь легкое расстройство желудка, — ответила я, через силу улыбаясь. — Вчера я съела сэндвич с тунцом, видимо, он оказался не первой свежести.

— Будем надеяться, что так оно и есть, — Джеф взял со стула свою офицерскую фуражку и вышел.

Что он имел в виду? Не думает же он, что я...

В дверь постучали.

— Кто там? — спросила я.

— Это миссис Кингсли. Открой, мне нужно с тобой поговорить.

— Подождите минутку!

Поднявшись с кровати, я поспешно начала оправлять платье и приглаживать волосы: мне не хотелось, чтобы Белла увидела меня в постели — она могла расценить это как слабость и как еще одно доказательство моей непригодности к супружеству с Джефом. Кое-как приведя себя в порядок, я отворила дверь.

Миссис Кингсли стремительно вошла в комнату.

— В чем дело, дорогая? На тебе лица нет.

— Ничего серьезного, уверяю вас. Вчера в городе я пообедала в кафетерии, и это, по всей видимости, не пошло мне на пользу. У меня немного кружится голова, вот и все.

Она скользнула взглядом по моей фигуре.

— И давно у тебя началось недомогание?

— Нет, что вы! Только сегодня.

Мне совсем не нравился ее тон.

— Уж не забеременела ли ты, моя милая? — спросила она, нахмурившись.

— Нет, это невозможно! — ответила я торопливо.

— Почему же? — в ее глазах появилось нечто похожее на любопытство.

— Потому что... — я почувствовала, как краснею под ее взглядом.

— Что же? — не отставала Белла.

— Потому что мы с Джефом женаты совсем недавно, — пробормотала я упавшим голосом, сама чувствуя, как неубедительны мои слова. Гораздо честнее было бы сказать: «Потому что я этого ужасно боюсь!»

Миссис Кингсли сухо рассмеялась.

— Для выпускницы университета ты, надо заметить, не слишком умна. Вот что я тебе скажу: чтобы рассеять всякие сомнения, тебе необходимо показаться врачу. Я позвоню доктору Дэвису, пусть он примет тебя и хорошенько осмотрит.

Я чуть было не подумала, что Белла, видя мое самочувствие, на секунду сжалилась надо мной. Однако уходя, она смерила меня холодным взглядом и сказала:

— Только не надейся, что ребенок поможет тебе опутать Джефа. Твоя хитрость не удался!

И вышла.

Доктор Дэвис, крупный, еще нестарый мужчина, казался совершенно измотанным. Говорил он со мной резким нетерпеливым тоном, и все же я чувствовала, что в глубине души он был добрый человек. В мирное время наверняка лечил пять-шесть семей, знал в лицо своих пациентов и помнил наизусть все их хвори. И конечно же, он быстро сумел бы ободрить попавшую в его кабинет оробевшую двадцатилетнюю девчонку. Но сейчас, когда его более молодые коллеги оказались на фронте, приемная была до отказа забита людьми, а рабочий день длился двенадцать часов, взгляд его воспаленных глаз выражал одну только бесконечную усталость пополам с желанием поскорее покончить с очередным посетителем.

Бегло меня осмотрев, он сказал, что пока не может с уверенностью судить о моем состоянии.

— Приходите через шесть недель, тогда все станет ясно.

Шесть недель! Сорок дней неопределенности, возрастающего отчуждения со стороны Джефа, инквизиторских взоров миссис Кингсли! Нет, это показалось мне слишком.

— Но я не могу ждать так долго! — в отчаянии воскликнула я. — Мне нужно знать сейчас!

Будет ли мне прок от того, что я получу ответ немедленно, я не задумывалась.

В первый раз за время приема доктор Дэвис поднял на меня глаза.

— Почему такая срочность?

— Мой муж отплывает к Филиппинам через несколько дней, — сдавленно пробормотала я.

— Ну что же... Так и быть, я направлю вас в лабораторию, — он что-то написал на листке бумаги и протянул его мне. — Обработка результатов анализов займет двадцать четыре часа. Завтра вечером вы получите ответ.

— Благодарю вас доктор, — дрожащими пальцами я взяла заветный листок.

— Не огорчайтесь, — сказал мне напоследок доктор Дэвис, и в его голосе послышалось нечто похожее на участие. — Если у вас и вправду будет ребенок, отнесите к этому спокойно. Это не такая уж большая трагедия, поверьте. Подумайте, что станет с миром, если женщины перестанут рожать детей.

Конечно же, миссис Кингсли оказалась права: я была беременна. Мне пришлось позвонить в «Консолидейтед эйркрафт» и отказаться от места. Так развеялись мои мечты о работе, о новой обстановке, о подружках, с которыми можно посудачить про наряды или просто перекинуться шуткой. Я чувствовала себя так же, как заключенный, который слышит, как защелкнулся замок его тюремной камеры. Отныне мне суждено навсегда стать пленницей угрюмого дома Вейдов.

Джеф, узнав новость, повел себя совсем не так, как молодые мужья в кинофильмах, которые, прослышав, что скоро станут отцами, вне себя от счастья душат в объятиях жен и тут же принимаются придумывать имя будущему первенцу.

— Зачем тебе это понадобилось? — с раздражением спросил он, как будто я нарочно прижила ребенка с какой-то неблагоприятной целью на стороне.

— Я сделала это не без твоей помощи, — сердито заметила я. — И что плохого в том, что у нас будет ребенок?

— Ты прекрасно понимаешь, что этим все осложняется.

— Что осложняется?

Вместо ответа он схватил свою фуражку и, хлопнув дверью, выскочил из комнаты, оставив меня сидеть на кровати, готовую вот-вот разреветься от обиды и унижения. Джеф вернется, Джеф непременно одумается, глотая слезы, твердила я себе. Он вспылил потому, что известие оказалось для него слишком неожиданным. Через некоторое время он привыкнет к мысли о нашем будущем малыше и поймет, что без детей не может быть настоящей семьи.

Однако знакомый ехидный голосок внутри меня спросил: а что, если он не захочет этого понять? Что ты будешь делать тогда?

С миссис Кингсли я встречалась только во время еды. Ее недобрые черные глаза цепким взглядом ощупывали мою фигуру каждый раз, когда я входила в столовую. Я избегала оставаться с ней наедине, боясь еще раз услышать оскорбительные слова о том, что ребенок не поможет мне удержать — «опутать», как она выразилась, — Джефа.

Тони ограничился лишь коротким замечанием:

— Честно говоря, я думал, что ты будешь умнее.

Мне следовало бы обидеться на него за эти слова, но он произнес их без всякой злости, как бы констатируя печальный факт. Я чувствовала, что по-своему Тони жалеет меня.

Благородный Сьюард остался верен себе. Он был со мной неизменно вежлив, открывал передо мной двери, пропускал вперед и всякий день учтиво справлялся — впрочем, довольно равнодушно — о моем самочувствии.

И только одна миссис Вейд пришла в совершенный восторг, когда миссис Кингсли за ужином объявила о том, что я жду ребенка.

— Ребенок! — миссис Вейд с детской непосредственностью всплеснула руками, глаза ее оживились. — Не могу в это поверить! Как же давно в нашем доме не было маленьких детей! Чудесно, когда на свет вдруг появляется крошечное существо! — на ее бледных щеках проступил слабый румянец. — Когда-то у меня тоже был ребенок — малютка дочка по имени Лотти. Она была прелесть какая хорошенькая! О, мне так хочется, чтобы у Нэнси родилась дочка и чтобы она походила на Лотти!..

— Эрнестина! — возвысила голос миссис Кингсли, и ее золотые серьги угрожающе качнулись

Миссис Вейд сразу умолкла, втянув голову в плечи. Она бросила на Беллу перепуганный взгляд, затем, вымученно улыбнувшись, покорно опустила глаза.

Над столом повисло неловкое молчание. За этим молчанием, за вечными недомолвками, когда разговор случайно касался дочери Эрнестины, чувствовалась некая тайна. Смерть Лотти была запретной темой в семье. Двадцать с лишним лет тому назад маленькая двухлетняя девочка, почти младенец, случайно утонула в лагуне за садом — большего мне знать не полагалось. Но я почти физически ощущала, что, вопреки общему дружному молчанию, тень малышки Лотти незримо присутствует в доме Вейдов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Ноябрь выдался холодным и ненастным. Нескончаемой чередой тянулись пасмурные дни, похожие один на другой, как две капли дождя. Сквозь сплошную пелену серых облаков изредка проглядывало солнце, но его лучи не достигали истосковавшей по свету земли. Морской ветер, хозяин здешних мест, ревниво охранял сумрак, нагоняя выше самых высоких деревьев густой, как кисель, грязно-белый туман.

Я часто бродила по окрестностям. Скоро у меня выработался привычный маршрут: сначала я добредала до ограды военной базы и смотрела на аккуратные ряды маленьких домиков, которые охраняли морские пехотинцы. Потом шла к одинокой каменной скамейке у самой кромки воды. Там я могла сидеть часами, наблюдая за ревущими волнами, иногда грозившими смыть меня с пустынного берега. Но я не испытывала страха, а наслаждалась свежестью морского воздуха и бодрящими уколами соленых брызг. Мне было хорошо, гораздо лучше, чем в душливой атмосфере дома Вейдов. Отсюда можно было видеть военные корабли, бросившие якоря в маленькой бухте. Пронзительные крики чаек вполне соответствовали моему настроению.

Обычно через некоторое время я забывалась, отрезаясь от земных забот, и погружалась в бездумное оцепенение. Но, сколько бы оно ни длилось, наступал момент, когда приходилось возвращаться назад и идти знакомой мрачной дорогой под нависшими деревьями, через серые железные ворота в невеселый дом, заслонявший мне весь белый свет.

Мне хотелось вырваться из заточения, и я подумывала о возвращении в Колтон, о чем деликатно намекнула в письме к мачехе. Я написала, что жду ребенка, что скоро Джеф уедет и мне будет одиноко. В ответе содержались упреки в несвоевременном замужестве и слишком ранней беременности. «Мы, конечно, будем очень рады,

Нэнси, — писала мачеха, — но я не знаю, где тебя разместить. Наш дом — время ведь военное — полон молодыми лейтенантами с военно-воздушной базы. С ними полно хлопот, хоть они довольно милы...» Я сразу же представила себе улыбающуюся мачеху, как она с удовольствием готовит для летчиков своих фирменных дыплат и дотошно входит во все их проблемы. «Джеф тебя ведь не бросил? — спрашивала она. — Его семья, я думаю, будет против твоей поездки. Будущий наследник должен родиться в своем поместье, не так ли?»

Говорить правду было бесполезно. Я заранее знала, что меня не поймут, будут жалеть. Мачеха скажет: «Ты что, не могла удержать мужчину?» По ее представлениям, почерпнутым из романов, женщины должны «удерживать» мужей. Подруги тайно позлорадствуют, прикрываясь деланным сочувствием: «Бедняга Нэнси! Я сразу решила, что она ему не пара. Он ведь такой красавец. Удивительно, как он вообще женился на ней».

Кроме того, в глубине души я надеялась, что он вернется. В самом деле, почему бы и нет? Депрессии бывают у всех, но у него, у неисправимого жизнелюба, это не могло продолжаться долго. В конце концов он одумается и, конечно же, вернется — не сможет не вернуться — к своей жене и ребенку.

Вскоре я впала в сумеречное состояние. Обычная утрения слабость постепенно растянулась на весь день. Отвращение к еде сказалось на моей фигуре: я превратилась в ходячий скелет. Вернее не ходячий, а лежащий, потому что стала проводить дни в нескончаемом чтении, поглощенная переживаниями литературных героев, терпевших бедствия на протяжении всего романа, чтобы в конце обязательно получить счастье в награду. Любое возвращение из мира грез вызывало у меня досаду.

По ночам Джо почти не появлялся. А когда приходил, демонстрировал полное пренебрежение ко мне. Вместе с миссис Кингсли он сидел на кухне и часами разговаривал с ней, как будто между ними могло быть что-то общее. Сквозь закрытую дверь я слышала голоса и смех, часто собиралась нарушить их уединение под благовидным предлогом («мне хочется чашечку кофе...»), но всякий раз гордость удерживала меня.

Однажды вечером мы все, кроме Сьюарда, уехавшего на встречу ветеранов, сидели за ужином. Тони, Эрнестина Вейд, миссис Кингсли, Джеф и я расположились за

одним столом. Миссис Кингсли рассказывала о новых соседях.

— Сброд,— так она их охарактеризовала.— Приехали в надежде получить работу на вновь открывшихся предприятиях. Вот такие, как они, разбойничают потом на дорогах.

Тони возразил:

— Такие непоседы и рискованные люди сделали Калифорнию такой, как она есть. Вспомните золотую лихорадку сороковых годов прошлого века, положившую начало расцвета здешних мест. Думаете, тогда приехали сюда солидные, положительные буржуа?

Но миссис Кингсли уже оседлала своего любимого конька и не собиралась просто так слезать с него.

— Подождите,— не слушая оппонента, прервала она его возражения.— Отложите рассказ об ужасах тех лет до следующего раза,— и заговорила о случае, о котором сообщила вечерняя газета.

В те дни пресса не акцентировала внимание общества на театре военных действий, предпочитая умалчивать о наших временных неудачах, и заполняла страницы дешевыми сенсациями. Миссис Кингсли смаковала подробности зверского преступления, случившегося, как оказалось, совсем рядом с нами. Какой-то маньяк будто бы ограбил и задушил старушку, а ее привлекательную дочь связал и надругался над ней. Этот рассказ так подействовал на мое воображение, что у меня затряслись губы. Джеф засмеялся и сказал:

— Нэнси, если кто-нибудь к тебе вломится, достань револьвер из ящика стола и застрели его.— При этом он сделал вид, что у него в руках револьвер, и наставил воображаемое оружие прямо на меня.

Тони сказал:

— Ты хочешь ее убить, Джеф?

Я видела, как сверкнули глаза мужа. Он ответил с усмешкой:

— Ты сегодня много смеешься, Тони. Смотри, как бы не пришлось скоро заплакать.

Они всегда так. Тони подначивал брата, а тот не понимал его шуток. Но обижаться друг на друга они давно перестали.

За десертом Джеф неожиданно первым поднялся из-за стола.

— Я зайду побриться,— сказал он.— Перед ночным

полетом мне всегда хочется зайти в парикмахерскую. — Его манера носить шляпу походила на детскую шалость: так мал был промежуток между носом и краем головного убора. — Не дожидайся меня, Нэнси. Я не знаю, когда вернусь. Может, придется задержаться.

— Да. Хорошо, — тихо ответила я, уставившись в свою тарелку с шоколадным пудингом. Краем глаза я ловила осуждающий взгляд миссис Кингсли. Не нужно было особо напрягаться, чтобы понять, что именно она думала: «Твой муж не хочет возвращаться к тебе!» Голова моя опустилась еще ниже. Я готова была провалиться сквозь землю.

— Подожди, — остановил Тони повернувшегося выходить Джефа. — Я с тобой.

После ухода мужчин миссис Кингсли стала собирать со стола грязную посуду. Я не помогала, потому что не простила ей обиды и старалась избегать ее.

— Мне нужно идти, — поднялась я, густо покраснев от неловкости.

Эрнестина тоже встала.

— Как только я вымою посуду, я тоже уйду, — сказала миссис Кингсли, обращаясь к нам обеим.

— Куда вы уйдете? — удивилась Эрнестина.

— Меня пригласил один друг. Мы поедем с ним на выходные в Лос-Анджелес. Врач посоветовал мне переменить обстановку.

Мне хотелось спросить, кто пригласил ее: не тот ли широкоплечий моряк, с которым они были в отеле?

— Вы оставите нас на все выходные? — удрученно произнесла Эрнестина.

Миссис Кингсли пренебрежительно усмехнулась:

— Вы уже взрослые люди, я вам не нянька и не могу сидеть на одном месте как привязанная. Ничего с вами не случится.

— Но... — начала было Эрнестина, но я ее перебила:

— Вы совершенно правы, миссис Кингсли. Конечно, ничего с нами не случится.

Целых два дня я буду хозяйничать на кухне! Я ведь еще ни разу ничего не приготовила Джефу! Теперь у меня появится возможность блеснуть кулинарным искусством. Я приготовлю фирменное блюдо мачехи: жареных цыплят! А потом...

— Еда на два дня лежит в холодильнике, — прервала мои мечтания миссис Кингсли.

Когда мы остались одни, я спросила Эрнестину:

— Вы не хотите сыграть партию в шашки?

— Нет,— ответила она.— У меня голова разболелась.

— Хотите, я принесу аспирин?

— Ты очень любезна, Нэнси. Лучше я пойду прилягу.

Мне не оставалось ничего другого, как последовать ее примеру.

Ночью меня разбудили громко хлопнувшие ставни. Я встала и пошла их закрывать. Мельком выглянув в окно, я замерла, любуясь красотой ночного пейзажа. Пока ветер занимался нашими ставнями, он выпустил из виду небо, и оно, вопреки суровому запрету, очистилось от грязных облаков — впервые, наверное, за этот месяц. Полная луна светила ярче самого сильного фонаря. Деревья отбрасывали причудливые тени, пляшущие по земле от порывов сердитого ветра. Золоченные бронзовые часы в гостиной пробили половину двенадцатого.

Вдруг хлопнула наружная дверь, кто-то вошел в дом. Неужели Джеф? Я не поверила. Муж никогда не приходил раньше часа ночи. Может быть, Тони? Но он говорил, что приедет только утром. Нет, скорее это все-таки Джеф вернулся домой раньше обычного. Некоторое время я напрасно ждала звука его шагов, потом накинула халат и, не думая об осторожности, спустилась вниз.

— Джеф? — спросила я, сама удивившись, как слабо и глухо звучит мой голос.

Мне никто не ответил. Вместо ответа послышался неясный шум в столовой. Вдруг мне на память пришли мерзкие подробности ужасного преступления, о котором шла речь за ужином. В этот момент, очевидно, сломанная ветка дерева, подхваченная ветром, с шумом упала на крышу. Я вскрикнула, зажав рот ладонью. У меня задрожали руки. В доме не было ни одного мужчины, только две беззащитные женщины, причем одна из них — беременная, а вторая — сумасшедшая старуха. У меня пересохло во рту. Я едва дышала. Перед моим мысленным взором предстал не знающий жалости вор в черной шляпе по самые глаза, шарящий в поисках добычи руками в черных кожаных перчатках. В столовой он найдет серебро. Удовлетворится ли этой находкой его алчность? Или он будет искать хозяев, чтобы они под пыткой выдали ему

домашние тайники? Я ему ничего не скажу, потому что действительно не знаю, где Джеф хранит свои сбережения. Знает ли это миссис Вейд?..

Тут мне на ум пришел совет Джефа воспользоваться его револьвером. Я вернулась, разыскала оружие, с опаской взяла, подивившись его тяжести и холодному блеску. До сих пор мне ни разу не попадались на глаза вещи подобного рода, я держалась от них подальше. Мне стоило больших усилий не бросить револьвер на пол, как ядовитую змею. Я взяла его обеими руками и, еще сильнее задрожав, пошла вперед.

За время, пока я готовилась к отпору, вор не оставил своих поисков. Он почему-то совсем не опасался разбудить обитателей дома, с шумом выдвигал и задвигал ящики столов, громко топал, даже разбил что-то стеклянное. Стакан? Или лампу? Я шла на звук, стараясь ступать осторожно, чтобы застать его врасплох.

Но тут вор стал ругаться, и у меня подкосились ноги. Это был знакомый голос, произносивший знакомые слова! Это был голос Джефа! Вне всякого сомнения! Я подошла к выключателю и зажгла свет. Джеф тут же появился в дверях столовой, немного покачиваясь и держа в руке бутылку виски.

— Почему ты не спишь? — произнес он недовольно. — Иди к себе и ложись в постель!

— Почему ты дома? Разве у тебя сегодня нет полета?

— Все правильно, я сейчас в полете! — сказал он и засмеялся удивленному выражению моего лица. — Вместе с Симмоном. Я ему разрешил поуправлять сегодня самолетом и даже выходить в пике столько раз, сколько его душа пожелает. Кроме меня, больше никто ему этого не позволяет.

Я знала о Симмоне — Джеф мне рассказывал про этого фанатично преданного самолетам механика. Его страшно тянуло летать, и он не упускал ни единой возможности. При этом всегда кланчил у пилотов, чтобы они ему дали вывести самолет из пике — очень опасного виража, применявшегося только в самом начале войны для особо точного бомбометания.

— Думаешь, никто не узнает? Тебе не попадет за это?

Джеф пожал плечами и отпил глоток прямо из горлышка.

— Плевать. Мне нужно было забрать отсюда свой

бумажник — он похлопал себя по карману. — Вот он. Больше меня ничего здесь не держит. Пока, Нэнси. Я пошел.

— Джеф? Подожди! — взмолилась я. — Куда ты идешь?

Я почувствовала что-то неладное.

— Какая тебе разница? — обернулся он из дверей.

Все свое равнодушие, все сдерживаемое, накопленное и невысказанное пренебрежение прозвучало в этом вопросе.

«Какая тебе разница?» — как горько это слышать!

— Я твоя жена, — тихо сказала я, опустив голову.

Джеф улыбнулся, потом резко расхохотался.

— О господи! Жена! Забудь это слово, ладно? Я женился на тебе случайно, понимаешь? Когда был немного не в себе, ясно тебе это или нет?

Его слова били наотмашь, пронзали насквозь, лишали последней надежды.

— Я устал от твоей постной физиономии. Я нашел другую, которая повеселей. С ней у нас не будет ни детей, ни семьи. Я холостяк по натуре, неужели непонятно? — он опять припал губами к бутылке.

— Но Джеф... — бессильно опустила я руки.

— «Но Джеф», — передразнил он противным голосом. Это было так непохоже на него! Его ли это голос, его ли это манеры, способен ли он на такой чудовищный поступок? Да вообще, он ли это? Или вместо него пришел демон, принявший облик дорогого мне человека, чтобы испоганить душу?

— Давно собирался тебе сказать, все удобного случая не было... Так вот: уезжай отсюда. Хватит. Кончено. Это не должно было даже начинаться. Билет я тебе куплю, собирайся прямо сейчас. От ребенка я отказываюсь.

— Джеф!.. — почти закричала я. — Не говори так!

— Уже сказал, — усмехнулся он, опять прикладываясь к бутылке.

— Я... Вспомни, Джеф!.. Помнишь, когда мы поженились... Мы гуляли, да?.. Ведь ты любил меня, правда?!

— Что из того? Зачем ты, глупая, вышла за меня замуж?

— А зачем ты сам на мне женился?

— Ошибся.

— Нет! — крикнула я еще громче. — Не говори так! Почему ты не хочешь попробовать все наладить?

— Я пробовал. Мне не понравилось.

— А что тебе нравится? — закипела я от возмущения. — Пьянствовать? Развлекаться с девочками в «Голубой лагуне»?

— Что? Кто это тебе наплел про меня?

— Какая разница! Разве я не права?

— Заткнись! Это не твоего ума дело!

— Нет, моего! — я уже кричала изо всех сил.

Он подскочил и отвесил мне мощную пощечину, от которой зазвенело в ушах.

Мое возмущение перешло в бешенство. Я замахнулась, чтобы ударить его, но он схватил меня за руки и не выпускал.

— Ты... Ты... — задыхалась я, стараясь высвободиться. В одной руке я все еще сжимала пистолет. До сих пор не могу понять, как это произошло. Много раз — и в снах, и в воображении — переживала я заново наше столкновение, но ни разу так и не смогла ясно зафиксировать страшный момент нажатия курка. Как это у меня получилось? Не знаю. Но тем не менее грянул выстрел и Джеф упал. Не в силах вымолвить слово или двинуться с места, я закрыла глаза и осталась стоять в неподвижности. Мне хотелось умереть и навсегда исчезнуть из памяти людской. Я проклинала тот день и час, когда родилась. Зачем я дожилась до этого позора?

Когда, через какое-то время, я открыла все-таки глаза, Джеф лежал лицом вниз. Вокруг витал слабый запах пороха и виски.

— Джеф... — прошептала я и шагнула к нему по осколкам разбитой бутылки. — Джеф!..

Меня охватила страшная слабость и едва не вырвало. Но тут потянуло холодом. Оказалось, что это вошел Тони.

Несколько непередаваемых минут мы молча смотрели друг на друга.

— Что. — начал он, но потом повернулся хлопнуть дверь. — Что случилось?

Оружие выпало из моих ослабевших пальцев.

— Я его... — спазм мешал мне говорить, колени задрожали сильнее

Тони нагнулся и перевернул тело на спину. Пуля обезобразила лицо убитого.

— Идем на кухню,— сказал Тони и повел меня за руку. Я не сопротивлялась.

На кухне он зажег свет и дал мне полный стакан бренди.

— Это встряхнет тебя. Пей. Потом расскажешь.

Он сел напротив, налил себе во второй стакан и стал ждать. Но у меня не было сил ни на что.

— Пей, пей. До дна... Вот так. А теперь скажи, что случилось.

— Я застрелила Джефа... Я думала, это грабитель, и взяла пистолет... Меня разбудил шум, понимаешь? — язык стал наконец повиноваться мне.— Он сказал, что я ему не нужна, что он нашел кого-то получше. У меня, по его мнению, постная физиономия. Он ударил меня. А потом... Пистолет выстрелил!

У Тони отвисла челюсть от изумления.

— Чего-чего? — прервал он меня.— Джеф погиб в авиационной катастрофе час назад! Именно поэтому я и приехал сюда. Сообщить. Его самолет упал в море и затонул. Он вошел в крутое пике, но не смог выйти из него вовремя. Спасатели не успели... Вот что произошло!

— Симмон...

— Да, Симмон был, говорят, вместе с ним.

— Джеф, по его словам, разрешил Симмону полетать вместо себя.

— А! Черт возьми, не может быть!.. То-то я смо-
трю — машина Джефа у ворот...

— Но он все равно мертв...— я посмотрела на свои руки, на обручальное кольцо. Теперь мне нужно будет вдовье украшение.

— Нэнси...— он видимо пытался собраться с мыслями.— Наверное, нужно вызвать полицию.

— Да,— отозвалась я устало.— Конечно.

Тони встал и направился к телефону.

Через минуту я услышала, как он говорит в трубку:

— Приезжайте. Произошло несчастье.

Несчастье! Я убила Джефа! Нечаянно. Я выстрелила в него, и он умер.

— Сейчас придут,— сказал вернувшийся Тони.

Ветер за окном усилился. Теперь он выл в трубе и трепал ставни. Они хлопали, как выстрелы. Как выстрел. Мой.

— Твоя мама ничего не знает,— сказала я.— У нее болела голова, и она приняла аспирин. Узнает потом, когда проснется. Я...

— Ей-то что... Она никогда особенно... не пеклась о Джефе.

— Но он же ее сын.

Да, сын. Вернее, был сыном. Надо привыкать говорить о Джефе в прошедшем времени, привыкать, что его больше нет. Не верится как-то. Непривычно. Мне вспомнился день, когда я впервые его увидела, красивого, стройного, подтянутого, с жизнерадостной улыбкой... И вот его не стало. Слезы навернулись мне на глаза.

— Нэнси, когда приедет полиция, ты молчи. Скажи только, что без адвоката не будешь давать показания, и больше не говори ни слова, хорошо?

— Тони, я убила его. Зачем это скрывать? Понимаешь — я у-би-ла Дже-фа!!!

— Это — всего лишь несчастный случай, так? Револьвер выстрелил сам.

— Да, конечно... Но... Тони, как тебе сказать... Он наговорил мне такого, что я действительно была готова его убить...

— Ты уверена?

— Я... Я... Трудно сказать. Он такого наговорил! Сказал, чтобы я собирала вещи... Он был пьян!

— Ладно, давай не будем об этом. Только не перебивай меня, когда я начну говорить с полицией, не лезь вперед, договорились?

Я кивнула. Мы помолчали. Начался дождь. С шумом включился холодильник. Ставни стали хлопали еще сильнее, теперь они били не по нервам, а по ушам.

— Я не могу, пойду закрою ставни,— сказала я.

Тони согласился. Ему этот стук тоже не нравился. Он вдруг поднялся, снял с вешалки старый плащ, слишком ему короткий.

— Пойду загоню в гараж «бьюик». Что ему мокнуть под дождем? — пробормотал он.

Оставшись одна, я испугалась. При каждом новом порыве ветра мне чудилось, что дом кряхтит от натуги, готовый вот-вот разрушиться. Я старалась не думать о лежащем рядом человеке с пустыми незрячими глазами. Чтобы отвлечься, я стала пересчитывать утят на узоре скатерти.

Тони долго не было.

Минуты тянулись невыносимо медленно. В конце концов я решила идти под дождь искать Тони. Лучше промокнуть и замерзнуть, чем сойти с ума в тепле. Но только я встала на ноги, как он вернулся, мокрый с головы до ног.

— Там нужна лестница,— невнятно пробормотал он.— Иначе не добраться.— И стал снимать плащ.

Но тут зазвенел звонок.

— Сиди здесь,— Тони снова стал одеваться.— Это, наверное, полиция. Я сам открою.

— Нет,— сказала я.— Я тоже пойду.

И мы пошли вдвоем.

На месте преступления свет все еще горел, хрустели под ногами осколки разбитой бутылки. Но тела не было! Так же как и пистолета!

Они исчезли без всякого следа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Голова у меня закружилась, ноги подкосились, и я упала бы, если бы Тони вовремя не поддержал меня. Глаза мои сами собой закрылись.

Как будто издалека донесся мужской голос, утешающий и подбадривающий. Кто-то стал энергично трясти меня за плечи.

— Ради бога, не падай в обморок! — попросил голос. — Я должен впустить полицию, а то они черт знает что подумают.

— Хорошо, — ответила я, лишь бы от меня отвязались. Мне хотелось лечь на пол, закрыть глаза, заткнуть уши и ни о чем не думать.

Меня посадили в кресло. Скоро я услышала шум открываемой двери и звук шагов нескольких человек. Потом послышался низкий, хриплый мужской голос:

— Мы получили вызов.

Я открыла глаза. Передо мной стояли два полицейских. Говорил, по-видимому, старший по званию: пожилой человек, коротко стриженный, с русыми волосами, слегка тронутыми сединой.

— Это вы звонили? Лейтенант Вейд, если не ошибаюсь?

— Да, — ответил Тони. — А это миссис Вейд, жена моего брата, Джеффри Вейда, недавно застреленного здесь при странных обстоятельствах.

Глаза у полицейского были колющие, подозрительные, какого-то неопределенного, почти белого цвета. Взгляд его вызывал озноб.

— Разрешите представиться: капитан Кэлдвел из отдела убийств. А это лейтенант Парсон.

Полицейский помоложе стоял, широко расставив ноги, держа руки в карманах, не сняв фуражки. Его лицо ничего не выражало, кроме угрюмого недоверия ко всему на свете.

— Где труп? — спросил капитан Кэлдвел.

Тони в затруднении наморщил нос.

— Понимаете...

— Я спросил, где убитый? Покажите мне тело.

— Э-э-э... Видите ли...

— В чем дело?

Полицейские устали в недоумении на Тони.

— Дело в том, что тело исчезло...

— Что? — спросил озадаченный страж порядка. — Надеюсь, вы тут нам не шутки шутите?

— Э-э-э... Видите ли, я сам в затруднении. Час назад тело моего брата лежало вот здесь, на ковре. Дело было так: его жена очень испугалась ночного шума и решила, что в дом забрался грабитель. Она взяла из ящика револьвер, о котором как раз накануне говорил Джеф, и пришла сюда. Они поссорились, револьвер произвольно выстрелил...

— Где это произошло?

— Здесь.

— Вы не трогали тело?

— Нет.

Молодой полицейский, снисходительно кивавший в продолжение сбивчивого рассказа, под конец криво усмехнулся. Его глаза-щелки успели рассмотреть предполагаемое место преступления до мельчайших подробностей.

— А где кровь? — произнес он свои первые в течение разговора слова.

— Она была, честное слово, — сказала я. — У него... на лице... — слезы душили меня, я не смогла закончить фразы.

— Где хотя бы следы крови? — упорствовал настырный молодой человек. — Здесь сухо.

— Что вы на это скажете? — поддержал своего подчиненного капитан.

— Не знаю, — потерянно пожал плечами Тони. — Брат лежал здесь, — клянусь чем хотите. Потом мы пошли на кухню и оставили его одного.

— Вы не выходили из дома?

— Нет.

Я вспомнила, что он все-таки выходил, но не придала этому значения. Так ли это важно?

— Откуда на полу битое стекло? Похоже, кто-то разбил бутылку?

— Да, — сказала я. — Это Джеф... пил из бутылки, когда мы... Когда... — рыдания опять прервали меня.

— Когда вы застрелили его?

— Я...

На этот раз Тони не дал мне договорить.

— Нэнси! Помолчи! — резко приказал он, а потом повернулся к капитану Кэлдвелу. — Понимаете, они поссорились, он стал вырывать у нее револьвер, произошел случайный выстрел.

— И он упал прямо здесь, на ковер?

— Да.

— Хорошо, а где же оружие?

На мгновение повисла тягостная пауза.

— Оно тоже исчезло, — выдавил из себя наконец Тони.

Опять воцарилась тишина. Полицейские обменивались взглядами и едва заметными жестами, понимая, видимо, друг друга без слов. Капитан чуть слышно потянул носом воздух.

— Вы сегодня употребляли алкоголь? — с небольшой долей иронии осведомился он.

— Нет... — запальчиво начал было Тони, но потом густо покраснел. — То есть... да... Но уже после того, как пошли на кухню! Понимаете, нам надо было прийти в себя. Нас трясло. Без стакана бренди мы не могли даже разговаривать!

— Стакан бренди?! Вы уверены, что больше ничего не пили?

Тони покраснел еще больше.

— Послушайте, бросьте ваши штучки! Мы не были пьяны, это точно! Зачем нам обманывать? Говорят вам, что брат лежал здесь мертвым час назад! Брат! Лежал! Здесь! Мертвый! Час! Тому! Назад! Вам ясно?!!

— Хорошо, — капитан опять шмыгнул носом. — Не волнуйтесь. Разберемся. Будем думать. Кстати, у вас нет каких-нибудь предположений?

Тони отрицательно помотал головой.

— Может быть, ваш брат был ранен, а не убит? Тогда он мог встать или уползти куда-нибудь.

— Нет. Я совершенно ясно видел, что он мертв.

Кэлдвел повернулся к своему молчаливому спутнику.

— Парсон, посмотрите вокруг на всякий случай.

Парсон, не говоря ни слова, вышел под проливной дождь. Кэлдвел достал из кармана пачку сигарет и протянул Тони.

— Спасибо, не хочу, — отказался Тони.

— Давайте спокойно все обсудим,— ровным голосом предложил капитан полиции.

— Пойдемте в кабинет,— сухо сказал Тони.

Он помог мне взобраться по лестнице. Я едва переставляла ноги. Меня трясло, все плыло перед глазами. В кабинете стоял стол, за которым иногда Эрнестина и Сьюард играли в шашки, и два дивана, не считая нескольких стульев. Мужчины сели друг напротив друга.

— Есть ли еще кто-нибудь в доме? — начал капитан.

— Только моя мама,— ответил Тони.— Она спит.

— Ее не разбудил выстрел?

— Она спит в дальней комнате.

— На первом этаже? — уточнил полицейский и закурил.

— Да.

— И она ничего не слышала? — повторил он вопрос.— Думаете, в это легко поверить?

— Она спала, я же вам сказал. Это, по-моему, естественно!

В этот момент на пороге появился Парсон, отряхивавшийся после дождя, как мокрый пес.

— Один мужчина выходил из дома,— отрапортовал он старшему.

— Что именно ты усмотрел?

— Ни черта! — проворчал Парсон.— Без лодки здесь никуда не добраться,— добавил он и тоже зажег сигарету.

— Ну ладно, давайте вернемся к самому началу.

— Подождите! — прервал его Тони.— Миссис Вейд хочет...

— Пусть она сама скажет, если хочет,— парировал Кэлдвел.— Или ей нужен переводчик?

— Разве вы не видите, в каком она состоянии? Говорить буду я!

— Если мы захотим вас слушать, не так ли?

— Знаете что?! — возмутился Тони, собираясь вскочить с дивана.

— Не надо, Тони,— сказала я, положив ему руку на колено.— Капитан прав. Я... Я уже чувствую себя лучше.

— Прекрасно, миссис Вейд,— сказал Кэлдвел и скорчил гримасу, которая, наверное, означала у него улыбку.

Я попыталась как могла связно рассказать обо всем случившемся, начиная со своего ночного пробуждения

и до приезда Тони. Трудно было не отвлекаться, не пойти на поводу скачущих мыслей. Капитан не торопил меня, не задавал много вопросов, иногда переживал, пока я успокоюсь.

— По какой причине вы стали... драться? — спросил он и внимательно посмотрел на меня, как будто искал следы пощечины Джефа.

Не могла ж я ему все рассказать! Как признаться, что тебя выгонял из дома собственный муж? Сказать такое труднее, чем даже выстрелить из пистолета!

— Это семейное дело, — пролепетала я.

Парсон резко выпрямился и положил ногу на ногу. Мне показалось, что он хочет что-то сказать, но полицейский молчал, щурясь на меня сквозь сигаретный дым.

— Так, — повернулся капитан к Тони. — Теперь ваша очередь. Что вы можете добавить?

Тони рассказал, что был на военно-воздушной базе вместе с братом, потом зашел к друзьям поболтать, но тут его настигла трагическая весть об аварии самолета, в котором его брат совершал учебно-тренировочный полет.

— Никто не знал, что на самом деле вместо летчика самолетом управляет механик Симмон, — покачал он головой и продолжал рассказ о своей поездке в дом, в котором обнаружил тело уже оплаканного им брата.

— Значит, убитый каким-то образом исчез... — задумчиво проговорил капитан Кэлдвел уже без прежнего скепсиса.

Внезапно раздался какой-то шум в дверях. Мы все обернулись и увидели Эрнестину Вейд в ночной рубашке.

— О, я и не знала, что у нас гости, — жеманно произнесла она. — Тони, кто эти люди?

Тони вскочил и подбежал к матери.

— Это так... Это друзья, мама. Почему ты не спишь? Иди, ложись, прошу тебя! Уже поздно

— Ну как же я оставлю гостей? — спросила она полусонно.

— Не беспокойся, мама. — Тони легонько подталкивал ее вон из комнаты.

— Одну минутку, — произнес вдруг капитан Кэлдвел.

— Оставьте, прошу вас, — приглушенно сказал Тони. — Вы же видите, мама спала. Незачем сейчас беспокоить ее.

— Позвольте мне решать, — огрызнулся полицейский.

— Что он хочет решать? — поинтересовалась старая

леди, побледнев вдруг как полотно и осматривая всех нас поочередно. — Что он хочет здесь решать, Тони? Что случилось? Я хочу знать!

— Вы крепко спали, миссис Вейд?

— О да. Я даже теперь не могу проснуться как следует, — заговорила она по-детски капризным голосом. — Нэнси дала мне две таблетки аспирина. Я чувствую себя совершенно разбитой от этих пилюль.

— Я тебе принесу воды, мама. Хорошо? А сейчас пойдем.

И они ушли. На этот раз представители закона не стали вмешиваться. Они сидели и молчали до возвращения Тони.

Капитан отметил его возвращение сногсшибательным вопросом:

— Убей меня бог, не пойму, зачем мы вам понадобились? Ну, спрятали тело, так и радовались бы, что ушли от наказания! А то ведь мы можем найти труп, и тогда вам не поздоровится!

— Обыщите хоть все Соединенные Штаты! Я не прятал труп, чтоб вы провалились!

— Послушай, малый! — Бесцветные, какие-то водянистые глаза капитана вдруг превратились в горячие уголья — Не возникай сильно, понял? Ты сам нас вызвал, теперь терпи, понял? Мы к тебе не напрашивались, а вот ты можешь наприситься, понял?

— А вы не держите меня за болвана или пьяного, договорились?

— Где тут телефон? — меняя тон, спокойно спросил Кэлдвел.

Тони молча показал в сторону прихожей.

— Как позвонить на военно-воздушную базу?

Тони молча написал на листке ряд цифр и подал капитану.

Мы не последовали за Кэлдвелом, но могли слышать каждое его слово, сказанное в телефонном разговоре с базой. После представлений и объяснений он задал вопрос:

— Меня интересует вот что: летал ли сегодня ночью некий Джеффри Вейд?

Потом после паузы...

— Вы уверены? Ошибки быть не может? Ага. Спасибо.

Тут же полицейский возник в дверях.

— Так вот. Два с половиной часа назад самолет, ведомый вашим братом, упал в океан. С ним в кабине действительно находился механик Симмон. Но! Совершенно точно утверждается, что в самолете находятся останки двух людей, а не одного.

— Какая чепуха! — возмутился Тони. — Посмотрите хоть на его машину! Она стоит у ворот. Кто бы мог без самого хозяина приехать в его дом на его машине?

— В чем вы хотите меня убедить? В том, что ваш брат дважды погиб и дважды исчез? Зачем мне его машина? Мне нужен он сам! А не его машина!

Тони раскрыл рот, чтобы возразить, но не нашел слов и понуро опустил голову.

Капитан Кэлдвел встал со стула. Его спутник надел шляпу.

— Лейтенант! — начал Кэлдвел. — Я не знаю, зачем вы это все затеяли. Может, когда вы проспите...

— Сколько раз вам повторять, что я не пьян! — яростно закричал Тони, вскочив со стула, тяжело дыша, сжимая и разжимая кулаки.

Я боялась, как бы он не потерял контроль над собой и не наделал глупостей.

— Мне наплевать, пьян ты или нет. По закону, пока не найдено тело, мы не можем начинать расследование, понял, сопляк? *Corpus delicti* называется, по-латыни. Понял? Так-то.

Тони молчал.

— Из всех фактов у меня складывается такая версия: миссис Вейд — или вы оба — крепко выпили. Миссис Вейд стала буянить, разбила бутылку. Вы были не в силах ее утихомирить и сказали, что вызовете сейчас полицию...

В следующее мгновение Тони двинулся на полицейского с кулаками...

— Тони! — закричала я.

Он зацепился ногой за ножку стула и с грохотом упал на пол. Полицейский не сдвинулся с места ни на дюйм.

— Иди сюда, мальчик, — с издевкой процедил он. — Попробуй, ударь дядю. Тогда я упеку тебя за оскорбление властей. А то что получается? Зря я сюда ехал, что ли? Хоть что-то полезное сделаю.

— Тони! — кричала я. — Пожалуйста, не надо, Тони!

— Вали отсюда, дядя, — тихо произнес Тони, взяв себя в руки, — пока я тебя самого не упек за оскорбление.

После их ухода Тони метался по дому, как молодой тигр

в клетке. Он не говорил мне ни слова. Я сидела, чувствуя себя слабой и беззащитной. Мне хотелось проснуться и чтобы все вернулось назад. Но это было невозможно. Передо мной, как символ реальности, стояли расставленные на столе шашки, отбрасывавшие от лунного света слабые тени.

— Тони!.. Как ты думаешь?.. Тони... Может, мы спим?..

— Я не знаю, что я думаю! Я знаю, что я вижу!

Внезапно острая боль пронзила меня. Потом отпустила, и снова приступ повторился. Это ребенок — поняла я. Как бы не было выкидыша! Боже мой, малыш, твоя мама убила твоего отца! Зачем тебе такая мама? Зачем тебе рождаться? Ужасная мысль закралась мне в душу.

Но потом я преодолела минутную слабость. Мне хотелось ребенка, несмотря ни на что. Я выдержу, вот увидишь, мой малыш! Диван слегка скрипнул, когда я с головой укрывалась пледом. Пот щипал мне глаза, его холодные струйки сбегали по спине. Из груди вырывались стоны, как у дикого зверя, попавшего в ловушку. Я громко кричала:

— Тони, Тони! Позови доктора! Доктора! Доктора Дэвиса!

И больше уже ничего не помню.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Позднее Тони рассказал мне, что доктор Дэвис не смог из-за урагана вовремя прибыть к нам. Но выкидыша тем не менее у меня не случилось. Когда доктор все-таки на следующее утро добрался до нас, у него от удивления поднялись вверх брови.

— Вы сами не знаете, насколько крепкое у вас здоровье, — сдерживая дыхание, проговорил он.

— Знаю, — ответила я.

Мне было совершенно очевидно, что я не выдержала бы страшного ночного испытания, если бы не поддержка другого существа. еще только приобретающего человеческого облик. Это существо — мой будущий ребенок. Без его желания жить на свете, которое я ясно чувствовала, мне бы не вынести ночных треволнений. Он уже участвовал в моей жизни, а я даже не знала, мальчик во мне или девочка. Пока он просто ребенок. Мой и Джефа. Тут я застонала и заметалась на своем ложе. Еще предстояло научиться спокойно вспоминать жестокие слова мужа: «Видеть его не желаю!» Ну что ж, как Джеф захотел, так и вышло. Он теперь никогда не увидит собственного ребенка. Эта мысль поразила меня. Я откинула одеяло, как будто собираясь куда-то срочно уйти. На самом деле мне просто хотелось убежать от собственных мыслей. Едва я встала на ноги, как пол зашатался, закружился и опрокинул меня назад, на мягкую постель. Попытка вернуться к чтению не удалась. Поверх страниц любимых книг возникал образ пьяного и нечеловечески жестокого Джефа. Этот образ стоял перед глазами, временами полностью заслоняя собой сюжет и фабулу, совершенно не давал сосредоточиться на тревогах выдуманной персонажей. Навязчивые воспоминания заполняли меня всю без остатка, в мозгу постоянно мельтешил один и тот же вопрос: куда девалось его тело? Сомнения стали одолевать меня: уж не повредила ли я в рассудке?

Сон приходил только после лекарств, выписанных врачом.

Тони так и не обнаружил ни малейшего следа Джефа.

— Единственное правдоподобное, по-моему, объяснение, — рассуждал он впоследствии, — состоит в том, что, во-первых, Джеф был не убит, а только ранен. А во-вторых, выйдя в бессознательном состоянии на улицу в такую погоду, упал в воду, захлебнулся и был снесен в океан. Иначе он оставил бы хоть какой-нибудь след.

Когда я увидела своего деверя в первый раз после той страшной ночи, он выглядел как лунатик, мучимый бессонницей в течение по крайней мере нескольких недель. Его тоже терзали неразрешимые вопросы.

— Как ты думаешь, Тони, мы могли не услышать, что дверь открывается? Может быть, Джеф действительно вышел, когда мы сидели на кухне?

— Может быть. Шум ветра вполне мог заглушить скрип двери.

— Но зачем он тогда взял оружие?

— Откуда я знаю? Он был не в себе! Он, наверное... А-а-а, к черту! Не хочу больше об этом думать! Я схожу с ума! Не могу больше! Знаешь, давай прекратим это. Предлагаю довериться профессиональному чутью полиции. Тебе известно мнение капитана Кэлдвела.

— А что думает семья? Эрнестина, Сьюард...

— Они считают, что Джеф погиб в катастрофе. Подумай, стоит ли их переубеждать? Давай остановимся на этом и не будем больше тратить время и нервы.

— Как его мама?..

— Поплакала немного. Как всегда, когда она чего-то не понимает. Единственным человеком, кто принял смерть брата близко к сердцу, оказалась миссис Кингсли! Никогда бы не подумал! С ней даже случилась истерика — по-моему, впервые в жизни. Доктор давал ей успокоительное.

Миссис Кингсли пришла ко мне утром на второй день и принесла завтрак на подносе. Вид у нее был ужасный. Она оказалась обыкновенной женщиной, прятавшей доселе свое естество под мужеподобной маской. Лицо ее пожелтело, под глазами появились чернильные круги, волосы цвета воронова крыла посеребрились на висках.

— По-моему, вам нужно отдохнуть, — сказала я.

— Нет, от этого только хуже, — ответила она. — Наоборот, за работой отдыхаешь от тяжелых мыслей. —

Поставив поднос на столик, она продолжала: — Конечно, неловко и говорить... — Глаза у нее наполнились слезами, голос прервался. — Он был такой молодой... Я чувствовала, что с ним может случиться несчастье, но все равно, это произошло так неожиданно... Я любила его...

Мне стало не по себе. Я опустила глаза. На подносе лежал завтрак: кофе, хлеб, мармелад и вареные яйца. Мне хотелось есть, но неудобно было начинать жевать перед лицом скорби пожилой женщины. А она продолжала свой взволнованный монолог:

— Он с детства был красавцем. Еще мальчиком кружил головы соседским девчонкам. Красивый, сильный, уверенный, он пускал в ход кулаки там, где любой бы на его месте поостерегся. Эрнестина говорила, что он — дикий. Дикий? Нет! Полный жизни, говорю я! Настоящий мужчина, всегда знающий, чего он хочет, и всегда достигающий своей цели! Мы понимали друг друга! — Миссис Кингсли пристально посмотрела на меня так, что я покраснела. — Да... А теперь вы — вдова. — В ее голосе прозвучала нотка сочувствия.

— Миссис Кингсли... Я тоже очень страдаю...

Только одна она могла отдаленно представить себе мое состояние.

— Сейчас вы должны думать о ребенке, — сказала миссис Кингсли, предварительно утерев глаза и высморкавшись. — Ешьте за двоих!

Мне стало неудобно. Я не поверила в ее искренность. Неужели она может так резко менять свое отношение к человеку?

— Ваш будущий ребенок — это все, что осталось на земле от Джефа, — добавила она, уловив, видимо, мои сомнения и желая их рассеять или уверить саму себя в искренности последних слов. — Ведь это ребенок Джефа, правда?

— Правда...

— Я тоже так думаю. Такие, как вы, не глупят на стороне.

Это прозвучало как намек на мою внешность, а вовсе не как похвала моей добродетели, но я не стала обижаться.

— Я должна сейчас уйти. Без меня они не смогут позавтракать. Потом вернусь забрать посуду. Ешьте. Ешьте за двоих.

В эту ночь меня впервые посетил кошмар, оставшийся затем со мной на долгие годы. Он неотвратно повторялся в мельчайших подробностях, и не было спасения от него. Каждую ночь Джеф как будто бы сидел в ресторане с блондинкой на коленях. Каждый раз я подходила к нему и говорила: «Идем домой». Он целовал девку и отвечал: «Иди. Я тебя не держу. Я тебя ненавижу. Оставь меня в покое». Тогда я наставляла на него пистолет и стреляла. Блондинка с диким визгом убегала, а убитый Джеф сидел в прежнем положении. Стараясь скрыть следы преступления, я с нечеловеческой силой, возможной только во сне, с корнями выдергивала из кадки стоявшую рядом небольшую пальму и клала вместо нее мертвого Джефа, поставив затем пальму на место, чтобы сверху прикрыть тело. Закончив работу, я оглядывалась и замечала, что посетители ресторана — толпа людей с неразличимыми лицами — стоят и смотрят на меня. В этот момент блондинка выходит вперед и говорит: «Убийца! Мы все видели!» «Нет-нет! — кричу я. — У вас нет тела. По-латыни это называется *corpus delicti*! Вы не можете привлечь меня к ответственности!» Но толпа угрожающе надвигается на меня. В руках у каждого из них — огромный кухонный нож. Вот они уже близко! Я чувствую их дыхание, уколы ножей, но... Тут я просыпаюсь и слушаю бешеный стук сердца, утираю пот со лба, оправляю постель и ночную сорочку, думая про себя: «Да, Джеф! Это не несчастный случай. Я убила тебя. Эх, Джеф, Джеф...» Через какое-то время мне обычно удавалось заснуть, но лишь для того, чтобы увидеть кошмар еще раз и проснуться от собственного крика. И так каждую ночь.

Итак, я овдовела. Меня больше ничего не удерживало в доме Вэйдов. Так я и написала мачехе. «Дорогая моя, — писала она в ответ, — мы с отцом, конечно, были бы очень рады твоему возвращению, но понимаешь, это означало бы выселение одного из наших офицериков! Но мы ведь не можем пойти наперекор своему патристическому долгу, ты согласна?» Патристизм мачехи был замешан на крутом эгоизме — это я понимала, изучив ее достаточно хорошо. Она хотела быть в центре внимания, причем ни с кем его не делить. Путь домой мне был закрыт. Из гордости я не могла явиться без пригла-

шения. Отец бы принял меня и так, но он не играет первых ролей в доме, во всем подчиняясь жене.

И потянулась пустая, однообразная жизнь. Никто в доме Вейдов даже не пытался хоть чем-нибудь скрасить мое существование. По-человечески можно было поговорить только с миссис Кингсли, да и то лишь на кухне, во время приготовления еды. Я вызвалась помочь ей после того разговора, и она не отвергла моей помощи. Но антипатию к ней мне не удалось преодолеть. Она постоянно наблюдала за мной со странным, непонятным выражением лица. Это тяготило меня.

Эрнестина тоже не добавляла мне спокойствия. Она ходила за мной как привязанная и надоедала вечными заботами и мечтаниями о будущем младенце. «Как ты его назовешь»? — постоянно вопрошала она. Или: «Наверное, будет девочка, как ты думаешь?» И так каждый день. Когда же я что-нибудь начинала делать — помогать Сьюарду в саду, например, — она запрещала мне работать, чтобы не навредить ребенку. Она постоянно искала моего общества, а мне тяжело было ее видеть: я ведь стреляла в ее сына!

Тони избегал меня. Я не сразу поняла это — он редко бывал дома. Но потом я заметила, что он всегда, когда приезжает, старается не выходить из своей комнаты. А если мы случайно встречались, отделивался несколькими пустыми замечаниями и скорей спешил прочь от меня. Он, конечно, не хотел оставаться со мной наедине, чтобы не обсуждать событий той ночи, в которую я застрелила Джефа. Только однажды Тони завел разговор.

— Нэнси, скажи, пожалуйста, он не вырывал у тебя из рук револьвер?

— О Тони! Ты знаешь, все произошло так быстро, что я просто не успела сообразить, что к чему. Не успела заметить ничего. Не запомнила.

Он с сомнением посмотрел на меня. «Уж не подозревает ли он меня во лжи?» — подумала я. Мне не удалось выведать у него сокровенные мысли. Он перевел разговор на другое и больше не возвращался к щекотливой теме.

Декабрь выдался ясным и солнечным. Иногда я просыпалась от озорных солнечных зайчиков, гулявших по моему лицу. В саду неожиданно появились птицы. Некоторых, например снегирей, я узнала, но были и совсем

незнакомые, маленькие такие, серые, с желтыми крыльями и белыми головками. Погостив пару дней, они улетали дальше, в теплые края. Наш сад служил им временным убежищем по пути из родных мест.

Благодаря заботам Тони у нас выросли нарциссы. «Китайские лилии» — называл из Сьюард. В том году была очень популярна песня «Белая метель». Вся страна распевала ее, помня, наверное, что тысячи соотечественников судьба забросила в жаркие страны, в края вечного лета.

Мне было неуютно. Я находилась в постоянном напряженном ожидании. Чудилось мне, что скоро случится что-то ужасное.

Рождество прошло почти не замеченным. Сьюард срубил небольшую елочку, остальные нарядили ее и положили под нижние ветки несколько подарков друг для друга. Но никто, кроме Эрнестины, не вложил души в подготовку праздника. Он прошел вяло, неинтересно, едва нарушив повседневный ритм. Тони слонялся без дела, с минуты на минуту ожидая вызова на новое место службы, на какой-то крейсер. Он походил на памятник унынию, отвечал только на прямые вопросы и только на одной ноте, не повышая и не понижая голоса; демонстрировал внимание и предупредительность только по отношению к своей матери, совершенно не замечая остальных. Поэтому я была удивлена, когда однажды в саду он остановился около меня, занятой чтением нового романа. С минуту мы смотрели друг на друга.

— Ты чего, Тони? — спросила я, прервав молчание. — Что-нибудь случилось?

— Его нашли, — без всякого предисловия сказал он. — Вчера.

Я, конечно, сразу поняла, о ком идет речь. Измученная, я почти радовалась, что смерть Джефа не привиделась мне.

— Его тело нашли на пляже на Сильвер-Стренд.

— Да?.. Тогда... можно будет узнать... как он умер...

Я представила себе, как Кэлдвел и Парсон стоят, расставив ноги, над телом Джефа и рассматривают след от пули на его лице. От пули, которую я послала в него. И когда они убедятся в правдивости наших свидетельских показаний, тогда они придут и арестуют меня. И я отдохну от изматывающего душу ожидания, от сомнений в своем психическом здоровье, от, может быть, ночных кошмаров.

— Ничего узнать не удалось, — вывел меня из задумчи-

вости голос Тони. — Он слишком долго пробыл в воде. Рыбы объели ему лицо, так что опознали его только по кошельку в кармане.

— Но, может быть, это все-таки не Джеф?

— У кого мог оказаться его кошелек?

— Ни у кого. Он возвращался именно за кошельком в ту ночь.

Тони молчал. Где-то вдали зазвенел колокол. Протяжный и печальный.

— Тони, это был несчастный случай, — вторглась я в поток его раздумий. — Ты мне веришь?

— Какая тебе разница?

— Но это же был несчастный случай! Я не такая! Я бы не смогла!

— Чем ты можешь это доказать? — равнодушно спросил он.

Совсем не такой реакции ожидала я! Почему бы ему не сказать честно, что он на самом деле думает?

— И вообще, доставай свое траурное платье. Скоро мы поедем на похороны.

— Похороны?.. Тони, я не смогу... Разве нет кого-нибудь, кто бы без меня...

— Разумеется, есть похоронные службы. Ведь люди иногда умирают, представь себе, — сказал он ледяным тоном, в котором не осталось ничего человеческого, никакого сочувствия, которое я помнила по той ужасной ночи. — У тебя есть какие-то возражения, Нэнси?

— Нет, — ответила я кратко. Стоило ли пытаться переубедить Тони? Но я все-таки постаралась. — Тони, я бы все на свете отдала, клянусь тебе, чтобы вернуть назад время, чтобы не спускаться в ту ночь на первый этаж, не брать пистолет...

— Что сейчас-то об этом говорить? Прошлого не воротишь. «Жизнь невозможно повернуть назад! И время ни на миг не остановишь!» — как поется в песне, — слабо улыбнулся Тони. — Послушай, на твоём месте я бы забрал свою долю наследства и бежал бы отсюда без оглядки.

С этими словами он стремительно повернулся и быстрым шагом пошел к дому.

Наследства! Я и забыла, что Джеф был богатым человеком! Но неужели Тони считает, что я вышла замуж из-за денег? А может быть, он решил, что я убила мужа из-за наследства? Нет, это невозможно!

Через день после похорон мне позвонил человек по фамилии Андерсен, адвокат из фирмы, ведущей фамильные дела семьи Вейдов со времен дедушки Джефа. «Миссис Вейд, не могли бы вы срочно приехать ко мне по чрезвычайно важному делу? — спросил он. — Я должен посвятить вас в некоторые финансовые обстоятельства, связанные с кончиной вашего мужа».

Мистер Андерсен оказался высоким, элегантным мужчиной около семидесяти лет. Корректный, профессионально вежливый, он располагал к себе. Вот только, пожалуй, его манера клацать зубами несколько смущала меня. Отдав дань приличию и выразив соболезнования, порассуждав немного о «молодых патриотах», он плавно перешел к делу.

— Александр Вейд, отец вашего покойного мужа, назначил своему сыну денежное содержание, когда тот был еще мальчиком, сроком до 12 апреля 1944 года, то есть до совершеннолетия, то есть по достижении Джефффри Вейдом двадцати пяти лет. — В этот момент мистер Андерсен перестал говорить и, надев очки в тонкой золотой оправе, стал смотреть в какую-то папку. Потом посмотрел на меня поверх очков и поднял указательный палец вверх. — Вы, как вдова покойного Джефффри Вейда, имеете право получать это денежное содержание, составляющее 250 долларов в неделю, не считая расходов на лечение. Но при двух условиях! — Он значительно помолчал.

— При каких же? — спросила я довольно равнодушно. Мне стало понятно, что я не получаю никаких особенных денег. И слава богу! Не нужно мне ничего!

— При двух условиях. Во-первых, вы должны жить в поместье Вейдов, а во-вторых, не выходить замуж до вышеупомянутого срока, то есть до 12 апреля 1944 года...

— Понятно, — кивнула я. Чтоб не разрушать семейный очаг. Унылый Тони, впавшая в детство Эрнестина, миссис Кингсли... Неплохая семейка.

— Ваш муж обсуждал с вами когда-нибудь денежные дела?

— Нет, никогда. Я знала только, что он станет богатым, когда ему исполнится двадцать пять лет, и больше ничего.

— Вы представляете себе, о какой сумме идет речь?

— Нет.

— Более пяти миллионов долларов! — слегка напыщенно произнес он и выдержал эффектную паузу.

Ну и что же? Хоть сто миллиардов! Брать деньги в обмен за убитого, пусть даже случайно, мужа? Эта мысль угнетала меня и вызывала глубокое отвращение.

— Если вы внезапно скончаетесь, что весьма маловероятно, — продолжил мистер Андерсен, слегка улыбаясь, — наследство отойдет старшему брату Джеффри — мистеру Энтони Вейду, поскольку у вашего покойного мужа нет прямых наследников.

— Скоро будет, — вмешалась я.

Адвокат удивленно поднял брови.

— У меня скоро будет ребенок. От Джефа.

— О, я не знал. Примите мои искренние поздравления, — сказал он. — В этом случае, разумеется, наследство перейдет к вашему ребенку.

— Я хочу спросить: если я покину поместье Вейдов раньше срока, мой ребенок теряет денежное содержание?

— Да, — ответил юрист. — Теряет. Но вы ведь не собираетесь уезжать, не правда ли?

— Я как раз собиралась уехать после родов к себе домой, к родителям.

— Это было бы неразумно. Вы же потеряете пять миллионов долларов!

— Да, вы правы, — пробормотала я, но потом не выдержала и произнесла то, о чем думала: — На этих деньгах кровь Джефа, мистер Андерсен. Я не имею права на них. Если бы вы знали то, что знаю я, вы бы, наверное, поняли меня.

Он удивленно-страдальчески наморщил лоб и горестно покачал головой.

— Понимаете, у меня ничего не было, когда я вышла замуж... Деньги для меня мало значат...

Что я могла еще сказать ему в ответ на его недоуменный взгляд. Он не понимал, как это деньги для кого-то мало значат. Тысячи людей прошли через его контору, и все, конечно, придавали первостепенное значение своему финансовому положению. В моей душе шевельнулось, что-то, похожее на сочувствие.

— Я думаю... — выдохнула я, отчаявшись что-либо объяснить.

— Вас обижают Вейды?

— Нет, что вы!

— Так что же?

Несколько секунд я раздумывала. Мистер Андерсен — первый человек, принявший во мне такое участие. Может быть, он станет мне другом и советчиком? Но потом я внимательно посмотрела на адвоката и увидела просто старого, прожженного дельца, высушенного тысячами историй о человеческой подлости, каждодневно сталкивающегося с самыми низкими человеческими страстями. Не могла я ему довериться!

— Видите ли... — проямлила я, — удобно ли новому человеку, без году неделя в семье, получать фамильные капиталы? Есть ведь родные Джефа... Им больше подошло бы...

— Дорогая миссис Вейд, ну что ж поделаешь! На все воля божья! Кто бы мог подумать, что ваш муж найдет упокоение так рано. Но он ведь женился на вас, значит — любил. Даже если бы он жил, вы бы все равно получили свою долю наследства! Поверьте, ему бы не понравилось, что вы хотите отказаться от его денег.

Эх, если бы мистер Андерсен знал, какой болью отзывались во мне его слова! Я посмотрела в окно на залитые солнцем дома.

— Хорошо, — с трудом разлепила я губы. — Мне надо подумать.

— Конечно-конечно, это — ваше право. Только сообщите мне, пожалуйста, побыстрее о результатах своих раздумий, договорились?

— Хорошо. Дайте мне времени до завтра, — попросила я и уехала в дом Вейдов.

Встречали меня на пороге.

— Ну как, были у Андерсена? — сразу же спросила миссис Кингсли.

— Да, была, — ответила я и подумала, что она, должно быть, слышала мой телефонный разговор с адвокатом.

— Ну и как, пересчитали уже денежки Вейдов?

Острая обида полоснула ножом по сердцу.

— Зачем мне считать чужие деньги? Вы не приняли меня в семью, я — чужая! — крикнула я и осеклась. Впервые у меня вырвались искренние слова в присутствии миссис Кингсли.

— Не мелите чепухи! — бесцеремонно сказала миссис Кингсли. — В этой семье просто не лезут друг другу в душу, вот и все! А вы думайте больше о ребенке, а не о себе.

Да, может, она тоже искренна. Может быть, она хочет, чтобы ребенок ненаглядного Джефа получил богатство Вейдов?

Это обстоятельство оказало сильное влияние на мое решение. Я поняла, что обязана учитывать интересы моего еще не родившегося сына или дочери. Кроме того, свое слово добавили и меркантильные интересы. У меня не было ни гроша за душой. Мачеха, несомненно, тоже сидит без денег. Работать я в таком положении не могу. Единственное, что остается, — сидеть на месте и выполнять условия завещания.

Утром я позвонила Андерсену и сообщила свое решение.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

С течением времени Тони стал относиться ко мне все хуже и хуже. Иногда он мог быть очень предупредителен и любезен со мной, но с каждым днем это случалось все реже и реже. Речь его стала отрывистой, почти грубой. Он в основном бродил по ночному саду или мерил шагами свою комнату. Вид его свидетельствовал о душевном разладе, что-то постоянно грызло его изнутри, что-то неотрывно преследовало его. Это не касалось войны. Тони довольно равнодушно встречал вести с фронтов. Свое собственное положение тоже, по моим наблюдениям, не слишком тяготило его. Мне казалось, что я понимала причину странного поведения Тони. Он, как и я, бился над решением загадки пистолета, исчезнувшего в ту памятную ночь. По ночам в саду он светил фонариком в самые укромные уголки сада, чтобы найти следы, ранее ускользнувшие от его внимания. Это могли быть, например, пуговица Джефа или лоскут с его костюма. Или, может быть, он надеялся найти само оружие? Я никогда не разговаривала с ним о его ночных прогулках.

По отношению к миссис Кингсли он проявлял открытую враждебность. Причиной раздоров служила его мать. Однажды они чуть не подрались! В тот раз началось с того, что Эрнестина заговорила о колыбельке, которую она хотела подарить мне для моего будущего малыша.

— Какой колыбельке? — гневно спросила миссис Кингсли.

— Той, старенькой, от Лотти... — потерянно ответила Эрнестина.

— Я давно выкинула этот хлам!

— Но она... такая милая, — глаза Эрнестины наполнились слезами. — Я сделаю для нее новый матрасик. Розовый. Потому что будет, кажется, девочка...

— Но колыбель же вся поломана!

— Бэлла! — взмолилась старая женщина. — Сьюард обещал починить ее.

— Забудем об этом, — непреклонно сказала Бэлла. — Нэнси купит новую. Зачем ей рухлядь?

— Послушайте! — вмешался Тони. — Раз мама хочет подарить Нэнси старую колыбель, пусть так и будет. Кто ей может помешать это сделать?

— Я, — ответила миссис Кингсли.

— А кто вы, собственно говоря, такая?

— Как я сказала, так и будет.

— Не ссорьтесь, прошу вас! — заплакала Эрнестина. — Тони, умоляю тебя! Я вовсе не так уж и хотела! Правда, это я просто так сказала.

— Почему ты терпишь такое обращение, мама? Я начинаю подозревать, что тут дело нечисто! Уж не гипнотизирует ли она тебя?

За столом повисла напряженная тишина. Эрнестина побледнела до синевы. Рот миссис Кингсли сжался в узкую полосу. Сьюард уткнулся в свою тарелку. Почему он не защищал Эрнестину вместе с Тони?

— Слишком много баб у нас в доме, — бросил Тони и вышел из-за стола.

Однажды в начале марта Тони появился в дверях кабинета, когда Эрнестина и Сьюард играли в шашки, а я пыталась постигнуть премудрости крокета по старому рваному учебнику. Безнадежность сквозила в каждом его движении. Уныло сутулясь, он подошел к игравшим и немного понаблюдал. Затем передвинул какие-то шашки и сказал: «Вот как надо, мама». Эрнестина благодарно улыбнулась ему и погладила его по руке. Он поцеловал ее в макушку. Это было странно. Тони никогда не афишировал своего нежного отношения к матери. Я почувствовала, что это неспроста, и не ошиблась.

— Мама, я уезжаю.

— Правда? Но ты пообедаешь, наверно?

— Нет, мама. Мой корабль отходит через несколько часов. Я уезжаю немедленно.

С минуту бедная женщина сидела неподвижно.

— Нет, Тони, прошу тебя, — прошептала она, закрыв рот рукой. От ее резкого движения шашки посыпались на пол.

— Я не могу, мама. Я должен.

— Я... Я думала, тебя забудут и ты останешься!

— К сожалению, нет, — улыбнулся он и взял трясущиеся руки матери в свои ладони.

— Но, Тони! Ты ведь уже уходил от меня, помнишь? А побыл дома так недолго! И вот опять уходишь!

— Все уходят, мама.

Она зарыдала. Сердце мое разрывалось от жалости. Я не ожидала, что Эрнестина поймет суть печального известия, но она материнским чутьем угадала, что ее сыну грозит опасность, и как могла выражала свое горе.

Тони нежно поцеловал мать в заплаканные глаза.

— Ты не вернешься,— сквозь рыдания произнесла она.

— Ну что такое ты говоришь! Так не провожают на войну. Не хорони меня заживо,— улыбнулся он, вытирая ей нос.

Сьюард подошел к молодому офицеру и потряс ему руку.

— До свидания, Тони. Желаю тебе удачи. Да хранит тебя Бог.

— Спасибо, Сьюард! Побереги маму.

— Обязательно, Тони.

Затем Тони повернулся ко мне.

— До свидания, Нэнси.

Я уронила книгу на пол, вскочила на ноги и подала ему руку.

— Буду рад тебя видеть, Нэнси,— сказал он, но я не могла осознать смысл его слов.

— Желаю тебе удачи, Тони.

— В самом деле? — промолвил он довольно холодно.— А я тебе хотел сказать, что... — В этом месте он запнулся и посмотрел на меня долгим, печальным взглядом.

— Что? — спросила я, не отводя своего взора, жадно всматриваясь в его глаза, стараясь прочесть в них сокровенные мысли Тони.

— Да так, ничего.

Не могла я требовать от него откровенности на людях: Эрнестина и Сьюард смотрели на нас.

— Ненавижу прощаться,— сказал Тони.— Это довольно тягостно. Так что...

Но мы проводили его до самых ворот, где стояла присланная за ним машина с невзрачным шофером. У самой дверцы Тони еще раз поцеловал маму, пожал руку Сьюарду и мне, сел, помахал всем и уехал. Миссис Кингсли так и не появилась.

Впрочем, мне было все равно.

Дни тянулись с удручающим однообразием. Я все время сидела дома, никуда не выходя, кроме как на рынок, в библиотеку и к доктору. Дважды меня бтвозили в Сан-Диего за покупками для младенца. Старая колыбелька больше ни разу в доме не упоминалась, я купила новую. Монотонная жизнь не слишком тяготила меня. У будущей матери достаточно забот, чтобы сосредоточиться на себе, не обращая внимания на окружающий мир.

Однажды плавное течение нашей жизни было прервано внешними обстоятельствами. Военный комендант обязал нас предоставить жилье нескольким офицерам военно-морских сил. Комендатура не справлялась с возросшими потоками подкрепления, требующими множества квартир. Военные действия в зоне Тихого океана слишком бурно расширились. Поэтому миссис Кингсли вместе с нанятой немногословной мексиканкой по имени Пакита пришлось привести в порядок несколько комнат на третьем этаже, имеющих отдельный от основного вход.

Я тоже немного поучаствовала в этой патриотической деятельности. Миссис Кингсли внимательно следила, чтобы я не перетрудилась, чтобы не навредила маленькому. Ее забота и внимание к моему здоровью каждый раз удивляли меня. Она как будто выполняла какой-то долг, какую-то священную обязанность. Она относилась ко мне, как жрец к будущей жертве ритуального убийства. Я понимала, что это чепуха, но никак не могла отделаться от мысли, что она готова меня в скором времени съесть и поэтому тщательно откармливает и оберегает от болезней.

Я не могла отделаться от ощущения, что она постоянно следит за мной. Везде меня преследовал ее внимательный взгляд. Даже когда я сидела с книгой в саду, мне казалось, что она смотрит на меня из-за какой-нибудь занавески. А однажды случилось вот что. В тот день светило яркое солнце, я долго гуляла и забрела в дальний уголок сада, к старому могучему дубу. Там я обнаружила маленький заброшенный колодец, прикрытый сверху деревянной крышкой. Ничего интересного в нем не было, но я стала зачем-то его рассматривать. И тут что-то заставило меня обернуться. Это была миссис Кингсли.

— Я бы на вашем месте не отлучалась далеко от дома,— без всякого участия, холодно сказала она.

— Почему? Вы боитесь, что я упаду в колодец?
— Это вполне возможно.
— Я ведь не слепая.
— И все же не стоит рисковать, верно? — сузив глаза, с какой-то угрозой в голосе произнесла она. — Подумайте о ребенке.

Мне очень не понравился ее тон.

— Мне не нужна нянька. Я вам не Эрнестина.

У нее перехватило дыхание. Судорожно вздохнув, она покраснела и потупилась.

— Вы считаете, я неправильно веду себя с Эрнестиной?

— Да.

— Но она же совсем как ребенок! За ней нужно следить, чтобы она не навредила сама себе, все время напоминать, предостерегать, разве вы не знаете?

— Знаю. Но это не оправдывает вашей грубости.

— Грубости! Боже мой! Да если бы вы знали, что... — Тут она резко замолчала, будто наткнувшись на невидимую преграду.

— Что? — жадно спросила я, чувствуя, что, может быть, сейчас мне раскроется какая-то семейная тайна.

Но миссис Кингсли повернулась и исчезла за деревьями.

— Когда-нибудь вам будет стыдно за свои слова, — донесся ее приглушенный расстоянием голос.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ребенок родился в июле, восемнадцатого числа. В больницу меня отвез Сьюард. Был довольно прохладный, облачный день. Сьюард кусал губы, тряс головой и поминутно справлялся о моем самочувствии. Всегдашняя выдержка изменяла ему, и выглядел он забавно. Я бы посмеялась над ним, если бы не мои собственные страхи и волнения.

Родилась девочка. Я назвала ее Марианна Джоан. Эрнестина прорвалась ко мне в палату на второй день. На ней было обычное платье для работы в саду. Только широкая нарядная шляпа показывала ее желание как-то приодеться. На ее бледных щеках на этот раз играл неяркий румянец.

— Нэнси, у тебя девочка! — закричала она. — Так я и думала! — Откинув розовое одеяло, новоиспеченная бабушка стала с умилением рассматривать внучку, лежавшую рядом со мной. — Какая красивая! Милая! Вылитый Джеф, — сюсюкала она.

По-моему, ничего особенного в младенце не было: сморщенное красное тельце, как у тысяч других.

— Нэнси! Можно мне поддержать ее? — стала умолять Эрнестина. — Я тихонечко!

Мне не хотелось давать ей дочь, но было стыдно обижать так обрадовавшегося человека. Она взяла на руки завернутую в одеяло девочку, как самую хрупкую вазу, и стала покачивать ее, напевая:

— Лотти, милая Лотти.

Я испугалась.

— Ее зовут Марианна, — с тревогой произнесла я, но она меня не услышала, мысленно возвратившись в прошлое и не желая уходить из него.

— Мы с тобой заживем, Лотти! Милая Лотти, вдвоем! Мои тревога и страх возросли.

— Эрнестина! — сказала я резко, совсем как миссис Кингсли. — Это не Лотти! Это Марианна! Не путайте!

Она жалобно посмотрела на меня, и мне стало стыдно. Что мне, жалко, что ли? Старая женщина, ослабевшая от невзгод, потерявшая когда-то своего ребенка, хочет пофантазировать, вернуться хоть на мгновение в свой самый счастливый миг жизни. Что стало бы со мной, потеряй я свою дочь? Не могу даже представить! И больше я не упрекала Эрнестину, когда она называла мою девочку «Лотти».

Чтобы прийти в себя после родов, я на время наняла няню. В будущем я собиралась, конечно, сама ухаживать за своим ребенком. Но пока препоручила свои заботы миссис Фоулер. Это была полноватая, живая, краснощекая, пышущая здоровьем дама средних лет, олицетворение идеальной няни. Если бы не постоянное словоизвержение, она была бы вполне сносной женщиной. Ее язык умножал число ее врагов. Тараторила она без умолку обо всем на свете: о погоде, о войне, о своих семейных неурядицах, о последних «мыльных операх» по радио, закрывая рот только во сне. Только ночью я отдыхала от нее. Но, несмотря на этот недостаток, она была очень умелой и ласковой в обращении с детьми.

Эрнестина возненавидела миссис Фоулер. Она просто не переносила ее, избегая даже находиться рядом. Она как бы играла с няней в прятки. Однажды я спросила ее, чем она так обижена, что такого ей сделала милейшая миссис Фостер.

— Мне она не нравится,— ответила Эрнестина.— Она похожа на Тесси Блаунт.

— А кто такая Тесси Блаунт?

— Весьма вредная персона,— сказала Эрнестина с отвращением.— Тебе бы она тоже не понравилась. И, знаешь, я не верю ей.— Она кивнула в сторону детской.— Она может оставить Лотти одну, и Лотти упадет в воду!

Тут в комнату вошла миссис Фоулер, и Эрнестина, нервно кривя губы и подрагивая подбородком, выскочила вон.

Я так и не узнала, кто такая Тесси Блаунт. Может быть, думала я, это была няня Лотти? Откуда столь сильное недоверие к миссис Фоулер? Почему такой непроницаемой тайной окутана смерть Лотти? Связано ли это с Тесси Блаунт?

Улучив минуту, я спросила об этом миссис Кингсли. Она сильно рассердилась.

— У Эрнестины длинный язык! Тесси Блаунт была няней Лотти. Прекрасной няней! Но Эрнестина невзлюбила ее. Она всех ненавидела, кого любила Лотти. Наверное, она теперь ненавидит миссис Фоулер?

— Нет-нет, что вы!

— Если Эрнестина вобьет себе что-нибудь в голову, она не отступит. Берегитесь, предупреждаю вас!

— Что вы имеете в виду?

— Она не остановится даже перед похищением вашей дочери!

— Ну что вы!

— Ответьте, она называет вашу малышку Лотти?

— Ну и что же?

— А то! Хотите добрый совет? Не оставляйте их надолго вдвоем!

— Не могу себе представить, чтобы Эрнестина могла сделать что-нибудь плохое...

— Ну так знайте, что с ней иногда случаются припадки.

— Какие?

— Она впадает в бешенство и начинает метаться, как тигр в клетке.

— Лотти утонула во время припадка?

— Не знаю,— окончательно рассердилась миссис Кингсли.— Я не видела.

— А вы когда-нибудь расскажете мне обо всем, что знаете?

— О чем? — Вопрос прозвучал почти грубо.

Я не стала настаивать на откровенном разговоре, давно убедившись в наличии заговора молчания, окружавшем смерть Лотти. Стена глухого непонимания всякий раз вырастала между мной и моим собеседником, едва я затрагивала эту тему.

Но все-таки я не могла не думать о тайне семьи Вейдов. Верна ли моя догадка о смерти Лотти в момент припадка Эрнестины? Зачем Эрнестина называет Марианну Лотти? Может быть, в ее слабом мозгу произошла подмена? Или просто она, как многие другие, хочет взять себе чужого младенца взамен своего, погибшего? Но куда она унесет похищенного ребенка? Нет, это совершенно невозможно представить! Но, лишенная спокойствия, я тем не менее последовала совету миссис Кингсли и никогда не оставляла дочь без присмотра.

Миссис Кингсли продолжала меня удивлять. Ее внимание ко мне совершенно исчезло после родов и перешло на Марианну. «Вылитый Джеф», — постоянно повторяла она, слоняясь вокруг детской кровати. Теперь уже маленькая девочка стала предметом ее религиозных забот. Опять мне чудилось, что миссис Кингсли, как шаман, готовит человеческое жертвоприношение, потому что ничего материнского не проглядывало в ней.

Положение ухудшилось после отъезда миссис Фоулер. Я уговаривала ее остаться еще ненадолго, но она не согласилась. «Меня уверили, что помогут вам», — сказала она. И мне нечего было возразить. Могла ли я доверить кому-нибудь свои страхи, сомнения и подозрения? Могла ли я запретить Эрнестине и миссис Кингсли ухаживать за Марианной? Теперь, когда моя дочь лишилась постоянного стража, я осталась одна перед лицом едва угадывающихся опасностей.

Тяжелая атмосфера дома Вейдов угнетала меня. Не помогло и присутствие морских офицеров. Мы жили отдельно от них, почти не встречаясь друг с другом. Иногда до меня доносились звуки их шагов по лестнице черного хода, смех и разговоры. Редко попадали они в нашу половину, разве что за какой-нибудь мелочью, типа спичек или одеяла. Я стала нервной и подозрительной, вздрагивала от малейшего шороха или мелькнувшей тени. Кошмары мучили меня с удесятеренной силой, меняли сюжет и расцвечивались подробностями. Джеф выкрадывал у меня ребенка, а я, вся в поту и отчаянии, остро сожалела, что не убила его.

Я показалась врачу. Доктор Дэвис убеждал меня не нервничать, прописал успокоительное.

— Ваше положение мне знакомо по другим молодым мамам. Успокойтесь, здесь нет ничего нового. Такое часто случается, особенно в семьях, где есть много бездетных женщин. Постарайтесь отвлечься и не думать о плохом, а то ваше состояние может вредно сказаться на маленькой.

Я постаралась. Лекарство мало помогало мне. Моя борьба с самой собой не прерывалась ни днем ни ночью. Днем я воевала со своими зубами, приглушая их скрип всякий раз, как Эрнестина приближалась к внучке, а ночью старалась уйти от кошмаров, постоянно просыпаясь и ненадолго проваливаясь в дрему. Но

в глубине души я чувствовала, что все эти жалкие потуги не остановят надвигающейся катастрофы.

Однажды летним погожим днем я подкатила коляску с малышкой к подъезду и решила оставить ее на свежем воздухе, пока сама немного перекушу на кухне. С тех пор как у миссис Кингсли появились обязанности, связанные с новыми жильцами, еда перестала быть для нас священным ритуалом, опустившись до уровня простого приема пищи. На пустующей кухне, в простой, мирной обстановке нашлись стакан молока и кусочек хлеба. Тишина нарушалась только ровным гулом холодильника и мерным тиканьем настенных часов. Мне стало уютно, я расслабилась. Рядом обнаружилась газета, я стала ее просматривать, налив себе дополнительный стакан молока. Так прошло, наверное, с полчаса. Внезапно мне послышался какой-то странный звук. Я вздрогнула, сорвалась с места и с замеревшим сердцем помчалась к коляске.

Коляска была пуста!

Я не могла сразу осознать случившегося и с минуту рассматривала скомканные белые пеленки и розовое одеяло, надеясь, что это наваждение, которое скоро рассеется, и я снова увижу свою девочку. Но увы, как ни напрягались мои глаза, я не могла силой взгляда вернуть пропавшую дочь. Паника охватила меня. Я стала кричать как сумасшедшая:

— Марианна, Марианна! — На крик выбежал Сьюард. — Марианна исчезла! — продолжала кричать я. — Надо ее скорее найти! Где моя девочка?

— Подождите убиваться, — стал успокаивать меня Сьюард. — Может быть, миссис Кингсли или Эрнестина...

— Да, — подхватила я в отчаянии. — Это Эрнестина. Где Эрнестина? Это она украла!

Могла ли я не впасть в отчаяние? Разве не понятно мое состояние любому человеку, даже никогда не имевшему детей? В моем мозгу возникла картина: Эрнестина подкрадывается к спящей Марианне и хватает ее, приговаривая: «Лотти, Лотти».

— Где Эрнестина? — закричала я совершенно вне себя от горя.

— Только что была здесь.

— Помогите мне найти ее! — твердо произнесла я, беря Сьюарда за руку. — Разве вы не знаете ее? Разве вы не знаете, на что она способна?

— Пойдемте в ее комнату, она, наверное, там.

Я видела, что он не верит мне, но это меня не беспокоило. Главное — чтобы он помог. Вместе мы пошли через весь дом в комнату Эрнестины. Комната оказалась маленькой каморкой, едва вмещавшей кровать, зеркало и комод. На осмотр этого убранства хватило одного беглого взгляда. Каморка была пуста.

— Она куда-то унесла мою дочь!

— Нэнси, будьте благоразумны. Откуда у вас такая уверенность? Может быть, это и не Эрнестина вовсе, а миссис Кингсли...

— Нет. Это Эрнестина!

— Не могу поверить. Она без меня никуда не выходит.

— Она все может! Она, наверное, вышла за ворота и села в автобус!

Сьюард взял меня за руку, стараясь хоть как-то успокоить.

— Это невозможно, Нэнси!

Но меня ничто уже не могло успокоить, я вся тряслась. Вдруг страшная мысль пронзила меня.

— Конечно! Как я сразу не догадалась! Эрнестина понесла Марианну к морю, к бухте, к тому месту, где в последний раз видела Лотти! К бухте!

— Не может быть, Нэнси! Это нелепица!

— Я уверена!

В меня как будто вселилась неземная сила. Оттолкнув Сьюарда, я птицей полетела к воротам, отодвинула створку и побежала дальше. Не помню, чтобы я переставляла ноги, меня несло как на крыльях, а когда я увидела нелепую фигуру Эрнестины, последние остатки самообладания покинули меня.

А Эрнестина спокойно сидела на берегу. Ее лицо излучало счастье. Морщины разгладились, выражение печали исчезло, она выглядела лет на десять — двадцать моложе и с умилением смотрела на Марианну, лежавшую у нее на коленях.

— Посмотри! — сказала она мне, едва я приблизилась. — Как Лотти довольна! Она не хотела играть на песке — боялась замочить ножки. Она проснулась, но не плачет! Ей хорошо со мной.

Марианна серьезно посмотрела на меня, продолжая сосредоточенно сосать соску.

Я протянула руки.

— Ты ведь не хочешь забрать ее у меня, — со стра-

хом спросила Эрнестина и сильнее прижала девочку к себе.

— Эрнестина, запомните хорошенько: это не Лотти, а Марианна! Это моя дочь, а не ваша, — твердо произнесла я и опять протянула руки к Марианне, но Эрнестина все еще не решалась отдать свое сокровище. — Отдайте! — повторила я.

— Будь хорошей девочкой, Эрнестина! — подоспел на помощь запыхавшийся Сьюард. — Отдай!

Несчастливая старая женщина переводила взгляд с меня на Сьюарда и обратно, не понимая, почему она должна отдать столь дорогое ей существо. Но, видимо, ее воля не выдержала натиска посторонней воли. Она дрожащими руками протянула девочку мне. Я торопливо схватила маленькое тельце и невольно причинила девочке боль своими крепкими объятиями. Доченька расплакалась, но я не могла заставить себя разжать руки. Она была со мной! Цела и невредима! Это было огромное счастье!

— Не ругайте слишком уж Эрнестину, — донесся до меня как будто издалека голос Сьюарда. — Она не хотела ничего дурного.

Но я не ответила — мне было все равно. Какое все это имеет значение? Пусть все провалится в тартарары! Моя дочь — со мной! И я больше ни на секунду не спущу с нее глаз!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Выходка Эрнестины заставила меня еще раз тщательно взвесить все за и против переезда из дома Вейдов. Этот случай может повториться! При большом желании меня можно еще не раз подловить, у меня ведь не сто глаз! Напрасно Сьюард уверял, что я драматизирую события, что ничего плохого произойти не могло. Разве не собственными ушами слышала я предупреждения миссис Кингсли? Разве сами они не считали Эрнестину опасной для ребенка?

И что мне прикажете делать в такой ситуации? Возвращение в Колтон стало еще более невозможным после ответа мачехи на мое последнее письмо. Я приглашала ее к себе посмотреть, полюбоваться на внуку, морально поддержать меня добрым словом и взглядом. Она же мне написала: «Нэнси, дорогая! У меня нет совершенно никакой возможности приехать, пойми меня! Представь, нас еще больше уплотнили, мы теперь живем как сельди в бочке, и без моей твердой руки все тут же развалится!» В ее послании не было и намека на сочувствие, на сожаление о невозможности приехать. Ее несколько не волновало мое положение, она не понимала моего состояния. Я была безразлична ей, глубоко обижена этим равнодушием и зареклась на всю жизнь просить ее о чем-либо.

Ко всему прочему у меня не было денег. Я скопила всего двести долларов. Марианне требовалось множество всяких необходимых мелочей. Жалование няни составляло изрядную долю моих расходов. Зарабатывать я не могла, лишаться последнего денежного дохода — тоже. Завещание отца Джефа связывало меня по рукам и ногам.

Мне оставалось прожить в положении наследницы всего шесть с половиной месяцев, но я еще ясно не определила своего отношения к своим будущим миллионам. С одной стороны, имею ли я на них право? Но, с другой стороны, можно ли решать за Марианну? Если я, убийца Джефа, откажусь от денег, не получит их

и Марианна! Чем она виновата? Имею ли я право лишать дочь наследства?

Так проводила я дни в сомнениях, страхах и размышлениях, не в силах остановиться на чем-то определенном. Однажды случилось нечто, заставившее меня по-иному посмотреть на все случившееся. В тот день я готовила Марианне молоко. Девочка спала рядом со мной, на кухне, потому что я боялась оставлять ее в одиночестве. Один из офицеров, по имени, кажется, Бэрри, войдя в комнату, попросил меня помочь ему найти какой-нибудь плащ. «Свой я забыл на базе», — горько посетовал он.

Тут я вспомнила про старый дождевик, пылящийся в кладовке с той самой ночи, в которую был убит Джеф. Последний раз его надевал Тони, когда искал загадочно исчезнувшее тело.

— Подождите, пожалуйста, — сказала я и пошла в кладовку.

И действительно, там, под толстым слоем пыли, обнаружилась нужная офицеру вещь.

— Большое спасибо! — горячо поблагодарил меня молодой человек. — Вы очень любезны. Что бы я без вас делал!

Его круглое, по-детски румяное лицо светилось от радости.

— Ох уж этот дождь! Из-за него ваш дом скоро превратится в Ноев ковчег, — пошутил он, надевая плащ и по-мальчишески засовывая руки в карманы.

Но тут его улыбка резко погасла, сменившись выражением недоумения и испуга. Из правого кармана он медленно вынул пистолет и растерянно уставился на него. Мы молча постояли, не в силах отвести взгляда от оружия. Оно было похоже на то памятное, которое я единственный раз в жизни держала в руках.

— Револьвер, — нарушил молчание Бэрри, тупо оглядывая его со всех сторон. — Смотрите, револьвер — Он сунул черное дуло прямо мне под нос, как будто я слепая и не видела, что у него в руках

А я все видела и уже даже успела понять, что, раз оружие найдено, есть вещественное доказательство и основание для возбуждения против меня уголовного дела.

— Откуда оно здесь? — изумленно продолжал Бэрри

— Не знаю. Плащ очень старый. Давно висит Неиз-

вестно чей. — Что-то мешало мне назвать вслух имя хозяина плаща: Тони.

Пока я размышляла, в Бэрри тем временем проснулся военный, его движения стали четче и осмысленней.

— Та-а-ак, — протянул он. — Двадцать пятый калибр. Автоматический. Заряжен! Однако холостыми...

— Как холостыми? — поразила я.

Может быть, это не то оружие? Очень похожее, но все-таки не то?

— Да, холостыми. Точно. Из него теперь и клопа не убьешь! Боевое оружие превратили в хлопушку. Шуму много — толку мало.

В этот момент я резко вздрогнула и обернулась, услышав шорох за спиной. Нервы мои сильно расшатались. Между тем это просто молоко убежало. Итак, думала я, пули — холостые! Это значит — я не убивала Джефа! От огромного облегчения я чуть не потеряла сознание. Меня охватила страшная слабость, прошиб обильный пот.

— Ну, так я пойду? — раздался за спиной голос Бэрри.

— Да-да, конечно.

— С вами все в порядке?

— Да, просто немного жарковато здесь, правда?

— Да, действительно. Револьвер вы возьмете?

— Положите на стол.

Мне хотелось и плакать, и смеяться, и прыгать от радости. Я — не убийца! Убийца — не я! Я не убивала Джефа! Больших усилий стоило мне стоять и молчать. Дрожавшие руки я прятала от подозрительно смотревшего на меня офицера.

— Ну ладно, я пошел. Плащ вам завтра верну.

— Можете не торопиться.

— Ну ладно, раз с вами все в порядке... В порядке ведь, да? Ну тогда я пошел... Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

Едва закрылась дверь, ноги мои подкосились, я без сил рухнула на стул. Как странно. Я же видела, как лежал Джеф. У него во лбу был след от пули. Или это мне показалось? Но кровь, по крайней мере, точно была... А если кровь не от пули? А от чего же?

Впервые с той роковой ночи я стала мучительно вспоминать все подробности: как я спускалась по ступенькам, как боролась с Джефом, как он упал... Но как

он выглядел, когда упал?.. Несмотря на все усилия, мне не удалось восстановить в памяти полную картину происшедшего.

Может быть, Джеф упал лицом вниз и поранился об осколки? Потом, как предположил Тони, очнулся, вышел из дому и сгинул, смытый в открытое море? Но ведь он был синий весь! Как покойник! Это было хорошо видно на фоне светлого ковра.

Теоретически, кто-то мог выстрелить одновременно со мной из другого пистолета. Но кто? И где он прятался?

Тут я вспомнила, что Тони вошел почти сразу после выстрела. Было ли его удивление искренним? А может быть, он вошел чуть раньше и был свидетелем нашей с Джефом ссоры?

Тони не любил Джефа, это было мне ясно с первого же дня. Тони и не скрывал никогда неприязни к брату. Может быть, он решил устранить преграду между собой и деньгами отца? Но ведь есть и еще препятствия: мы с Марианной!

Я отчаянно затрясла головой, отгоняя ужасные мысли, как надоедливых мух. Но помимо воли в памяти восстанавливались сцены той ужасной ночи: как Тони вел меня на кухню, насильно поил бренди. От него исходила волна сочувствия! Мы сидели с ним вдвоем и ждали полицию...

То есть нет, какое-то время я сидела одна! А он, надев плащ, вышел на улицу! Якобы для того, чтобы загнать в гараж машину Джефа.

Сколько он отсутствовал? Мог ли он зайти в дом незаметно для меня и вынести тело Джефа? И спрятать оружие... Странное оружие, заряженное холостыми... Да, мог! Он знал, что его брат уже внесен в списки погибших, и мог предполагать, что полиция не заинтересуется делом дважды погибшего летчика.

Если он убил, то мой револьвер — это улика против него!

Я не могла убить мужа холостыми патронами! И, значит, убийца — не я, а кто-то другой!

Он, например.

Я встала и принялась механически очищать плиту от подгоревшего молока. Марианна проснется примерно через полчаса. Времени достаточно, чтобы приготовить ей новую порцию.

Мой мозг лихорадочно работал, стараясь составить из известных фактов непротиворечивую картину преступления. Но вопросов было больше, чем ответов.

Почему Тони не выбросил улику из кармана? Забыл? Невероятно! Он не склеротик.

А зачем он ходил по саду, как будто что-то искал? Забыл, куда положил оружие, что ли? Какая чепуха!

Неверной рукой я чуть не разбила бутылочку Марианны и застыла на время в неподвижности, решая главный вопрос. обращаться мне в полицию или нет? Если убила не я, значит — кто-то другой. Кто?

Мне представился разговор в полиции с тем хрипатым капитаном

«Миссис Веид! — скажет он. — Дело закрыто. Труп погибшего в авиакатастрофе мы нашли. Ваши показания о пулевом отверстии в его голове не подтвердились».

А я скажу: «Но он был обезображен рыбами. Можете ли вы утверждать, что не пуля убила его?»

И тогда он мне ответит: «Мы ничего не утверждаем. У нас просто нет доказательств, что его убили. А у вас они есть? Хотя бы орудие убийства?»

Да, так он и спросит.

И будет прав.

Мне вдруг пришло в голову, что лучше всего — забыть о новой улике как о страшном сне. По счастливой случайности убийство можно списать на катастрофу — и слава богу!

Нечего ворошить прошлое. Кому будет лучше, если я укажу на Тони: «Вот он, убийца. Ловите его»? Кто-нибудь получит от этого хоть крупицу счастья? Если бы Тони хоть кому-нибудь мешал! Хороший парень. Меня даже тянуло к нему, несмотря на всю его угрюмость. Он похож на своего брата. От него тоже исходило ощущение какой-то притягательной силы, пугающей и успокаивающей одновременно.

Спустя неделю Тони появился в доме. Его корабль торпедировали, но команду спасли.

Тони не получил ни одной царапины, но этот случай

сказался на его душевном состоянии. Он стал еще менее разговорчив, совершенно замкнулся в себе. Почти перестал есть, высох весь. У него появилось много новых морщинок, особенно у глаз и рта.

Я застала его одного на второй день по прибытии в библиотеке. Он сидел, уставившись в одну точку, делая вид, что читает газету.

— Тони! — обратилась я к нему. — Нам нужно поговорить.

Он взглянул на меня, и мне показалось, что в глубине его глаз мелькнула затаенная боль.

— О чем? — вяло произнес он без всякого интереса.

— Видишь ли... Сейчас, наверное, не время... Но...

— Не мямли, ради бога. Говори сразу. В чем дело?

— Я... нашла оружие, которым стреляла в Джефа! В кармане старого плаща.

Он помолчал, внимательно разглядывая меня, как будто стараясь прочесть что-то на моем лице.

— Ты уверена, что это именно оно?

Честно говоря, я ожидала какой-нибудь другой реакции. Например: «Да, это я положил его». Или: «Как оно туда попало?»

— Да, я уверена, что это именно тот пистолет.

— Где он?

Я достала из сумочки завернутый в тряпицу револьвер.

— Посмотри, он заряжен холостыми!

Тони осмотрел оружие и молча кивнул.

— Ну! — закричала я. — Что же ты молчишь? Видишь, я не убивала его!

— А кто же убил?

— Может быть, никто? Может, он просто расшибся при падении?

— По-твоему, я не отличу живого от мертвого?

— Ну а тогда, действительно, кто же убил?

— Патроны в револьвере холостые, — медленно произнес Тони, покачивая револьвер на руке. — Но кто может поручиться, что первая пуля была такая же, как все, а не боевая?

Это мне раньше не приходило в голову, не помещалось в нее и сейчас. Я отталкивала эту мысль, не желая признавать ее очевидности, не желая возвращаться в неопределенное положение то ли виновности, то ли невиновности.

— Нет! — сказала я. — Это невозможно! Это совершенно невероятно!

— Правильно, — слегка кивнул Тони. — Это невероятно. Вся эта история невероятно.

Он протянул мне револьвер, но я отшатнулась от него, как от ядовитой змеи.

— Он тебе не нужен? — спросил Тони.

— Нет, — со страхом отодвинулась я еще дальше.

— Даже как память о Джефе? — нервно усмехнулся он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Так что же, выбросим?

— Э-э-э... Да!.. То есть... Не знаю! — вконец смешалась я.

Наша семейная жизнь с Джефом была очень непродолжительной и, за исключением самых первых недель, не очень счастливой. Мне не нужна была память о нем. Я бы, наверное, уже забыла о своем муже, если бы не мучившая меня загадка его смерти. Мне не хотелось говорить об этом с Тони. Он мог обидеться за брата.

— Зачем ты вышла за него замуж?

— Как зачем? Я любила его. Ты же знаешь!

— Ах да, припоминаю, что-то в этом роде я уже действительно слышал от тебя.

Последняя фраза прозвучала у него насмешливо и горько. Он засунул оружие в карман и положил руку на спинку дивана, почти касаясь моей спины. Его глаза заблестели.

— Что ты знаешь о любви, Нэнси? Ты, любительница широких свитеров, узких юбок и романтической поэзии? А? Что ты понимаешь в жизни? В людях?

Я почувствовала, что неудержимо краснею. Его рука за моей спиной мешала мне, отвлекала, не давала сосредоточиться. От нее исходило тепло, она притягивала к себе... Если он дотронется до меня, решила я, то надо будет встать и уйти. Но в глубине души мне очень захотелось, чтобы он придвинулся поближе и обнял меня.

— Не учи меня жить, — сердито сказала я, надув губы.

Это прозвучало смешно, по-детски, но на большее меня не хватило. Сердце лихорадочно стучало, готовое выскочить из груди. Он ничего не делал, просто сидел и улыбался.

— Ладно, не будем об этом. Это все не так важно.

Понимаешь, я видел много смертей. Гибли хорошие люди: честные, сильные, добрые — не чета Джефу! Им бы жить да жить, делать мир лучше, чище, светлее... А Джеф? Если бы ты на него повнимательней посмотрела, то увидела бы совершенное ничтожество, самовлюбленного болвана — и больше ничего!

Пораженная этими словами, я вскочила и уставилась на него во все глаза! Оказывается, он не просто не любил брата, он отказывал ему в элементарном уважении! Я так растерялась, что встала и, механически переставляя ноги, заковыляла к выходу.

— Нэнси! — окликнул он меня, когда я была уже в дверях.

— Да?

— Ты, надеюсь, не проболталась никому о находке?

— Нет.

— Правильно, — холодно одобрил он. — И впредь не говори никому. Это в твоих же интересах.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

После разговора с Тони я почувствовала себя не в своей тарелке. Ощущение неловкости, чего-то недосказанного осталось и причиняло беспокойство. Впервые в жизни заболели глаза, ломило суставы рук и ног. В голове звенело, как после сильного удара по лбу. Спать в таком состоянии не удавалось. Лишь на несколько часов я забылась, но потом до самого утра не смыкала глаз. Но нет худа без добра: Марианна получила от меня дополнительные ласки и заботы.

Жизнь моя становилась все труднее и труднее, силы постепенно иссякали. Очень много нервной энергии тратилось на тактичное отстранение Эрнестины и миссис Кингсли от активной деятельности по отношению к Марианне. Я испытывала страшное напряжение, когда эти две женщины приближались к моей девочке. Особенно много хлопот доставляла Эрнестина. Она желала влезать во все дела: ее интересовало купание, кормление, прогулки, одевание — везде ей хотелось приложить руки. Когда-то давно, еще в детстве, я, помню, все удивлялась, почему кошки так громко мяукают, если взять на руки их котят. И вот теперь, через много лет, поняла. Я сама вела себя, как кошка.

Однажды я на минутку оставила Марианну в коляске на лужайке и пошла надеть свитер, так как похолодало. По возвращении ужас сковал меня: Эрнестина взяла малышку на руки! Отбросив в сторону все церемонии, я закричала: «Отдайте!» Но Эрнестина отказалась. Я стала вырывать дочь из ее цепких рук. Марианна проснулась и заплакала. Я кричала: «Это мой ребенок! Я никому его не отдам! Никто не смеет его трогать!»

Лицо Эрнестины исказилось, глаза налились кровью и заполнились слезами. С душераздирающим стоном, как будто кто-то мучил ее, она ответила мне жутким криком: «Я хочу! Дай мне ее! Дай!»

— Нет, — сказала я тоном строгой мамы, разговари-

вающей с капризным ребенком, и Эрнестина отдала мне Марианну, но тут же устроила истерику.

Эта уже немолодая женщина стала вести себя совершенно по-детски, как полный несмышлениш. Она упала вниз лицом и стала кричать: «Дай! Дай! А то я умру! Я повешусь! Ну, пожалуйста! Дай!» Иногда она поднимала голову, чтобы проверить результат своих стараний, но я была неумолима, как сама Судьба.

На крики рыдающей женщины вышел Сьюард. Он бросил на меня укоризненный взгляд и поднял Эрнестину с травы.

— Что случилось? — спросил он. Я объяснила. — Ну зачем ты? — сказал он. — Эрнестина любит Марианну и не причинит ей зла.

— Да? Вы уверены? А я — нет.

— Ну почему вы решили, что она хотела утопить девочку? Да. Эрнестина впала в детство, но осталась доброй и любящей!

— А что случилось с Лотти?

Его веки почти сомкнулись, закрывая зеркало души — глаза. Теперь в них ничего нельзя было прочесть.

— Что «Лотти»?

— Как она умерла? — сердито спросила я. Долгое время сдерживаемая досада и обида на всех обитателей дома прорвала плотину молчания и вылилась наружу.

— Как вам пришло в голову спрашивать такое? Откуда вы вообще знаете о Лотти?

— Знаю.

— Я не верю ни единому слову ни одной женщины на свете! Вы вот что! Оставьте это! Эрнестина не обидит ни одной живой твари божьей! Вам понятно? Она и мухи не обидит!

Сьюард обнял внезапно притихшую Эрнестину и потихоньку повел ее в дом.

«Конечно, Сьюард будет ее защищать, — сказала я самой себе. — Ведь он — ее брат. Но, может быть, в его словах есть доля истины? Эрнестина — такая хрупкая, нежная, беззащитная, никогда никому не делала вреда, всегда добра к Марианне. Не слишком ли я к ней сурова?»

Но сомнения недолго одолевали меня. Я взяла себя в руки. Мне нельзя рисковать, доверяя свое единственное сокровище сумасшедшей. Мне не нужны эксперименты,

я хочу быть абсолютно уверенной, что с моим ребенком ничего не случится.

В ту ночь сон не шел ко мне. Я заснула ненадолго, а потом ворочалась в тяжелой полудреме до пяти часов утра, когда надо было вставать и идти на кухню, строго по расписанию готовить Марианне завтрак. Я включила ночник, от которого появлялись слишком длинные, на мой взгляд, тени. Мне они очень не нравились, пугали. Это был очень страшный, самый страшный для меня час суток. В то утро я поднималась по лестнице, как всегда, медленно и на полдороге вспомнила, что забыла взять бутылочку. Повернувшись, я задела своей ночной сорочкой нечто, лежавшее на ступеньках. Пригледевшись, в неверном свете ночника я увидела натянутую на небольшой высоте веревку, концы которой были завязаны на противоположных балясинах лестницы. Если бы я сделала хотя бы еще один шаг, то непременно споткнулась бы и покатилась по крутой лестнице до самого пола. Это могло кончиться чем угодно: от ушибов и переломов до сотрясения мозга или даже смерти. В растерянности, я оглядывалась по сторонам, направляя бессмысленный взгляд то на веревку, то на пол, то вверх. Меня сегодня чуть не убили! Я чудом избежала смерти!

Ноги сами отнесли меня назад. Как лунатик я возвратилась в свою комнату и, услышав голодный крик дочери, боясь идти на кухню, в странном оцепенении стала укачивать маленькое проголодавшееся существо, плохо соображая, что именно я делаю.

Кто же хотел меня убить? Кто же натянул коварную нить? Тот, кто хорошо знает мой распорядок дня! Накануне за ужином я пожаловалась на темноту. Все слышали, что в пять утра я хожу на кухню, пробираясь в полутьме. Все сидели за столом: и Эрнестина, и миссис Кингсли, и Сьюард, и Тони. Кто же из них желал моей смерти? Никого я не могла исключить из списка подозреваемых! Выходит так, что никому я не могу доверять: я окружена врагами!

Пока я механически качала Марианну, она уснула. Постепенно страх уступил место гневу против дома Вейдов и его обитателей. Миссис Кингсли ненавидит меня. Эрнестина хочет отнять у меня ребенка. Сьюард обижен за Эрнестину. Тони молчит, он слишком скрытен, но все-таки я чувствую, что в глубине души он

считает меня аферисткой, вышедшей замуж из-за денег и убившей из-за наследства своего собственного мужа.

Что меня держит здесь? Невиданная прежде злость закипела во мне. Они меня еще не знают! Они думают, что я — бедная овечка? Не на ту напали. Мы еще посмотрим — кто кого! Неужели это из-за денег? Не получают они их! Пусть это не мои доллары, но они по праву принадлежат моей дочери! Я их никому больше не отдам!

Немного поразмыслив, я пришла к выводу, что мне надо промолчать, ничего не рассказывать о натянутой веревке. Пусть убийца выдаст себя неосторожным словом или жестом, я уж не пропущу их. В такой линии поведения, конечно, содержался определенный риск. Кроме того, предстояло жить двойной жизнью, все время быть начеку, оглядываться по сторонам во время прогулок, внимательно смотреть под ноги, следить за всеми, прислушиваться ко всем разговорам.

После этого случая два дня прошли без происшествий. Я пристально рассматривала всех домочадцев, взвешивала их поступки на внутренних весах. Тони показался мне очень подозрительным. Он окажется в наибольшем выигрыше, если мы с Марианной вдруг исчезнем. Я стала с ним предельно осторожной.

Постоянное напряжение сказывалось на здоровье. Иногда по утрам мне приходилось напрягать все силы, чтобы просто встать с постели.

— Ты стала плохо выглядеть, — сказал однажды вечером Тони. — По-моему, тебе надо показаться доктору.

Мы сидели с ним за столом и пили ликер марки «Каалау», доставшийся нам от одного из офицеров-постыльцев, не захотевшего тащить лишнюю тяжесть к себе в каюту на отплывающий в поход крейсер. Моряк угостил ликером миссис Кингсли, а она отдала эти несколько бутылок нам, потому что сама его не любила.

— А что случилось с Нэнси? — спросила Эрнестина. — Почему ей надо к врачу? — Она совершенно забыла свое безобразное поведение по отношению ко мне и опять набивалась в няньки к Марианне.

— Я плохо сплю, — сказала я.

Миссис Кингсли осуждающе посмотрела на меня.

— Вы мало двигаетесь, вот что я вам скажу. Если бы вы убирались в комнатах, мели лестницы, готовили на кухне, вы бы спали прекрасно. Я, например, сплю как убитая.

— Вы не правы. Я двигаюсь достаточно. У меня много других забот: я прохожу по несколько миль в день вместе с коляской, чтобы Марианна поспала на свежем воздухе. На кухне я тоже кручусь, готовя ей детское питание. Нет, все не так просто.

— Но что тогда? — спросила экономка, размешивая сахар в чашке.

— Нервы.

— Нервы? В таком возрасте? Мне бы вернуть ваши годы! В мое времечко меня ничто не могло заставить о чем-то печалиться.

— А сейчас? — спросила я, пристально глядя на нее.

— И сейчас тоже. Мне не о чем жалеть.

Я вглядывалась в смуглое цыганское лицо миссис Кингсли, но ничего не могла на нем прочесть.

Вскоре, следуя совету Тони, я поехала навестить доктора. Сам советчик сопровождал меня в качестве шофера и телохранителя. Мы поехали вместе с Марианной, хотя Эрнестина со слезами уговаривала меня оставить девочку на ее попечение, обещая «хорошо-хорошо» о ней позаботиться. Но я не вняла ее мольбам. Так что мы поехали втроем. Доктора на месте не оказалось, но любезная медсестра дала нам его другой адрес, по которому он принимал посетителей в соседнем городке. Это стоило нам еще часа пути. В новом для меня приемном покое толпилось много ожидавших приема больных. Я устала ждать и готова была уже уйти, когда меня пригласили в кабинет.

Доктор Дэвис плохо выглядел, может быть, еще хуже, чем я. Он сидел за столом, опустил плечи и склонив голову набок. Голос у него был слабый, безжизненный, усталый. Я ему пожаловалась на здоровье, и, пока медсестра возилась с Марианной, он прослушал и осмотрел меня. Особенно его заинтересовал мой рот — он даже достал для его осмотра специальный фонарик, короткий и узкий, похожий на палец.

— Вы мазью пользуетесь какой-нибудь? — вяло спросил он.

— Нет.

— А глазными каплями?

— Тоже нет.

— Странно... очень странно. Полоскаете чем-нибудь рот?

— Да, несколько раз в день. У меня во рту постоянный неприятный привкус.

— Хм-м. Чем именно полоскаете?

Я назвала популярное патентованное средство.

— Не пьете его?

— Нет, что вы, оно невкусное.

Он с минуту помолчал, грызя в замешательстве кончик карандаша.

— Не знаю, что и думать.

— Что со мной, доктор?

— Э-э-э... На фоне обычных послеродовых изменений у вас есть признаки хронического ртутного отравления.

— Ртутного? — вздрогнула я как от электрического разряда.

— Да, ртутного отравления. Вот почему я вас спрашивал о полоскании. Патентованные средства иногда содержат ртутные соединения. В очень маленьких дозах, конечно. Но вы говорите, что не пьете его?

— Нет, что вы, никогда! Но вы уверены, что это именно ртутное отравление?

— Стопроцентной гарантии, разумеется, дать не могу, но первый признак — небольшое посинение оснований зубов — у вас просматривается довольно ясно.

Я непроизвольно закрыла рот ладонью. «Посинение оснований зубов»? Так, значит. Сначала — натянутая веревка, теперь — ртутное отравление.

— Это серьезно? — спросила я с дрожью в голосе, а самой хотелось закричать: «Это смертельно?»

— Нет, не очень. Вы пришли вовремя, не успели еще сильно пострадать. Вот если бы вы пришли попозже, тогда было бы, возможно, хуже.

— У вас уже встречалось такое в практике?

— Время от времени бывает. Особенно у детей. Они ведь любопытные, часто пьют всякую дрянь. Глазные капли, например.

— Глазные капли?

— Да, особенно вредны те, что применяются против конъюнктивита.

Я тут же вспомнила красные глаза Эрнестины. У нее конъюнктивит?

— Какой у них вкус, у глазных капель?

Доктор устало посмотрел на меня долгим изучающим взглядом, каким иногда занятые люди награждают глупых и взбалмошных.

— Часто они безвкусны, но детей привлекают маленькие бутылочки, оставленные без присмотра.

Нет, не о детях думала я, а о себе! Кто-то каждый день капал мне в еду безвкусную отраву. Но ведь в доме едят за общим столом! Только ликер я пью отдельно! Мне очень захотелось рассказать все доктору Дэвису, но потом я удержалась. Что бы я ему поведала? Бездоказательные подозрения? Я уже вызвала его удивленный взгляд, а теперь рискую получить неблагоприятный диагноз о своем психическом состоянии.

— Советую вам,— тихо бубнил тем временем доктор,— оставить полоскание, пить теплую воду, побольше отдыхать. Я выпишу вам снотворное и витамины. Это обязательно поможет. И ради бога, не тряситесь так! Не бойтесь, ничего с вами не случится!

Мне хотелось рассмеяться ему в лицо. Меня хотят убить! А он советует мне не бояться!

По дороге домой я рассказала Тони о диагнозе доктора. Он не среагировал, как будто не поверил или отмахнулся, как от чего-то совершенно неважного. Но потом всю дорогу молчал, не проронив ни слова.

С тех пор я перестала пить ликер. Но перестать есть я не могла. Всяческими стараниями я ухитрилась выторговать себе право есть отдельно по утрам и днем, но трудно было объяснить желание нарушить традицию общего вечернего сбора за столом. Я решила это затруднение, вызвавшись помогать миссис Кингсли на кухне. Мне не верилось, что экономка ненавидит меня до такой степени, что готова отравить, но я не могла сбрасывать со счетов малейшую возможность, ведь речь шла о моей жизни.

Постепенно я почувствовала улучшение. Выздоровление тела благоприятно отразилось на ясности ума. Простой вопрос пришел мне в голову: кому выгодна моя смерть? И получилось, что никому! Ведь, если я умру, наследство все равно не достанется никому из обитателей дома! Меня просто хотят запугать, чтобы я, как заяц, убежала от опасности вместе с дочерью, оставив миллионы долларов Тони. Веревка — не смертельна, ртуть — тоже слишком ненадежное средство, действие которого сильно растянуто во времени.

Ну что ж, я вас раскусила, вам не удастся меня запугать! Исчезли последние сомнения — им не удастся выжить меня из дома!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В последнюю неделю отпуска Тони решил поехать на рыбалку в Колорадо. Именно тогда у меня состоялся серьезный разговор с миссис Кингсли. Вот как это было: я металась по кухне, готовя питание для дочери, и из-за спешки выронила стеклянную бутылочку на пол. Она разбилась вдребезги и привлекла внимание экономки, которая грызла горох в соседней комнате.

— Нервы? — спросила она, появляясь в дверях.

— Не то чтобы нервы, — ответила я, стряхивая остатки разбитого стекла в мусорное ведро. Миссис Кингсли обычно тихо радовалась моим неудачам и в таких ситуациях не заводила разговор без особой на то причины. Я напряглась и стала ждать продолжения.

— Вам нужно отдохнуть.

— Разве?

— Да. В последнее время, правда, вы лучше выглядите, но все равно, нервы у вас неважные. Кстати, что сказал доктор?

— Ртутное отравление, — сказала я, внимательно наблюдая за реакцией собеседницы.

Ее узкие черные брови высоко взметнулись вверх.

— Вы шутите?

— Нисколько.

— Ох уж эти доктора, ничего они не знают, шарлатаны!

— Доктор Дэвис не похож на шарлатана.

— Он наверняка не знал, что сказать, и ляпнул просто так, что ему в голову взбрело, лишь бы поскорее отделаться! Я же вижу, вы просто устали, вот и все! Вам надо съездить куда-нибудь отдохнуть, развеяться.

— Трудно отдыхать, когда ребенок на руках.

— А вы ее оставьте, — спокойно произнесла миссис Кингсли, продолжая лущить горох.

— Как просто у вас выходит!

— Да, очень просто. Я умею обращаться с детьми.

— Надо же, как легко и просто! Раз-два — и готово!
— Нэнси, я серьезно говорю.

Я посмотрела на нее и убедилась, что она действительно не шутит. Ее осенила новая идея, и она приступила к ее реализации. Это становилось опасным.

— Вы хотите избавиться от меня? — резко сказала я.
— Я? Зачем? Зачем мне это нужно?

Действительно, зачем ей это нужно? Она не любит меня, но любит Марианну как продолжение обожаемого Джефа. Может, поэтому?

Миссис Кингсли бросила в рот последние горошины.

— Я пойду — мне нужно заказать мяснику цыплят на ужин. А вы подумайте, Нэнси, насчет отдыха, подумайте хорошенько.

Рассеянно я подошла к кухонной полке за стеклянной бутылочкой взамен только что разбитой. Но тут что-то царапнуло взгляд, что-то невольно привлекло внимание. Маленький пузырек. Я взяла его и посмотрела на этикетку. На ней, под черепом со скрещенными костями, было написано: *«Глазные капли. Применять три раза в день по две капли. Внимание: беречь от детей. Только для наружного применения»*. Да-да. Беречь от детей. От детей и от отравителей!

Как пузырек оказался на кухне? Кто его принес сюда и зачем? Миссис Кингсли? Какие странные разговоры вела она со мной. Неужели она серьезно рассчитывала выпроводить меня вон, а Марианну оставить себе? Она не похожа на ненормальную, но, может быть, так оно и есть?

Одна сумасшедшая в доме — это уже много, но если их две... Скорей бы прошли эти несколько недель, я вступлю в права наследства и уеду, куда захочу, потому что стану независимой! Как это прекрасно — независимость, свобода! Можно делать что хочется, жить где пожелаешь! Не надо никого просить о помощи, думать о куске хлеба, бояться болезней. С каждым прошедшим днем, решив уже получить деньги, все труднее было сдерживать нетерпение.

Пока же время не пришло, надо опасаться за свою жизнь. Пузырек с глазными каплями подтверждает наличие заговора против меня. Миссис Кингсли, как самая волевая, вполне может состоять в нем, а может быть, даже возглавлять его. Я же ничего не знаю о ней. Мои сведения почерпнуты исключительно из непродолжи-

тельного разговора со Сьюардом. Мне необходимо собрать о ней как можно больше информации. Надо поговорить с Тони.

Я стала ждать Тони. Он приехал солнечным весенним днем, когда я отдыхала в постели, спрятавшись от света за занавесками. Едва заслышав его шаги и позвякивание рыболовной амуниции, я вскочила с кровати и быстро оделась. Потом последовала за ним в кладовую комнату, где он хранил свои снасти. В кладовой было жарко и душно. Солнце проникало в комнату через три узких окна, каждое высотой во всю стену, с пола до потолка. Тони поднял тучи пыли. Каждая пылинка была заметна в ярком солнечном свете. Вместе они составляли причудливый, все время меняющийся узор. На полу лежали, сваленные в беспорядке, старые вещи: сломанные стулья и столы, вышедшая из моды верхняя и нижняя одежда, большие чемоданы и узлы, грибовидные настольные лампы.

— Как это ты меня нашла? — спросил Тони.

— Я шла за тобой. Мне очень нужно поговорить.

— Да? — сказал он странным тоном, который я не смогла понять, а выражение его лица было трудно уловить, поскольку свет из окна бил мне прямо в глаза.

— Да. Расскажи мне о миссис Кингсли.

— Что именно ты хочешь знать?

— Помнишь о диагнозе доктора Дэвиса?

— Ртутное отравление? Это чепуха.

— Ты не прав, это вполне возможно. Я нашла на кухне глазные капли. Доктор Дэвис сказал мне, что глазные капли часто содержат ртутные соединения.

— Ну и что? Мама закапывает иногда себе в глаза. По рассеянности, вполне для нее простительной, она могла забыть пузырек на кухне. При чем здесь миссис Кингсли?

— Я ей не нравлюсь. Она меня не любит. И, помимо, подозревает, что я имею отношение к смерти Джефа.

— Чепуха. Она не станет носить камня за пазухой. Если она что-нибудь заподозрила, то тут же выскажет вслух. Открытая натура.

— Открытая натура? Она, наверное, каждый день открывает пузырек с каплями и стряхивает немного в мою тарелку.

— Возможно, — отозвался Тони ленивым голосом, в котором чувствовалось сдерживаемое напряжение.

Я не ожидала такого быстрого согласия. Мне казалось, Тони будет успокаивать меня, отговаривать от поспешных выводов, а он? У меня заняло в груди.

— Миссис Кингсли была бы рада выжить меня из дома. Одну, без дочки,— продолжала я.

— С чего ты взяла? — удивился Тони, высоко подняв брови.

— Она сама сказала. Вчера. Предложила мне уехать отдохнуть куда-нибудь одной.

— А ты?

— Отказалась. Но мне стало не по себе. Я далека от мысли, что ее заботит мое здоровье.

С минуту он молчал. Потом сел на самый большой сундук и вынул сигарету.

— Присядь рядом, Нэнси. Мне кажется, я тоже должен кое-что тебе рассказать.

Я села справа от него. Теперь у меня заняло не только в груди, но и в сердце.

— Я думаю,— начал он, зажигая сигарету,— сейчас будет уместно рассказать тебе, как миссис Кингсли появилась в нашем доме и заняла в нем нынешнее положение. В эту неделю мне удалось узнать нечто такое, что проливает свет на эту историю. Хотя, как теперь мне кажется, я всегда чувствовал неладное.

— Что ты узнал?

— Не торопись, послушай с самого начала. Миссис Кингсли пришла в наш дом, когда я был еще младенцем. Она была молода, красива — особой, дикой цыганской красотой. О ее муже никто ничего не знал, а она сама молчала о нем. В то время у нас был большой штат прислуги во главе с другой экономкой, не с миссис Кингсли. Ту экономку я совсем не помню. Только запах розовой воды и зеленый цвет длинного шелкового платья. Однажды ее не стало, она бесследно исчезла из моей жизни. Позднее я краем уха слышал, что миссис Кингсли поймала ее за руку, когда та что-то своровала. Не помню точно, что именно: то ли деньги, то ли масло. Не знаю, честно ли играла сама миссис Кингсли, но с тех пор она занимает освободившееся место. Работает хорошо, ничего не могу сказать против. Все у нас в порядке. Когда был жив отец, они вдвоем допоздна проверяли все счета. Даже ребенком я, помню, все удивлялся: неужели проверка счетов занимает столько времени? Теперь-то я знаю, что их от-

ношения представляли собой нечто большее, чем отношения между служанкой и хозяином.

Лотти я помню. Мне было восемь лет, когда она утонула. У нее были длинные светлые волосы, бледное лицо — она походила на мать. Ее смерть сильно подействовала на меня. Несколько лет я просыпался по ночам с криками, мучимый кошмарами. До сих пор мне иногда снится, как она под водой, с разметавшимися волосами, хочет вдохнуть воздуха и не может, задыхается. Тело ее так нигде и не нашли. Причина смерти никогда не обсуждалась, но из намеков и полунамеков взрослых я сделал вывод, что мама каким-то образом причастна к гибели Лотти.

— Каким именно?

— Не знаю точно. Похоже, что сестра погибла из-за маминой небрежности. Мама всегда была несколько рассеянной.

Тони стряхнул пепел прямо на пыльный пол и продолжал.

— Через шесть месяцев после смерти Лотти родился Джеф, и все изменилось для меня. До этого момента отец отличал меня, делал подарки, играл со мной. Но потом весь дом сделал Джефа предметом своих забот и внимания, а я остался в тени младшего брата. Это было горько и обидно, я не заслуживал подобного забвения. Теперь-то я понимаю, что случилась обычная вещь: новый ребенок всегда становится центром семьи. Но тогда мне казалось, что он забирает мою долю в сердце родных и близких, особенно у папы и миссис Кингсли. Когда умер папа, я очень переживал. Это был еще один тяжелый удар для меня. А потом, когда прочитали завещание, я окончательно, бесповоротно, болезненно ясно понял, что отец не любил меня. Или по крайней мере любил гораздо меньше Джефа, потому что оставил ему все свое состояние. Я тогда был в переходном возрасте, очень опасном для психики. И каково было мое окружение? Мама ушла в мир грез. Миссис Кингсли не замечала меня. И любимый отец — и тот, даже после смерти, обидел первенца. Дважды я сбегал из дому, чувствуя себя ненужным, нелюбимым. Потом с помощью дяди Сьюарда меня по моему желанию устроили в частную школу-интернат. Да, конечно, я приезжал на летние каникулы, но, повзрослев, нашел другие, более подходящие для отдыха места. Я не любил свой дом, меня раздражал Джеф,

капризный и своенравный, привыкший, что каждый носится с ним как курица с яйцом. Я не прощал пренебрежения ни маме, ни миссис Кингсли. С течением времени — год назад, если сказать правду, — я понял, что зря недолюбливал маму. Я решил жить в нашем доме и вернуть маме свою любовь, которую задолжал ей за все эти годы. Теперь я взглянул на все новыми глазами, и многие вещи, казавшиеся мне ранее естественными, стали удивлять и раздражать меня. Всевластие миссис Кингсли, например. Почему никто не может ей слово поперек сказать? Почему мама терпит ее своеволие? Даже дядя Сьюард никогда не заступает за маму!

— Да, я тоже удивляюсь.

— Чему?

— Тому, что Сьюард не заступает за дорогую ему Эрнестину, даже если миссис Кингсли доводит ее до слез.

— Да-да. И еще одно меня удивляло: отношение миссис Кингсли к Джефу. Я понимаю, что она привязалась к мальчику, пока растила его с самых пеленок. Но ее любовь, по-моему, переходила всякие границы. И вот теперь я понял почему. Однажды мне на глаза случайно попалось свидетельство о рождении Джефа. Я, конечно, и раньше знал, что брат родился в Колорадо, хотя и я, и сестра родились в Сан-Диего, но в тот раз ко мне пришло озарение. Я почувствовал, что в этом кроется какая-то тайна. Не буду останавливаться на всех подробностях своих рассуждений, приведших меня на прошлой неделе в один из родильных домов Колорадо.

— Так ты не ловил рыбу?

— Ловил, но не рыбу. Ловил свидетелей. Одна из старых медсестер, к моему счастью, обладает завидной памятью. Она запомнила миссис Вейд и, когда я попросил описать ее, сказала: «Черноволосая, похожая на цыганку».

— Это миссис Кингсли! — закричала я.

— Да. Я тоже так думаю. Миссис Кингсли — родная мать Джефа, — криво усмехнулся Тони. — Удивительно, как я не догадался за все эти годы. Это же просто как дважды два. До меня ведь доходили слухи о лихой молодости моего отца.

— Ты рассказал это ей? Я имею в виду миссис Кингсли. Рассказал, что ты знаешь?

— Да. Она сначала все отрицала, но потом призналась, когда я рассказал о своей поездке в Колорадо. Не

только призналась, но в ответ порассказала много чего интересного. Оказывается, отец не разводился с моей мамой только из-за денег.

— Из-за денег? Но он же был богач!

— До женитьбы он был не богач, а бедняк. У мамы было большое приданое: полмиллиона долларов, которые послужили трамплином для отца. Эти деньги в случае развода отходили к маме, и отец не хотел терять такой куш даже ради прелестей Беллы Кингсли.

— Но он оставил все деньги сыну миссис Кингсли.

— Она, должно быть, шантажировала его. Они договорились между собой. Он обещал, наверное, оставить все деньги Джефу и растить его как законного сына, а она обещала молчать.

— А твоя мама?

— Она никогда не была сильной личностью, способной постоять за себя, а после смерти сестры с ней вообще можно было не считаться. Брат же родился, как тебе известно, через полгода после гибели Лотти.

Постепенно ужас положения стал доходить до меня.

— Выходит, Марианна — внучка миссис Кингсли? И если что-нибудь случится со мной... — Голос мой прервался. Я помнила заботливость экономки. Но она стала хорошо ко мне относиться только после смерти Джефа. До этого она ненавидела меня! А теперь она хочет разлучить меня с дочерью. Лишь только я уеду, она живо сочинит историю о том, что я бросила Марианну. И завладеет внучкой.

Не удалось отравить, не получилось, сломать шею с помощью натянутой веревки, так она решила просто прогнать меня?

— Ничего с тобой не случится, — прервал вдруг молчание Тони, как будто прочитав мои мысли.

— Откуда ты знаешь?

— Я припугнул миссис Кингсли.

— Что ей твои угрозы! Знаешь, я еще никому не рассказывала, я тебе скажу: я чуть не споткнулась о веревку, натянутую на середине лестницы, когда ранним утром шла на кухню. Если бы я упала, то наверняка сломала бы себе шею!

— Веревка? Старая глупая шутка? Странно. Ты думаешь, миссис Кингсли могла пойти на такое?

— После того, что ты разузнал, я не исключаю такой возможности.

— Все равно, даже если это сделала она, теперь ей будет не до шуток. Я предупредил миссис Кингсли, что отослал Андерсену письмо со сведениями о родителях Джефа, чтобы адвокат вскрыл мое послание в случае твоей смерти. И подозрение сразу падет на нее.

— И как она отреагировала?

— Рассмеялась. Заявила, что мое письмо только поможет ей убрать все препятствия с ее дороги.

— Но ведь моя смерть ничего не решит. Все равно настоящая наследница — это Марианна.

— Да, я ей сказал то же самое. Но она опять засмеялась: «Убить младенца — это дело проще пареной репы. Подушку на голову — и все. Среди младенцев очень много смертей от удушья».

Я затрясла головой. Слишком реальной получилась в описании картина преступления.

— Замолчи! Не хочу слушать!

Тони подсел ко мне поближе.

— Ты не думаешь, надеюсь, что я это все выдумал, да? Ты не доверяешь миссис Кингсли, правда ведь?

Я промолчала. Или мне надо было признаться, что стала уже подозревать и его тоже? Какое участие он принял в загадочной смерти Джефа? Преододел ли он подростковую озлобленность на весь белый свет? Тони — старший сын. Деньги по праву должны были принадлежать ему. Пять миллионов могут любого добрейшего человека превратить в дикого зверя.

— Мне кажется, я тебе верю, — с трудом произнесла я лживые слова.

Мы сидели рядышком на огромном сундуке. Он обнял меня одной рукой.

— Тебе, по-моему, нужна опора, крепкое мужское плечо, — с улыбкой сказал он.

Я замерла как истукан. Только сердце бешено колотилось в груди.

— Я прав? Как тебе кажется? — продолжал Тони, прижимая меня к себе. — Выходи за меня замуж, тогда ты будешь верить мне, правда? У меня не будет причин желать тебе смерти.

— Оставь меня! — прохрипела я страшным голосом, который едва узнала.

— Не можешь забыть Джефа? — замерев, спросил Тони.

Я отрицательно помотала головой.

— Хочешь, я помогу тебе забыть? — произнес он и стал целовать меня.

Но он был не прав, я вовсе не думала о Джефе. У меня и мысли не было о нем. Я чувствовала себя одиноким, оторванным от дерева листиком, который захвачен ветром и несется неведомо куда в холодном, враждебном мире.

И Тони тоже мог быть врагом! Я с силой оттолкнула его и вскочила на ноги.

— Не делай больше так, Тони! Никогда!

— Почему? Экая ты недотрога. Не удивлюсь, если Джеф женился на тебе, потому что не было другого способа сломить твое сопротивление.

Я дала ему пощечину. Это вышло совершенно автоматически. Послышался звонкий шлепок. Уже через секунду я пожалела о содеянном. Это был бессмысленный и глупый поступок.

Но Тони не обиделся. Он засмеялся, насмешливо и горько.

Я выбежала из комнаты, но его смех преследовал меня сквозь все стены.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Я стремительно вбежала в свою комнату и, добравшись до кровати, без сил рухнула на нее, закрыв глаза. Но образ Тони не оставлял меня. Лгал ли он? Его история про миссис Кингсли — выдумка это или нет?

Очень правдоподобная версия. Сначала она ненавидела меня, змею, соблазнившую ее дорогого мальчика. Потом заботилась обо мне, будущей матери ее внуки. А теперь дает мне отпуск. Вернее, отставку. Хочет, чтобы я ушла, оставив Марианну бабушке. Как все хорошо объясняется!

Но, если это правда, если Марианна связана с миссис Кингсли кровными узами, то мне грозит еще большая опасность!

Я со стоном перевернулась на спину. Мне стало страшно. Я боялась миссис Кингсли, волевою и умную женщину. Наверное, очень поднаторевшую в искусстве интриги. Кто я против нее? Она выслужилась из простых служанок до главной экономки. Такая карьера потребовала от нее скорее всего большой изворотливости, знания людей, их слабостей и достоинств. Она взяла всю власть и распоряжается теперь в доме Вейдов, как в своем собственном.

Слабохарактерная Эрнестина — полностью под влиянием экономки, это можно еще понять, но — Сьюард! Почему он не перечит какой-то, в сущности, служанке? Это — загадка. И решение ее, похоже, связано с таинственными обстоятельствами гибели Лотти. Так мне подсказывала интуиция. Две загадки в одном доме должны быть связаны между собой! Каким образом Эрнестина причастна к смерти собственной дочери? Почему эта тема окружена такой плотной стеной молчания? Что там в действительности случилось? Может быть, Лотти вовсе не утонула? Кто это видел? В тот день в доме было три человека: миссис Кингсли, Эрнестина и няня Лотти по имени миссис Тесси Блаунт, исчезнувшая, кстати говоря,

из дома сразу же после трагедии. С чего бы это? Наверное, была веская причина. Интересно, какая? Интуиция подсказывала мне, что для разгадки тайны необходимо поговорить с миссис Блаунт.

Я решила вывести про бывшую няню у Сьюарда. До сих пор он прятался от моих расспросов, как улитка в раковину. Придется идти очень не любимыми мной окольными путями, хитрить и обманывать.

На следующий день я застала Сьюарда за работой в саду. Стоя на четвереньках, он копался руками в земле, высаживая маргаритки. Заслышав мои шаги, он поднялся, отряхнул колени и вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб. Я улыбалась ему, несмотря на то, что чувствовала себя не в своей тарелке.

— Знаете, рвать цветы гораздо легче, чем их сажать, — доброжелательно сказал он после приветствий.

— Вам никто не помогает?

— Некому.

— Если бы не моя лень, я бы с удовольствием помогла.

— Бросьте. У вас есть работа на все двадцать четыре часа в сутки и даже больше. Растите ребенка и ни о чем не думайте.

— Да, хлопот мне хватает, а няня ушла. Я приглашала миссис Фоулер вернуться, но у нее столько контрактов, что хватит на полгода вперед.

— Попробуйте пригласить кого-нибудь еще. Вот я, например, прочитал вчера в газете объявление: «Предлагаю свои услуги няни».

— Нет-нет, я не хочу рисковать, мало ли кто может дать такое объявление. Миссис Фоулер рекомендовал мне доктор Дэвис, поэтому я ей верила. Скажите, а вы мне можете кого-нибудь порекомендовать?

— Нет, — покачал головой Сьюард.

— Вы знаете, о чем я подумала? Мне вспомнилось, что миссис Кингсли говорила про некую миссис Блаунт, работавшую когда-то в доме Вейдов. — Я почувствовала, как окаменело его лицо, но продолжала: — Как вы думаете, она...

— Она уже слишком стара, — нетерпеливо прервал он меня.

— Но... может быть, она кого-нибудь порекомендует?

— Едва ли. И вообще, я слышал, что она вот уже

несколько лет, как умерла, — сказал Сьюард, отвернувшись в сторону. Разговор не нравился ему. Не хотел ворошить прошлое? Или какая-то другая причина?

Отчаявшись получить нужные сведения у людей, я заглянула в телефонную книгу. Там оказалось три миссис Блаунт, но только одну из них звали Тесси. Звонить ей мне не хотелось — я опасалась подслушивания. Сьюард скрыл от меня адрес няни, значит, он чего-то боится и постарается не допустить нашего знакомства. Я решила нанести миссис Блаунт личный визит, несмотря на возможные преграды, любой ценой встретиться с ней.

Я достала карту Сан-Диего и нашла на ней дом бывшей няни Лотти. Район оказался далеко не фешенебельный. Добраться туда можно было только автобусом. Долгая дорога вместе с Марианной не сулила большого комфорта, но моя решимость от этого не уменьшилась.

Спускаясь по ступенькам, готовая сбежать, я неожиданно наткнулась на Сьюарда.

— Мне нужно съездить в город... за ботинками, — смутившись, сказала я.

— Я вас отвезу на машине.

— Не беспокойтесь, пожалуйста.

— Что вы, это нисколько меня не затруднит.

— Э-э-э... Сьюард, вы знаете, Марианна еще ни разу не каталась на настоящем автобусе, — пролепетала я, мучительно краснея. — Это будет для нее большим приключением. Кроме того, я ведь знаю, что вы хотите постричь газоны. Стоит ли отвлекать вас от работы? — Приходилось валить все в кучу, плести несуразицы, но что еще оставалось? Не выкладывать же ему истинную причину моей поездки!

— Не буду настаивать, — улыбнулся Сьюард. — Но на автобусную остановку все же доведу, тут уж вы не отвертитесь.

Он настоял на своем и отвез нас куда захотел. Дальше наш путь проходил без особых удобств: духота, давка, пересадки с маршрута на маршрут. Время тянулось бесконечно медленно. В сутолоке потерялся свитер Марианны. Я бы потерялась сама в этом запутанном лабиринте улиц, если бы не постоянная помощь любезных прохожих. Толпа рассеялась, когда автобус выехал из центра города, а после остановки «Парк Бальбоа» во всем салоне осталось трое пассажиров: мы с Марианной и старушка с полной хозяйственной сумкой.

Я очень устала, Марианна оттягивала руки, как пудовая гирия. Дом миссис Блаунт был довольно мил: маленький, одноэтажный, почти невидимый в зарослях розового олеандра. Мне пришлось долго стучаться в дверь. Присевший рядом огромный рыжий кот смотрел на меня и ждал результатов моих усилий. В конце концов дверь заскрипела и приоткрылась. В образовавшуюся щель смотрели два невыразительных глаза.

— Чего надо? — спросил недоверчивый хриловатый голос

— Вы миссис Тесси Блаунт?

— Я. Ну и что из того?

— Вы — опытная няня, — начала я. — Мне бы...

— Я давно на пенсии.

Да, это была Тесси Блаунт, работавшая когда-то няней. Значит, она — та, кого я ищу. Вряд ли такое возможно: две полные тезки с одинаковыми профессиями.

— Миссис Блаунт, — жалобно протянула я, стараясь побудить ее впустить меня в дом, — я проделала дальнюю дорогу, чтобы поговорить с вами.

Я действительно очень устала и надеялась, что мой голос звучит не очень фальшиво.

— Кто вас послал? — Ее глаза сузились.

— Никто меня не посылал. Я слышала про вас много хорошего.

— От кого?

— От миссис Вейд.

Дверь тут же изо всех сил захлопнулась, и я бы уехала ни с чем, если бы не помощь того самого гигантского рыжего кота. Его прищемило дверью, и он заорал дурным голосом. Тут же послышалось легкое оханье, и миссис Блаунт с причитаниями взяла слегка помятого зверя на руки и стала ласкать его.

— Я жена Джеффри Вейда, — крикнула я в отчаянии.

— Какого Джеффри? — спросила рассеянно миссис Блаунт, глядя пострадавшего по рыжей шерсти.

— Младшего брата Лотти.

— А-а. Да, я слышала, что у них родился еще один мальчик.

— Мне нужно поговорить с вами.

— О чем?

— Может быть, вы порекомендуете мне какую-нибудь другую няню? Прошу вас, пустите меня в дом, — взмолилась я. — Я не отниму у вас много времени.

Я чувствовала себя торговцем тухлым товаром, который навязывает вопреки воле покупателя ненужную ему вещь. Но мне необходимо было поговорить с ней. Иначе зря я мучилась по такой дороге, что ли?

— Э-э-э... Ну ладно, вы все-таки — член семьи, да?

Она наконец открыла дверь и впустила меня. Сразу в нос ударил кошачий запах. Дом был очень маленький, плохо обставленный, всего с двумя ветхими стульями. На стенах висели матерчатые плакаты: «Добро пожаловать в Сан-Диего», «Привет из Лос-Анджелеса», «В гостях хорошо, а дома лучше». На подоконнике, между цветочными горшками, спали два кота, свернувшиеся клубочком.

— Садитесь, — сказала миссис Блаунт.

Я сняла кота с одного из стульев и воспользовалась приглашением. Няня едва разместилась на диване напротив меня. Она была чудовищно мясистая. Не полноватая, не толстая и даже не тучная, а именно мясистая, вся состоящая сплошь из могучих складок: на подбородке, на боках, на ногах. Похожее на мешок платье не могло придать форму человеческого тела такой уродливой композиции.

— Вот так, значит, время бежит, — сказала туша. — Младенец вырос и родил нового младенца.

— Он погиб в авиакатастрофе.

— Это плохо. Не успел, наверное, помянуть ребенка.

Кот, сидевший у нее на руках, улучил мгновение и прыгнул на диван. Тут же толстая рука хозяйки ухватила его за загривок.

— Ах, какой быстрый, — сказала она.

— Муж погиб до рождения дочери.

— Это еще хуже. Такая судьба, наверное, у семьи Вейдов.

— Да, наверное, — напряглась я. — И смерть Лотти тоже была трагической.

Она цокнула языком, но ничего не сказала, глядя заурчавшего кота, и перевела разговор на другое.

— Как зовут вашу дочь?

— Марианна.

— Хорошее имя. Дайте мне поддержать ее.

Все хотят поддержать, как с цепи сорвались. Я с тревогой передала дочь чужой женщине, к тому же, как мне показалось, не очень опрятной. Марианна не очень испу-

галась, с интересом разглядывая необъятные тела новой знакомой.

— Сколько ей?

— Восемь месяцев.

— О-о, какая большая. А я думала, ей девять месяцев. Ты хорошо растешь, правда, бэби? — стала гладить она девочку совершенно так же, как кота. Отвергнутый кот внимательно рассматривал соперницу, хлеща себя хвостом по бокам.

— Как вы умеете ладить с детьми. Миссис Блаунт, — польстила я ей. — Может быть, вы смогли бы прервать свое уединение и посидеть немного с моей малышкой? — жалобно спросила я, изо всех сил надеясь, что она не примет предложение.

— Нет, — сказала няня, к моему большому облегчению. — Слишком стара стала. Мне не надо зарабатывать на кусок хлеба, я получаю пособие. Бедный мистер Блаунт после своей смерти не оставил мне ни гроша. Если бы не Вейды, помереть бы мне в старости с голоду.

— Вейды?

— Да. Они назначили мне пенсию.

— Вы, наверное, долго работали в их доме?

— Я была няней Лотти.

Значит, работала два-три года! Всего два-три года. И с тех пор прошло уже двадцать пять лет! Двадцать пять лет платить пенсию за два года работы?! Не плата ли это за молчание?

Марианна во все глазенки смотрела на добрую бабушку, которая старалась вовсю: и качала девочку, и пела ей, и щелкала пальцами, и строила смешные рожицы.

— Нет, все-таки вы умеете обращаться с детьми, — сказала я на этот раз без всякой натуги, потому что это была очевидная правда. Стоило бросить один только взгляд на Марианну, чтобы убедиться в справедливости сказанных слов.

— Я знаю один секрет, — ответила няня, показывая в улыбке рот, в котором недоставало нескольких желтых зубов.

— Скажите, вы вспоминаете Лотти?

— Да, часто. Она была очень мила. Совсем как ваша.

— На кого она была похожа: на мать или на отца?

— На мать. У нее были светлые волосы, бледная кожа, хрупкая фигурка. — Какой-то огонек зажегся в глазах старой няни при этих словах.

— Миссис Вейд немного повредила в рассудке, но, раньше, наверное, она была очень разумной и достойной женщиной, не так ли?

— Наверное, так. Но на вашем месте я бы не поручала дочь ее забстам.

— Почему? — Я постаралась как можно шире открыть глаза от удивления.

— Потому что... — Она запнулась. — Потому что, поверьте мне на слово.

— Это связано со смертью Лотти? — полезла я напролом.

— Э-э-э... Я не хочу трепать языком. Иначе я лишусь пенсии.

Вот так. Значит, она получает деньги за молчание. Кто же ее посылает? Миссис Вейд? Миссис Кингсли?

— Ну, миссис Блаунт, мне совершенно необходимо знать правду. Иначе как мне защитить свое дитя от опасности, если я не представляю себе, что это за опасность?

— Просто не спускайте с нее глаз. И никому не говорите. Это все, что я могу сказать.

Я доставала из сумочки платочек и лихорадочно соображала, пока няня цокала языком и по-всякому изощрялась, забавляя Марианну. Чем ее можно пронять? Деньгами? Если она взяла одну взятку, почему бы ей не взять и другую?

— Миссис Блаунт, я по достоинству оцениваю вашу преданность семье Вейдов. Но я тоже Вейд. И даю вам слово, что все сказанное останется строго между нами. Кроме того, я могу вам предложить определенную сумму за беспокойство.

— Э-э-э. Не знаю, что и сказать.

Я видела, как бегает ее глаза.

— Я не хочу, чтобы вы подумали, что я... подкупаю вас. Это будет просто подарок от... благодарной матери.

Миссис Блаунт стала качать Марианну на железобетонном мягком колене. Девочка зашлась от восторга.

— Это нехорошо... Я ведь обещала не трепаться...

Внезапно кот прыгнул с дивана, подошел к двери и заорал.

— Я никому не скажу, даю вам честное слово.

Она молчала, уставившись в пол. Я пододвинула свой стул поближе к ней. От нее сильно пахло кошками.

— Сто долларов, — стараясь сдержать дрожь в голосе, предложила я.

— Прямо даже не знаю...

— Двести,— подняла я ставку, как на аукционе.

Она покачала головой. Сидя рядом, я почувствовала флюиды страха, отходящие от нее.

— Я должна подумать,— с трудом ворочая языком, ответила миссис Блаунт.

Видимо, страх в ней боролся с алчностью. Ей все-таки хотелось получить деньги.

— Я приеду завтра,— настаивала я.— И принесу деньги.

— Да, завтра,— сказала она с видимым облегчением.— Давайте отложим до завтра. Почему бы не отложить все до завтра? Я подумаю и решу. А вы приезжайте. Только не забудьте малышку — мы с ней подружись.

Всю дорогу мысли одолевали меня, и я в конце концов решила, что миссис Блаунт не обманывала. Она, как мне показалось, действительно что-то знает и боится признаться даже мне, члену семьи Вейдов.

На следующий день я выехала ранним утром, когда все спали, чтобы избежать ненужных расспросов. На кухне осталась моя записка с объяснениями. Я написала, что ушла на прогулку вместе с Марианной.

Дорога до автобусной остановки показалась мне очень длинной и нудной. Марианна становилась тяжелее с каждым пройденным шагом. День начинался плохой погодой, но потом просветлело, и, когда я подъезжала к цели своего путешествия, солнце светило вовсю.

Подходя к дому, я заметила небольшую толпу прямо напротив дома миссис Блаунт. Сердце у меня екнуло в недобром предчувствии. Подойдя еще ближе, я обратила внимание на полицейскую машину, стоявшую у крыльца. Марианна завозилась у меня на руках, потому что я сжала ее сильнее, перейдя на скорый шаг. Не дай бог, что-то случилось с миссис Блаунт!

Я прокладывала себе дорогу через толпу зевак, которая всегда собирается вокруг места, где произошло какое-нибудь несчастье. У дверей нужного мне дома стоял полицейский. Я обратилась к нему:

— Что произошло?

— Несчастье, миссис,— коротко ответил молодой до неприличия полисмен.

— Что-нибудь случилось с миссис Блаунт?

— Вы ее знали? — цепко спросил он. В нем чувствовалась профессиональная хватка. Из молодых да ранних.

— Да... То есть... Ну да. Я вчера приходила к ней. — Правда вырвалась из моих уст совершенно произвольно. Я даже не успела подумать, стоит ли мне ввязываться в это дело.

— Вы живете поблизости, мадам?

— Нет... То есть... Нет.

— Значит, вы утверждаете, что видели миссис Блаунт именно вчера, так?

— Видите ли, я, собственно, пришла, чтобы...

— Одну минутку, мадам. Пройдите, пожалуйста, внутрь. — Он открыл дверь. — Шеф хочет поговорить со всеми, кто видел миссис Блаунт.

Тут из дома вышли двое дюжих молодых людей и проводили меня к шефу. Мы вошли в знакомую комнату. Теперь обстановка здесь изменилась. Все, что можно, было сломано. Обивка стульев вспорота. А в углу находилась бесформенная масса, прикрытая серым ковром. Рядом лежал, уставив неподвижный взгляд в потолок, рыжий красавец кот. Значит, его тоже убили. Я старалась не смотреть в ту сторону.

Высокий человек в сером костюме отдавал быстрые распоряжения. «Отпечатки пальцев сняли? Фотографии проявлены? Как получите, принесите сразу мне». Рядом стояли квадратные крепыши, ожидая, видимо, своей порции приказов. Но высокий человек, по всей видимости начальник, повернулся к маленькой женщине, постоянно снимавшей и надевавшей очки.

— Спасибо, миссис Ярвис. Мы вас вызовем, если нам понадобится. Выйдите, пожалуйста, через эту дверь.

— Да,— нервничая, сказала миссис Ярвис. — Как я уже говорила, я — соседка миссис Блаунт. Она не зналась с соседями, понимаете? Она все время отдавала свои кошкам. Они были для нее совершенно как дети. Она их укачивала и даже разговаривала с ними, ну точно как с маленькими детками...

— Да-да, мадам, это я уже слышал. Пройдемте, пожалуйста! — он увлек за собой женщину в другую комнату.

Молодой полицейский занялся мной.

— Как вас зовут, мадам?

— Миссис Вейд,— ответила я, подавив желание назваться чужим именем.

— Капитан! — крикнул он. — Здесь миссис Вейд, которая вчера разговаривала с жертвой.

— В котором часу? — спросил тут же вернувшийся капитан.

У него были холодные серые глаза и пронизывающий насквозь взгляд. Марианна стала хныкать и вертеться у меня на руках.

— Присядьте, пожалуйста. Итак, в котором часу вы виделись с миссис Блаунт?

— Около одиннадцати. То есть между одиннадцатью и двенадцатью.

— Так,— произнес симпатичный, как я теперь разглядела, капитан. У него были мягкие, волнистые волосы, густые брови и «боксерский», слегка сломанный нос.

— Как давно вы знакомы с миссис Блаунт? — спросил он и элегантно движением тонких пальцев достал сигарету.

— Я видела ее впервые.

Марианна завозилась сильнее. Я стала ее укачивать. Это мешало сосредоточиться на разговоре.

— По какому поводу? — продолжал допрос полицейский, закуривая сигарету от изящной серебряной зажигалки.

— Она была когда-то очень хорошей няней. Я хотела предложить ей работу.

Не могла же я рассказать правду! Зачем она им?

— А что с ней произошло? — вырвался у меня вопрос.

— Ее застрелили. Судя по всему, преступники получили сигнал, что у старой женщины где-то спрятаны деньги.

Он показал рукой в сторону спальни. Я посмотрела туда и увидела вспоротый и выпотрошенный матрас.

— Мы не знаем, действительно ли были деньги, или произошла ошибка. Мы уже подозреваем нескольких уголовников и надеемся вскоре найти убийц.

Он в задумчивости выпустил изо рта кольцо из дыма.

— Кстати, а зачем вы сегодня-то пришли, миссис Вейд?

Я немного помолчала, делая вид, что поправляю одежду Марианны, а потом спокойно ответила:

— Она сказала, что подумает над моим предложением и чтобы я приехала за ответом.

Это не была полная ложь — тем легче мне было ее произнести.

— Вы не заметили никого подозрительного, когда выходили из дома?

— Нет. Но я особенно не смотрела по сторонам.

— Понятно,— протянул он, холодно рассматривая Марианну.— Ну ладно, оставьте свой адрес Гиббсону; если вы нам понадобится, мы вас вызовем.

Я, снова борясь с искушением обмануть, продиктовала адрес Гиббсону — так звали того очень молодого полисмена — и вышла на улицу. Моя спина взмокла от пережитого напряжения. Меня охватила слабость, ноги подгибались в коленях, взгляд застилал туман. Просто не понимаю, как я добралась до дома Вейдов без посторонней помощи.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Всю дорогу у меня перед глазами стояла оскаленная пасть мертвого кота, лежащего рядом с серым ковром, который укрывал бесформенное тело миссис Блаунт. Она была застрелена, если элегантный капитан не скрыл от меня правду. Кто-то дал на нее наводку, сказал он. Вполне возможно. Одинокая неработающая женщина, конечно, могла привлечь внимание грабителей, задавшихся вопросом: на какие средства она живет?

Я не сомневалась, что поступила правильно, не открыв всю правду про свой визит к миссис Блаунт. Зачем полиции знать о семейных делах Вейдов? Очевидно, что история с Лотти, Эрнестиной, миссис Кингсли не имеет никакого отношения к убийству бедной Тесси Блаунт.

Хотя в глубине души меня грыз червячок сомнения: так ли уж это несомненно? Бывшая няня Лотти знала что-то ужасное про одного из Вейдов, собиралась рассказать это мне, несмотря на сильную боязнь чьей-то кары. Может быть, ее убили за неосторожное намерение? Но кто мог узнать о моем визите к старой женщине? Я даже не звонила ей! Кто мог незаметно для меня проследить мой путь до ее дверей?

Добравшись до дому около полудня, я в изнеможении села около кровати уснувшей Марианны, не в силах подняться, чтобы дойти до кровати. Оставалось всего три недели до вступления в силу завещания отца Джефа. Доживу ли я до этого счастливого часа? Тяжелые предчувствия не давали мне расслабляться. Интуиция подсказывала мне, что я подвергаюсь страшной опасности. Нервы мои были на пределе. Очень хотелось забрать Марианну и бежать куда глаза глядят, чтобы не видеть больше постылые физиономии семейства Вейдов: ни слабоумной Эрнестины, ни своенравной миссис Кингсли, ни Тони.

Тони. Его долгий поцелуй помнили мои губы. Впрочем, его брат тоже умел целоваться. Я уже была однажды настолько глупа, что придала обьятиям слишком большое

значение, приняв их за любовь. Этого не повторится! Объятия — это не только не любовь, это возможное притворство. Мне вспомнилось лицо Тони в тот момент: откинута со лба темные волосы, горящие глаза, полуоткрытые тонкие губы. Я затрясла головой, стараясь прогнать наваждение. Да, я проявила слабость, дала себя обнять, даже была уже готова полюбить его!

В этот момент в дверь постучали. Вошла миссис Кингсли.

— Отдыхаете? — спросила она дружелюбным тоном, который всегда заставлял меня подозревать какой-нибудь подвох с ее стороны.

— Да, устала.

— Далеко ходили с Марианной? — продолжала задавать вопросы экономка, силясь придать своим словам легкость и естественность. Но глаза ее щурились от напряжения.

— Я ездила за свитером, который приглядела накануне. Вчера вечером я решила его купить и сегодня поехала за ним.

Как легко мне далась эта ложь! Наверное, страх помогает людям лгать. Неправда всегда соседствует со страхом.

— Хороший свитер? — спросила миссис Кингсли, оглядывая комнату как бы в его поисках.

— Я потом решила не покупать. Цвет у него... какой-то не такой.

— В самом деле? — произнесла она, недоверчиво морщась — Таскаться по магазинам с ребенком — это не сахар. Знаете что, оставляйте девочку в следующий раз со мной, я люблю возиться с ней.

Я не верила ни единому ее слову, произнесенному таким фальшивым тоном. Она набивалась в подруги. С чего бы это?

— Больше у вас ничего нет ко мне?

— Нет-нет, я забежала только на одну секундочку. Шла мимо, дай, думаю, зайду, проведаю. Я как раз наводила порядок после моряков — намусорили они, как поросята.

— Они куда-то уехали?

— Да, я написала письмо на базу, что нам не под силу держать офицеров у себя. Эрнестина стала чувствовать себя хуже. Ее беспокоили топот и хохот военных, вот я и выпроводила их.

— Эрнестина никогда не жаловалась!

Мы даже не узнали бы в лицо наших постояльцев, встретив их на улице! Они были незаметны для нас, как мыши. Опять миссис Кингсли показывает свою власть?!

— Эрнестина жаловалась на шум,— отчеканила она — Очень часто жаловалась, я говорю.

Может быть, миссис Кингсли отослала офицеров как нежелательных свидетелей и гипотетических моих защитников? Теперь я лишилась возможности позвать их на помощь в случае чего. Снова возникло ощущение оторванности от остального мира. И миссис Кингсли, судя по всему, понимает это.

— Как у нас поживает Марианночка? Как давно я не видела нашу маленькую,— засюсюкала экономка.

Она на цыпочках подошла к кровати и склонилась над ней, жутко улыбаясь. Дрожь охватила меня. Я чуть не крикнула ей, чтобы она убиралась вон. Мне хотелось выгнать ее в шею, но пришлось благоразумно промолчать, скрывая свой страх под маской равнодушия.

— О, как она выросла! Кроватька ей уже мала! — зашептала миссис Кингсли. — Скоро Марианне будет нужна своя комната и большая кровать! Место Джефа свободно, можно будет устроить там детскую.

Забрать у меня дочь?! Вот она что задумала! Отобрать у меня мою девочку?!

-- Всею свое время,— едва сдерживаясь, проговорила я.

После сна мы с Марианной вышли на прогулку. Коляска уже стесняла ребенка, она чуть не вываливалась из нее, поминутно подпрыгивая в восторге бытия. Красота Марианны, ее живость и веселый нрав рождали у меня законную гордость матери, оттесняя на задний план все другие эмоции. Я во все глаза смотрела на маленькое гибкое тельце, круглую головенку, вертевшуюся без усталости во все стороны, раскидывая жиденькие пряди свернувшихся кольцами волос, обещавших со временем вырасти в мягкие, густые волны.

Стояла прекрасная погода. Недавно прошел ливень, освеживший воздух и вымывший до блеска траву и деревья. Закрывшиеся перед грозой цветы распустились во всей своей красе. Марианна смотрела и радовалась, вереща от избытка чувств.

Мы углубились в лес уже на порядочное расстояние, когда я услышала другие звуки, более тревожные и не-

приятные. Как будто собака выла от боли. Вой шел со стороны заброшенного колодца в дубовой роще. Я повернула туда и вскоре действительно увидела собаку — черно-белую помесь гончей и терьера. Ее передние лапы царапали землю, а задние скрылись из виду, провалившись в щель между досками крышки, прикрывавшей колодец, — видимо, только от людей, но не от собак. Я лучше уложила Марианну и пошла помогать попавшему в беду живому существу. Собака перестала скулить, затихла, наблюдая за мной слезящимися глазами. Я взяла ее за передние лапы и попыталась вытащить, но не смогла: мешала доска, зажавшая собаку в щели. Тогда я решила отодвинуть мешавшую доску сначала руками, потом валявшейся поблизости палкой, а потом стволом сухого дерева.

Последнее средство помогло, собака вылезла из ловушки, отряхнулась и кинулась прочь. Марианна смеялась от всей души, глядя на потешную собачку, высоко поднимавшую при беге свой толстый зад.

Проводив взглядом беглянку, я обратила свое внимание на крышку колодца. Она прогнила в нескольких местах, образуя широкие щели, сквозь которые был едва виден разнообразный лесной сор. Я решила рассказать все Сьюарду. Пусть сделает что-нибудь. Ведь в следующий раз провалиться сюда может и какой-нибудь малыш, вздумавший прогуляться в лесу.

Кто меня дернул заглянуть в глубину колодца? Солнце как раз начало садиться и освещало колодец до самого дна.

Я сама жалею, что посмотрела, — так ужасно было то, что предстало моему взору. Сначала мне показалось, что это — затейливая игра солнечного света и моего воображения, настроенного на мрачный лад. Но зрение не обманывало меня. На каменистом дне лежал наполовину засыпанный маленький человеческий череп. Да, именно человеческий, с круглым затылком, как рисуют его в учебниках по анатомии. И маленький, будто детский. Наверное, так оно и было: ребенок упал в колодец, звал на помощь изо всех своих силенок, а потом крик его ослабел, затих, и он умер от голода. А пока он проговаривал свое последнее «мамочка, спаси», какая-то женщина рвала на себе волосы, ища повсюду своего ненаглядного. Что было бы со мной, окажись я на ее месте!

Нет, не хотела я об этом думать. С трясущимися

коленями во весь дух помчалась я к дому, увозя Марианну от страшной западни. Сьюард возился с кустами около крыльца.

— Сьюард! В колодце — скелет!

Он повернулся ко мне, полуоткрыв рот и приложив ладонь ко лбу, защищая глаза от солнца.

— Что? Где?

— Череп! В колодце! Человеческий череп! Маленький! — прокричала я, а потом вздохнула поведала ему всю историю: про собаку, про гнилую крышку и про ужасные кости.

— Какой-то ребенок упал туда, — закончила я свой рассказ.

— Почему ребенок? А не собака или кот?

— Нет-нет, точно говорю! Для собаки он слишком большой.

— Но колодцем не пользуются уже лет этак тридцать — сорок.

— Какая разница, сколько лет им не пользуются? Пойдемте, посмотрим вместе, если не верите.

— Хорошо. Пойдемте. Если вы так желаете. Хотя я совершенно не понимаю, зачем.

Я сама не понимала, зачем нам нужно идти. Наверное, я надеялась, что мне все-таки это померещилось. Мне очень не нравится, когда умирают люди, особенно дети и особенно такой страшной смертью.

— Подождите! — задержал меня Сьюард. — Я схожу за лестницей.

Я остановилась и стала ждать. Вокруг стояла такая тишина, что слышно было жужжание пчелы, собиравшей нектар на клумбе у крыльца. Легкий ветерок слегка шевелил траву и листья деревьев. Не думалось о смерти в такой прекрасный день!

Сьюард скоро вернулся, держа в руках фонарик и длинную деревянную лестницу.

— Сейчас посмотрим, что вы там нашли такого особенного.

Я последовала за Сьюардом, толкая перед собой коляску с Марианной.

— В колодце осталось еще хоть немного воды? — спросила я.

— Не знаю. По-моему, он пересох еще при бабушке.

Мы добрались до страшного места, когда солнце уже коснулось верхушек самых высоких деревьев. Их длин-

ные тени пересекали колодец. Сьюард убрал крышку. Преодолевая тошноту, я заглянула вниз. Свет теперь не доходил до дна, но мне казалось, что я различаю в темноте что-то белое. Сьюард достал из кармана фонарик и попытался осветить дно. Тогда я убедилась, что была права. Это был череп, и даже как будто можно было, присмотревшись, увидеть, что рядом с черепом лежат еще какие-то кости. Страшная находка лежала не на дне, а на широком выступе, выделявшемся из стены. До дна свет фонаря не доставал.

— Да-а-а,— протянул Сьюард.— Вырыли они колодец с выступом. Наверное, лень им было начинать новый, когда обнаружили, что мешает большая глыба.

Он осторожно опустил лестницу на край выступа. Другой конец лестницы приходился как раз вровень с землей. Сьюард ступил на первую ступеньку и сказал:

— Подержи, пожалуйста, лестницу, Нэнси.

Я схватила лестницу обеими руками и стала изо всех сил держать. Сьюард полез дальше. Когда его голова оказалась на уровне моей, он вдруг застонал от боли.

— Что случилось?

— Колено заболело. Подождать надо, пока пройдет.

— Давайте, я полезу. Мне совсем уже не страшно, честное слово! — убеждала я скорее сама себя, чем Сьюарда. В самом деле, это все равно как на кладбище. Там ведь тоже лежат скелеты совсем рядом с пришедшими живыми людьми.

— А зачем?

— Не знаю. Если это человеческие останки, надо их захоронить, я думаю.

Он пожал плечами и вылез.

Для удобства я сняла туфли. Сьюард взялся одной рукой держать лестницу. Другая рука была у него занята фонариком. При слабом, неверном свете спускалась я в подземелье, ступая осторожно, как по тонкому льду, за один шаг одолевая только одну ступеньку, стараясь не думать о черной бездне под ногами. Наконец я добралась до выступа в стене колодца.

Да, это был скелет. Скелет ребенка, лежавший на спине. Теперь, с близкого расстояния, было видно, что на черепе зияет рана. Он, очевидно, ударился при падении.

— Сьюард, у него проломлен череп! — крикнула я.

— Что ты сказала? — крикнул Сьюард, потому что из-за гулкого эха каждый возглас заглушался сотней своих отражений.

— Это, наверное... Он упал на спину и проломил себе череп, — закричала я. — Посветите еще!

Я стала осматривать другие кости в поисках переломов. И тут ужасная мысль заставила меня замереть. А что если это убийство? Что если бедный ребенок получил удар по голове, а потом был сброшен в колодец? Меня прошиб холодный пот.

— Сьюард, по-моему, его убили! Я вылезаю!

Но в этот момент тьма окутала меня. Сьюард выключил фонарик. Я смотрела вверх, на его печальное лицо, ясно видимое на светлом фоне.

— Это кто, Сьюард?

— А ты не догадываешься?

Я не хотела догадываться! Я не хотела знать! Я не хотела думать о девочке, игравшей когда-то на пляже и утонувшей. Тело которой нигде не нашли.

— Это... Лотти? — в ужасе прошептала я.

Сьюард печально смотрел на меня сверху вниз, не двигаясь и не отвечая на вопрос.

— Ответьте! — закричала я сорвавшимся голосом.

— Лотти, — наконец произнес он.

До последнего момента я надеялась, что это не так, сама зная, что обманываю себя.

В довершение полного ужаса Сьюард стал убирать лестницу. Я схватила ее, издавая пронзительные вопли, но он толкнул меня лестницей так, что я едва не упала на дно колодца.

— Мне очень жаль, Нэнси... Поверь, очень жаль, что так получилось. У меня нет другого выхода, пойми. Зачем ты нашла Лотти?

— Кто убил Лотти? Эрнестина?

— Нет. Я.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Остолбенев от ужаса, заворуженно следила я за постепенно исчезающей лестницей. Но в глубине души как-то не верилось, что Сьюард всерьез собрался заточить меня в эту каменную темницу. Я надеялась, что он одумается, что он просто хочет немного попугать, нагнать побольше страху, но до конца не пойдет.

— Сьюард! Ты ведь не оставишь меня здесь, правда?

— Оставляю. У меня нет другого выхода.

— Сьюард, я никому не скажу, клянусь богом!

— Ах, Нэнси! Посуди сама — могу ли я тебе верить? Если ты выйдешь, я окажусь полностью в твоих руках. Ты пожалеешь о своем обещании и выдашь меня. Но даже если ты сдержишь слово, все равно нет гарантий, что не проболтаешься лучшей подруге, не выкрикнешь во сне, не скажешь сгоряча что-нибудь лишнее. Больная совесть быстро расшатает тебе нервы.

— Больная совесть? Но я не считаю тебя убийцей! Ты, по-моему, не способен на хладнокровное убийство! Ты, наверное, случайно как-то...

— Да, ты права. На Лотти скатился валун, когда она одна играла на пляже. Один шанс из миллиарда! Я случайно ступил на большой, неустойчиво лежавший камень, и он свалился с обрыва. Что мне оставалось делать? Я бросил мертвую девочку в колодец и незаметно уехал. В тот день меня не ждали, я должен был приехать позже.

— Ну вот видишь, это был несчастный случай! Суд тебя оправдает!

— Плевать мне на суд! Никто мне не указ, кроме Эрнестины, моей единственной в целом мире женщины! Она не простит мне смерти дочери! А я люблю ее! И она меня! Ты хочешь нас разлучить? Ты хочешь поссорить нас? Это тебе не удастся! Это никому не удастся! Даже Господу Богу!

Голос его звучал все громче и громче, заполняя до

краев глубокий колодец, отдаваясь болью в ушах, создавая атмосферу безумия и гнева.

— Сьюард, я тебя не виню. Я разделю с тобой твою тайну. Клянусь, буду молчать до конца своих дней!

— Нет, Нэнси. Ты останешься здесь. Я давно уже решил избавиться от тебя — ты опасна своим несносным любопытством, невоздержанным языком, беспокойным нравом. Ты — чужая, не нашего круга, от тебя одни неприятности. Я хотел обойтись без крови. Ртуть в ликере, веревка на ступеньках — это моя работа, но она пропала даром. Мне не удалось тебя испугать. Почему ты не уехала? Вместо этого ты стала расспрашивать о миссис Блаунт, совать свой нос, куда тебя не просили!

— Миссис Блаунт что-то знала?

— Она встретила меня, когда я возвращался от колодца.

— А еще кто-нибудь догадывался?

— Миссис Кингсли, наверное. Она тогда уже ходила беременная Джефом. Алекс думал, что он — отец ребенка, но я мог поколебать его уверенность. Совершенно случайно я застал Бэлла с одним моряком... Так что она молчала о своих подозрениях, а я не выдавал ее.

Вот почему Сьюард боялся перечить экономке! Она могла бы разоблачить его в глазах Эрнестины!

— Миссис Блаунт тоже молчала, потому что я платил ей деньги, — печально продолжал Сьюард.

— Так, значит, это ты платил ей деньги?

Комок в горле помешал мне говорить. Перед глазами встала ужасная картина: мертвый кот с оскаленной пастью, лежащий на ковре, который прикрывает большое тело миссис Блаунт. Что она знала? О чем догадывалась? Почему не предупредила меня, что бояться надо Сьюарда, а не Эрнестину? Теперь никто уже не сможет ответить на эти вопросы.

— Давно надо было убрать ее. Но я все медлил, не хотел рисковать. Вот и дождался на свою голову.

Он убивал, чтобы не упасть в глазах любимой женщины! Какая дикость!

— Зачем ты лезла не в свое дело, Нэнси? Когда ты стала расспрашивать про миссис Блаунт, я сразу понял, что у тебя на уме. Нельзя было позволить тебе разговаривать с ней.

Он говорил холодно, спокойно, как будто рассуждал о шахматной партии или об алгебраической задачке.

Мороз пробежал у меня по коже; я осознала, что со мной не шутят, что меня действительно обрекают на мучительную смерть от голода и жажды. Я стояла у него на пути, он уже пробовал пугать меня и увидел, что я не боюсь угроз. Теперь же, когда мне стало известно, кто убил миссис Блаунт, я превратилась для него в смертельно опасного свидетеля. Если раньше он был жертвой обстоятельств, то теперь его положение изменилось. После нового преступления, умышленного убийства, он становился заурядным уголовником, достойным электрического стула. Никакой суд — ни людской, ни Божий — уже не оправдает его. И сейчас для него сожжены все мосты, сейчас ему нечего терять, и нет совершенно никакой разницы, сколько новых убитых людей отягчит послушную совесть негодяя.

Я задрожала.

— Меня будут искать!

А как же Марианна? Что будет с ней, с моей маленькой, хорошенькой доченькой?

— Что будет с Марианной?!

— Я только отвезу ее на берег. Прилив начнется через... — он посмотрел на часы, — через полчаса. Искать вас не будут. Вы обе будете смыты приливом. У меня есть твои туфли — я положу их на берегу для пущей убедительности.

Лотти тоже, как считалось, была смыта в море. Теперь найдут тело Марианны.

— Не-е-ет! Сьюард! Ты не сделаешь этого! — закричала я. У меня закружилась голова. — Я буду молчать, клянусь тебе!

Вдруг, как из тумана, выплыла ослепительно-ясная мысль, обещавшая спасение.

— Подожди, Сьюард! Послушай! У меня тоже есть тайна! Я застрелила Джефа! Ты сможешь посадить меня в тюрьму, если я проболтаюсь!

В темноте я плохо различала лицо Сьюарда, но готова поклясться, что в тот момент он улыбнулся.

— Дорогая Нэнси, ты ошибаешься! Успокойся и не переживай, ты не убивала Джефа. Это сделал я.

Мне казалось, что после стольких потрясений ничто меня больше не сможет удивить, но я ошибалась.

— Твое оружие было заряжено холостыми, Нэнси.

— Откуда ты знаешь?

— Я сам его перезаряжал. Из соображений безопас-

ности. Нельзя же позволять такому хлыщу, как Джеф, играть с огнем! Мало ли что могло прийти ему в голову.

— Но тебя же не было в ту ночь, когда...

— Был.

— Зачем?

— Я незаметно вернулся, чтобы потолковать по душам с Джефом. Он стал груб с Эрнестиной и вымогал у нее деньги, чтобы расплатиться с долгами. Мне не хотелось убивать его, но я был готов ко всему. Этот пижон совершенно обнаглел! С каждый днем он надоедал мне все больше и больше! Какое он имел право на деньги Эрнестины?! Короче говоря, я хотел хорошенько его проучить. Здесь опять произошла целая цепь случайностей. Я не знал, что в ту ночь у него был запланирован полет. Но мне очень повезло, что вы с ним поссорились. Я был рядом и выстрелил почти одновременно с тобой. Оставалось только подменить револьвер и свалить убийство на тебя, но приход Тони спутал все карты. Я испугался, но тут услышал рассказ Тони о том, что Джефа считают погибшим в авиакатастрофе, и решил, чтоб не было лишнего шума, сбросить его тело в море, пока вы сидели на кухне. А потом поехал к друзьям. Вот как все было.

— А зачем ты подкинул нам пистолет с холостыми пулями?

— С холостыми? — Он помолчал немного. — Надо же, ошибся! Я думал, что кладу револьвер с боевыми патронами — они так похожи! Это я сделал на случай, если все-таки найдут тело Джефа и докажут, что он застрелен, а не утонул. Перестраховался.

Какие мы с Тони были глупые, подозревая друг друга! Вот все и выяснилось, хотя, конечно, слишком поздно. Я, как безмозглая курица, дала себя заманить в ловушку, из которой, похоже, вряд ли выберусь.

Клочок неба, на фоне которого темнела голова Сьюарда, исчез. Этот безжалостный убийца закрыл деревянной крышкой мой холодный каменный гроб. Я стала искать путь наверх, но, хотя стена была довольно грубо сработана и испещрена многочисленными неглубокими впадинами и выступами, ни малейшей трещинки, за которую можно было бы уцепиться, мне не удалось обнаружить.

— Сьюард! — позвала я, борясь с нараставшей истерикой. — Вернись! Тебя будет мучить совесть! Ты пожалеешь...

Никто не отзывался. Он ушел.

— Сьюард! — закричала я изо всех сил. — Сьюард! Сьюард! — повторяла я снова и снова.

— Не трудись, — слышались последние прощальные слова. — Никто тебя не услышит.

— Не трогай Марианну! — завывала я. — Если веришь в бога, не трогай ее!

Я стала карабкаться вверх по совершенно вертикальной стене. Абсолютная темнота давила на глаза, как тугая черная повязка.

Запах сырой земли и скелет под ногами создавали иллюзию погребения заживо. Да, собственно, почему иллюзию? Так оно и было на самом деле! Я была погребена заживо!

Ужас заставлял меня в буквальном смысле лезть на стену. Мои пальцы впивались в неровности камня в поисках малейшей зацепки и скоро стали липкими от крови, но я не чувствовала ни боли, ни усталости.

Не знаю, сколько времени прошло, пока руки и ноги перестали повиноваться мне. Я упала. Полубредовое состояние охватило меня, сознание прояснялось на короткие мгновения, в течение которых я утешала себя как могла, стараясь приободриться и не терять надежды. Кто-нибудь обязательно помешает Сьюарду! Достаточно просто кому-то встретить его, гуляющего с коляской, — и он не осмелится губить Марианну! А потом и меня найдут!

Но слабый огонек надежды загорался ненадолго, уступая место тьме отчаяния. Кто может встретиться Сьюарду? Миссис Кингсли и Эрнестина — в доме, Тони уехал.

Когда стемнеет, они начнут меня искать, но будет слишком поздно! «Прилив начнется через полчаса», — сказал убийца.

Он оставит коляску на пустынном берегу, вернется домой, будет фальшиво беспокоиться по нашему с Марианной поводу. Потом будет больше всех усердствовать в поисках. И приведет их к моим туфлям. Не сразу, конечно, приведет, а поплетая немного для правдоподобия.

Я уткнулась лицом в грязные ладони и отчаянно заплакала.

— Марианна-Марианна! Не уберегла я тебя! Не защитила! Сама попалась и тебя погубила! Почему я не уехала из этого проклятого дома! Побоялась! Побоялась

трудностей! Струсил, что не смогу прокормить тебя! Бежала от ответственности за тебя! И просить прощения теперь поздно! Не исправить ошибок, не спасти тебя! Господи, дай мне еще один шанс, я буду жить по-другому, обещаю тебе! Умоляю, Господи, что тебе стоит, ну, пожалуйста! — редела я в полный голос.

Вскоре я, охрипнув, замолчала, в бессилии прислонившись спиной к холодной стене. Слезами горю не поможешь.

Ничем уже не поможешь.

Даже если меня найдут, как я смогу жить без Марианны? Не лучше ли сразу покончить все счета с жизнью, не мучаясь долго ни совестью, ни голодом, ни жаждой? Стоит только шагнуть вниз — не останется ни боли, ни волнений. Я буду абсолютно свободна от всего и даже от этого могильного холода, который заставляет меня дрожать как в лихорадке.

Когда слышались невнятные голоса, я решила, что начался бред, и продолжала безучастно сидеть в неподвижности. Но когда кто-то с шумом отодвинул крышку колодца, я подняла голову и увидела звезды. Они светили далеко-далеко и ободряюще подмигивали. На фоне звезд возник темный силуэт, и чей-то голос ясно произнес:

— Нэнси.

Я узнала говорившего! Это был он! Тони!

— Тони! — прохрипела я.

— Нэнси! Сейчас мы тебя вытащим! Сейчас! Держись!

Я была вне себя от восторга. Дальнейшее помню как в тумане. Кажется, я плакала и молилась. Слабый свет фонарика ослепил мои уже привыкшие к темноте глаза. Тони взял меня на руки, я обняла его за шею и прикрыла веки.

— Марианна? — вырвался у меня хриплый шепот.

— Не волнуйся! С ней все в порядке. Не разговаривай много.

Когда в следующий раз я очнулась, Тони нес меня на руках к дому, а рядом шли Эрнестина, миссис Кингсли и высокий человек с очень густыми бровями. На руках миссис Кингсли лежал ребенок.

— Марианна! — закричала я и, ничего больше не замечая, устремила к доченьке. — Марианна! — ласково успокаивала я свою девочку, прижимая ее к себе.

Я баюкала, укачивала, пела и смеялась: моя Марианна — со мной! Целая и невредимая! Я ведь уже прости-лась с ней, с моей милой! А она — вот, у меня на руках! Любимая моя!

Я смеялась и смеялась, не в силах успокоиться. Смех перешел в истерику.

Кто-то взял у меня девочку, и я не стала противиться, потому что силы изменили мне. Истерический смех сменился судорожными рыданиями, деревья вдруг угрожающе нависли надо мной и вместе со звездами закружились в бешеном хороводе.

Кто-то тряс меня за плечи.

— Ну все, все! Хватит. Перестань. Ну, что ты? Все ведь в порядке, успокойся.

Это был Тони. Он обнял меня, и все вернулось на свои места. Я ощутила землю под ногами и крепкую опору.

— Пойдем домой, моя девочка. Там будет удобней. Там ты наплачешься всласть.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Я очнулась, лежа на софе, укрытая одеялом.

Тони сидел рядом.

Преодолевая слабость, стуча зубами, я еле вымолвила: «Марианна!.. Где Марианна?» — и тут же увидела ее на руках у миссис Кингсли. Знаками я попросила передать дочь мне.

Милая Марианна! Я едва не потеряла тебя!

Девочка завозилась и заплакала.

— Она хочет есть, — отрешенно произнесла я.

— Не волнуйся, я дам ей молочную смесь, — ответила миссис Кингсли и взяла ребенка к себе.

Я не протестовала.

Усталость навалилась на меня тяжелым грузом. Безразличие овладело мною.

Но едва Марианна завертелась на руках и обернулась ко мне, я приподнялась, готовая бежать к ней и защищать ее от всех опасностей.

— Не волнуйся, прошу тебя! Успокойся! Отдохни немного! Доверь мне свое сокровище, я умею ладить с детьми. Или ты думаешь, я ее съем? — горячо заговорила миссис Кингсли. — Признайся, ты ведь думала, что я хочу разлучить вас с Марианной? Какая нелепица, посуди сама! Я, конечно, не ангел и даже не праведница, но мне хорошо известно, что значит отобрать ребенка у матери. Я не претендую на Марианну, хотя все-таки в ней течет и моя кровь. Я — ее бабушка!

Я опустила глаза, не в силах смотреть на миссис Кингсли. Мне было стыдно признаться даже себе самой, но я не верила в ее искренность, несмотря на все ее заверения. Я никогда не смогу полностью доверять ей, но, слава богу, с этого дня ее можно было не бояться.

— Идите за мной, Эрнестина! — своим прежним холодным и властным тоном произнесла экономка. — Хотите помочь мне с ребенком?

Из глубины комнаты поднялась бледная и заплаканная Эрнестина. Она вся съежилась, руки у нее дрожали.

— А где Сьюард? — жалобно сказала она. — Куда его увели?

— Забудьте о нем, — сурово оборвала ее миссис Кингсли. — Вы идете со мной или нет?

Эрнестина покорно поплелась вслед за приемной внучкой, сидевшей на руках у своей настоящей бабушки.

Только теперь я обнаружила, что в комнате есть чужой. Это был тот самый элегантный полицейский в сером костюме, который допрашивал меня накануне.

— Тебе, наверное, интересно, как мы нашли тебя, а? Рассказать? — обратился ко мне Тони. — Должен признаться, — продолжил он, — ты нашла не очень удачное время для игры в прятки. Если бы не капитан Холкомб (Тони поклонился в сторону полицейского), все могло закончиться гораздо хуже. Я вернулся домой в полшестого и уже застал капитана здесь. Он ждал тебя, чтобы допросить по делу об убийстве миссис Блаунт. Мы пошли тебя искать. Если бы не профессиональные навыки опытного сыщика (Тони вторично наклонил голову в сторону мистера Холкомба), мы бы ни за что не обнаружили на траве следы коляски. Но, обнаружив, мы побежали по следу и настигли Сьюарда на пути к пляжу. Он сказал, что ты уехала в Сан-Диего, скоро вернешься, а Марианну доверила ему. Но я-то знал, что это невозможно! Я не сомневался, что ты не могла отдать Марианну никому на свете!

— И куда вы ее везете в такой час? — спросил я его. — На пляж во время прилива?

Он стал лгать и изворачиваться. Капитан полиции в такой ситуации пришелся как нельзя кстати. Капитан живо взял этого молодчика в оборот, и он быстро во всем сознался.

— Значит, — прервала я его рассказ, — вы знаете, что...

— Да, все знаем. Он убил миссис Блаунт и... Джефа.

— Я рад, — вмешался молчавший доселе капитан Холкомб, — что вы не пострадали. Но, должен сказать,

я приехал сюда совершенно случайно. Я вполне мог отложить свой визит и на завтра, и на послезавтра. Вам очень повезло.

Я повернула голову к Тони.

— А как Эрнестина перенесет такой удар? Ее верный рыцарь оказался маньяком-убийцей!

— Давай вместе позаботимся о ней, ты не против? — сказал Тони и улыбнулся широкой, счастливой улыбкой.

— Что ты имеешь в виду? — растерянно спросила я.

— А разве... Разве не понятно? — улыбнулся он еще шире.

Я откинула одеяло, поднялась, подошла к нему и положила свои руки на его сильные плечи.

Бог услышал меня, дал мне возможность начать новую жизнь.

И я не упущу своего шанса!

Повести

"Mrs. Lunt" by Sir Hugh Walpole

From "Cornish Tales of Terror"

© 1970 by R. Chetwynd-Hayes

Fontana Books, 1970, Great Britain

© Перевод с английского Э. Сивориновской, 1993

"Sorworth Place" by Russell Kirk

From "The 6th Fontana Book of Great Ghost Stories"

© 1962 by Fleet Press Corporation

Fontana Books, 1970, Great Britain

© Перевод с английского К. Чумакова 1992

"The Room in the Tower" by E. F. Benson

From "The Room in the Tower"

London, 1929, Great Britain

© Перевод с английского А. Бутузова, 1992

"The Grey Ones" by J. B. Priestley

From "The 6th Fontana Book of Great Ghost Stories"

Fontana Books, 1970, Great Britain

© Перевод с английского А. Бутузова, 1992

ГОСПОЖА ЛАНТ

I

«Вы верите в привидения?» — спросил я Рансмана. Столь банальный вопрос мне пришлось задать скорее ради поддержания беседы, чем по какой-либо другой причине. Возможно, вам приходилось читать его книги, хотя, что более вероятно, вы не встречали их совсем — ни «Бегущего человека», ни «Вязов», ни «Хрустала и свеч». Рансман принадлежит к целой армии писателей, чьи романы издаются незамеченными каждую осень и неизменно вызывают восторг у какой-то определенной части критиков. У этих людей небольшой круг верных почитателей, но этим и ограничивается их популярность. При встрече им нечего сказать, они часто бывают застенчивы и нервозны, мрачны и далеки от реальной жизни. Такие люди хорошо пишут, однако при жизни не находят признания. Спустя же лет пятьдесят после смерти они заново открываются каким-нибудь дотошным критиком и становятся своего рода культом для нового поколения.

Я задал Рансману этот вопрос, потому что по какой-то непонятной причине пригласил его к себе обедать, и теперь мне предстоял длинный вечер с бесконечно утомительной беседой, готовый окончательно угаснуть каждые две минуты и поддерживаемой ценой невероятных усилий. Застенчивость и нервность Рансмана усиливались тем, что я был критиком и часто хвалил его работы; если бы я их ругал, может быть, у него нашлось бы гораздо больше слов — он относился к людям такого типа. Но мой вопрос оказался удачным: Рансман тотчас оживился, его костлявое тело наполнила новая энергия, глаза его загорелись от волнующих воспоминаний; он говорил не останавливаясь, а я лишь старался не прерыв-

вать его. Бесспорно, он рассказал одну из самых поразительных историй, какие я когда-либо слышал. Конечно, я не могу сказать, правда то была или вымысел. Эти истории о привидениях почти всегда передаются в пересказе через вторых или третьих лиц. Но мне посчастливилось услышать такую историю от очевидца. Кроме того, Рансман не был лжецом, он был слишком серьезен для этого. Он сам, правда, признавал, что не был полностью уверен в достоверности всех подробностей по прошествии стольких лет. Так или иначе, вот его история.

— Это случилось около пятнадцати лет назад, — начал он, — я приехал в Корнуэллс к Роберту Ланту. Вам знакомо это имя? Думаю, что нет. Он написал несколько романов, некоторые из них не относятся ни к прозе, ни к поэзии, однако им присущи мистическая аура, известная колоритность — то, что нужно для успеха. «Возвращение» Деламара — хороший пример такой вещи. Я опубликовал положительную рецензию на его последнюю книгу. И получил от него в ответ трогательное письмо, из которого понял, что этот человек жаждет признания и, как мне показалось, общения. Он жил в Корнуэллсе, где-то на побережье. Жена его умерла около года назад, и он писал, что совершенно одинок и предлагал мне провести с ним Рождество. Он надеялся, что я не сочту приглашение неучтивым, и, хотя предполагал, что я уже буду куда-нибудь приглашен, все-таки не хотел упускать шанс. Однако ближе к Рождеству обо мне словно забыли. И я был так же одинок и неудачлив, как Лант. Как я уже сказал, я был тронут письмом и принял приглашение. По дороге в Пензанс я пытался представить его себе. Я никогда не видел его фотографий — он был не из тех писателей, чьи портреты публикуют газеты. Мне казалось, что он должен быть моего возраста, может, чуть старше. Я знаю, когда мы одиноки, то все время мечтаем, что где-нибудь отыщется друг, тот идеальный друг, который поймет все наши чувства, который будет любить без сентиментальности и интересоваться нашими делами, не становясь навязчивым, — словом, тот друг, которого мы никогда не находим. Итак, я еще не прибыл в Пензанс, а мое представление о Ланте уже было полно романтических фантазий. Вместе с ним мы могли бы обсудить все литературные проблемы, казав-

шиеся мне тогда такими важными. Мы могли бы часто проводить время вместе и даже съездили бы за границу в небольшое путешествие, которое быстро нагоняет тоску, если вы один, и так прекрасно, если у вас приятный спутник. Я уже мысленно видел его — слегка рассеянного, утонченного и изысканного, с налетом печали и детской игрой воображения. До сих пор нам обоим не удалась карьера, но, быть может, вдвоем мы еще совершим что-нибудь великое.

Я приехал в Пензанс уже в сумерках. Низкое небо весь день угрожало снегопадом, и теперь наконец мягко и робко пошел снег. У вокзала меня должен был встречать экипаж, и я нашел его — это была нелепая старая повозка с таким же нелепым, старым и потрепанным кучером. Память сохранила не все, и кое-какие детали я, наверное, домысливаю, но я точно помню, что, когда меня запихнули в эту повозку, на меня нахлынуло какое-то неясное опасение, предчувствие, почти страх. Я также помню свой порыв бросить все и вернуться в Лондон ночным поездом — однако подобные выходки не в моем стиле, мне более свойственна упрямая решимость доводить начатое дело до конца. В любом случае, мне было неудобно в повозке. Я помню, в ней противно пахло сырой соломой и протухшими яйцами. Это меня сковывало, и было чувство, что раз я сюда попал, то уже никогда не выберусь. Кроме того, было очень холодно. Не помню, чтобы я когда-нибудь так сильно мерз. Этот пронизывающий холод, казалось, проникал в мозг, и я мог думать только об одном: зачем меня сюда занесло? Я ничего не видел и угрюмо подсчитывал тряские ухабы темной разбитой дороги. Я слышал, как нависающие ветви деревьев стучали по бокам повозки, как будто хотели предупредить меня о чем-то. Но я не должен искажать факты и тем более стараться увидеть в них предзнаменование последующих событий. Я лишь говорю, что чем дальше я ехал, тем несчастнее становился, измученный холодом, разыгравшимся воображением и чувством одиночества.

Наконец экипаж остановился. Старое чучело сползло со своего наместа, с многочисленными причитаниями и вздохами приблизилось к дверце и с большим трудом и раздражающей медлительностью открыло ее. Я вышел и обнаружил, что снег идет уже густой пеленой и дорожка к дому освещена его мягким таинственным мерцани-

ем. Передо мной лежала сторбленная, невеселая тень дома, который должен был принять меня. В темноте все было лишено четкости, и я ожидал, содрогаясь, пока старик энергично жмет на кнопку звонка, как будто желая поскорее сбить меня с рук и вернуться в свой дом. Казалось, прошла вечность; наконец дверь открылась, и в нее просунулась голова старика, который вполне мог бы оказаться братом кучера. Эти двое обменялись несколькими словами, в результате чего мои вещи были внесены, а мне было позволено войти внутрь с пронизывающего холода.

Это уже была не фантазия. Никогда в жизни ни одно жилище я не возненавидел так яростно с первого же взгляда, как этот дом. Холл не произвел на меня особенно отталкивающего впечатления. Он был большой и темный, освещен двумя тусклыми лампами, холодными и унылыми. Но после него у меня не осталось отчетливого впечатления, так как меня тут же провели по коридору в комнату, которая оказалась настолько же теплой и приятной, насколько темным и угрюмым был холл. Я был так рад большому пылающему камину, что сразу направился к нему, не заметив присутствия хозяина. А когда заметил, то не мог поверить, что это в самом деле он. Я описал вам человека, которого ожидал увидеть, но вместо рассеянного, чувствительного художника меня разглядывал здоровяк шести футов роста и, должен сказать, столь же широкий в плечах, как и высокий, с великолепной мускулатурой и лицом, нижнюю часть которого скрывала черная остроконечная борода. Но если меня поразил его вид, то не меньшее изумление вызвал его высокий, тонкий голос. Его нервные жесты были еще более женственными, чем голос. Впрочем, это можно отнести к признакам волнения, а он действительно был взволнован. Он подошел, взял обеими руками мою руку и держал ее так, будто не собирался отпускать уже никогда.

Вечером, за рюмкой портвейна, он извинился:

— Я так вам обрадовался, — сказал он, — я не мог поверить, что вы на самом деле приедете. Вы первый человек, который приехал ко мне сюда за все время. Мне было стыдно просить вас об этом, но я не мог упустить шанс — это так много для меня значит.

В его пылкости было что-то беспокойное и одновременно трогательное. Он не мог меня развлечь ничем

особенным: провел по разрушающимся галереям со скрипящими при каждом шаге полами, по каким-то темным лестницам со стенами, увешанными, насколько я мог различить в тусклом свете, выцветшими, пожелтевшими фотографиями, и проводил в мою комнату с извинениями и с таким волнением, будто ожидал, что, увидев ее, я тотчас же сбегу. Комната понравилась мне не больше, чем иные помещения в доме, но хозяин в этом не был повинен. Он сделал для меня все возможное: в камине ярко горел огонь, большую кровать с пологом согревала горячая грелка, а старый слуга, открывавший дверь, уже распаковал чемодан. Волнение Ланта было скорее сентиментальным. Он положил обе руки мне на плечи и сказал, глядя на меня с признательностью:

— Если бы вы только знали, что для меня значит ваш приезд, наши будущие беседы... Я должен вас оставить, но вы присоединитесь ко мне, как только сможете, не правда ли?

Когда я остался один в своей комнате, у меня во второй раз возникло желание бежать. Четыре свечи в высоких старых серебряных подсвечниках вместе с мерцающим пламенем камина давали достаточно света, но все равно комната оставалась мрачной; казалось, что вся она заполнена легкой дымкой. Я помню, что подошел к одному из зарешеченных окон и распахнул его, как будто почувствовал удушье. Но мне пришлось тут же закрыть его по двум причинам. Первая — сильный холод, вместе со снегом заполнивший комнату, а вторая — совершенно оглушающий рев моря, бьющий в уши, словно стремящийся свалить с ног. Я быстро закрыл окно, повернулся и увидел пожилую женщину, прислонившуюся спиной к двери.

Тут следует заметить, что интерес к подобного рода историям зависит от их правдоподобия. Конечно, чтобы мой рассказ выглядел более убедительным, мне следовало бы привести доказательства того, что я действительно видел эту пожилую женщину, но у меня их нет. Может быть, здесь уместно напомнить о моей довольно тривиальной репутации правдивого человека. Вы знаете, что я никогда не увлекался спиртным, да к тому же доказательством может служить то, что я никак не ожидал увидеть эту женщину, и тем не менее у меня нет ни малейшего сомнения, что именно ее я увидел в тот вечер. Можно, конечно, рассуждать о тенях, об одежде, вися-

щей на внутренней стороне двери, и тому подобном. Ну, не знаю. У меня нет никаких теорий, объясняющих эту историю. Я не экстрасенс, и мне кажется, что я не верю ни во что в этом мире, кроме красоты.

Если вам так больше нравится, давайте скажем, что я вообразил, что вижу некую пожилую женщину, но мое воображение и по сей день прочно хранит все подробности того, как она выглядела. На ней было черное шелковое платье, на груди блистала массивная золотая брошь; ее черные волосы были зачесаны со лба и посредине разделены пробором, шею облегал воротник из белой ткани. Лицо ее выражало неприязнь и вместе с тем такую порочность и хитрость, какие мне встречать не приходилось, к тому же оно было очень бледным. Несмотря на морщины, чувствовалось, что в молодости она была красива. Она стояла тихо, руки ее были опущены. Я решил, что она здесь служит кем-то вроде экономки.

— Мне ничего не нужно, благодарю вас,— сказал я.— Какой замечательный вид,— я на минуту устремил взгляд к окну, а когда обернулся, ее уже не было в комнате. Я, естественно, не придал этому никакого значения, придвинул к огню старый, покрытый поблекшим зеленым гобеленом стул, решив почитать захваченную с собой книгу, прежде чем присоединиться к хозяину. Честно говоря, я не слишком торопился продолжить общение с ним. Мне он не понравился. Я уже решил про себя найти какой-нибудь удобный предлог и вернуться в Лондон как можно скорее. Я не могу сказать определенно, почему он мне не понравился, исключая тот факт, что сам я, будучи человеком очень сдержанным, подобно многим другим англичанам, не любил открытого проявления чувств, особенно со стороны мужчин. Мне совсем не понравилась его манера класть руки мне на плечи, и я чувствовал, что не выдержу долго его экзальтированной суеТЫ вокруг моей персоны.

Я сел на стул и взялся за книгу, но не прошло и двух минут, как я почувствовал крайне неприятный запах. На свете существует множество дурных запахов — от неисправной канализации или спертый воздух непроветриваемого помещения; иногда вы можете его почувствовать в маленьких деревенских харчевнях либо в ветхих городских гостиничках. Этот запах был настолько явственен, что я без труда мог определить, откуда он исходит,— он шел от двери. Я встал, подошел к двери,

и у меня сразу же возникло ощущение, что я приближаюсь к кому-то, кто — прошу прощения за эвфемизм — не привык слишком часто принимать ванну. Я отпрянул, как если бы в действительности там кто-то был. Затем совершенно неожиданно запах исчез, воздух в комнате посвежел, и, к моему удивлению, я заметил, что одно из окон в комнате распахнулось и в него опять задувает снег. Я закрыл окно и спустился вниз.

Последовавший за этим вечер протекал довольно странно. В сущности, ничего отталкивающего в Ланте не было, и он делал все возможное, чтобы доставить мне удовольствие. Он обладал глубокой эрудицией, хорошо разбирался в книгах и во многих других предметах. Постепенно Лант пришел в хорошее расположение духа; он угостил меня недурным ужином в забавной старой маленькой гостиной, на стенах которой висело несколько прекрасных гравюр. За столом прислуживал старый слуга — ветхий старичок; как ни странно, именно благодаря ему ко мне вернулись прежние неприятные предчувствия. Он как раз подавал десерт и ставил передо мной тарелку, как вдруг вздрогнул и посмотрел на дверь. Я обратил на это внимание потому лишь, что его рука, державшая тарелку, дрогнула. Я проследил за его взглядом, но не увидел ничего необычного. Было совершенно очевидно, что он чем-то напуган, и тут же (это вполне могло быть результатом воображения) мне показалось, что я снова ощутил тот странный неприятный запах.

Я совершенно забыл об этом, когда мы вместе с Лантом расположились возле растопленного камина в библиотеке. У Ланта была прекрасная коллекция книг, и он был в восторге, как и любой коллекционер, от представившейся возможности продемонстрировать свои сокровища человеку, понимавшему в этом толк. Мы рассматривали книгу за книгой и оживленно обсуждали ранних английских романтиков, которые особенно меня привлекали, — Бейджа, Годвина, Генри Маккензи, госпожу Шелли, Мэта Льюиса и других, — когда он снова вызвал у меня раздражение, обняв меня за плечи. Я всю жизнь терпеть не мог прикосновений людей определенного типа. Мне кажется, это свойственно большинству людей. Это вещь совершенно необъяснимая; мне стало до того неприятно, что я резко отпрянул. И тотчас же он превратился в человека, охваченного неистовым, неуправляемым приступом ярости. Мне показалось, что он

собирается ударить меня. Его била крупная дрожь, он выкрикивал какие-то бессвязные слова, словно сошел с ума и сам не понимал, что говорит. Он обвинял меня в том, что я оскорбляю его, пренебрегаю его гостеприимством и не способен оценить его доброту, и в прочей чепухе. Не могу передать вам, насколько странно было слышать его высокий пронзительный голос, словно кричала возбужденная женщина, и при этом видеть перед собой крупного мужчину, его широченные плечи и бородатое лицо.

Я ничего не сказал в ответ. Честно говоря, я трусоват. И больше всего на свете я не люблю ссор и скандалов. Наконец, выдавив из себя: «Мне очень жаль, я не хотел вас обидеть. Пожалуйста, извините меня», я торопливо повернулся, чтобы выйти из комнаты. Сразу же его поведение резко изменилось; он чуть не плакал. Он умолял меня не уходить, ссылаясь на свой отвратительный характер, жаловался на то, что он очень несчастен и так долго пребывает в одиночестве, что даже не понимает, что говорит. Он просил дать ему возможность рассказать свою историю, и тогда я, может быть, смогу отнестись к нему с большим снисхождением.

Так уж странно устроен человек, но мои чувства по отношению к Ланту резко изменились. Мне стало его очень жаль. Я понял, что нервы его напряжены до предела и он действительно нуждается в помощи и участии: он просто сойдет с ума, если их не получит. Я положил ему руку на плечо, чтобы успокоить его, и почувствовал, что он весь дрожит. Мы снова сели в кресла, и Лант, запинаясь, поведал мне свою историю. Ничего необыкновенного в ней не было. Дело в том, что лет пятнадцать назад он женился на дочери соседского священника; не по большой страсти, а, скорее, чтобы в доме был живой человек. Они не были особенно счастливы вместе, и он мне признался, что в конце концов возненавидел свою жену. Она была скупой, властной и очень ограниченной. Он не испытал ничего, кроме облегчения, когда около года назад она неожиданно умерла от сердечного приступа. Он думал, что жизнь его станет легче, но ошибся, дела валились у него из рук с тех пор. Друзья перестали навещать его, с трудом ему удалось нанять слуг, чтобы следить за домом; он был абсолютно одинок, страдал от бессонницы — вот почему его нервная система была на пределе.

В доме Ланта не жил никто, кроме старика, который, к счастью, прекрасно готовил, и мальчика — его внука.

— Я думал, — заметил я, — что этот замечательный ужин приготовила ваша экономка.

— Моя экономка? — искренне удивился он. — Но в доме нет ни одной женщины.

— Нет же, она заходила ко мне в комнату сегодня вечером, — ответил я, — очень благообразная пожилая дама в черном шелковом платье.

— Вам показалось, — произнес он таким странным голосом, как будто изо всех сил старался сохранить самообладание.

— Я уверен, что видел ее, — настаивал я, — здесь не может быть никакой ошибки. — И я описал ее внешний вид.

— Вам показалось, — повторил он, — разве вы не понимаете этого, когда я говорю вам, что в доме нет ни одной женщины?

Я поспешил согласиться с ним, чтобы не вызвать очередного приступа ярости.

Затем последовала очень странная просьба.

С таким выражением, словно его жизнь зависела от этого, он умолял меня побыть с ним несколько дней. Он намекал, хотя и не сказал ничего определенного, что у него крупные неприятности, и если бы я только остался на несколько дней, то все проблемы были бы решены, и если у меня в жизни есть шанс совершить благой поступок, то это тот самый случай. Конечно, он не вправе принуждать меня оставаться в таком неприятном месте, но никогда этого не забудет, если я все же решусь остаться.

В его голосе было столько настойчивости, что я стал успокаивать его, как ребенка, обещая остаться, и в конце концов мы пожали друг другу руки, словно давая клятву верности.

II

Я понимаю, что вы ждете от меня последовательного изложения всех последующих событий, и, если происшедшее несчастье покажется вам случайностью, я могу сказать, что именно так все и было. С тех самых пор, как случилась эта история, я пытаюсь в ней разобраться, но

концы с концами никак не хотят сходиться, и это общая беда всех происшествий, связанных с привидениями.

Честно говоря, после этого странного эпизода в библиотеке я очень хорошо провел ночь. Я спал крепким сном в уютной и теплой кровати под шум прибоя под окнами.

Наступившее утро было ярким и свежим, солнце сверкало на снегу, и снег отражал солнце, словно они радовались встрече друг с другом. Я приятно провел утро, рассматривая книги Ланта, беседуя с ним, и написал несколько писем.

Должен признаться, что в конце концов я проникся симпатией к этому человеку. Его просьба тронула меня. Видите ли, так мало людей когда-либо просили меня о помощи.

Нервозность его осталась прежней, как и постоянные дурные предчувствия, но он старался держать себя в руках, делая все возможное, чтобы я чувствовал себя спокойно и не покидал его, в чем он так остро нуждался.

Должен сказать, что, если бы я не был так увлечен книгами, я вряд ли бы благоденствовал. Стоило прислушаться, как вы тут же начинали ощущать зловещую тишину, царившую в доме. Помню, когда я сидел за старым бюро и писал письмо, подняв голову, я поймал взгляд Ланта, как будто раздумывавшего, не заметил ли я чего-нибудь. Я прислушался, и мне показалось, что кто-то стоит за дверью библиотеки; необычное впечатление, ничем не подтвержденное, но я мог бы поклясться, что, если бы я подошел к двери и распахнул ее, передо мной бы оказался загадочный некто.

Тем не менее я был достаточно бодр, а после ленча почувствовал себя вполне довольным. Лант предложил мне прогуляться, и я с удовольствием согласился.

По хрустящему снегу мы спустились с пригорка, на котором стоял дом.

Я не помню, о чем мы говорили; нам было легко общаться в тот день.

Через поля мы дошли до места, откуда было видно море — гладкое, как шелк, — и повернули обратно. Помню, я воодушевился настолько, что будущее стало представляться мне в самых радужных тонах. Я начал понем-

ногу делиться с Лантом своими планами, надеждами на издание книги, к работе над которой я только что приступил, и даже стал туманно намекать, что, может быть, мы могли бы опубликовать что-нибудь вместе; я полагал, что мы оба нуждались в друге, имеющем взгляды и вкусы, подобные нашим.

Помню, пока я говорил, мы пересекли маленькую деревенскую улицу и повернули на тропинку, ведущую к темной аллее, примыкающей к дому.

Именно в этот момент все неожиданно изменилось.

Сначала я заметил, что он меня не слушает, а смотрит мимо меня в самую гущу деревьев, окаймлявших серебристый ландшафт. Я тоже взглянул туда, и сердце мое забилося сильнее.

Там, как будто ожидая нас, прямо перед деревьями стояла та самая пожилая женщина, которую я видел у себя в комнате.

Я остановился.

— Вот же она! — воскликнул я. — Та самая женщина, о которой я говорил!

Он схватил меня за плечо.

— Там никого нет, — сказал он, — разве вы не видите? Это тень. Что с вами? Разве вы не видите — там никого нет!

Я шагнул вперед — действительно, там никого не было, и по сей день я не могу определенно сказать, была ли это галлюцинация или нет. Я знал лишь одно — все вокруг померкло с этой минуты.

Когда мы в молчании вошли в аллею, было уже так темно, что я с трудом различал дорогу. Запыхавшись, мы подошли к дому.

Лант поспешил в кабинет, словно забыв обо мне, но я пошел за ним. Закрыв за собой дверь кабинета, я собрал все силы и сказал:

— Что вас тревожит? Вы должны сказать мне! Иначе как я смогу вам помочь?

Он ответил странным голосом — голосом помешанного:

— Повторяю, меня ничего не тревожит. Можете вы мне поверить? Я в полном порядке... О Боже! Боже мой! Не уходите! Именно сегодня этой ночью, она сказала...

Но я ничего не сделал, говорю вам, ничего, все это только ужасная злоба...

Он умолк, но все еще не отпускал мою руку. Он делал какие-то непонятные знаки, вытирал взмокший лоб, просил моей защиты. Потом вдруг опять разозлился, но снова просил, умолял, хотя я ему ни в чем не отказывал.

Я понимал, что он был близок к сумасшествию, и меня самого стал одолевать страх от этого сырого и темного дома, от большого дрожащего человека и от чего-то, что было еще страшнее. Мне было жаль его, но что я мог сделать?

Что бы вы или кто другой сделали на моем месте?

Я усадил его в кресло перед камином, в котором теперь мерцали лишь несколько красных угольков. Он не отпускал меня ни на шаг, сжимая мою руку в своей.

Я повторил как только мог спокойно:

— Не бойтесь, расскажите мне, что вы сделали, чего вы боитесь, и тогда мы вместе встретим опасность.

— Боюсь! Боюсь! — повторил он, а потом, с огромным усилием взяв себя в руки, что не могло не вызвать моего уважения, сказал: — Я потерял голову от одиночества и уныния. Ровно год назад в эту самую ночь умерла моя жена. Мы ненавидели друг друга. Я несколько не сожалел о ее смерти, и она это знала. Во время того последнего приступа, уже задыхаясь, она сказала, что вернется; я всегда страшился этой ночи. Отчасти поэтому я пригласил вас. Чтобы не быть одному, чтобы хоть кто-то был рядом со мной. И вы были так добры — более добры, чем я имел право ожидать. Вы, должно быть, считаете меня сумасшедшим, раз я говорю такие вещи, но сегодняшнюю ночь мы проведем вместе. Не бросайте меня!

Я пообещал, что не покину его, и изо всех сил старался его успокоить.

Не знаю, сколько времени прошло с наступления темноты. Ни один из нас не пошевелился, огонь погас, и лишь сквозь расшторенное окно в комнату проникали причудливые, бледные снежные блики.

Теперь все это кажется нелепым. Мы сидели: я на стуле, вплотную придвинутом к его креслу, рука в руке,

словно влюбленные. Но на самом деле испуганные, полные ужаса перед надвигающейся неизвестностью, не в силах ничего предотвратить.

На меня нашло странное оцепенение, и я не мог преодолеть его. Что бы другой предпринял на моем месте? Позвал бы слугу, послал бы за доктором, отправил бы в деревенский кабак? Я же ничего не мог сделать, только следил за снежными бликами, дрожавшими на стенах. Напряженную тишину прерывал лишь доносящийся из леса крик совы.

Странно, но я, как ни стараюсь, не могу вспомнить, что было между тем странным бодрствованием и моментом, когда я очнулся от продолжительного сна, сел в своей постели и увидел Ланта, стоящего в комнате со свечой в руках.

Он был в ночной рубашке и казался настоящим гигантом при свете свечи, его черная борода резко выделялась на белом полотне рубашки. Очень тихо он подошел к кровати; свеча отбрасывала колеблющиеся тени.

Когда он заговорил, его голос был низким, приглушенным — почти шепот:

— Придите на полчаса, только на полчаса, — он смотрел на меня так, словно видел впервые, — я страдаю, когда остаюсь один, очень страдаю.

Он оглянулся, поднял свечу высоко над головой и пристально осмотрел все углы комнаты. Я видел, что с ним что-то произошло и он сделал еще один шаг в царство страха — шаг, который разделил его со мной и с любым другим человеческим существом. Он прошептал:

— Когда пойдете, ступайте мягче; я не хочу, чтобы нас кто-нибудь услышал.

Я сделал все, что мог.

Я встал с кровати, надел халат и попытался убедить его отложить все до утра.

Огонь уже погас, но я предложил вновь развести его и дожидаться рассвета.

Но он снова и снова повторял:

— В моей комнате лучше, там мы будем в безопасности.

— В безопасности? От чего? — спросил я. Он дико посмотрел на меня.

— Лант, очнитесь! Вы словно спите. Бояться нечего. Здесь никого, кроме нас, нет.

Но он не отвечал и молча потащил меня вперед по темному коридору в свою комнату.

Он сел, сгорбившись, на кровати, обхватил руками колени и, вздрагивая, уставился на дверь. Комнату освещала только свеча, уже догоравшая, и единственным звуком был мурлыкающий шепот моря.

Для него, казалось, не имело значения мое присутствие. Он не смотрел на меня — только на дверь. Когда я что-то говорил, он не отвечал и, казалось, даже не слышал меня.

Я сел напротив кровати и, чтобы прервать молчание, начал говорить о чем попало, иногда погружаясь в легкую дремоту, как вдруг его голос прервал меня. Очень четко и ясно он произнес:

— Если я убил ее — она это заслуживала. Она с самого начала была плохой женой. Она специально изводила меня, зная мой темперамент. Впрочем, ее характер был еще хуже моего. Она ничего не сможет со мной сделать, я так же силен, как она.

Именно в тот момент, если я не ошибаюсь, его голос перешел в нежный шепот, словно он был доволен, что его опасения подтвердились. Он прошептал:

— Она здесь.

Я не могу выразить, настолько сильно этот шепот подействовал на меня. Страх охватил все мое существо. Я ничего не видел — свеча погасла, в комнате стало совершенно темно.

Неожиданно Лант пронзительно закричал, словно измученное животное в агонии:

— Не подпускайте ее ко мне, не пускайте ее ко мне, не пускайте!..

Он вцепился руками мне в плечи. Затем его охватило оцепенение. Пальцы разжались, и он рухнул на кровать, раскинув руки, как будто его кто-то толкнул. Все его тело содрогалось в конвульсиях, но наконец он затих. Я ничего не видел, только отчетливо ощутил знакомое зловоние. Я бросился к двери, открыл ее и начал громко кричать. Скоро прибежал старый слуга. Я послал его за доктором, а сам остался стоять в коридоре, не в силах вернуться в комнату.

Ничто не нарушало тишину, кроме шепота моря и тиканья часов.

Я распахнул окно в конце коридора, и в дом стремительно ворвался рев моря.

Часы пробили час ночи.

Наконец, набравшись храбрости, я вернулся в комнату...

— Ну же?.. — спросил я, видя, что Рансман молчит. — Он, конечно, был мертв?

— Да, он умер. Доктор сказал, что это был сердечный приступ.

— И? — снова спросил я.

— Все. — Рансман помедлил. — Не знаю, можно ли вообще назвать это историей о привидениях. Может быть, пожилая женщина мне померещилась. Я даже не знаю, как выглядела его жена при жизни. Она могла быть большой и толстой. А Лант умер от угрызений совести.

— Возможно. — Я покачал головой.

— Вот только одно странно, — добавил Рансман после длинной паузы, — на его шее были пятна, похожие на следы пальцев. Царапины и бледные, голубые пятна. Впрочем, он мог сам в страхе сжать себе горло.

— Возможно, — повторил я.

— Как бы то ни было, — признался Рансман, — с тех пор я не переносу Корнуэллс. Отвратительное место. Там происходят странные вещи, словно сам воздух пропитан угрозой.

— Увы, мне многие говорят об этом, — ответил я. — А теперь нам обоим не мешало бы выпить.

СОДЕРЖАНИЕ

Дельфина К. Лайонс	
ПРИЗРАК ПОТЕРЯННОГО ОЗЕРА	3
Флоренс Херд	
ПОМЕСТЬЕ ВЭЙДОВ	178
Хью Уолпол	
ГОСПОЖА ЛАНТ	337

